ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ

**БОРЬБА НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА
И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ МУСУЛЬМАН-ТЮРКОВ
ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ И СОХРАНЕНИЕ
КУЛЬТУРЫ**

КНИГА I

УФА
«КИТАП»
1994

ББК 84 Баш
В 20

Спец. редактирование
А. ХАКИМОВ

Перевод с турецкого
Г. ШАФИКОВ, А. ЮЛДАШБАЕВ

В $\frac{4702110100-165}{M\ 121\ (03)-94}$—224-94 ББК 84 Баш

ISBN 5-295-01269-7

© Шафиков Г. Г., Юлдашбаев А. М., перевод, 1994
© Файрушин И. С., оформление, 1994

Моей любимой супруге Назмии Унгар Тоган, с чьей помощью стало возможным написание этих воспоминаний, посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материалы, послужившие источником для написания этих воспоминаний, были в начале 1923 года, перед самым нашим отъездом из Туркестана в Иран, вывезены за пределы России кабульским послом в Бухаре и купцами, выехавшими в Мухамметабад. В том же году целый ряд ценных документов вывез в Финляндию мой земляк Усман Токумбет. Иные бумаги и документы, записанные мною в свое время в зашифрованном виде и вывезенные разными путями, были в 1943 году прочитаны вместе с моими земляками — участниками описываемых событий, а в то время находившимися в плену в Германии. В Берлине я получил от них особенно много сведений. Их вывез в Турцию наш выдающийся посол в Берлине покойный Саффет Арыкан-бей. В 1957 году в американском городе Стамфорде в «Гуверской военной библиотеке» мне удалось широко пользоваться комплектами русских газет, собранными в свое время А. Ф. Керенским. В этой работе мне оказали помощь сам Керенский и заведующий библиотекой, поляк по происхождению, профессор В. С. Свороковский. Мне также удалось воспользоваться микрофильмами туркестанских газет, которые были тщательно собраны в России мистером Ричардом Персом из университета Беркли. В этой работе мне оказал помощь сам мистер Перс, за что выражаю ему свою глубокую признательность.

Для наибольшей точности в отображении событий предварительно с этим трудом ознакомился целый ряд непосредственных участников событий тех лет: Абделькадир Инан, Кожаоглу Усман, Габдулла Таймас; их моджахедов — Шермухаммад-бек и предводитель киргизов Барпы Хаджи.

Первый вариант книги был завершен еще в 1924 году в Берлине. Но тогда издать книгу не удалось, поэтому она появилась с большим запозданием. Наконец, публикацию удалось осуществить с помощью одного из моих земляков. В свое время он окончил лицей, преуспел в делах накопления капитала, имел не только возможность, но и желание помочь национальной прессе, однако не пожелал, чтобы его имя было упомянуто в этом предисловии.

Мои «Воспоминания» были написаны под влиянием диалектов восточных турков, поэтому редактирование их в пределах правил и норм турецкого языка, а также все техническое их исполнение взял на себя наш писатель и поэт Орхан Шаик Гукйай. Выражаю им обоим свою особую благодарность.

Несколько снимков, несмотря на то, что они в тексте указаны, не удалось подготовить к изданию, за что прошу читателей извинить.

18 февраля 1967 г.

I

ОТРОЧЕСТВО

Моя семья

На заре своей жизни я не предполагал и никак не мог предвидеть, что приму участие в великих политических процессах, происходивших в начале века на Урале и в Средней Азии, что буду руководить борьбой турецких народов за свободу, охватившей широкие слои общества (именно об этом будет идти речь в этой книге), что стану ориенталистом, сказавшим свое слово на международном уровне.

Разводить скот, сеять немного хлеба, заниматься лесными промыслами, жить бытом крестьянина среднего достатка среди башкир и татар в ауле, расположенном на склонах Южного Урала, окруженного с одной стороны горами и лесами, а с другой — степью, вот ожидавший меня жизненный удел. Как и мои ровесники, — я был бы одним из тех простых и скромных селян, поныне живущих в тех краях и работающих в советских колхозах.

Вместе с тем наша простая жизнь в горах и яйляу, в особенности чарующие исторические предания, их отзвуки, все еще живущие в душе народа, сызмальства впитались в мое детское сознание так сильно, что впоследствии, в ходе освободительной борьбы, побуждали меня на самые крайние и решительные шаги, вдохновляли на составление самых смелых планов о настоящем и будущем тюркологических и исламоведческих наук. Отсюда понятно, что моя судьба должна восприниматься как продолжение и результат исторических воспоминаний народа, которые все еще не угасли в его душе. Но чтобы довести это до сознания своего читателя, я должен объяснить некоторые мелкие местные особенности, если даже они покажутся не столь интересными и существенными.

Коренными жителями нашей деревни были представители двух башкирских родов — Суклы-Кайлы и Унгут,

составлявшие раньше не более 30—40 дворов. В середине прошлого века у нас поселились переселенцы татары, мишары и чуваши мусульмане, они уже составляли большинство населения аула.

Чтобы ближе познакомить с племенными различиями нашего народа, я должен добавить, что там, где на других тюркских языках обычно применяются звуки «з» и «ч», башкиры произносят «ẓ» и «ç» и этим от других несколько отличаются. Они делятся на четыре группы:

1) горные башкиры (Бурзян, Усерган, Тамьян),

2) степные башкиры (Юрматы, Кузей, Гайна, Иректы, Йанай, Таныпп).

Доказано, что эти две группы башкирских родов с начала христианского летоисчисления живут на Урале. Горные башкиры обычно вместо «с» говорят «h», а степные — «ç». Но значительная часть степных башкир, проживающих в западной и северо-западной части Башкортостана, отатарилась.

3) третья группа башкир представляет собою части самых разных родов, пришедших с востока и присоединившихся к ним в течение последующих веков: Кипчак, Канлы, Суун, Уран, Кайлы, Катай, Байлар (или Байат), Керей (керейет), Сураш, Ногай, Киргиз, Меркит и др. Живущие среди горных башкир говорят на чистом башкирском языке; поселившиеся в западной части находятся под влиянием татарского языка. Эти три группы родов в последние хорошо известные истории столетия составляли всю башкирскую орду, и ясак, который они платили России, был одинаковым.

4) Четвертая группа состоит из беглых татар (иначе тептяр, что означает «занесенный в тетрадь»), буляр (булгар), мишар и чувашей мусульман, вынужденных бежать в Башкортостан из Поволжской Булгарии, Казани после того, как русские захватили их земли. Этих беглецов с запада, из Казанского ханства, русские назвали «башкирскими припущенниками», т.е. «новобашкирами, принятыми башкирами на их исконные земли».

Из перечисленных четырех групп первые три вели полукочевой образ жизни, обитали на своих обширных землях, пастбищах и кочевьях, разделившись на роды, а четвертая группа издревле занималась хлебопашеством, жила в деревнях, забыв традиционное деление на роды, не помня ни своих сказаний-дастанов, ни давних обычаев.

Мои сородичи Суклыкаи принадлежали к третьей группе башкир. 55 лет занимаюсь историческими науками, но меньше всего знаю историю своего рода. Старики

рассказывали, что роды Суклыкай и Унгут, составлявшие основу нашего аула (расположенного на маленьком притоке реки Зиган, в свою очередь впадающей в Агидель), в 1850 году состояли всего-навсего из 12 домов, взразброс торчавших на холмистых землях наших предков Кузень и Бакы и на болотистых землях Якупа. После восстаний XVIII века, потребовавших от народа неисчислимых жертв, башкирская земля опустела. На земли, отнятые у нашего народа, позже, в 1860 году, как раз в год рождения моего отца, царское правительство поселило крестьян из западного Башкортостана, которых у нас называли «минзелинскими мишарами». Видимо, Армет, Утяк и Тугай, расположенные на других притоках Зигана, в XVII веке также были маленькими башкирскими аулами. Деревни Утяк и Тукун, как это пишется в труде Салима Уметбаева «Ядкар», принадлежали роду «Кесе табын» (Младший Табын). Название «Армет» иногда писали «Арбет», отсюда можно заключить, что они когда-то отделились от «тюменских» татар в западной Сибири и поселились здесь. А вот происхождение рода «Хангы» мне совсем неизвестно, и его земли, отнятые царской администрацией, были отданы ссыльным крестьянам из западного Башкортостана. Земли у них были отняты за то, что они под предводительством Кучук Султана, Мурат Султана, Султангарея воевали против русских захватчиков. Наши сородичи под началом очень почитаемого предводителя Кучук Султана кочевали на востоке по реке Тобол в местности Еркарагай, и на отрогах горы Ирендык и около Чебаркуля, а весной с потеплением поднимались на горные пастбища Акбейек. Старики говорили, что они под его же предводительством уходили к реке Камалек, достигали Кубани и там же вели борьбу против русских захватчиков. Наши соседи «катайцы» тоже участвовали в этих войнах, но другие соседи «арцы» не признавали Кучук Султана. До сих пор с этими «арцами» у нас не было родственных связей, ни невест от них не брали, ни своих девушек им замуж не выдавали. При ссорах они дразнили нас словом «жучки» на том основании, что у нас некогда был почитаем Кучук Султан, а слово «кучук» можно перевести и как «щенок». Наши же отвечали им «Ар, проглотивший змею». Другие наши сородичи жили на восточном Урале в деревнях Кузей, Исмагил, Нугай, а также в Юрматинском улусе в деревне Мокас. Аулы Кузей и Нугай в старину находились восточнее нашей деревни по реке Зиган в местечке, именуемом «Кузеев юрт». Они переселились

ближе к Уралу, к Ирендыку, а наши остались здесь. Но между нами сохранились родственные узы, традиции сватовства и обмена невестами.

Восточнее кочевок Акбейек течет река Бетера. Слово это можно перевести примерно как «Окончится». Дорога, ведущая в Темясово, многократно пересекает эту речку. 150 лет тому назад на этом нелегком пути якобы встретились подводы двух невест, одну из которых везли в Кузеево, а другую, наоборот, из Кузеево. Невеста, которую везли из родительского дома, называемую «туркун», крайне утомилась от долгого пути с бесконечными речными переправами, все дальше уводившими ее от родительского очага, и будто бы сказала встретившейся невесте, совершающей путь в противоположном направлении, двустишие: «Говорите «Окончится», что за «окончится» без конца?» А невеста из Кузей, испытывавшая те же чувства тоски и неизвестности в связи с разлукой с родительским домом, однако не желала окончания этих нескончаемых переправ, ответила тоже стихами: «Если кончатся переправы «Бетера» и вспыхнет мое сердце горестным огнем, смогут ли воды Зигана их потушить?» — и они дружно пролили слезы.

И я с четырнадцати лет многократно бывал в этих ирендыкских деревнях Кузей и Ногай у тетушек и старинных семейных друзей, записал дастан о Едигее (Мурадым и Идукай), который известен и в Турции, а также другие предания старины. Одно из самых первых моих научных публикаций было посвящено именно этому эпосу, серия статей о котором была напечатана в 1911 году.

Здесь мне рассказывали о том, что наши табуны по весне и без табунщиков сами направлялись в кочевки Акбейека. И кузеевские табуны в летние жаркие дни неудержимо стремились на те же альпийские луга. Обо всем этом мне охотно рассказывали и пели старинные песни, хранящие дыхание и аромат прошлых веков. В тех песнях звучали и такие слова:

Горами Акбейека одарены мы самим богом,
Чтоб в белых юртах кочевать по его отрогам.
Скачет жеребенок с сочных лугов,
Просит привязать без веревки к благодатным ветрам.

Эти кочевья находятся от нас в ста километрах. Наши предки жили, кочуя между летовками и зимовками, находящимися друг от друга на достаточно значительном расстоянии. Многие мужчины погибли в войнах, непрерывно вспыхивавших одна за другой. Могилы некоторых из

них были известны. Об одном говорили: «Он погиб на Кубани», то есть на северном Кавказе. О другом рассказывали, что уехал в «Тюмень» и «Мансил» и погиб в войне против калмыков и русских на восточном Урале у озера Чебаркуль. Из стариков младший брат отца Валимулла и из рода Унгут Хисам-ага превосходно знали древние эпосы и предания. Они представляли собой стихотворные произведения, относящиеся к временам Золотой Орды (Едигей, Исайуглы Амет и др.). Как большого знатока этих дастанов из числа далеких наших предков вспоминали человека по имени Аллаберды, которого называли Аллаберды-ногай, его кочевья находились в трех километрах от нашей деревни на возвышенности Кала-булек, запомнили и место его захоронения, которое так и называли — «Могила Аллаберды».

Среди наших людей было много высокорослых. Отец вскрыл могилу Аллаберды, и человек этот оказался действительно внушительного роста. Рядом с ним лежала проржавевшая сабля.

Аллаберды и Чагдаш были ногайскими беями. Помнили также бея по имени Бурнак. Кочевье, находящееся по реке Нугуш недалеко от местечка Ак Бия, приписывали ему. Когда другие ногайские беи откочевали на Кубань, Бурнак и Аллаберды остались здесь.

В Стерлитамаке среди мусульманского духовенства были муллы, которых называли «потомками ногайцев». Они произошли от ногайских мурз. Один из предков таких мулл был похоронен рядом с могилой Аллаберды. Они считались сюзеренами моих предков. Эти муллы иногда приезжали к нам в гости. Несмотря на то, что относились к кругу духовенства, были не прочь потреблять медовуху. Наш предок Иштуган, в генеалогическом древе находившийся на пятом колене после «сыновей Кузеня», погиб в войне против русских на реке Камалек, находящейся очень далеко от нас (моя фамилия Тоган восходит к имени этого предка). Вокруг нашего аула сохранились такие названия местностей, как «урыс ульгян» («умер русский»), «урыс кырылган» («были уничтожены русские»). Во время пахоты здесь обнаруживалось множество остатков оружия.

Все эти предания, отражающие историю нашего рода, оказали сильное воздействие на мое духовное становление. Видимо, мои предки представляли собой мобильное воинственное сообщество, резко отличающееся своей решительностью даже от других соседствующих башкирских племен. Наш главный отчий дом находился на

реке Зиган, но в то же время вотчиной моих предков считались кочевья Акбейека, земли около Ирендыка в восточном Башкортостане и жили они, перемещаясь между этими пределами, а во времена ханов, беев и мурз принимали участие во всех важных военно-политических событиях, разворачивавшихся на обширном пространстве между Мансилом в западной Сибири, Еркар-агаем около Тобола, Камалеком в западном Башкортостане и Кубанью на северном Кавказе; воевали как против русских, так и против калмыков. Калмыки, жившие в маленьком ауле недалеко от нашего, воевали вместе с нашими предками против других калмыков-буддистов и остались жить с нами на их нынешней земле. Однако старики наши толком не знали, кем были Кучук Султан, наши предки Бурнак-бей, Аллаберды и Кузен-беи. Позже, в 1912 году в Уфе, изучая архивы «Комиссии по размежеванию башкирских земель» и читая русскую научную литературу, посвященную истории западной Сибири, я установил, что «Кучук Султан» был сыном жившего в XVII веке Аблай Султана, который в свою очередь приходился внуком знаменитому Кучум Хану, а наши предки были в составе войск Кучук Султана, воевали против русских вместе с этим принцем и его родственниками Абуга и Канзафар Султаном, считали себя частью войск этих принцев, и жили на обширных пространствах в разрозненном виде. Один из фарманов Кучук Султана на турецком языке, данный им в 1663 году одному башкирскому бею, в 1943 году был опубликован в «Материалах по истории Башкирской АССР» Академией наук Башкортостана. О том, что наши предки участвовали в движении этого принца, говорилось и в шежере, которое я видел у человека по имени Хидият-суфий в деревне Аскарово. Шежере «ногайских юрматы» из деревни Мокас и ныне живущих потомков упомянутых выше Борнака и Аллаберды, было опубликовано Академией наук Башкортостана в 1960 году в сборнике «Башкирские шежере». В русских источниках есть упоминание о том, что в составе войск Кучук Султана в 1664 году во время войны против русских были и ногайские войска числом в 6400 человек*, и что башкиры якобы говорили, «если Кучук Хан пожелает создавать свое царство, мы воевали бы за его самостоятельность»**. Один из предводителей восстаний

* Акты исторические, IV, 331 (ссылка З. Валиди).

** Дополнения к актам историческим, IV, 284: «Быть себе царством, как при Кучуме царе» (ссылка З. Валиди).

Султан Мурат был сыном Кучук Султана, посетил Крым и Стамбул, встретился с турецким Султаном, а впоследствии в ходе войны в Дагестане был пленен и казнен русскими. Другой предводитель Султан Гирей также был близким родственником Кучук Султана, скрываясь от русских, носил имя Карасакала и Шуны. Когда жил этот далекий предок Кузен, имя которого носит наш аул, неизвестно, лишь одна гора вблизи деревни также носила его имя. В 1956 году в серии «Материалов по истории Башкирской АССР», издаваемой Академией наук Башкортостана на башкирском и русском языках, было опубликовано фотографическое изображение документа о продаже в 1757 году Телтимским аймаком Юрматинского рода земли в устье реки Стерли Сеитовским (Каргалинским) татарам. Среди 42 биев, подписавшихся под этим документом, стоят также подписи Айдака и Чурака, жителей деревни Кузен. Документы, подтверждающие наши права на землю и выясняющие родословную жителей деревни, хранились и среди наших семейных бумаг. Имена предводителей наших предков — Султанмурат, Бахтигарей, Султангарей — до самого последнего времени были самыми любимыми, ими чаще всего нарекали новорожденных.

Основной наш род Суклы-Кай, а также близкие нам роды Санаклы-Кай, Юрактау-Кай, Таулы-Кай входят составной частью в род Кай или Кайлы. Часто говорили о том, что этот род до прихода на нынешние земли жил на восточном Урале по Ирендыку. Большинство из рода Кай (Кайлы), ведущее кочевой образ жизни, населяет западный Башкортостан. То, что живущие по Исети Ялан-катаи и близкие нам Урман-катаи, ведшие кочевой образ жизни, во времена ханов составляли воинские группировки, видно из таких названий, как Катайский острог и Кай-городок, начинающиеся встречаться в исторических источниках с XVII века. Род Унгут из нашего аула также вел кочевую жизнь. Этот род во времена Чингисхана был известен под названием «Ак-татар». Я думаю, что роды Кай, Катай присоединились к башкирам в эпоху каракитаев, а роды Табын и Унгут — во времена монголов.

Основной опорой сыновей чингизида Шибана были кочевые племена катаев, и поэтому после завоевания ими Мавераннахра их называли «катайскими ханами». Об этом упоминает и немецкий посол XVI века Герберштейн[1].

Мой отец мало знал деревни западного Башкортостана. Все его связи простирались к восточным башкирам, что было следствием участия наших предков на переднем крае борьбы против русских во времена Кучум Хана и его потомков. Когда мне было всего четырнадцать лет, по желанию отца состоялась моя помолвка с дочерью Якшимбета Хажимахмута, башкира из рода Тангаур, жившего по реке Яик.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОЕЙ СЕМЬИ

Если вы попытаетесь представить культурный облик моих родных, то увидите, что из нашего рода не вышло ни одного человека, имя которого стало бы известным за пределами нашей родины. Но во внутренней жизни народа представители рода Суклыкай играли некоторую роль. Дом моего деда Валита в первой половине XIX века был одним из центров, где устраивались большие торжества и меджлисы, здесь гостили кантонные начальники, русские генералы, губернаторы, известные муллы, шейхи и ишаны. В доме хранили старинный сосуд для кумыса и сильно потертый ковер и говорили, что эти подарки преподнес некий бей нашему предку на шестом колене.

Военные воспоминания наших отцов и дедов

Большинство семейных друзей состояло из люда, служившего вместе с нашими предками в башкирских войсках. Среди них самыми близкими были потомки Кармыша, жившие в шести километрах от нас в деревне Макар, и потомки Каскынбая из деревни Алагуян. Шамсетдин, сын Каскынбая, и младший брат моего отца Вали-мулла вместе служили унтер-офицерами. Из потомков Кармыша Гумер-хажи, человек почтенного возраста, был кантонным начальником. Из этой семьи, которая была наиболее близка Вали-мулле и моему отцу, вышло несколько учителей и офицеров. Они шли в самых первых рядах нашего национального движения и борьбы за государственность. Еще раньше из этой семьи вышел также офицер, достигший чина майора — Юсуф Карамышев. Народ наш сложил песни о майоре Юсуфе. Эти песни часто пелись, их мелодии исполнялись на курае. Ноты этих мелодий были записаны моими друзьями, покойным доктором Таганом и профес-

сором Янски и опубликованы издательством Венской Академии наук. Из-за прохождения воинской службы в царской армии из нашего рода вышли люди, овладевшие русским языком. Вали-мулла из их числа. До призыва в армию Вали-мулла учился в медресе, служил в районе Сырдарьи, а отец — в Дагестане, что дало им возможность хорошо изучить арабский и фарси. У Вали-муллы были труды, написанные на арабском и фарси, но я из-за малолетства смог у него научиться лишь дастанам на тюркском языке, таким, как Едигей, Исаоглы Амет и др. Отец во время службы в бывшей ставке Шамиля в Гунибе познакомился с писарем этого шейха ученым человеком по имени Дибр аль-Инди и переписывался с ним и с его братом на арабском языке до революции 1905 года. Были другие обстоятельства, позволившие им хорошо овладеть этим языком, но я не спросил их об этом. Рассказывали, что отец после завершения срока службы еще год оставался в Дагестане и продолжал свои занятия арабским языком. Некий дагестанец, именуемый нашими Гумер-агай, каждый год приезжал к деду Валиту и учил его сыновей, в том числе и Вали-муллу, арабскому языку и фарси.

До 1860 года среди башкирской молодежи, служившей в башкирских войсках или в русских воинских частях и учившейся в военных школах, не наблюдалось увлечения русской культурой. Майор Юсуф и другие офицеры в свободное от службы время возвращались в свои аулы в военной форме, но среди них не водилось привычки петь русские песни, исполнять русскую музыку, танцевать европейские танцы. В обстановке дома Карамышевых не было никаких вещей, мебели европейского или российского происхождения, домашнее убранство и сад напоминали быт и традиции сырдарьинского жителя Туркестана.

В советское время некоторые историки опубликовали труды, где утверждается, что уже тогда влияние русской культуры было сильным, но это вовсе не соответствует действительности и подобные утверждения не более чем влияние сегодняшней пропаганды русских. В то время преимущество русских в области техники можно было принять безоговорочно, но в духовной жизни башкиры, как и многие другие народы, обладали внутренней самостоятельностью, а в нравственном отношении и явным превосходством, и это бесспорный факт. Русские, поселившиеся среди нас как лавочники или кузнецы, очень быстро усваивали наш язык, а их дети впоследствии долго пребывали под воздействием ислама, а иные, несмотря на запреты Российского законодательства,

вообще переходили в ислам. Были русские авторы, описавшие своеобразие жизни и быта башкир. В середине XIX века генерал-губернатор Оренбургской губернии генерал Циолковский, поляк по происхождению, гостил в деревне Макарово в доме майора Юсуфа Карамышева и выразил свое восхищение оригинальностью башкирского быта, с большим вниманием и удовольствием слушал башкирские мелодии и посоветовал сохранять оригинальные черты обычаев народа. И в Турции можно встретить интеллигентов, которые перед лицом чудес европейской цивилизации готовы отказаться и предать забвению духовные сокровища собственного народа. Некоторые ученые турки пытаются представить Победителя Махмуда Султана как деятеля, безумно влюбленного в европейский, в особенности итальянский, Ренессанс, но это не соответствует исторической действительности. Махмуд II[2] был верным представителем исламской культуры, на европейскую культуру смотрел как достойный представитель иной культуры и гордился величием собственной культуры. И представители башкирской интеллигенции и духовенства в XVIII—XIX веках вынужденные тесно соприкасаться с русской культурой, занимали те же позиции, они хорошо знали собственную культуру, знали, что она своими корнями связана с великой цивилизацией Средней Азии, и гордились ею.

Муллы, воспитанные в Бухаре и Хиве

Наиболее тесный круг общения нашей семьи составляла среда мусульманского духовенства. Из них прежде всего вспоминаются жившие в Стерлитамаке потомки ногаев Шарафутдин и Камал, Абсалим и его сын Бикбулат-мулла из деревни Сайран, Султангарей из деревни Юмагужа, Галлям из деревни Куншак, Нигматулла и Зайнулла из Стерлибашево, а с восточного Урала Саит, сын Габдуллы из деревни Муллакай, Ханнан из Кулбакты и известный шейх по имени Зайнулла ишан из Троицка. Все они владели арабским и фарси, обладали глубокими религиозными познаниями, относились к ордену суфизма, восходящего к исламскому философу конца XIV, начала XV веков Накшбанде Мухаммеду[3], все они держали медресе и чтение книг являлось их повседневным занятием. И Вали-мулла, и мой отец избегали общения с невежественными, ограниченными, фанатичными муллами. Самыми учеными из этих мулл были Зайнулла-ишан из Троицка и Габдулла из Муллакая. Габдулла-мулла, получивший образование в Бухаре, был

очень авторитетным в исламских науках, писал стихи на арабском и фарси, снискал почитание как учитель и наставник, принадлежал к индостанской секте «Муджедид-и Халиди» суфизма Накшбанда. Их медресе следовали традициям медресе Бухары и в особенности Хивы. Однако ни тот, ни другой не были похожи на Кышкарских и Тунтарских фанатичных мулл окрестностей Казани или на многочисленных невежественных ишанов в самом Башкортостане. Они имели представление о современной политической жизни, могли рассуждать о ней по своему разумению.

Гариф Сайрани и Хызыр-мулла

Из них на нашу семью наиболее глубокое влияние оказывали потомки ногаев из Стерлитамака. Они считали себя потомками мурзы Ногая Ойбакты, пришедшего сюда из Крыма, поддерживали тесную связь с такими учеными, как Курсави и Маржани из Казани, с Чардаклы Хакимом из западной Сибири, с улемами Бухары. Были у них и политические понятия. Дядя Вали-мулла и мой отец учились в их медресе. Некоторые из них достигли учености и в светских науках, проявляли интерес к математике и историческим наукам.

Одной из самых известных личностей, вышедших из медресе потомков Ногая, был брат вышеупомянутого Бикбулата-муллы Гариф Сайрани. Он учился вместе с Низаметдином из Катайского рода, жившим в деревне Куруш. Они увлеклись трудом казанского ученого Марджани «Аль-тарикат аль-мутхла», где были выдвинуты передовые для своего времени реформаторские идеи по обновлению ислама, заинтересовались математикой и философией, пожелали совершенствовать знания в этой области и в первой половине прошлого столетия уехали в Бухару. Обнаружив, что изучение в Бухаре этих наук пришло в упадок, испытав разочарование, Сайрани написал письмо на родину Вали-мулле. Оно было пришито в конце книги «Акаид Насефи». Письмо это отец отправил великому татарскому ученому Ризаитдину Фахретдинову и историку Мурату Рамзи, которые его опубликовали. Тогдашних духовных лиц Бухары Гариф охарактеризовал в следующих словах: «Чалма на голове у них возвышается, как гора, тщеславие же безбрежно, как море, но сами они невежественны и лицемерны».

Другое его письмо было опубликовано в произведении Шихабетдина Марджани. Гариф Сайрани вместе со своим другом Низаметдином в поисках знаний ушли из Бухары

в Герат, оттуда в Кабул и далее в Багдад. Но и там их ждало глубокое разочарование, и они умерли в 1856 году в нищете. Их обнаружили в таком виде, будто они совершили самоубийство. Судьба двух этих людей, искавших истину и обновление в общественной жизни, пустившихся в путь, полный приключений, и, наконец, осознавших, что даже в таких центрах исламской культуры, как Бухара, Герат, Рей и Багдад, общественная мысль переживает глубокий кризис, и впавших из-за этого в безысходную тоску и разочарование, представляет собой великую трагедию своего времени.

В нашем Юрматинском роде положительными сторонами исламской культуры интересовался не только Гариф Сайрани. К примеру, Хызыр-имам, живший в деревне Бужа, что в четырех километрах от нас, хорошо знал начала геометрии. По желанию отца я учился у него этому предмету. Он мог точно определить киблу для строящихся мечетей, пользуясь способом средневекового математика Улугбека, внука Тамерлана. Однако имам оставался в пределах математических представлений средневековья, не зная новых достижений этой науки в России и Европе. Он с помощью простейших инструментов вычислил высоту наиболее значительных близлежащих гор — Улькум и Алатау. Хызыр-мулла последние годы провел в качестве имама в ауле Бажык, хвалил мое стремление изучать русский язык и желал видеть меня инженером. После его смерти и я усвоенным от него способом определил киблу для нескольких строящихся мечетей.

В годы моего детства среди башкир южного Урала влияние Хивы бросалось в глаза во многих особенностях национальной культуры и быта. Например, существовал обычай дарить на свадьбах «хивинский сапан» (халат). В 1920 году зимой, будучи в Хорезме, я с превеликим удивлением обнаружил, что и здесь зимой носят шубу из кожи желтого цвета, не покрытую материей и сшитую по тому же фасону, что и у нас; что и здесь манера ношения усов и бороды ничем не отличается от нашей. Короче говоря, близкий к отцу круг людей находился под сильным культурным воздействием Бухары и Хорезма, но из-за кочевого образа жизни влияние это к XIX веку постепенно ослабевало и затем полностью исчезло.

Культурный центр этого круга людей находился в деревне Сайран, что в семи километрах южнее нашего аула, а также в селе Макарово, расположенном на таком же расстоянии северо-восточнее от нас. То есть, деревни Гарифа Сайрани и майора Юсуфа. Исходя из задач своей

завоевательской политики, русские подробно изучили населенные пункты, расположенные на широком пространстве между Китаем и Тибетом, но села на Урале они оставили без внимания. Географическое общество, организованное в Оренбурге, изучило село Зианчурино, которое служило одним из культурных центров южного Башкортостана, и опубликовало несколько статей, но подобного рода исследования не достигли наших пределов. То, что в Башкортостане и Татарстане были села с подобными названиями — Сайран, Сельджи, Япажы, Сарт Хасан,— свидетельствует о том, что здесь проживали личности с такими же именами (об этом говорят и надгробные камни, где высечены такие же имена) и что они выросли в известных по истории культурных центрах «Сайран», «Сельджи», «Яванч», находящихся в западном Туркестане, затем обосновались и жили на нашей родине.

Влияние Казанской школы

Женившись на дочери Сатлык-оглы Кафи, имама деревни Утяк, где жили башкиры и тептяре, отец несколько ослабил свои связи с кругами мулл, ориентированных на культуру Бухары и Хивы, усилил отношения с кругом мусульманского духовенства, больше ориентированным на Казань. Издавна из деревни Утяк выходили достойные внимания ученые мужи. Один из их числа, Амирхан, сын Кускара (умер в 1826 году), учился в Дагестане, Стамбуле, Египте и Хиджазе, стал ученым человеком, и сам, и его сын ученый теолог Ахметхан внесли свою лепту в развитие исламской теологии. После возвращения из хаджа они остались имамами в каком-то местечке неподалеку от Казани. Наш родственник со стороны матери Абзелил-хазрет, сын Утягула (умер в 1859 году), имел медресе в Утяке, и он учился в Хиве, в городе Новый Ургенч.

Мой дед со стороны матери, Кафи, сын Сатлыка (умер в 1900 году), учился в Хиве и Бухаре. Оба прекрасно владели фарси. Культура фарси и знание этого языка значительно развились после прибытия моей мамы в нашу деревню.

Если отец учил меня арабскому языку, то мама учила фарси. Обосновавшиеся неподалеку от Казани Амирхан и его сын Ахметхан стремились привлечь своих родственников из Утяка на учебу в Казань. Поэтому именно в Утяке появился круг людей, настроенных против отправки молодежи на учебу в Хиву и Бухару, их называли «сторонники Казани». Среди них главную роль

играл мой дядя со стороны матери, Сатлыкоглу Хабибназар, который взял меня на учебу в свое медресе, когда мне исполнилось одиннадцать лет.

Знаменитый казанский ученый Марджани был у нас известен как Шигаб-хазрет. Его смелые и свободные мысли об основах ислама были благосклонно встречены и вышеупомянутыми муллами Бухарской ориентации. Однако из-за того, что Шигаб-хазрет в своих исторических трудах допустил некоторые уничижительные выражения по отношению к казахам и башкирам, его у нас недолюбливали. Марджани допустил ошибку при объяснении одного слова арабского путешественника Ибн Фадлана о фетишах шаманизма, написал, что у башкир был культ «фаллоса». Очень хорошо знавший арабский язык Абдулла-хазрет из деревни Муллакай, выражая свой гнев и презрение, на глазах у моего отца сжег книгу Марджани «Мустефад аль-ахбар».

На мое духовное развитие, кроме упомянутых трех кругов интеллигенции, значительное воздействие оказали еще несколько человек. Один из них — дивана Муллагул.

Дивана Муллагул

Мама усвоила фарси не просто как язык, но и как поэтический язык суфийского поэта XII века Аттара[1], а также суфийского поэта XVIII века из Бухары Аллаяра, творившего свои стихи мистического содержания как на тюркском, так и на фарси. Она находилась под сильным влиянием дервиша, который часто к нам приходил. Его звали дивана Муллагул (в пору моего детства ему было около пятидесяти лет). Он приходил из кипчакского рода и принадлежал к малоизвестной у нас секте суфиев Ахмеда Ясави[5] (1105—1166) из Туркестана (город Яси на реке Сырдарья). В мистический экстаз он вступал в процессе чтения стихов религиозного содержания, подпрыгивая и мотая головой в разные стороны. Отец принадлежал к секте Накшбанда, где принято эти заклинания произносить про себя, бесшумно. Но и заклинания других сект, произносимых вслух, слушал с видимым удовольствием и после завершения намаза частенько, начав читать суфийские молитвы по-арабски, сам побуждал Муллагула к тому, чтобы тот начал подпрыгивание с мотанием головы вперед и назад (на фарси это называют «эрре», то есть «пила», а по-турецки — «скачки»).

Эти заклинания, выкрикиваемые Муллагулом после молитвы дома, без посещения мечети, мама слушала с большим удовольствием. Декламируемые дервишем

стихи на тюрки и фарси она заучивала, некоторые записывала, разъясняла их смысл мне и побуждала также учить их наизусть. Все это были стихи религиозного, морально-этического содержания. Дух суфизма, берущего начало от великого тюркского суфийского поэта XII века Ахмеда Ясави, стихи эти выражали в очень сильной, волнующей форме. Например: «Спросить бы у святых, нашедших свой путь, что есть путь истины? Преклонить бы голову к их стопам. Почему бы мне не стать отшельником на вершине высоких гор? Вызвать бы вереницу белых туч и пролить потоки дождя? Почему бы не оживить сухие деревья, не превратить их в цветущий сад? Почему я не взлечу кречетом в поднебесье и, касаясь крыльями грозных туч, не добуду на охоте бессчетно дичи? Почему не примкну к птицам и, повторяя имя Аллаха девяносто тысяч раз, не летаю во все концы вместе с соловьями?»

Вовек не забыть мне одну сцену. В какой-то праздничный день Муллагул гостил у нас. То ли отец, то ли Муллагул объяснял собравшемуся перед мечетью народу смысл одного события из жизни пророка. Притча была всем хорошо известна, смысл же ее в следующем: во время какого-то праздника некий сирота, видя, как дети богатых родителей едут на красиво убранных верблюдах, заплакал со словами: «Я тоже хочу иметь верблюда». Заметивший это пророк пожелал принести ребенку радость, он взял его на руки, посадил на спину и стал бегать, подпрыгивая, в толпе. Когда Абу Бекр заметил, что такое поведение непристойно пророка, тот ответил: «Тогда выкупи верблюда из-под ребенка и отпусти на свободу». Абу Бекр выкупил пророка у ребенка за шесть орехов, тем самым освободив его от роли верблюда. Муллагул, посадив меня на спину, поведал эту притчу в стихотворной форме, и отец дал мне шесть орехов, чтобы я сошел со спины своего «верблюда», после чего отец продекламировал мне и собравшимся стихи на тюрки следующего содержания (якобы же они принадлежали поэту XIII века Шамсу Тебризи[6]):

Если бы знал невинный ребенок, всадник верблюда, кто под ним,
Не продал бы своего пророка и за восемнадцать тысяч миров.

Эти стихи отец повторил раз десять в состоянии необычного и глубокого волнения. В сущности, это было маленькое театральное представление. «Ввиду своей малости ребенок не знал, в чьих руках он находился, но если бы знал, он не продал бы своего пророка и за всю бренную вселенную».

Когда же и до моей «бренной» души дошло наконец, что веселое маленькое зрелище обрело столь необычный и глубокий смысл, я не удержался от слез. В данном случае отец сыграл роль Абу Бекра, а Муллагул — пророка. Он даже некоторые стихи религиозного содержания исполнял как песни, а мелодию наигрывал на флейте, именуемой кураем. Традиции ислама он оживлял и укреплял в столь необычной форме и перед взрослыми, и перед детьми. По его словам, знаменитый Шамс Тебризи творил свои стихи не только на фарси, но и на тюрки. Это был в высшей степени темпераментный дервиш, вдохновлявший мусульман своими стихами и состоянием религиозного экстаза.

Муллагул преставился в годы русско-японской войны. В 1918 году, когда с частью наших национальных войск я прибыл в родной аул, увидел дома сохранившуюся у нас тетрадь Муллагула. Мои родители после смерти Муллагула в эту же тетрадь записали стихи на фарси и тюрки, ранее слышанные от самого Муллагула. Стихи эти прежде отец и сам, и вместе с Муллагулом неоднократно повторял. Они обладали высокой душевностью, проникновенностью, как бы сами собой откладывались в памяти. Но у дервиша были и дурные привычки. К примеру, он иногда без спросу уносил вещи отца. Отец в таких случаях обычно говорил: «Пусть берет». Но однажды дервиш утащил его карманные часы. Это были серебряные часы, подаренные ему в Мекке во время хаджа, которыми он очень дорожил. Отец поймал дервиша с поличным и ударил его. Муллагул же стал оправдываться, говорил, что, мол, «я вовсе не украл, а просто взял как вещь своего друга», и несмотря на свой внушительный рост и почтенный возраст, заплакал, многократно повторяя стихи на фарси следующего содержания: «Чем усерднее мастер кует золото, тем чудеснее изделие, из него получившееся». Разумеется, Муллагул не был воришкой, просто-напросто имел привычку без спроса уносить мелкие вещи людей, которых считал своими близкими друзьями.

Когда он приезжал к нам в теплые месяцы, поселялся в летнем домике «аласык» рядом с медресе. Весной кухня также перемещалась туда же, и мы, дети, все свое время проводили там.

Однажды с появлением Муллагула мать велела зарезать козу и отложила мясо для бишбармака. Муллагул взял тот кусок и со словами «и это доля собачки» бросил его собаке. Мама очень на него рассердилась и ударила его по голове половником. И в этом довольно

странном случае Муллагул мгновенно ответил стихами на фарси и начал кричать и взывать к своей жене, жившей в ауле в ста пятидесяти километрах от нас: «Рахиля, мугаллима меня бьет!» Мама не забыла стихи, которые он многократно при этом повторял, и затем записала их в тетрадь. Смысл их сводится к следующему: «Приятный аромат пищи завлек меня в ашхану и огрел половником по голове». Разумеется, стихи эти не являются его моментальной импровизацией — из тысяч строк, хранящихся в его памяти, он тут же вспомнил подходящие к случаю.

И аяты Корана он применял очень кстати, и я пытался подражать ему в этом. Он очень любил меня и с самого раннего возраста старался запечатлеть в моей памяти нравоучительные стихи на тюркском и персидском языках. Например: «Если ты встретишь путника с открытой душой, Аллах одарит тебя несметным благом», или: «Сын мой, если ты словом не ранишь другого человека, то и Аллаха не оттолкнешь от себя», и еще: «Как Бог одарил птиц, летающих в небе, рыбой, плавающей в воде, так он и человека тешит властью над другим человеком». Но смысл последних стихов он не стал разъяснять, сказал: «Поймешь, когда вырастешь». И я не стал допытываться. Отец иногда спорил с нами, защищая Муллагула, и допускал, что он, может быть, святой и провидец. Когда в 1918 году я стал лидером правительства Башкортостана, отец спросил меня: «Теперь ты понял смысл стихов Муллагула?» и напомнил последнее из вышеприведенных двустиший.

В 1922 году эти отрывки, усвоенные у Муллагула, я пересказал азербайджанцу Ахуну Юсуфу Талибзаде, глубокому знатоку иранской литературы. Он тщательнейшим образом объяснил мне, что все эти стихи представляют собой отрывки из произведений иранских поэтов XII—XIII веков Аттара и Джалалиддина Руми[7]. К примеру, наш дервиш помнил стихи, в которых речь шла о том, что правитель сельджуков Санжар и караханид Арслан-хакан часто приходили пешими к суфию, тюркскому религиозному мистику Ахмеду Ясави, жилье которого в Сырдарье превратилось в духовный центр и место паломничества того времени, и скромно стучали в его ворота, сравнивали себя с дорожной пылью, у его порога целовали ему ноги. Все это я воспринял как нелепую выдумку. Но и эти стихи оказались отрывком из творений Руми. Из-за малолетства я в ту пору не мог все, чему меня учил дервиш, воспринимать всерьез, и лишь позже я понял, что он носил в себе наследие великих поэтов.

После случая с половником, когда пожилой человек не придумал ничего умнее, как кричать, обращаясь к находящейся за тридевять земель жене, мы с моим учителем Заки-халфой стали его считать человеком, у которого не все в порядке с мозгами, к тому же способным на воровство. Но отношение моего отца к нему не менялось, он воспринимал его как праведника и советовал мне заслужить его благодарность, всячески избегая его проклятий. Я частенько возил его на наших лошадях к его друзьям в ближних и дальних деревнях. Как бы то ни было, Муллагул помог мне войти в мир персидской и чагатайской поэзии, показал, как распространился и стал народным достоянием ислам суфийского толка, связанный с именем Ясави. Он никогда не сближался с муллами, официально исполнявшими свои обязанности, а также с двуличными, неискренними людьми. И отца он упрекал порою в том, что тот в делах религии нарочито строг в исполнении предписаний ислама. Например, несмотря на то, что я был еще в весьма малом возрасте, меня тем не менее поднимали на утренний намаз. Муллагул противился этому, не разрешал при нем меня будить. «Он еще мал, ему недоступна сладость молитвы, какой смысл принуждать?» — говорил он.

Еще один рассказ. С тех пор как себя помню, на стене гостиной нашего дома, именуемой «белым домом», висела одна странная картина. На ее краях были выписаны стихи Ясави, Аттара и других суфийских поэтов, а посередине, помнится, были нарисованы головы трех дервишей: все трое плакали, слезы их образовали голубое озеро, которое, якобы, затопило какую-то деревню. И дервиши эти будто бы без конца восклицают: «Ах, эта любовь — Алла, Алла!» Я обратился к Муллагулу: «Что это такое? Бога среди них нет, мы не знаем, где он находится, разве можно в него влюбляться? Бог-то ведь не Лейла, чтобы ее любить, как Меджнуну?» Не успел я докончить свой дерзкий вопрос, как отец нанес мне оплеуху, после чего стал меня бранить почем зря: «Ах, свинья, что тебе на язык нашло?» Муллагул тут же встал между мной и отцом и сказал: «Учитель, что же ты делаешь? У этого ребенка пока отсутствует дух религии. Если бы этот дух можно было делать руками, то бог не стал бы его создавать. Этот ребенок будет ученым, но ишаном не станет, может быть старшиной, но не будет шейхом или его мюридом». Старшина в России означает главу волости, а в башкирском войсковом управлении соответствует званию майора. Отец не был против подобного заступничества со

стороны дервиша, что и у меня вызывало к нему положительные эмоции. Муллагул не любил так называемую «русскую улему», то есть мулл, исполняющих свои обязанности с официального разрешения властей. По этой причине он не общался с моим дядей Хабибназаром, а так же с фанатичным имамом Бухарского типа Кашиф— муллой в нашей деревне, так как оба исполняли свои обязанности, имея на то специальное разрешение. Когда Муллагул скончался, мне было четырнадцать лет и я не оценил его по достоинству. Только после его смерти я смог при помощи родителей понять глубокий смысл стихов, которые он заставлял меня учить наизусть. В 1918 году, обнаружив его тетрадь и прочитав добавления отца и матери, я понял, к каким великим духовным ценностям был сызмальства приобщен.

Обучение русскому языку

Уже в 6—7-летнем возрасте наряду с арабским и фарси меня начали обучать и русскому языку. Столь раннее изучение трех языков дало мне возможность выиграть много времени. Когда я вырос, вместо упорного штудирования языков смог интересоваться многими науками и активно читать. Почему же меня стали столь рано приобщать к русскому языку? Причина в следующем. Во время службы в русской армии отцу из-за незнания русского языка пришлось пережить множество неприятностей. Поэтому он дал себе слово: если у него родится сын, непременно выучит его русскому языку. Он рассказывал про такой случай. Мусульманин после поллюции должен совершить омовение. На солдатской службе и у отца возникла такая ситуация. Ночью дежурный офицер застал его за омовением и по требованию офицера отец был подвергнут наказанию — несколько часов простоять на посту с тяжелой поклажей за спиной — с мешком, наполненным песком. Когда отец отбывал свое наказание, изнывая от тяжести груза, рядом с ним проходил дагестанский служилый бей, «шамхал», из кругов, верных русскому правительству. Он остановился перед молодым русским офицером, облаченный в свою толстую униформу, и спросил: «В чем он провинился?» Когда ему объяснили суть провинности отца, шамхал сказал русскому офицеру: «Позвольте ему отбывать наказание у меня» — и увел отца к себе. Отец, не знавший русского, общался с ним на арабском, чем тот был весьма доволен. Когда срок наказания истек и русский офицер явился забрать отца в воинскую часть, дагестанский офицер посоветовал

русскому офицеру: «Это очень хороший человек, сделай его своим ординарцем». Так мой отец стал ординарцем в русской армии, но из-за незнания русского языка эта служба для него была крайне тяжела, немало им было получено всевозможных наказаний. Тогда-то он и дал себе слово, что если ему суждено потом жениться и иметь сына, то прежде всего он обучит его русскому языку. В нашем ауле не было школы, где бы обучали русскому языку, такая школа имелась в соседнем ауле Макарово. Но он меня туда не отправил, пригласил в собственное медресе мугаллима по имени Габдрахман Миннибаев, который окончил городскую русскую школу, и велел ему давать мне уроки по русскому языку. Через два года в наше медресе приехал на учебу сын друга моего отца из деревни Ахмер Шагибек Узбеков, также окончивший к тому времени «русскую городскую школу». После отъезда Габдрахмана Шагибек стал давать мне уроки русского языка. До 11 лет Шагибек прошел со мной всю программу начальной школы и подготовил к письменным экзаменам. А зимой я несколько раз посетил уроки и в Макаровской школе, весной там же сдавал экзамены. Учитель этой школы Мифтах Карамышев дал мне даже какой-то документ, подтверждающий сдачу экзаменов, и похвалил, что я будто бы усвоил язык лучше, чем многие ученики, окончившие четырехлетнюю специальную начальную школу, и посоветовал отцу направить меня в Стерлитамакскую русскую школу. У меня зародилось активное желание последовать этому совету. Но родители не согласились направить меня в русскую школу, осенью 1902 года отвезли в село Утяк в медресе дяди Хабибназара. Здесь свою роль сыграли едкие слова фанатичного муллы Хисама из нашей деревни: «Наш почтенный мулла собирается отдавать сына в русскую школу», что, в сущности, и помешало мне поступить в Стерлитамакскую русскую городскую школу.

Учеба в Утяке (1902—1908)

Этот аул находился лишь в четырнадцати километрах от нас, но круг людей, с которыми общался дядя Хабибназар, существенно отличался от нашего. Долгое время жилым углом для меня служила комната, где хранилась его библиотека. Все пять сыновей моего деда со стороны матери и три зятя, женившиеся на трех его дочерях, были имамами. Сам дядя Хабибназар в свое время был привезен в Казань богатым купцом, сыном упомянутого Амирхана, сына Кускара, и отдан в медресе самого выдающегося

наставника и мыслителя, видного историка Шихабутдина Марджани. Впоследствии дядя сам стал в медресе Марджани уважаемым учителем, помощником мударриса (заведующего делами учебного заведения), опубликовал труд «Мифтах ут тауарих» — «ключ к истории», посвященный истории ислама, написал также комментарии к широко распространенным учебникам медресе по исламской философии. Наряду с подготовкой комментариев к трудам на арабском языке, которые набирались на полях книги рядом с основным текстом, дядя писал и биографию авторов данной книги. Он перевел с арабского и опубликовал сборник анекдотов. Имел понятие о политических проблемах, получал газету «Тарджиман», издаваемую с 1883 года знаменитым крымским просветителем-реформатором Исмаилом Гаспринским, читал эту газету с начала ее выхода на свет, а в суфизме следовал самому выдающемуся шейху того времени, представителю тунгатарского рода башкир Зайнулле-ишану, создавшему медресе в Троицке, выписывал новую прогрессивную литературу из Турции. Как и мой отец, он большую часть своего времени проводил за чтением книг философского и нравственно-дидактического характера на арабском языке. Но в их мировоззрении были и существенные различия. Дядя изучил строение солнечной системы по переводу книги Фламмариона[8], имел вполне современные астрономические и математические понятия. Отец же на все эти вопросы смотрел с точки зрения единственного своего духовного наставника, исламского мыслителя XII века аль-Газали[9]. Отец верил, что Земля круглая, Луна меньше Земли и ближе к ней, а Солнце значительно больше Земли и дальше Луны, понимал причину лунного и солнечного затмения, но не верил вращению Земли, так как, следуя представлениям Газали, который в свою очередь находился под влиянием Птолемея, продолжал придерживаться геоцентрических воззрений. Отец произносил проповеди-вагаз с немалым воодушевлением, основываясь на некоторых местах в труде Газали «Возрождение религиозных значений», но вечерами читал иные отрывки этой же книги, чтобы быстрее заснуть. На мой недоуменный вопрос, каким образом одна и та же книга может привести к состоянию крайнего волнения и в то же время вызывать сон, он отвечал, что в этой книге есть места, пригодные для обоих случаев. Много позже, прочитав об этом труде Газали сходные мысли в книге французского ученого Г. Боскита, я понял правоту отца. Тогда мне было всего десять лет и я не знал, что Газали

умер в год, когда и по хиджре, и по христианскому летоисчислению повторялись одни и те же цифры (по хиджре — 505, по христианскому летоисчислению — IIII год). И отец желал так же, как и Газали или пророк Мухаммад, умереть в 63 года. Но это его желание не осуществилось. Претерпев от рук большевиков тяжкие муки, он был убит ими в восьмидесятилетием возрасте.

Отец тоже выписывал ежегодно газету крымского ученого Исмаила Гаспринского, но читал лишь важнейшие сообщения. Ему были малодоступны статьи с новыми реформаторскими идеями; ко всему опубликованному арабской вязью он испытывал почтение, даже рекламные рисунки на страницах для объявлений, к примеру, женщина по имени Анна Жилаг, рекламирующая лекарство для волос, вызывала у него чувство уважения. Таким образом, хотя отец и сторонился фанатичных мулл, все же сам был достаточно консервативен. Хабибназар тяготел к кругам передовой интеллигенции. Именно это обстоятельство несколько отдалило меня от отца и приблизило к дяде.

Личность отца

Выше я уже характеризовал некоторые особенности жизни и окружения отца, не затушевывая их теневые стороны. Но в его образе жизни и характере были и такие черты, которые выгодно отличали его в сравнении с образом жизни дяди. Дядя и отец были близкими друзьями, но по характеру и мировоззрению они существенно отличались. Дядя вместе с двумя другими шакирдами Марджани — Габбасом и Сандри — занимался в Казани, конечно, прежде всего учебой. Однако они находили время и для веселого времяпрепровождения, были не прочь выпить вина, не избежали и скандальных ситуаций. О них в городе сложили даже сатирический баит-частушку, который начинается со слов:

Назар, Габбас и Садри
Всем известные шакирды,
Мастера веселой жизни,
С куколок* не сводят глаз.

Габбас уехал в Стамбул и уже там продолжал свою шумную жизнь, и баиты, сочиненные в Казани, одним из героев которых он являлся, настигли его уже в Стамбуле.

---

* Имеются в виду девицы легкого поведения

А Хабибназар, имя которого из-за этих баитов достигло Стамбула, обосновался в башкирской деревне, стал имамом, затем шейхом, но в его жизни, как мне тогда казалось, были странные особенности. Пока я жил в его доме, в душу мою нередко закрадывалось подозрение: «Неужто почтенный имам иногда пьет?» А в жизни и характере отца для меня не было ничего непонятного, он был простым, искренним человеком. Если дядя своих шакирдов держал на почтительном расстоянии, то отец, обладая большим авторитетом, был для шакирдов верным другом и для сыновей — справедливым отцом. За проступки он непременно наказывал, но мелкие прегрешения и недостатки во многих случаях старался не замечать. За всю свою долгую жизнь не попробовал ни капли вина. В семье намаз был обязательным, но если в его отсутствие мы не столь строго исполняли пятикратную на дню молитву, он не проявлял излишней требовательности. Однако был педантичен в соблюдении порядка, строг в делах хозяйства, в уходе за скотом. Придерживался весьма древних правил в воспитании сыновей. Когда мы верхом отправлялись в дальний путь, на свое седло он клал специально сшитую для этого подушку, а нам подобное не позволял. Даже утомительный пятидесятикилометровый путь мы ехали в седле, покрытом лишь жесткой кожей. Как дома, так и в дороге мы укрывались только войлочным плащом — секменом. Весной для присмотра за скотом нанимали пастухов, а мы, сыновья, им помогали. Но если терялись больные животные и молодняк, он упрекал нас больше, чем пастухов. Дома под рукой всегда было не менее пяти лошадей, остальные паслись на кочевках. Вечерами нас, детей, отправлял с этими лошадьми в ночное. Наиболее норовистых коней приходилось держать на аркане, меняя время от времени место пастьбы.

Отец оставался верен старинным обычаям своего народа. Наблюдались и детали, которые нельзя было встретить, к примеру, среди мишарей, тептяр и татар: он частенько ссорился со своим помощником Кашиф-муллой, который распространил сплетню об отце, будто бы тот «поменял на закон каноны шариата». Учившийся в Бухаре Кашиф-мулла имел в виду не столько русские законы, сколько некоторые обычаи башкир, не соответствующие шариату. К примеру, проявлялось это и в обычаях дележа наследства, определения прав членов семьи на скот, изготовлении медовухи. У башкир есть обычай делать отметину на скотине, что должно помочь

соблюсти интересы каждого члена семьи, в том числе женщин и детей. Основные правила, поддерживающие порядок и традиции семьи, заключались в принесении жертвы в Курбан-байрам закланием барана, проявлении такой же чести прибывшему гостю, ежегодной раздаче милостыни, состоящей из сороковой части всего имущества, в справедливом с точки зрения шариата определении наследственных норм и прав на имеющееся имущество. Деревня наша снискала в округе известность пчеловодством, производством меда и обильным потреблением медовухи. Приходившийся нам родственником Адель-мулла, человек преклонного возраста, частенько вместе с другими творил намаз в состоянии опьянения. Кашиф-мулла по этому случаю говорил: «Из-за него молитва не состоялась». Отец же на это отвечал: «Если сомневается, что Аллах примет его молитву, пусть повторит дома», и не упрекал старого грешника за эту слабость, щадил его человеческое достоинство. В этом отношении мама отличалась от отца, она сама изготовляла медовуху и пила. А отец как бы не замечал деревянный бочонок, где эта медовуха обычно зрела. Когда отец отдавал матери снятый из ульев некачественный мед, велев его вылить, мама наполняла им специальный сосуд и из него-то и получалась наиболее крепкая медовуха. Отец замечал и это. Знал обо всем этом и Кашиф-мулла и распространил слух об отце, имевшем в округе широкую известность: «У почтенного муллы дома непотребная медовуха никогда не переводится». Сам Кашиф-мулла каноны шариата исполнял до последней буквы, среди тептяров и мишаров имел многочисленных последователей — мюридов. Эти мюриды также распространяли об отце разные слухи. Из-за того, что отец придерживался многих старых башкирских традиций и обычаев, возникали разного рода коллизии и неприятности.

В ту пору главной заботой семьи являлось накормить скотину, обеспечить ее пастбищами; земледелие же сводилось к следующему: в подол длинного бешмета клали просо и разбрасывали его горстями на кое-как распаханную землю. Таким образом, разбросав два-три подола проса на небольшой площади, мы считали эту работу завершенной. Каждый, оберегая свой посев от скота, огораживал его жердями. Когда к нам переселились мишары, вся деревня была теперь уже окружена «околицей», как это бывает у русских, и пастбищ стало значительно меньше. Вскоре возникли противоречия между теми, кто преимущественно занимался ското-

водством, и теми, кто вел земледелие. Пригоняя осенью лошадей и овец с дальних горных пастбищ, отец излишне спокойно относился к тому, что скотина набрасывалась на посевы. Естественно, хозяева посевов — мишары, татары и русские — дружно выходили навстречу пригоняемой скотине и выражали нам, хозяевам, свое недовольство. По весне русские и мишары старались брать у нас в аренду земли, где наша скотина стояла зимой в загоне, чтобы сажать на обильно удобренной почве картошку. А наши эту картошку не ели, считая, что она выросла в грязи, среди навоза. Мишары, как и русские, выращивали овощи, сады держали огороженными. Однажды наш сосед Ситдик-мишар ударил меня, обвинив в краже огурцов, упрекнул отца в том, что он потакает моим дурным наклонностям. Между ними возник неприятный спор. Отец убеждал его, что бить ребенка грешно, тем более за сорванный горох или огурец, выросший божьей милостью. Тем не менее, оставаясь верным традициям и нравственным понятиям древне-кочевой жизни, пытался достаточно изобретательно блюсти правило «не сталкивать одни обычаи с другими». То есть, в повседневной жизни он не уподоблял важные традиции и обычаи непреложным канонам шариата. В этом отношении он был более гибок в быту не только в сравнении с Кашиф-муллой, но и со свои шурином Хабибназаром.

Прошли годы, в загоне для скота он и сам стал сажать картошку и капусту, приучил и родственников своих этому делу. Разбил фруктовый сад и в этом деле преуспел больше, чем Кашиф-мулла и прочие мишары. Пока я вырастал, сад этот расширился до 5—10 десятин. Мы по-прежнему косили сено косой, но убирать хлеб серпом не привыкли, не выдерживала спина, поэтому на это дело нанимали поденщиков из татар или русских. Прошло время, сородичи наши привыкли и к этому делу, и к машинам. Раньше даже в зимние морозы мы держали свою скотину в открытых загонах, однако позже, подобно мишарам, построили крытые сараи. Поставленное рядом с домом маленькое зданьице обычного башкирского медресе из двух комнатушек позднее обустроилось не хуже вполне приличного медресе в татарских аулах. Словом, за несколько лет отец на моих глазах переустроил наш средневековый быт на новый лад в соответствии с временем. За последние десять лет, до моего ухода из родного аула в восемнадцатилетнем возрасте, в нашем быту произошло столько изменений, сколько в жизни кочевника не происходило и за несколько столетий.

Умение отца не путать друг с другом дела жизни и веры, оставаться приверженцем проверенных веками обычаев и традиций, не противопоставляя бытовые заботы канонам шариата, сыграли большую положительную роль.

Медресе отца

Медресе отца помещалось в четырех домах, там учились сто пятьдесят — двести шакирдов. Большинство составляли дети башкир из далеких горных селений. В зимнюю пору они учились в течение четырех месяцев и с началом таяния снегов разъезжались по домам. Скрытно от отца изготовляли медовуху и пили ее по башкирскому обычаю, устраивали веселые меджлисы, в четверговые вечера затевали пляски и состязания по борьбе. Спаянность среди них была необычайно крепкой. Слухи о весельях с медовухой до отца, как правило, не доходили, и сам я не обмолвился об этом ни единым словом.

Осенью перед началом занятий в медресе избирается «казый». После выборов его сажают на кошму из белого войлока и четыре человека по четырем углам поднимают вверх, прочие стараются ущипнуть; бывает, что некоторые пытаются довести казыя до слез уколами шила. Но впоследствии казый тоже постарается на них отыграться. Это и есть ничто иное, как древний обычай тюрков выбирать себе хана или правителя. Позже я установил, что подобная традиция избрания «казыя» восходит к обычаям Хорезма.

Официальным управляющим медресе был отец, но на деле реальные бразды правления находились в руках казыя. Высоко оценивался тот казый, который мог решать все проблемы внутренней жизни медресе, не вмешивая мударриса, то есть управляющего медресе, в данном случае отца. А такт и мастерство отца сводились к тому, чтобы, все видя и зная, делать вид незамечающего. Эту внутреннюю жизнь медресе можно считать весьма полным отражением сущности и истории нашего общества. В отцовском медресе не ощущалось никакого влияния новой системы воспитания, именуемой «джадидизмом». Реакция моего отца на эти нововведения ограничилась тем, что он пригласил учителя по имени Заки для преподавания математики и географии. Были и учителя, которые могли бы обучать шакирдов русскому языку, но отец был резко против предложений русской администрации открывать рядом с мусульманским медресе русские начальные классы. Посланный в волость земским начальником юрист Султанов, башкир по национальности,

сын уфимского муфтия Султанова, и приехавшая в качестве земского врача татарская девушка Зайнаб Габдрахманова окончили Петербургский университет. Оба часто к нам наезжали и разговаривали с отцом о политических делах, обсуждали проблемы просвещения. Возможно, в том, что мой отец — человек с мировосприятием средневекового кочевника, став сельским имамом, постепенно поднялся до уровня реформатора в деле обучения, сыграли свою роль и эти двое образованных молодых людей.

Сам я в медресе у отца учился арабскому языку и брал уроки по религии. У Заки-хальфы и Кашифа-муллы учился фарси, а Габдрахман и Шагибек учили меня русскому языку и математике. Но больше всего врезались в память четверги, когда вечерами с разрешения учителей устраивались состязания по борьбе, в которых я участвовал с особым рвением. И от веселья с медовухой не оставался в стороне. До поздней ночи, пока не тушились лампы и сон не смыкал глаза, рассказывались нескончаемые народные предания, и это доставляло мне незабываемое и неизъяснимое наслаждение.

Несколько слов о матери

Когда в 1918 году в Оренбурге большевики, а в 1944 году в Турции Исмет-паша заключили меня в тюрьму и лишили возможности читать книги, я постоянно вспоминал и повторял стихи, которым меня научила мама, и молитвенные мунажаты Ясави. Тогда-то я ощутил, сколь глубоким было на меня влияние матери. К 1944 году многие воспоминания об отце стерлись из памяти, но мама, как ангел-хранитель, всегда была рядом со мною. Самая привлекательная черта матери — в памяти ее хранилось бесчисленное множество стихов нравственного содержания, призывающих к добру и справедливости. В моей душе она сохранилась как человек, который никогда не совершал даже малейшего зла, испытывал ко мне бесконечное чувство доброты и участия. Содержание стихов на фарси и тюрки, которым она меня учила, не ограничивалось моралью и назиданием, среди них были образцы самых высокохудожественных шедевров. Впоследствии, когда я уже изучил все творчество Навои[10], то увидел, что газели, которые меня побуждала учить мама, были ничем иным, как отрывками из его произведений. От кого она всему этому научилась, мне неведомо, так как мне не попадали книги, где бы содержались отрывки из «Дивана». И те стихи и притчи на моральные темы, которым она меня учила сызмальства, содержались, видимо, в какой-то книге наподобие хрестоматии или антологии, и большинство из них мама хранила в своей памяти. Они также представляли преимущественно отрывки из произведений, принадлежавших Аттару, Руми, Навои, Ясави, суфию Аллаяру. В начале 1957 года мне посчастливилось гостить в доме моего друга профессора Мухаммада Бакира в Пакистане, преподававшего персидскую литературу в Лахорском университете. Он являлся сыном бухарского узбека, служившего в XIX веке в Хайдарабаде одним из военачальников. Узнав, что в детстве его учили тем же стихам, что и меня, что мы читали одни и те же книги, я был крайне удивлен столь широкому распространению этих произведений в XIX веке среди тюрков.

Мама не знала, кто сичинил стихи, которым она меня учила. Лишь значительно позднее я узнал, что все эти стихи — отрывки из больших произведений, а произношение фарси, усвоенное мной у матери, было вполне правильным, литературным. Сегодняшний правитель Ирана Мухаммад Реза-шах Пехлеви, с которым мне пришлось встретиться дважды, при беседе спросил: «Где вы обучились персидскому языку?» Я ответил: «У матери». «Разве ваша мама персиянка?» — спросил он, отметив, что мое произношение отличается от речи бухарских таджиков. Возможно, что, как и арабский моего отца, так и литературный фарси матери — результат обучения детей Кузеня и детей Сатлыка дагестанскими мугаллимами XVIII века, приехавшими с Кавказа на Урал. И обрядам намаза мама учила меня на фарси. Я всю жизнь испытываю глубочайшую благодарность матери за то, что она обучила меня фарси, так как это мне позволило хорошо изучить жизнь Средней Азии и Ближнего Востока, приобрести здесь столько искренних друзей. У мамы не было никаких политических представлений, получаемые газеты она не читала. Опасаясь, что в них упоминается имя Аллаха, сторого следила за тем, чтобы мы не бросали их под ноги, не разрешала что-либо в них заворачивать. Она была очень набожна, не пропускала ни одной молитвы, вставала, как и отец, ранним утром. При разговоре мама пересыпала свою речь стихами, народными поговорками и пословицами, оживляла ее каждый раз какой-нибудь притчей, мудрым словом предков.

Одно стихотворение мамы и Фрейд

Мама умела писать. Когда учила девочек молитвам, записывала эти молитвы, но писем не писала. Лишь в 1908 году, когда отец был рассержен на меня, написала два письма в Казань. В то же время ее стихи, адресованные отцу, встречались между страницами книг.

Наш башкирский обычай определять принадлежность каждого домашнего животного кому-либо из членов семьи порою приводил к ссорам. У мамы было особое отношение к тем животным и их потомству, которые пришли в дом отца как приданое из ее родительского дома (у нас он назывался «туркун»). Одно из этих животных отец, не испросив на то согласия матери, продал. К тому же в то время отец собирался привести в дом вторую жену. Во всяком случае, в семье возникло такое подозрение. В связи с этим мама адресовала отцу четверостишие следующего содержания: «Ты говорил, что я единственная, ты говорил, что не будет другой. Как же ты изменился? Ты единственный, кто меня поцеловал, ты сам нарушил печать моей невинности. Заглядываешься на других, как мне это понять?» Возможно, второе двустишие она добавила, заимствовав у какого-нибудь поэта, но получилось все к месту. Эти стихи, происхождение и смысл которых нам были хорошо известны, крепко засели в памяти. Но до зрелого возраста я не обращал внимания на то, что пожилые женщины могут вести речь о половых отношениях. Нам, детям, и в голову не приходила мысль, что между родителями могут быть какие-то половые отношения. Тем не менее, они нам объяснили исламские традиции и обычаи упорядочения взаимоотношений между полами; чтобы скотина не оставалась без приплода, они организовывали ее покрытие, что не могло проходить мимо нашего взора. Мы росли, видя окот овец, взятых прямо домой в зимние холода, а весною рождение жеребят было для нас обычным явлением. В связи с этим стихи мамы остались в нашей памяти лишь только как прекрасный отрывок. Возможно, мы с сестрой Сарой произносили вслух множество таких стихов. Но все эти факты отнюдь не подтверждали правоту теории Венского философа доктора Фрейда. В 1935 году, когда я учился в Венском университете, снял комнату по адресу Бергассе 9, чтобы жить поближе к Семинару востоковедения и к Институту истории искусств Штрезеговского. Я знал, что этажом ниже в этом же доме расположен какой-то институт, но не знал, что там помещался институт психоанализа Зигмунда Фрейда[11]. Однажды хозяйка дома

сказала мне: «Сидящие ниже этажом жалуются, что по ночам мы слишком сильно топаем ногами. Не смогли бы вы ходить по комнате в мягкой обуви?» Я соглашался, но каждый день забывал об этом и просьба повторилась несколько раз. Тогда хозяйка сказала: «Вас хочет видеть профессор». Тот представился как доктор Фрейд, сказал, что в его институте действуют некоторые чувствительные приборы и попросил в этой связи передвигаться по комнате по возможности тише. До сих пор мне не приходилось встречаться с Фрейдом, но с ним работал знакомый студент армянин из Сирии, он дал мне некоторые брошюры Фрейда, часть которых я просмотрел, но его философия была мне не по нутру. Я ответил Фрейду: «Я приехал из азиатских степей, мне трудно подчинить мои ноги столь суровым условиям». Он пригласил меня в свой кабинет. При беседе я сказал, что идеи профессора об испытании полового влечения шести-семилетней девочки к отцу никак не соответствуют представлениям башкир и казахов, перевел вышеприведенное стихотворение матери и заявил, что лишь после прочтения его брошюры дошел до смысла слов «нарушил печать невинности», и понял, что речь идет о половых отношениях. С доктором Фрейдом мы встречались еще несколько раз. В ту пору я анализировал записи Ибн Фадлана о половых взаимоотношениях огузов и их отличие в этой сфере от других мусульман и арабов, сравнивал эти сведения с записями Геродота о половых взаимоотношениях у древних скифов. При повторной встрече я все это объяснил доктору Фрейду. Я даже сказал ему: «В ваших брошюрах вы часто уподобляетесь тому бесстыдному писателю, который подробно описывает девушек, наших сестриц, в обнаженном виде, подсматривая их в замочную скважину. Мне кажется, тем самым вы столь интересную науку как психоанализ, ставите на одну доску с подобного рода литературой». Он не выразил неудовольствия на мои слова, не рассердился. Напротив, у него появилось желание непременно поговорить со мной об этом более обстоятельно, но из-за моего отъезда в скором времени из Австрии в Германию мы с ним больше не встретились.

Мое воспитание у дяди Хабибназара

Медресе дяди состояло из семи домов, в нем училось около трехсот шакирдов. Некоторые из них, в отличие от шакирдов отца, обучались в течение шести—семи месяцев в году. Были и такие, что продолжали учебу даже

в летнее время. Я же приезжал в медресе поздно и уезжал рано, так как дома были хозяйственные дела (к примеру, нужно было весной гнать скот в лесной хутор, где находилась избушка, и там ее пасти), а в Утяке таких дел было меньше, или из-за продолжения занятий они здесь просто-напросто не выполнялись. Отец требовал ухаживать за скотом, и я неизменно возвращался домой раньше других. Поэтому в середине марта я выезжал домой, мои занятия у дяди длились не более четырех месяцев. Но дома все эти уроки я продолжал под руководством отца. В утякском медресе я занимался преимущественно арабским языком и литературой. Несмотря на отменное знание арабского языка, отец не был сведущ в арабской литературе. Уроки по литературе дядя давал мне в своем доме и я жил прямо у него. Тогда у него не было детей, и он относился ко мне как к своему сыну, уделяя большое внимание. В отличие от других шакирдов, со мной одним он проводил дома отдельные занятия. При этом обращал особое внимание изучению арабской риторики, биографии выдающихся ученых в этой области, в целом жизни и творчеству великих личностей. Вплоть до расставания с медресе дяди я изучал книгу «Мутаууал», посвященную арабской риторике.

Жизнеописание таких личностей, как Ибн Халликан, Ташкупрезаде, Габделхай аль-Лукневи из Индии, он преподавал мне по книге «Решехат» (книга о среднеазиатских суфиях), которая была переведена с фарси на арабский язык другом моего отца-Муратом Рамзи. Мне доставляло большое удовольствие читать эти жизнеописания, сравнивать арабский вариант книги «Решехат» с ее подлинником на фарси, который тоже имелся в библиотеке дяди. Он не стал преподавать мне фикх, келам, заявив, что всем этим мне следует заниматься самостоятельно, когда хорошо овладею арабским языком. Эти дисциплины преподавались в его медресе, но меня он от них освободил. Я и сам сторонился подобных абстрактных наук. Тому причиной послужило чтение одной книги на турецком языке, которую я увидел на столе у дяди. Это была книга турецкого политического деятеля и ученого Махмуда Гарифа «Тысяча и один хадис». В той книге Гариф-бей, объясняя смысл хадиса пророка: «Боже, буду искать спасения у тебя от бесполезных наук, от ненужного ремесла и лишних молитв»,— доказывает ненужность схоластического «Келама» и излишность абстрактно-логических ухищрений, которые превратились в мучения для исламских народов. Книга эта произвела на меня

большое впечатление. Меня более всего привлекали книги по арабскому языку и литературе, исторические сочинения на арабском языке. Этому я и уделял основное свое внимание.

Вскоре и Шагибек Узбеков перешел из отцовского медресе в Утякское. Я продолжил с ним свои занятия русским языком. Этот близкий мой друг стал впоследствии офицером в наших башкирских войсках. Когда в 1919 году мы вступили в соглашение с Советами, Шагибек с этим не примирился, с моего разрешения уехал на Украину и служил в армии Врангеля. Позже я узнал, что он был ранен в Крыму, переправлен в Стамбул, где и скончался.

В 1904 году, когда началась русско-японская война, мой дядя, желавший поражения России, ежедневно посылал в Стерлитамак верхового за телеграфными бюллетенями, которые я ему переводил. Это помогло мне и дальше совершенствоваться в русском языке и послужило причиной пробуждения интереса к политике.

Был в Утяке и портной по имени Гарей, сын Туктамыша, который знал русский и много читал. Дядя посоветовал мне совершенствовать свои знания, общаясь с этим портным по-русски. Одновременно я переводил «Историю Пугачева» Пушкина и его стихи на тему Корана, а также другие поэтические произведения, касающиеся пророка, на тогдашний наш литературный язык — чагатайский. Переводы дядя прочитывал с большим вниманием. Сравнив суру «Ваддуга» Корана, переведенную поэтом, с арабским подлинником, он заявил: «Перевел не дословно, допустил некоторые добавления, но тем не менее суть суры он передал глубже, чем многие наши толкователи Корана». Позднее он велел мне целиком перевести его труд, посвященный истории его предков,— «Арап Петра Великого» и пришел к выводу, что этот потомок арабов без сомнения очень любил Коран.

Самые яркие впечатления, связанные с учебой в Утяке, сохранились от той поры, когда я жил в доме дяди Хабиб-назара. У него было много скота, и загоны для них он выстроил просторные. Я любил в зимние дни ухаживать за скотиной, разбрасывать ей сено, корма, в ворохе заготовленного летом сена выискивать высохшую землянику, сохранившую аромат леса. Я вообще любил животных, особенно лошадей. Если я не заходил домой на урок вовремя, дядя говорил домашним: «Подите, наверное, в загоне пропадает, позовите его!» Занимался я и математикой, читал книги, выписанные из Стамбула. В ту

пору, в 16—18-летнем возрасте, я прочитал книги, в которых кратко излагались, разъяснялись и анализировались произведения Эрнста Ренана, американского ученого доктора В. Р. Дрейпера и немецкого философа Шопенгауэра, посвященные религии и науке, сумел воспользоваться произведениями египетских авторов Мухаммеда Абду и Фарида Вежди, также исследовавших проблемы религии и ислама. Меня больше всего интересовали не критические замечания, направленные против Ренана и Дрейпера, а их собственные мысли, и у меня укрепилось желание тщательно изучить их труды на языке оригинала. Чтение турецкой периодики вызвало у меня и любопытство к сигаре. Окурок первой выкуренной мной сигареты обнаружила вторая жена дяди, за что я был им чувствительно наказан палкой. Но и после этого я отваживался изредка покуривать.

Как мы проводили весенние и летние месяцы

Ранней весной я возвращался в деревню, так как заготовленное с лета сено к началу марта кончалось, мы рубили дерево, хлыстами приволакивая его к загонам, и животные охотно поедали его кору. Еще до окончательного схода снега выгоняли табуны к тем местам, где снег уже сошел, чтобы подкормить животных прошлогодней травой, да и сами собирали там съедобные коренья, варили их и ели. Учебе в медресе я предпочитал одиночество на лоне нашей чудной природы. Особое удовольствие доставляло мне бывать на сабантуях в татарских деревнях в первой половине апреля. Они проводились поочередно, а в конце мая начинались йыйыны в башкирских аулах. Иногда я принимал участие в конных скачках на своих лошадях, смотрел на борьбу-куряш взрослых, а в состязаниях детей непременно принимал участие сам. В конце апреля начинались заботы с ульями. Наша пасека, состоявшая из сотни семей, находилась в четырех километрах от деревни в местечке под названием Карлы-булек, что рядом с кладбищем. Там находилась летняя избушка-аласык и изба-землянка для зимовья пчел. Кроме того у нас были бортевые ульи, некоторые из которых для привлечения пчел помещались среди верхних ветвей больших сосен, а иные (солок) были вделаны в дупла вековых деревьев. Они находились за десятки и даже сотни километров от дома в разных направлениях — в лесах и горах — от нашего аула. Эти бортевые ульи, доставшиеся нам в наследство от предков, следовало в апреле вычистить, обеспечить воском, чтобы в них

поселились семьи диких пчел. Все эти дела я обычно выполнял вместе с двоюродным братом Нурмухаметом и другом Ибрагимом Каскынбаем. У него тоже, как и у нас, было много бортевых ульев.

В это время, из-за многочисленности своих собственных лошадей, состоявших из четырех табунов, мы содержали их на пастбищных тебеневках. Ввиду того, что русская администрация отняла значительную часть наших земель и пастбищ, наши давно оставили кочевой способ хозяйствования. Недалеко от деревенского дома в местечке под названием Ханский яйляу и около горы Карлы-булек оставались летние домики-аласыки. Наши лошади еще не отвыкли от кочевого образа существования и по весне, в начале апреля, без всякого нашего побуждения сами направлялись в джайляу под названием Масем и Акбейек и оставались там до поздней осени. Наши старые кочевья теперь принадлежали деревне Алагуян, где жил род Каскынбаев.

Приемы земледелия, бытовая жизнь переселенцев-мишаров нашей деревни по сравнению с нами, башкирами, значительно превосходили и по уровню, и по благоустроенности. У них имелись большие посевы, они выращивали овощи, скот свой круглый год содержали в крытых хлевах. Значительную часть выращенного урожая они сбывали на базаре. Если, как уже было сказано, земледелие двух наших родов сводилось к разбрасыванию двух подолов проса, то и скотоводство сохраняло черты кочевничества: зимой животные загонялись в так называемые «абзары» (башкиры говорят «азбар»). Слово это пришло к нам из древнего фарси, иначе у нас такой загон называли «кэртэ», что в свою очередь восходит к средневековому Хорезму. Летом же наши стада паслись вдали от деревни, оставались в горах. В этом отношении мы были не склонны тратить усилия на землепашество и возведение помещений для скота. Роль пастуха чаще других исполнял я. Работы, связанные с землей, были мне не по душе, лишь косьбой я занимался с большим желанием, а жатву с помощью серпа воспринимал как настоящую пытку и всячески сторонился этого занятия. Все наши заботы в летние месяцы были связаны с лесом. В тридцати километрах от нас, в местечке Айгыр-ульган, ранее принадлежавшем нашему роду, а впоследствии у нас отнятом, казна и поныне выделяла для нас небольшую делянку леса, что позволяло нам заниматься лесными промыслами: рубили лес и продавали в деревне или на базаре, спускали в речушки липовую кору, драли

лыко и тоже сбывали на рынке. Когда эти работы завершались, до начала сенокоса я вновь отправлялся в горы Акбейек на кочевья, присматривал за табунами, давал им соли, пил кумыс, приготовляемый там нашими людьми, ездил в гости на кумыс к многочисленным друзьям и родственникам, участвовал в различных национальных играх-состязаниях. В июне, в так называемую пору «барана», то есть, когда положено резать овец и угощать гостей, в кочевья приезжали родители и некоторое время гостили в тех семьях, которые ухаживали за нашим скотом. Именно в это время по традиции производится так называемый «осмотр владений», то есть обход бортевых ульев, принадлежащих семье. Это чрезвычайно интересное занятие, доставлявшее мне большое удовольствие, заключается в следующем: нужно объездить все бортевые ульи верхом и, не спешась, наблюдать, все ли ульи заняты дикими пчелами, если они их заняли, насколько им там нравится, насколько устраивает новое жилье. Считавшиеся нашей собственностью деревья с ульями были разбросаны на довольно обширном пространстве в горах, в лесных долинах, поэтому за день можно было проехать по тропам и бездорожью тридцать—сорок километров и проверить десять-пятнадцать ульев. В этот «осмотр владений», ежегодно длящийся около пятнадцати дней, я неизменно выезжал вместе со своим другом Ибрагимом Каскынбаем.

Ибрагим Каскынбай

Ибрагим — сын имама деревни Алагуян-башы Шамсетдина Каскынбая — был на два года старше меня. Почти двухметрового роста Шамсетдин и столь же рослый Вали-мулла служили вместе в Башкирском кавалерийском полку и под руководством уже упомянутого выше майора Юсуфа Карамышева принимали участие в походе русских войск в Коканд, находящийся на реке Сырдарья. Шамсетдин Каскынбай так же, как и Вали-мулла, хорошо знал арабский, фарси и русский языки, чагатайскую литературу, в особенности произведения таких поэтов, как Ахмад Ясави, Навои и суфий Аллаяр. Шейх по имени Габдулла, сын Саита, и Шамсетдин Каскынбай из числа бурзянских башкир были просвещенными, начитанными людьми. Оба они участвовали в Сырдарьинском походе, так же, как и майор Юсуф из Макара и Бикбулат-мулла из Сайрана, они принесли среднеазиатскую культуру на почву Башкортостана. Дома у них хранились рукописные книги на фарси и арабском языках. Среди книг муллы

Шамсетдина имелось стихотворное произведение «Михр ва Муштери», повествующее о двух любящих друг друга верных друзьях. Бывало, мулла, сравнивая дружбу этих двух литературных персонажей с дружбой между мной и Ибрагимом, читал отрывки из этого произведения. Прекрасный экземпляр этой книги, украшенный рисунками, я видел в 1958 году в Вашингтоне в «Фри-Музеуме».

Своего сына Ибрагима Шамсетдин-мулла отдал учиться в медресе моего отца. Наряду с фарси и арабским он вместе со мной изучал и русский. Ибрагим овладевал этими языками успешнее, чем я. В их доме культура фарси, влияние Бухары ощущались сильнее, чем в нашем. Ибрагим был исключительно человечным, умным, внешне привлекательным — высоким и стройным джигитом. Мать Ибрагима облачила нас в одинаковые одежды, заказала одинаковую сбрую для верховой езды. Наши длинные шелковые пояса, сапоги на высоких каблуках, нагрудники и другие ремни для крепления седел, сами седла, уздечки, стремена, застежки тех ремней, прекрасно изготовленные неким странствующим дагестанским мастером-ювелиром по заказу матери Ибрагима, и даже плетикамчи были у нас совершенно одинаковыми. Наши украшенные пояса она выткала собственноручно. Зимой, когда я возвращался из Утяка, в особенности в летние месяцы — мае, июне и июле — мы с Ибрагимом были постоянно вместе. После смерти Шамсетдина-муллы мать Ибрагима женила его, ссылаясь на то, что осталась отныне совершенно одна в своих хозяйственных заботах. После женитьбы, не имея возможности продолжать учебу и вынужденный заниматься делами своего богатого хозяйства, Ибрагим чувствовал себя как бы обделенным, временами испытывал упадок душевного состояния. Лошади в их табунах были из особой ценимой у башкир породы. По древней легенде она, эта порода, якобы, появилась после того, как жеребцы, вышедшие из пещеры Шульган, покрыли кобылиц тамошней округи. Ибрагим подарил мне скакуна и кобылицу из этой породы. Когда эта кобылица вошла в наши табуны, мы были очень горды, что в наше стадо включилась столь благородная порода. Ибрагим был вынужден оставить занятия в медресе, но продолжал уделять много времени чтению книг. Из русских авторов очень любил Лермонтова, на фарси читал Аттара и Аллаяра, из тюрки — Навои и книгу «Мухаммадия». Между нами была искренняя, одухотворенная переписка. Письма его прибывали в виде небольших свитков. Позже я видел в Бухаре точно таким же образом

присылаемые письма. Часто послания Ибрагима были украшены текстами народных песен или замечательными образцами восточной поэзии. Один из них в памяти моей до сих пор.

После первого снега в загон для скота не вернулись две наши лошади. Я написал письмо Ибрагиму с просьбой помочь мне в поисках животных, сам же должен был выехать ему навстречу. В ответ получил письмо, содержащее четверостишие следующего содержания: «Человек в друге должен видеть султана, а себя считать его рабом, твой друг — твой дух, а ты — его тело, если друг попросит твою шапку, будь готов отдать ему голову, если другу понадобится твоя жизнь, ты должен быть готов и к этой жертве». Действительно, вместе со своими наемными работниками он несколько дней занимался поисками пропавшей скотины и все-таки нашел исчезнувших лошадей за восемьдесят километров от нашего аула и пригнал их к нам.

Чужаку летняя жизнь башкир может показаться существованием некоего сообщества, изнывающего от лени и безделья. Но едва приходит пора больших забот, требующих многих усилий, к примеру, откорма скота, лесных работ, пасечных дел или войсковой службы, от сонного состояния людей не остается и следа. И Ибрагим являлся образцом такого рода башкир. Когда мы до наступления холодов пасли свои табуны в горах, нам приходилось проезжать верхом расстояния до двухсот километров. Под воздействием отца Ибрагим выучил наизусть отрывки из произведений Навои, «Мухаммадии» Языжы-оглы — из османской литературы, многие места из дивана Кемала Умуми, части дивана Хафиза на фарси, строки Аттара, а также многие места из чрезвычайно почитаемой во времена Тамерлана книги «Нузхат уль-аруах». Позднее, приехав в 1913 году в Бухару, я видел эту книгу и, многократно перечитывая ее, вспоминал своего друга Ибрагима, уже покойного. Еще позже попадались мне некоторые экземпляры этих произведений, иллюстрированные рисунками. У Шамсетдина-муллы было несколько тетрадей с его сочинениями, написанными на фарси в виде дневниковых записей, которые он вел несколько лет кряду. Каково было их содержание и куда они потом подевались, я в то время не удосужился поинтересоваться. В застольях с обильным потреблением кумыса мы с Ибрагимом читали чагатайские поэтические творения очень сложной и изысканной формы. Но едва кумыс начинал «бродить» в голове,

мы переходили к нашим чудным народным протяжным песням. Ибрагим исполнял на курае бесчисленные мелодии. Он обладал сильным, весьма приятного тембра голосом, любил петь и играть на курае, забравшись на высокую скалу горы Такыя Сусак, чтобы слышать и воспринимать эхо собственного голоса.

В ауле Ибрагима любили водить древние тюркские игры. Например, в кочевье Карагас Каскынбаи соревновались в подборе плети с земли на полном скаку. Тот, кто не мог это сделать, должен был получить чувствительный удар плетью по спине. Чтобы избежать этой позорной участи, всадник пускался прочь, а другой должен был его настичь и нанести-таки надлежащий удар. Если ему это не удавалось сделать, удар тот оборачивался против него же самого.

Нечто подобное описывает и Алишер Навои, воспроизводя игры вместе с другом своим из анатолийских турков Сары Тула, с которым состязался в конных скачках: «Коль мы с другом своим Сары Тула пускались в путь на конях, затевали скачь-догони, не взирая на горы, равнины, посевы или пустынные дюны, он старается ускакать от меня — я догоняю, я уношусь во весь опор — он пытается настичь». Ибрагим знал на память большое количество стихотворений подобного содержания.

В то время среди башкир бытовала такая игра и между джигитом и девушкой. Если джигит на своем коне не может настичь девушку-всадницу, он получает от нее удар камчой по спине, если же ему это удается сделать, он получает право на поцелуй. Родственница Ибрагима Оркия была из таких девушек. Она смело участвовала в подобных играх. А жена Ибрагима, которую звали не по имени, а по прозвищу Ак-килен (Белая невестка), тоже женщина не из робкого десятка, очень любила это зрелище. Когда я был в малолетнем возрасте, мои старшие сестры Магия и Гульсум также не уступали парням в верховой езде. Однако, когда большинство жителей нашего аула стали составлять татары, среди которых мусульманская культура и традиции занимали господствующее место, наши женщины под их влиянием стали ходить, полуприкрыв лицо кончиком платка, и уже речи о верховой езде не могло и быть. У бурзянских же башкир тюркские обычаи продолжали бытовать дольше. Когда джигиту удавалось настичь Оркию, которая обычно выезжала на прекрасном иноходце, она нисколько не смущалась перед «грозящим» ей поцелуем, напротив, напевала мелодию старинного башкирского дастана

«Кара-юрга» («Черный иноходец»), чтобы подбодрить своего коня: «Не дам поцеловать свою прекрасную всадницу, не дам обнять дорогую госпожу». В этой песне по-башкирски вместо понятия «дочь бия», то есть «княжны», используется слово «сестра мужа». В народных песнях и кубаирах произошла некая подмена понятий, тем не менее, влияние ногайской культуры обнаруживалось вполне явственно. Но понять мне это удалось лишь значительно позже. В таких соревнованиях-играх мне иногда удавалось нагнать Оркию, ухватить ее за руку, но поцеловать ее я не смел, так как в нашем ауле прилюдный поцелуй девушки воспринимался как крайняя мера распущенности. Пожилые башкиры, развлекавшие себя подобным зрелищем, кричали: «Мы бы поцеловали, поцелуй же и ты!», смеялись и подшучивали надо мной. Если же мне не удавалось нагнать иноходца девушки, Ак-Килен кричала вслед девушке: «Огрей этого татарина по спине!» Дело в том, что татары нашего аула и окрестных нам деревень считали нас башкирами, а бурзянцы — татарами.

В семье Каскынбаев пили самый отменный кумыс, а когда осенью возвращались в Ызму, то есть в место зимовки, находившейся на берегу речки Алагуян, притока Агидели, изготовлялась медовуха и устраивались застолья с веселыми песнями и плясками. Между тем, пятикратная молитва была обязательна, намаз творили даже в хмельном состоянии. Человека, который не постился бы в месяц рамазан, нельзя было себе и представить.

Любовь к народным дастанам, национальным играм и соревнованиям зародили во мне брат отца Вали-мулла и эти самые Каскынбаи. И мать Ибрагима, и его молодая жена, обе дочери мулл, были смелы и отважны по характеру, умели читать и писать.

Другие мои друзья

Самыми близкими моими друзьями детства были мой двоюродный брат Нурмухамет, сын имама села Макар — Газиз, и сын учителя начальной русской школы из той же деревни Мифтахетдина — Амир Кармыш (Карамышев). Нурмухамет рано оставил учебу, с ним вместе мы ходили на лесные работы, вместе пасли наших овец, вместе охотились зимой на зайцев. Газиз учился в Троицке в медресе и одновременно ходил в русскую школу, сочинял стихи. В медресе Зайнуллы-ишана они учились вместе с Мажитом Гафури, который впоследствии стал у нас известным поэтом

и писателем. Летом во время каникул они вдвоем уходили в казахские степи и обучали там детей, а осенью возвращались домой. Поэтическое дарование Газиза в ту пору казалось более ярким, нежели у Гафури, но у него не было опубликованных произведений. У Мажита же вышли один или два поэтических сборника. Кажется, в 1907 году я несколько раз встречался с этим прихрамывающим поэтом. Позднее он приходил к нам вдвоем с Газизом. Оба читали вслух стихи, и мои родители слушали их с большим удовольствием. Помнится, Мажит прочитал одно из своих стихотворений, помещенных в сборнике. Смысл его сводился к следующему: «Башкиры были народом, привольно жившим в долинах Дима и Агидели, пришельцы-чужаки обратили их в пленников». Мажит был лет на семь-восемь старше меня, Газиз — старше лет на пять, а Амир моложе года на два. Тем не менее, он тоже понимал глубинный смысл стихов, запоминал некоторые из стихотворений Мажита Гафури и Газиза, читал их впоследствии наизусть. Амир усердно занимался русским языком, поступил в военное учебное заведение, стал офицером и, наконец, в 1917 году в ходе нашего национального движения стал командующим первого, нами совместно организованного, кавалерийского полка, а затем — и дивизии.

Родственники Амира — Карамышевы — были образованными людьми. В XVIII—XIX веках многие из них являлись офицерами в башкирских войсках, занимали различные административные посты, в том числе должность начальника кантона. Как было уже сказано, мои дяди служили в войсковых частях под командованием майора Юсуфа. Карамышевы тоже давно оставили кочевую жизнь, их сельская бытовая культура находилась на очень высоком уровне, дом был чисто побелен, вокруг него разбит роскошный сад, где произрастали различные фруктовые деревья, в основном яблони. Майор Юсуф опубликовал на русском языке несколько своих трудов, посвященных статистике деревень, расположенных по течению реки Сырдарья, и общественной жизни казаков. Наиболее близким к нам и Каскынбаям из Карамышевых был пожилой человек по имени Гумер-хажи. Раньше, когда Башкортостан обладал относительной самостоятельностью в своей внутренней жизни, он состоял начальником кантона, посетил Турцию и Хижаз, являлся близким другом Зайнуллы-ишана. Один из Карамышевых по имени Ахмет несколько лет подряд ездил вместе с женой в Германию, чтобы изготовлять кумыс для кого-то

из членов императорской семьи. Они увозили с собой туда в товарных вагонах специальных кобылиц из своего табуна. Но самым любимым всеми нами человеком из этой семьи был отец Амира, учитель русского языка, Мифтах Карамышев. Многие члены этой семьи позднее, в ходе борьбы за самостоятельность Башкортостана, выполняли различные ответственные обязанности рядом со мной в войсках и государственных учреждениях.

Другие мои близкие друзья были выходцами деревни Сайран, расположенной южнее от нас. А из аула Арцев нам были близки семьи Бикбулата-хазрета, Нуримуэдзина и Усмана-хажи, сына Ильяса. Дети всех этих семей учились в медресе отца. Они также выполняли различные обязанности в развернувшихся после 1917 года событиях нашего движения. Одним из них был Габдулла-кантон Ильясов, и о нем речь пойдет впереди.

Путешествие отца в Троицк

Очень весело проходила ежегодно организуемая отцом в конце июля косьба сена у отрогов горы Иремель. Туда собиралось множество наших родственников, относящихся к Ильчик-Тимеровскому колену нашего рода. Это было своеобразным семейным праздником, резалось множество скота, устраивалось обильное угощение. Когда сенокос завершался, отец уезжал в путешествие к своим друзьям и шейхам. Длительное путешествие он завершал посещением своего духовного наставника Зайнуллы-ишана в Троицке. По пути туда на кочевьях друзей и шейхов, относящихся к родам Кипчак, Бурзян, устраивались празднества-меджлисы, на которых велись беседы на религиозные, богословские, а иногда и на политические темы. На обратном пути отец посещал деревни Магади и Амир, где жили казаки-мусульмане, считающие себя потомками легендарного Сура-батыра, героя народных сказаний-дастанов, проезжал по дорогам родов Тангаур, Тунғатар, Тамьян и Катай, где встречался со множеством своих друзей. Ежегодно повторяющийся маршрут такого путешествия обычно длился полтора месяца. В трех из них принимал участие и я. В мои обязанности входило смотреть за лошадьми и арбой. Странствия эти оказали очень большое влияние на всю мою духовную жизнь. Путешествие 1904 года совпало с русско-японской войной; 1905 года — с русской революцией, а 1906 года — с бурными событиями, связанными с борьбой вокруг Русской Государственной думы. Я не люблю религиозную мистику. К шейхам, казавшимся мне двуличными и лицемерными, я испытывал настоящую ненависть и отвращение. Вместе с тем, я питал глубокое почтение и уважение к таким шейхам, как Габдулла-хазрет из деревни Муллакай, Габделханнан из деревни Кулбахты, и Зайнулла-ишан из Троицка, являвшийся духовным наставником моего отца, ибо это были глубоко нравственные, предельно искренние личности с гуманными и чистыми помыслами. У этих трех шейхов мне удалось научиться некоторым добрым делам. В 1906 году, когда мы в третий раз посетили Зайнуллу-ишана, он обратил на меня особое внимание. Не считаясь с моей молодостью, вел со мной серьезные разговоры, задавал различные вопросы, со вниманием выслушивал мои ответы и давал советы, исполненные глубокого смысла. Чувствовалось, что он всесторонне меня испытывает. Однажды во время утреннего чаепития он еще раз стал задавать мне вопросы и я ответил на них как мог. После этого он перед всеми присутствующими протянул мне десятикопеечную золотую монету, промолвив при этом: «Возьми, сынок, может быть, что-нибудь себе приобретешь». В татарской книжной лавке «Хезмәт» («Труд») я купил на эти деньги произведение Газали, в котором он подвергает критике теологию, публикации по исламской философии и социологии, изданные в Египте и Стамбуле, книги по физике и астрономии, книжку Л. Толстого «Крейцерова соната», арабские переводы русских романов, «Турецко-французский разговорник»; затем я зашел в русскую книжную лавку и приобрел там произведение Л. Толстого «Голодные годы», в котором речь шла о голоде 1891 года, года моего рождения.

Через несколько дней шейх поинтересовался, на что я потратил данные им деньги. Я перечислил приобретенные книги. Он меня похвалил, одобрил, что изучил русский язык, призвал одолеть еще и французский. Одобрительно отозвался и о том, что приобрел книги по физике и математике. Особое внимание обратил на приобретенную мной книгу Л. Толстого о голодном годе, сказал: «Ты купил очень нужное сочинение». По всей видимости, шейх подарил мне эти деньги в целях испытания. В последующих меджлисах спрашивал, какие книги я успел присмотреть и каково их содержание. Когда я упомнил о приобретенной мной книге Газали под названием «Спаситель от вступления на ложный путь», шейх заметил, что я вряд ли сумею понять смысл этой книги. Когда я сказал, что приобретаю такого рода книги для лучшего овладения арабским языком, шейх одобрительно похлопал меня по плечу и вновь дал мне деньги. На

прочих меджлисах шейх опять говорил, что несмотря на свою молодость, я верно выбираю себе книги. Разумеется, похвала глубоко почитаемого всем нашим народом шейха сильно на меня подействовала, ободрила и наполнила вдохновляющей силой. Если бы не было всего этого, всех тех воодушевляющих меня событий, жизнь моя, возможно, прошла бы мимо науки. О том же писал и казанский поэт Габдулла Тукай, имея в виду подобного рода перипетии своей жизни: «Немало выпало напастей на мою сиротскую голову, но народ обласкал меня и ободрил, чтобы я выбрал путь развития». Если бы не внимание и ласка высокочтимого шейха, кто знает, может быть, и я в свои пятнадцать лет, как и многие другие мои сверстники, стал бы обычным приказчиком у богатых торговцев.

Наши связи с казахами и сибирскими (тюменскими) татарами

Эти путешествия позволяли нам устанавливать связи не только со средним и восточным Башкортостаном, но и с казахами. И они оказались чрезвычайно полезными в 1917—1918 годах, в период организации башкирского национального движения. В целях создания русской губернии между Башкортостаном и Казахстаном царское правительство отъяло у казахов миллионы гектаров земли вдоль по течению реки Яик (Урал) и вытеснило их самих на восточную окраину. Однако в 1904 и 1905 годах казахские роды, преимущественно кипчакского племени, продолжали заниматься кочевым скотоводством в степях, граничащих с башкирскими землями. Мы добрались к ним и несколько дней гостили у двух очень богатых казахских друзей моего отца, звали их Найза и Нурпей-хаджи. Нурпей-хаджи был сверстником отца, позже они совершат совместно хадж в Мекку. Место жительства Нурпея находилось восточнее Троицка, близко к местечку Еркарагай. В ходе башкирских восстаний XVIII века здешние кипчаки давали возможность башкирам, преследуемым царскими войсками, скрываться в степях среди казахов, отвечая отказом на требования царских чиновников выдать их. Нурпей-хаджи знал множество народных дастанов, был редкостным поэтом. Я записал из его уст довольно много стихов. Советы пишут, будто старый казахский поэт Нурфаиз Байганин ведет пропаганду в их пользу. Некоторые его сочинения передавались даже по радио. Позже я совершенно случайно узнал, что этим поэтом Байганиным оказался никто иной, как наш Нурпей-хаджи. Он являлся

истым мусульманином и абсолютно преданным своему народу человеком. Именно он знал и читал на память наиболее полный и совершенный вариант великого дастана «Кобланды».

Во время этих совместных странствий с отцом я подружился с сыновьями Мусы-хаджи из тептярской деревни Ахун, Исы-ахуна из Тунгатарских башкир, Габделлатифа-хазрета из Тамьянской деревни Чекмагуш. Все они были начитанными, думающими молодыми людьми. В 1917—1918 годы в период нашей освободительной борьбы каждый из них исполнял ответственные задания, занимая важные посты. А Муса Муртазин из Тамьянского рода стал командующим нашей второй дивизией.

В 1907 году мой отец вместе с дядей Хабибназаром поехали на поезде Уфа — Челябинск в Троицк к Зайнулле-ишану. Я проводил их на наших лошадях до станции Давлеканово, где в шестнадцатилетнем возрасте впервые увидел железную дорогу. Издали в темноте показались огни паровоза, и чем ближе, тем ярче они начали светиться. Лошади стали метаться в испуге, а при приближении грохочущего паровоза понесли так, что не было никаких сил их остановить. Со всего разбегу телега ударилась о стену какого-то дома. Только на приличном расстоянии от станции мне удалось наконец остановить перепуганных лошадей. Я благодарил всевышнего за то, что отец с дядей успели спрыгнуть с телеги, иначе не миновать бы большой беды.

На этот раз после посещения Троицка отец уехал дальше, в городок Манжил к другу своему Нигматуллехаджи и привез оттуда две книги политического содержания знаменитого приверженца сибирской автономии, первооткрывателя орхон-енисейской тюркской письменности Ядринцева «Сибирь как колония» и «Положение инородческого населения Сибири». Когда отец сказал, что его старший сын владеет русским языком, Нигматулла-хаджи подарил ему эти две книги для меня, что явилось важным событием в моей судьбе. По мере своих сил и возможностей обе книги я последовательно переводил отцу и дяде, разъясняя им смысл прочитанного. Мы не были согласны с теми, кто считал инородцев края обреченными на исчезновение, живо обсуждали судьбу и права этих народов на всеобщее равенство. Оба произведения оказали сильное влияние на мое политическое развитие. В городок Манжил до отца ездил и Вали-

мулла, брат отца. Во всяком случае, связи наших предков с тюменскими татарами в Западной Сибири идут из самых глубин веков.

Религиозные воззрения отца

Тотчас после возвращения из поездки отец сказал мне: «Едем к Фазхану». Это был один из Каскынбаевых, живших в ауле Алагуянбашы. Возможно, его звали Фазылулла или Фазылхан. Это был веселый и щедрый человек с широкой душой и чудесным характером. Он постоянно твердил: «Если Ахметшах удостоится от своего наставника сана ишана, то первым мюридом у него буду я». Наконец, в том году Зайнулла-ишан возложил на отца степень шейха и даже выдал в подтверждение этого письменное свидетельство. Но отец заявил: «Настали иные времена, теперь не времена мистики — они миновали. Хоть я и стал ишаном, никого не приму к себе в последователи-мюриды и называть себя ишаном тоже не позволю. Лишь Фазхана приму мюридом, так как обещал ему это».

Фазхан был типичным сельским жителем среднего достатка. Ученик Муллакай-хазрета, он владел фарси и немного знал арабский, жил в ста километрах от нас. Когда мы приехали к нему, я подошел к отцу, чтобы помочь ему сойти с лошади. Из дома хозяев доносился какой-то необычный шум, но никто не вышел нас встретить. Наконец, показался Фазхан, было видно, что он изрядно выпил. Поцеловал стремена отца, помог сойти с лошади, после чего мы прошли в дом. Все его жилище пропиталось духом медовухи, на что отец среагировал брезгливо: «Напились, как свиньи». И в самом деле, нетрудно было догадаться, что здесь сегодня прошло немалое пиршество. Фазхан ответил: «Почуяв твое приближение, бочонок с медом спрятался под нарами, а гости сбежали через окно». Через некоторое время, творя вечернюю молитву, Фазхан дал волю слезам. Они с отцом читали множество стихов, любимых мусульманами, следующими за суфизмом Ясави: «Внешне ты стал похож на суфи, но не сделался истинным мусульманином» и т.д., а также стихи на языке фарси примерно такого же содержания, часто повторяемые Муллагулом. Смысл этих надоедливых стихов, упоминавшихся выше и считающихся принадлежащими мауляну Шамсу Тебризи, сводился к следующему: «Любитель выпить будет приветлив с тобой, будет преданно служить твоим прихотям, найдет для тебя то, чего нет, избавит от того, что кажется лишним. Ты будешь внимать только ему и не заметишь,

как обе твои руки окажутся в кандалах. Испробуешь множество соблазнов и женских чар, все четыре стороны покажутся тебе киблой, луна на небе превратится в стражника твоих бессонных ночей веселья. Этот милый твоему сердцу человек при надобности окрылит тебя, и ты почувствуешь себя птицей, а через мгновение ты окунешься в бездну, как железо (якорь) твоей лодки, и даже не пошевельнешься. В мгновение ока ты почувствуешь блаженство утренней зари и тут же будешь ввергнут в кромешный мрак ночи. Он сможет излечить тебя от ужаса, и ты будешь хохотать в безумии. Будешь пьяным и безжизненным, как камень. Будешь думать, что нет беды, коли нет духа и есть только плоть, нет благородства, а сохранилась лишь тень от него; не бойся дурной славы — будешь славен тем, что не боишься того, чего боятся все».

Признаться, я не был поклонником столь длинных суфийских нравоучений, и то, что они увлеклись подобными стихами, позабыв все на свете, меня очень рассердило. Чтобы возвратить отца к реальной жизни и отвлечь от чрезмерного увлечения суфийским поэтическим экстазом, я громко вставил: «Отец, не пора ли напоить лошадей?» «Напои,— сказал отец и похвалил: Ахметзаки привел нас в чувство, нехорошо увлекаться до степени полного забытья. Я люблю свою веру и стихи тоже люблю, но чрезмерный суфизм мне не по душе». В этот день после вечернего намаза отец принял Фазхана своим мюридом и сам тоже принял обет ишанства.

На второй день в честь отца Фазхан зарезал кобылу, пригласил в гости всех мулл и почтенных людей округи и дал угощение в честь нового ишана. Это застолье было проведено во имя укрепления и продолжения искренней дружбы между потомками Кузеня и Каскынбая, которая длилась в течение жизни нескольких поколений. Вечером я остался в доме Ибрагима Каскынбая. Время свое мы проводили за медовухой. Зная об этом и не желая лицезреть наш грех, отец не приходил в тот дом. И у Каскынбаев была давняя и тесная связь с кипчакскими родами казахов. Как и раньше, Ибрагим читал мне стихи казахского поэта Саидалина и дастан «Кызжибек». Его покойный отец дружил с писателем Саидалиным, который жил в Троицке. Ибрагим помнил и многие переводы стихов Пушкина на казахский, которые сделал этот поэт. На всю жизнь врезались мне в память знаки дружбы, которые в ту поездку выказал мне Ибрагим, а отцу — Фазхан. Он был безмерно горд:

«Мулла стал шейхом, никого не принял к себе мюридом и только меня уважил». Это был удивительный человек, как и Муллагул, предельно искренен в общении, знал множество стихов и народных дастанов. Иногда прикладывался с друзьями к хмельным напиткам, но никогда не забывал и не оставлял молитв. Вместе с тем имел привычку порой касаться острым языком самого Аллаха. Его можно было бы сравнить с Анатолийским дервишем (Баба Афдал), который, ненароком пролив свое вино, предъявил претензию не к кому-то, а к богу: «Боже, неужто и ты пьян?»

Однажды отец уехал к друзьям в другую деревню, и я оставался у Фазхана почти на целую неделю. Собирая в жаркие августовские дни высохшее сено, Фазхан однажды не вернулся домой. Позднее на мой вопрос: «Не забыли ли вы про вечерний намаз?» — он ответил: «На что годен намаз, его не скосишь и не притащишь во двор. Бог подождет, а сено ждать не может. Забытый намаз можно повторить, а с сеном такие уловки не пройдут, это я знаю лучше самого бога». Отец знал, что его единственный мюрид допускает подобного рода богохульные речи, но говорил: «Фазхан потерял передние зубы в драке с царским землемером, который пытался обмерить и обмануть башкир. Он всю свою жизнь несет мусульманам только добро, и бог простит ему богохульство. Он самый верный мусульманин, каких я только знаю, один из самых любимых божьих рабов». В данном случае достаточно ярко проявлялось понимание отцом сути суфизма и мусульманства. После этой истории с мюридством Фазхан перестал потреблять медовуху. Отец лукаво посмеивался над ним: «Единственная польза от моего ишанства — избавление Фазхана от медовухи». Тогда я увидел, насколько действенными были даже шутки отца.

Наша жизнь в осеннюю пору

Осенью я занимался медосбором на пасеке и в бортевых ульях, находящихся в лесах и горах. Я выполнял эти дела вместе со своими друзьями по имени Махмут Кафи из деревни Кулгуна и Ибрагимом Каскынбаем из Бурзяна. Я увлекся нововведениями в медресе, начал заниматься физикой. В одну из поездок в Троицк привез оттуда некоторые физические приборы, и одна из комнаток отцовского медресе превратилась в мою «физическую лабораторию». В этом предприятии мне помогал упомянутый Газиз из села Макар. Мы попытались выработать электричество

и установить телеграфную связь «морзе» между зданием медресе и домом. В 1907 году я выписал из Уфы или Троицка глобус и привез его со Стерлитамакской почты, съездив за ним в тридцативерстную даль верхом, тайно от отца. Начал давать шакирдам уроки астрономии. Уроки эти расписал в форме беседы между Ахметом и Саитом, воспользовавшись трудами Фламмариона и сирийского ученого Хусейна аль-Джисра. Такой метод обучения, не виданный в нашем медресе, показался нашим шакирдам чрезвычайно увлекательным и интересным. Это был первый опыт моего сочинительства. Отцу подобные уроки пришлись не по душе, так как он не верил вращению земли. Я сделал еще один глобус поболее первого. Годичный круговорот земли вокруг солнца объяснял, водя этот глобус вокруг горящей лампы. При изготовлении этого глобуса использовал вместо клея тесто из обыкновенной муки. Оставшийся в той комнате на лето глобус загрызли мыши, и мой кропотливый труд сошел на нет. Отцу же это показалось забавным, он посмеивался, приговаривая: «Вращению земли не верят даже мыши». Кроме русских учебников по физике, были у меня учебники и на турецком, выписанные из Троицка и изданные в Стамбуле.

Выше я уже говорил, что работа на пасеке доставляла мне большое удовольствие. Я прочитал ряд книг по пчеловодству на русском языке. Особенно интересным мне показалось содержание одной брошюры «Пчеловодство». Следуя советам ее автора, я пытался проводить некоторые опыты на нашей пасеке. Подготовкой пчел к зимовке по осени занимался тоже я, и они никогда меня не жалили. Эти твари удивительно чутки и восприимчивы к тем, кто им не причиняет зла.

Одно из важных дел осенней поры — продажа в Стерлитамаке предназначенных для сбыта лошадей и заготовка мяса на зиму. Это — самое хлопотливое и самое веселое осеннее занятие. Заготовляется большое количество колбасы-казы из конского жира и мяса, устраивается множество меджлисов, так как каждый хозяин считает своим долгом испробовать вновь заготовленную продукцию вместе с дальними и близкими родственниками.

Заквашивали из меда в немалом количестве и медовуху. Не запрещенный исламом этот напиток пили даже некоторые башкирские имамы. Был такой имам по имени Ахель, наш дальний родственник, о котором я уже упоминал. Он принимал от верующих в качестве

положенного шариатом подношения мед и изготовлял из него медовуху. И паства, следовавшая ему, была похожа на него самого. Она любила своего имама и почитала даже больше моего отца. Такая черта имама Аделя вполне соответствует привычкам и воззрению Алишера Навои, как, впрочем, и казахского поэта Абая. И в их времена, в пору убоя скота устраивались меджлисы, где потребляли много вина. Алишер писал: «От захода солнца до утренней зари украсишь застолье свое вином. Или брось вино, или забудь бога. У бога широкая душа, завтра он сможет тебя простить».

Короче, осенью в медресе не отбывал до тех пор, пока не соберу мед из бортей и ульев на пасеке, не помещу пчел на зимовье, в омшаник, не накоплю денег от продажи меда на базаре, пока не поохотимся с друзьями по горам и лесам, беря с собой ружья и соколов на фазана, куропатку и зайца. Табуны и стада наши не возвращались в загоны до тех пор, пока земля не покроется толстым слоем снега. Они добывали корм на тебеневках сами и при нашем даже отдаленном появлении стремились уйти от нас как можно дальше. Полудикие, одичавшие за долгое лето лошади бежали к самым скалистым хребтам, чтобы только остаться зимой на воле. Когда снежный покров становился настолько толстым, что траву уже невозможно было добыть передними копытами, лошади сами приближались к стогам заготовленного сена в лесах, где мы их вылавливали. Но они хранили в памяти вольную жизнь на просторах восточного Урала в табунах наших предков и стремились вырваться из наших рук, обрывая арканы. Успокаивать их приходилось плетью. У наших башкир имелась традиция даже строптивых и любимых жен наставлять этим же способом на путь истинный.

МЫСЛИ ОБ ОТЪЕЗДЕ НА УЧЕБУ В ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Влияние турка Гариф-бея, одного американца, Мурата, Рамзи и арабского философа Маарри

Благодаря особым усилиям и индивидуальным занятиям со мной дяди Хабиб-назара к 18 годам я успел кое-чему научиться. Он был ученым, от начала и до конца изучившим труды ибн аль-Асира, заложившего основы истории ислама. Дядя даже перевел на тюрки часть его произведений и издал их. Он почти наизусть знал труд Джевдет-паши, посвященный истории Турции. Словом, это был человек, более всего влюбленный в историю. В подробностях знал события русско-турецкой войны 1877 года, отыскал книгу Грязнова об этой войне и заставлял меня ее читать и переводить на башкирский язык; несколько раз перечитывал опубликованные мемуары турка Махмуда Гариф-бея «Пережитое», также посвященные этой войне. Я познакомился с этим трудом в ту пору, когда все мы находились под впечатлением поражения русских от японцев под Харбином. В конце этих мемуаров было напечатано письмо одного американца в Египет Хидауи Тауфик-паше. Там были такие слова: «Как вы, семь — восемь миллионов человек, терпите гнет двух — трех тысяч англичан? У вас нет гордости. Вы напоминаете идиота, который не в состоянии одеть собственную одежду». Эти слова я воспринимал как вполне соответствующую положению мусульман в России истину. Сильнейшее воздействие на мое сознание оказало, с одной стороны, произведение упомянутого выше Ядринцева, с другой, книга Махмута Гариф-бея. Ученый нашего края по имени Мурат Рамзи проживал в Хижазе. С этим человеком были дружны мой отец и дядя. В один из весенних месяцев он приехал к нам в гости. Этот ученый создал на арабском языке двухтомный труд, посвященный истории

казанских тюрков и российских мусульман. Часть этого труда дядя Хабибназар прочитал еще в рукописи до опубликования. Он напечатан в 1907—1908 годах в Оренбурге. В тот год отец отправился в хадж и, несмотря на то, что мне не исполнилось и семнадцати лет, оставил свое медресе на попечение мне и еще одному хальфе. В ту зиму я читал книгу Мурата Рамзи, состоящую из трехсот страниц, и объяснял ее содержание наиболее понятливым шакирдам, в особенности Ибрагиму Каскынбаю. Прошлое тюрков в ней раскрывалось с великой гордостью, а гнет русских описывался с такой же горечью и чувством гнева. В одном из уголков отцовского медресе я открыл библиотеку, назвав ее «народной библиотекой». Собрал деньги для приобретения книг для нее, выписал газеты. Некоторые из них поступали бесплатно, так как я посылал им свои заметки. Среди таких изданий — выходившая в Петербурге газета «Ульфат» и издаваемая на арабском языке газета «Ат-Тальмиз»; из Казани поступали «Баян уль-Хак» и «Юлдуз», из Оренбурга — «Вакыт», из Астрахани — «Идель», из Баку — газета «Иршад» и журнал «Фаузат». Газету «Тарджиман» из Крыма отец выписывал уже давно. Приходила газета «Биржевые ведомости» и журнал «Нива» на русском языке. В ауле их читали я и мой дядя Галикиррар-мулла. Долгие годы он учительствовал среди казахов и потому в его речи ощущалось сильное влияние казахского языка. Он привил мне интерес к казахской литературе. Именно под его воздействием я выписывал из Казани все газеты и журналы, выходящие там на казахском языке. В память о давнем историческом родстве с казахами отец хранил доброе чувство к ним. Несмотря на то, что сам он не жил среди казахов, среди них у него были близкие друзья, такие, как Нурфаиз-хаджи и Найза-бай.

Для того, чтобы в нашу библиотеку поступали книги, установил связи с книжными лавками «Шарк» в Орске и «Средняя Азия» в Ташкенте. Хозяин книжной лавки Ахмет Исхаки из Орска был интеллигентным человеком. Отец его, Исхак-хазрет, являлся другом моего отца. Вполне возможно, что он учился в Турции. Привозил и продавал современные печатные издания, выходившие в Турции и Египте, собирал русские книги, посвященные исламоведению. Этот человек оказал мне большую помощь. Он публиковал также очень полные каталоги книг, иногда извещал о новых изданиях письмом. С его помощью я добился получения из Стамбула журнала «Ма'лумат». Среди книг, присланных из Ташкента, были

русские переводы биографий восставшего против русских казаха Кинесары и его сына Сиддика Султана, а также воспоминания афганского эмира Абдурахман-хана, заметки о путешествии в Кашгарию генерала Куропаткина. Имелся у нас и персидский оригинал воспоминаний Габдрахман-хана и русский их перевод. В связи с тем, что Куропаткин состоял при Якуп-беке в качестве российского посла, а рядом с ним находился знакомый нам офицер Суяргулов, выходец из знатной башкирской семьи, книга эта представлялась мне чрезвычайно интересной. В ней имелись записи и самого Суяргулова. По этой причине я начал изучать историю и нынешнее положение Кашгарии. Что же касается воспоминаний эмира Абдурахман-хана, то они весьма живо отражали борьбу народов Средней Азии за независимость. К тому же сравнительное чтение этого произведения на русском и фарси способствовало лучшему усвоению обоих языков. Я знал напечатанные в Казани дастаны «Кинесары» и «Науруз-бай». Мурат Рамзи включил в свою историческую книгу, также ставшую в народе сюжетом дастана, бурную жизнь сына Кинесары — Сиддика Султана. Дело в том, что Мурат Рамзи долгие годы состоял учителем при Сиддике Султане и его младшем брате Ахмете Султане, и в своей книге повествует о них в возвышенных тонах. Когда эфенди Мурат гостил в нашем доме, он рассказывал мне о них подробности, не вошедшие в его книгу. Кинесары и Сиддик — отважные борцы за национальное освобождение казахского народа. Упомянутый выше мой дядя Галикиррар-мулла также учил меня стихам, посвященным этим предводителям. Например, до сих пор помню такое стихотворение:

«Мы бросились на врага со всех сторон подобно снежной буре, с кличем «Аблай, Аблай!» (то есть, прося помощи и поддержки у духа могучего хана Аблая), погнали своих лошадей, окружили и истребили врага.

Если не будет Тенгри в твоей душе, где отыщешь блаженство?

Если не будет у тебя свободной страны, какая радость в жизни твоей?»

Дядя Галикиррар не только читал мне эти стихи, но заставлял заучивать их наизусть.

Среди полученных «народной библиотекой» книг была выпущенная в Петербурге книга Хивинского хана Абдегази под названием «Тюркское шежере». Воспоминания Абдурахмана-хана постоянно читали имам аула Сайран Бикбулат, вернувшийся сюда после учебы в Бухара-

ре, и помощник моего отца Кашиф-хазрет. Как Мурат Рамзи и Кинесары впитали в наше сознание мысль о необходимости освобождения тюрков от гнета русских, так Гариф-бей и эмир Афганистана Абдурахман подготовили нас к понимаю того, что среди проблем человечества существует также проблема нашего народа. Эмир Абдурахман-хан являлся видным человеком эпохи, иные его мысли и слова казались бальзамом для души, питали нашу решимость в борьбе. После того, как англичане стали вмешиваться в дела Афганистана, этот хан поехал в Хиву по иранской дороге. Хивинский хан, тамошние бии и жители оставили у него хорошее впечатление. Затем он прибыл в Бухару, но ни тамошний эмир, ни сами люди Абдурахман-хану не пришлись по душе. С целью включения в союз против англичан и русских, захвативших Самарканд, он прибывает и в этот город. Вначале русские оказали ему теплый прием. Но когда заметили его доброе отношение к стоящему на позициях независимости Туркестана казахскому султану Сиддику-туря и Яурен-бек-бею из узбекского рода Кинегесов, прямо среди ночи сопроводили его в Ташкент, якобы для продолжения переговоров. Поняв, что от русских нельзя ждать ничего хорошего, он решил вернуться на родину, намереваясь действовать в одиночку без их помощи. Двигаясь на обратном пути как человек, демонстративно не замечающий русских, он воротился в свою страну через горы Мача, по Хисарской и Бадахшанской дорогам, с помощью местных Катаганских и других узбекских родов освобождает от англичан Балх, а затем и Кабул, восстановив тем самым самостоятельность всего Афганистана. Будучи глубоко мыслящим и разносторонне образованным человеком, он организовал в своей стране некоторые типы фабрик, создал печать, ввел воинскую форму наподобие европейской. Дар провидения помогал ему строить взаимоотношения с другими государствами на основе взвешенной и спокойной политики. Прибыв в Россию как враг англичан, он отбыл отсюда как враг России. Он понял, что Россия встала на путь экспансии, расширения своей территории за счет поглощения народов Азии, в результате чего рано или поздно превратится в ненавистную для этих народов державу, считал, что со временем народы Азии это поймут. И хотя он отвергал политику колониальной Англии, тем не менее, был убежден, что единственный путь к освобождению и независимости народов Азии — это единение со странами Европы, а не с Россией.

После первой русской революции дядя и отец, прочитав газету Мустафы Кемаля из Египта, пришли к отрицательному мнению об англичанах, сочтя их хитрым и коварным народом. В этом смысле дядя одобрял критическое отношение Абдурахман-хана к политике англичан. Дядя и отец желали, чтобы тюрки и другие народы Азии шли своим самостоятельным путем. Все их надежды были связаны с Японией. Тут свою роль сыграли высокая оценка религии японским императором в 1907 году, его положительное отношение к исламу и сообщение о том, что Турция отправила в Японию свою делегацию. Отец был недоволен тем, что я так много читаю Пушкина, Ядринцева. В то же время просил переводить и читать для него вслух произведения Пушкина, посвященные восстанию Пугачева, в которых имелись сочувственные к башкирам слова, и те места из книги Ядринцева, где он высказывает добрые мысли в адрес народов Алтая и казахов. Отец надеялся, что если в России будет возрастать число людей, подобных Ядринцеву, как среди англичан — тех, кто поддерживает интересы Афганистана и Египта, это сослужит нам добрую службу. Он вспоминал взятую из Газали арабскую пословицу примерно такого содержания: «Когда дитя жестокосердного притеснителя и насильника попадет в беду и станет горько плакать, то он найдет поддержку угнетенного», и слал молитвенное благословение Ядринцеву.

Газеты и журналы, поступавшие в Народную библиотеку, названные выше произведения, беседы с дядей и отцом уже к 1906—1908 годам, когда мне было шестнадцать лет, сформировали мой взгляды на мир, заложили основы нового мировоззрения. Все это побудило меня обогащать свои знания с помощью русского языка. Я поставил себе целью сравнивать сведения, почерпнутые мною из исторических источников ислама, со сведениями русских источников, для чего и решил поступить в учительскую школу. Это желание пробудил во мне прежде всего Мурат Рамзи. Я уже говорил о том, что отдельные куски из своего произведения он дал прочитать дяде и отцу еще до выхода книги в свет. Он посоветовал мне изучать известные ему русские труды по истории, в особенности историю Соловьева, которой пользовался и сам. Особенно нравились ему труды Ядринцева.

В ту зиму (1907—1908) я вновь учил шакирдов отцовского медресе арабскому языку и давал уроки по произведению «Нур аль-якин», посвященному жизни Пророка Мухаммада. Моя увлеченность арабской литера-

турой, точнее сказать, любовь к ней, привитая мне дядей, не давала еще возможности в полной мере заняться русским языком. Чтение произведений Мусы Яруллаха усилили любовь к арабской литературе. В те годы была издана книга Мусы Яруллаха, в которой он глубоко истолковывает философские воззрения арабского поэта и мыслителя Абу'л Ала аль-Маарри по его произведению «Аль-Лузумият» («Обязательность необязательного»). Я считал его образцом арабской литературы и увлекался многими заложенными в нем мыслями, особенно — о религии и вере. Однако это произведение Мусы Яруллаха в то время было напечатано лишь до буквы «Д». С помощью Ахмета Исхаки я выписал один экземпляр этой книги, изданной в Индии литографским способом и имеющей постраничные пояснения на полях. То, что я не мог уяснить для себя до конца отдельные места комментариев, еще больше усилило мое желание как можно глубже познать арабский язык. Строки Маарри «Чем основательнее запрятаны истина и сокровища, тем сильнее во мне стремление отыскать их и понять их сокровенный смысл» умножали мое желание преодолеть стоящие предо мной трудности.

В области религии меня более всего поразили такие его мысли: «В каждой религии есть немало ложных правил и канонов, которым мы поклоняемся. В сущности, все сводится к следующему: постигнув истину, сможешь ли ты донести ее до своего народа?»

Если покину родной очаг и уеду учиться в дальние края, куда направиться и чему учиться?

Нияз Максудов, впоследствии ставший имамом в Нью-Йорке и скончавшийся в 1956 году, в то время учился в Бейруте в американском колледже. Он и меня звал туда же. Я размышлял: если я, покинув Россию, уеду в Бейрут, то смогу, во-первых, постичь все тонкости арабского языка и литературы, во-вторых, овладею языком английским. При возвращении из хаджа отец приобрел для меня в арабских странах и Стамбуле множество книг. Весной я окончательно понял, что и в дальнейшем оставаться в Кузене и Утяке уже не смогу, и решил уехать куда-нибудь и продолжать учебу на более широкой основе. Отец же собирался оставить меня в деревне имамом нашей мечети и одновременно учителем в медресе. По его мнению, я должен быть полезен своему народу именно в качестве имама, который в силу знания русского языка может принимать участие в политической жизни общества

как член земства (в уездном, а затем и в губернском масштабе), не исключал возможности стать членом Российской Думы. Поэтому он не торопил меня с женитьбой. Между тем, наша помолвка с дочерью друга отца из восточного Урала Хажимахмута Якшимбетова, Нафисой, состоялась уже давно. Однако позже у родителей появилось намерение женить меня на дочери богатого башкира катайского рода Габдрахмана, о которой отзывались как о редкой красавице, но которую еще не приходилось лицезреть. Кажется, они даже обменивались подобающими в таких случаях подношениями. В этом деле на родителей влиял близкий друг отца из деревни Мирзакай имам Сабир-хазрет. Но родители воздерживались женить меня без моего на то согласия. По словам матери, они поняли мое стремление продолжать учебу где-нибудь на стороне. Мама, Нурмухамет и Газиз относились к этому желанию весьма сочувственно. Весной, когда я вернулся из Утяка, к нам приехал друг отца член Государственной Думы Шахшериф Метинов. В присутствии отца он посоветовал мне продолжать занятия русским языком, сказал, что от учительства в медресе толку не будет. Этот деятель, прекрасно владевший русским языком, в тот свой приезд к нам подарил мне сочинение профессора Грушевского, посвященное движению за самостоятельность Украины, и труды профессора Максима Ковалевского о проблемах прав наций. Этим он хотел привлечь меня в свою сферу, в область политической деятельности.

В мае я поехал к Ибрагиму в Алагуянбашы. Однажды, прислонившись к двум соснам, мы беседовали с ним, и я раскрыл ему все свои секреты, рассказал о приглашении Нияза Максуди в Бейрут, о советах земского врача Зайнаб Габдрахмановой и Шахшерифа Метинова о необходимости получить университетское образование в пределах России. Ибрагим, опасаясь того, что если я войду в круг русского общества, то непременно начну отдаляться от него, посоветовал ускорить женитьбу на дочери Хажимахмута, заверил, что может повлиять на отца. В это самое время жена Ибрагима Ак-килен готовила башкирский сыр-курут и прислушивалась к нашему разговору. Вдруг она подала голос: «Разве можно мешать человеку, который решил учиться?» На это я воскликнул: «Ах, пусть вашими устами вещает сам Аллах!» Если бы мама, Ибрагим, Нурмухамет и Газиз настаивали на женитьбе, а мама к тому же была бы категорически против моего отъезда из дому, я бы примирился со своей

участью. Отец, бывало, не раз сердился на меня, но я старался быть очень бережным в отношении матери и стремился никогда ее не огорчать. Неожиданное вступление в разговор жены Ибрагима означало важный поворот в моей судьбе. Ибрагим мог бы оказать большое влияние на отца, и я решил про себя в конце июня направить свои стопы в Оренбург.

Я очень любил свои родные аулы Кузень, Галиакбар, Алагуянбашы и кочевья Акбейек. Но отсталость нашей культуры и быта заставляла смотреть на всю нашу жизнь как бы свысока. Лишь значительно позднее я понял смысл и правоту идеализации башкирской жизненной философии русскими писателями Толстым и Аксаковым. Интеллигенция этого общественного круга посвятила меня в тюркскую, арабскую и персидскую культуру, познакомила с некоторыми великими мыслителями Востока и Запада и дала мне нравственный и политический идеал, который поправлять и изменять впоследствии уже не было надобности.

1908 — 1916 ГОДЫ. НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В Оренбург, затем — в Казань

С 18 до 26 лет жизнь моя прошла в преодолении больших трудностей, учился и учительствовал, занимался наукой, при этом непрерывно путешествовал между родным Башкортостаном и Казанью, позже между Петербургом, Бухарой и Ферганой, постепенно изучая, осваивая это обширное пространство, в которое стал входить постепенно, начиная с 29 июня 1908 года, с того самого дня, когда решил покинуть родной аул. В тот день мои родители уехали в гости, и я, улучив момент, сунув в карман немного мелких денег, сложив в мешок краюху хлеба, щепотку чая, колбасу-казы, головку курута, отправился в путь-дорогу. Отцу же оставил записку: «Жениться не желаю, хочу учиться». В конце приписал хорошо известную ему старую арабскую пословицу: «Рано женившийся мужчина схож с мышкой с нацепленным к хвосту веником, он ничего в жизни не добьется». Я просил его не сердиться и не лишать своего благословения. О своих планах никому в ауле, кроме двоюродного брата Нурмухамета, не обмолвился. С ним меня связывала особая дружба, сложившаяся с раннего детства, когда мы, выходя на ночное, проводили вместе длинные холодные ночи. Но и ему я не открыл день своего бегства. В то время я был влюблен в девушку-мишарку Лейлабадар, очень способную ученицу моей матери. В детстве мы с ней вместе читали религиозные и нравоучительные книги на фарси и тюрки. За водой она ходила к нашему колодцу. Случилось так, что в момент моего ухода из дома встретилась именно она. Но и ей я не мог ничего сказать. Лишь один человек знал о моем намерении — младший брат Габдрауф. Усевшись вместе с ним на одну лошадь, мы отправились вдоль хребта «Тугыз кыр» — «Девять гребней», никем не езженной тропой. Брат должен был

проводить меня верст за десять и вернуться обратно. Спешились, оба не удержались от слез. С этого момента началась моя долгая причудливая судьба. И Ибрагим Касынбай, и Габдрауф восприняли мою решимость оторваться от родного очага с немалой тревогой и страхом. Дальше я пошел пешком, Габдрауф остался в слезах. Он смотрел мне вслед до тех пор, пока я не скрылся из виду. Почти в каждом из ближайших аулов жили знакомые и поэтому я обходил деревни стороной. Миновал и аул Сайраново, не избежал случайной встречи с одним из его жителей. «Куда направился пешком?» — спросил он. «Ищу лошадей»,— ответил я. «Так выпас-то ваших лошадей не тут»,— удивился он.— «Я ищу лошадь приезжего гостя»,— нашелся я, но подозрения его, кажется, не рассеял. Простившись с ним, я продолжил путь. Зная, что этот человек непременно расскажет отцу, где меня видел, и тот пустится меня разыскивать, направил стопы совершенно в другую сторону.

В тот день христиане праздновали Троицу (Малую пасху). Совершенно выбившись из сил, добрался до русского села Верхотор. Русские говорят: «Без Троицы дом не строится», этот день дает начало большим работам. Все были навеселе, и я пустился в пляс вместе с русскими девушками, с мешком за спиной, пел запомнившиеся мне русские песни, вроде «Во саду ли в огороде девушка гуляла». Девушки называли меня «башкиренком» и целовали, обнимая. «Если дело так пойдет и дальше, будет плохо»,— думал я про себя. Между тем один из парней надумал предложить мне выпить водки. Недовольный моим отказом, вылил остатки водки на мою одежду. Я заплакал от обиды и оскорбления, так как Кораном водка приравнена к человеческим испражнениям. Медовухи башкирской я к тому времени уже пробовал, но осквернение одежды водкой было свыше моих сил. А девушкам были невдомек мои переживания, они с хохотом вырвали мой мешок и спрятали его. Я решил, что у них худые намерения и среди иноверцев мне не следует ждать ничего хорошего. Позабавившись и видя мое подавленное состояние, они уложили меня рядом с полупьяным пастухом башкиром. Он, оказывается, все же наблюдал за этой сценой и сказал: «Умеешь по-ихнему говорить, пляшешь с ними, конечно и мешок украдут, и остатки водки на тебя выльют — что ж плакать-то, ложись и спи». Позднее мешок сунули мне под голову. Ранним утром другого дня, еще до восхода солнца, я покинул эту деревню.

Праздник свободы совести в Мелеузе

Спустя три дня, добравшись до села Мелеуз, встретил знакомого башкирского учителя, прибывшего на здешний мусульманский праздник. Он рассказал мне, что встретившийся мне по пути башкир сообщил моему отцу о встрече со мной, и что отец, тотчас оседлав коня, отправился на поиски, но встретил в ауле Азнай своего друга богача по имени Казый и тот убедил его отказаться от мысли насильно вернуть сына домой. Весть эта меня обрадовала.

В Мелеузе жили татары, когда-то подвергнутые насильственному крещению царской администрацией. Но в душе они сохранили верность исламу. Воспользовавшись ограниченной свободой, данной революцией 1905 года, они открыто перешли в мусульманство и построили большую мечеть. По окончании строительства устроили праздник открытия мечети. По этому случаю были приглашены из ближайших аулов имамы, уважаемые среди башкир и татар люди. Несколько сот баранов, несколько быков и коров были принесены на закланье. Многие привезли из окрестных аулов кумыс. На празднике меня посадили среди мулл. Когда заговорили о сообщении в газете «Алеми Ислам», поведавшем о широком распространении в Японии ислама, возник вопрос: можно ли считать мусульманами тех, кто, отклонившись от верного учения ислама, пошел по одному из его ложных ответвлений. Стоило мне высказать мысль, что ислам основан на ряде идей, которые представляют непреходящую ценность и выше отдельных направлений мусульманства и в подтверждение своей правоты привести отрывки из трудов таких ортодоксов ислама, как Ибн Таймия, Ибн Кайим аль-Джази, как я тут же подвергся атаке фанатичных мулл. В результате мнения разделились, разгорелся спор, нашлись и те, кто осуждал деление ислама на различные толки и секты и встал на мою защиту.

Высказанные мною мысли привлекли внимание одного татарского купца по имени Ильяс (Ильяситдин) Баязитов, и он пригласил присутствовавших на празднике мулл с прогрессивными, по его мнению, взглядами, с ними и меня, в свой дом. Стало понятно желание Ильяс-агая организовать на эту тему более обстоятельную беседу меж сведущих людей. Разговор получился интересным. Я открыл собравшимся муллам свое желание уехать учиться в другие страны. Они посоветовали ехать в Египет, чтобы расширить там религиозные познания. То, что в глухом уголке тогдашнего Башкортостана оказался торговец,

интересующийся мыслями Ибн Таймии, было отрадным фактом, говорящим о росте национального самосознания и просвещения среди башкир и татар. Этот человек дал мне на дорогу еще и четыре — пять рублей, что было весьма кстати.

Красавица Кунакбая

Из Мелеуза я ушел пешком. Остерегался отцовских поисков, сторонился большой дороги. Ночью спал в хлебах. Однажды очутился около небольшого летнего пристроя — аласыка на краю маленькой деревушки Кунакбай. Я надеялся там утолить голод. Но хозяева оказались слишком бедными. Да и дома их не было. Девочка лет четырнадцати, оставшаяся с младшим братом, вскипятила мне воду, и я попил чаю с хлебом. И девочка, и малыш были удивительно красивы. Тут же лежало одеяло, сшитое, как они объяснили, из халата умершего нищего. О боже, как бедны эти люди, как они будут жить дальше, думалось мне. В то же время меня поражала красота их лиц. Я отдал им свой хлеб, казы и курут, имевшиеся в моем мешке. Мне не давала покоя одна и та же мысль: «Что это за прелесть, и, в то же время, что за нищета». О горьком контрасте тюркской жизни Джалалиддин Руми написал такие строки: «Насколько темно и бедно жилище тюрка из кошмы, настолько чудно светится, подобно луне, лицо красавицы в нем».

У обитателей этой лачуги имелась одна-единственная коза, которую они доили и пили молоко. Однако гостеприимство башкир порой не знало меры, переходило всякие границы, и если бы к отцу этих детей однажды заявился близкий друг ишан или шейх, считающийся его духовным наставником, он, не задумываясь, зарезал бы ради гостя свою единственную козу. Если бы я не задумал учиться, то женился бы на этой девчушке, думал я про себя. В тот момент, когда мальчик пошел перевязывать козу на полянке за аласыком, мне захотелось поцеловать эту девочку, но я отступился от своего дерзкого желания. Когда она смущенно спросила меня: «Ты снова сюда придешь?»,— я объяснил, что иду далеко, буду учиться. Она подарила мне иголку с белыми нитками, сказав: «Может, пригодится в дальней дороге». Вполне возможно, что это было одним из обычаев нашего народа, выражающих желание дарящего когда-нибудь возвратить путника обратно.

В татарском ауле Муса, стоящем несколько в стороне от большой дороги, я встретил друга отца по имени Набихаджи. Это был очень полный человек. «Если даже отец твой выследит тебя, не выдам, помогу бежать»,— заверил он меня.

Он тоже был из тех, кто не хотел, чтобы я завяз в своей деревне, и даже будто бы советовал отцу дать мне возможность учиться. На другой день он велел запрячь лошадей до Каргалов, дал мне на дорогу немного денег. Решил также дать ткани, чтобы я мог прилично приодеться. «Сошьешь одежду в Оренбурге»,— сказал он мне. Я упросил его вместо этой ткани отправить от моего имени два одеяла отрокам из Кунакбая, предварительно поведав о горестном их положении.

Когда, усевшись в арбу, я выехал в путь, то все мои помыслы были охвачены той девушкой по имени Зулейха и ее братом. Ну почему я ее не поцеловал, терзался я мыслью, но в нашем ауле такое не было принято. О поцелуях я начитался в русских романах, успокаивал я себя, и сделал совершенно правильно, что подавил в себе это побуждение.

Прошло время. В 1913 году я ехал на почтовых лошадях из Оренбурга в Стерлитамак, и путь мой проходил неподалеку от Кунакбая. В ту пору я начал изучать немецкий язык и слова Гете, обращенные к девушке по имени Зулейха, показались мне обращенными и к моей красавице Зулейхе из Кунакбая:

«Позволь сладостью поцелуя стереть муки греха любви,
Пусть подаренный тобою мне фетиш останется моим талисманом
в твоем сердце»

«Может быть, иголка и белые нитки, подаренные мне моей Зулейхой, были для меня тем самым фетишем»,— подумал я.

На почтовой станции я встретил жителя этого аула и спросил: «Как-то видел я здешнюю девушку по имени Зулейха с братишкой, что жили в нищем домике на краю деревни, как они себя чувствуют?» И он сказал, что оба они сейчас люди семейные, у них родились первенцы, и спросил в свою очередь: «Однажды к ним приехал какой-то шакирд, потом он прислал им два одеяла. Уж не тот ли ты человек?» Я не стал распространяться о своих чувствах, заметил лишь: «Очень уж бедно они жили. Я послал те подарки с помощью Набихаджи». На это он ответил: «Да ведь и сам ты был бедным шакирдом. Мы тоже звали ее «Красавица Зулейха».

Приезд в Оренбург, шакирды «Хусаинии»

Денег у меня было мало, и я тратил их исключительно для еды. С согласия муэдзина я ютился в уголке мечети возле сенного базара. Мечеть напоминала маленькую комнату. Вставал до утреннего намаза и ложился после вечерней молитвы. Одежда на мне сильно загрязнилась и я, прихватив с собой мыло, отправился стирать ее к Сакмаре. Течение подхватило и унесло мою рубашку. А сменную я не взял с собой. Чтобы спасти уплывшее белье, я бросился в речной поток и чуть не утонул. Помог корень подмытого дерева, за который я успел ухватиться и затем выбраться на берег. Течение реки унесло меня довольно далеко. Рубашка уплыла, зато сам я спасся и уже за это был безмерно благодарен всевышнему. По пути к оставшейся лежать одежде встретил группу шакирдов из медресе «Хусаиния», с которыми был уже знаком. Оказывается, они видели, как меня смыло волной, и прибежали к реке. Среди них был парень-башкир по имени Биктимир. Позднее, до самой его смерти, мы были с ним близкими друзьями. «Алла тебя спас, благодари его»,— сказал он. Я с ним согласился: «Бросился в поток, не умея плавать, и бог меня за это покарал, но подсунул в последнее мгновение корягу для спасения». «Не бойся, научу тебя плавать»,— успокоил он меня. Привел меня в общежитие и, видя, что я остался без рубахи, дал свою. Пообедали. Среди его приятелей был младший брат Габдуллы Баттала, писателя, с которым я познакомился позднее. Звали его Кави и он относился к числу, как теперь выражаются, «непокорной молодежи», а тогда их у нас называли «материалистами», «атеистами». После этого случая я с ним подружился. Им казался забавным мой внешний вид, так как я был одет как типичный деревенский башкир: на голове — отороченная мехом шапка и тюбетейка, на плечах бешмет и елян, на ногах ичиги и ката (кожаные калоши), на теле — холщовая рубаха со шнурками вместо пуговиц, брюк нет, вместо них холщовые штаны особого, действительно неуклюжего и смешного фасона, которые тоже держались не на ремне, а на веревочке. В один из моих приходов в медресе кто-то из новых веселых приятелей спустил мне холщовые штаны, дернув за веревочку и выставив меня на посмешище. Все кругом хохотали от души, советовали больше никогда не надевать эту одежду. Биктимир дал мне по-городскому сшитые брюки. Это были мои первые европейского покроя брюки. У нас в ауле брюки носят только зимой. Из-за моего внешнего вида шакирды

относились ко мне насмешливо, как и простоватому малому из глухого аула. Среди них были такие, что малость умели говорить по-русски и толковали о социализме. Узнав, что я говорю на языке фарси и арабском, а русский знаю лучше их, они были сильно удивлены. Уходя из дому, я сунул в мешок книги Абу'ль Ала аль-Маарри («Аль-лузумият»), русского ученого Ядринцева («Положение инородцев в Сибири»), Аттара («Жизнеописание шейхов»). У одного русского книготорговца увидел «Русско-арабский словарь» Гараба Навзи. Денег у меня было мало и я три дня крутился вокруг книжной лавки, не решаясь купить приглянувшийся мне словарь. Наконец, решился. Эта книга оказалась чрезвычайно полезной. Пользуясь ею, между делом, переводил на тюркский (чагатайский) и отдельные куски из книги Ядринцева[12] и читал их Биктимиру. В меру собственного понимания перевел из той книги две части, озаглавленные «Причины гибели нерусских народностей и их способность к культурной жизни», «Значение кочевой жизни в истории развития культуры человечества». В связи с этим внимание «непокорной молодежи» ко мне заметно повысилось.

Биктимир был сыном сельского имама. Он отдал мне еще и летнее пальто, которое носил сам. Таким образом, я обрел внешность городского человека. Иные из шакирдов попросили меня давать им уроки русского и арабского языков. Но я отказался, сказав, что мои «знания недостаточны, чтобы ими делиться с другими». Тогда они предложили мне перебраться к ним в общежитие и жить там вместе с ними. Но зная, что среди них были любители вина и картежной игры, я не хотел к ним присоединяться. Выехав из мечети, поселился в доме переехавшего из нашего аула и занимавшегося торговлей мишарского тюрка. Биктимир научил меня вполне прилично плавать. Мы каждый день купались в том месте Сакмара, где течение было не столь быстрым. Шакирды интересовались, чем я намерен заниматься дальше, но я и сам не знал толком. Но верил, что обязательно буду продолжать учебу.

Экзамен Камал-бая

Именно в те дни произошла революция в Турции. Придя в читальню, открытую татарами, знакомился с новостями, печатавшимися в газете «Шура-и Уммат», которая издавалась в Париже «младотурками»[13]. Подробные сообщения давали и русские газеты. Это событие привлекло к Турции все мое внимание. По совету Мусы-хаджи я познакомился с татарским богачом по имени Камал-бай Габидуллин. Он

не одобрил моего желания ехать на учебу в Стамбул, Бейрут или Египет и в меру своих возможностей стал меня экзаменовать. «Имеешь ли представление о «сорока фарзах»?— спросил он. Так как, кроме намаза, зэкэта, уразы и хаджа я не знал других фарзов, то и ответить на его вопрос не смог. После этого он спросил о некоторых молитвах — дога, но я не знал и их. Дело в том, что наставник мой Хабибназар учил меня прежде всего литературному арабскому языку. «Религиозными вопросами займемся после»,— говорил он, но не суждено было заняться ими и после. Будучи человеком либеральных воззрений, он придавал значение фарзам намаза, но не уделил внимания на те, что входили в сунну. Камал-бай спросил меня и о них. Я и тут обнаружил свое невежество. Присутствовал при этом и его управляющий делами, то и дело бросавший на меня укоризненные взгляды. «В одном месте Корана названо четыре пары скота, в другом — восемь пар, разрешенных мусульманину для потребления в пищу,— сказал мой экзаменатор.— Коль понимаешь арабский язык, назови их!» Я ответил, что понимаю некоторые места Корана, но «асбабы нузул» и «ахкам» пока не постиг. «До того, как отправиться в Стамбул или Египет, тебе еще следует многому поучиться здесь,— сказал мне Камал-бай.— Поучись в медресе Загита-хазрета в этом году, а там я тебе помогу. Но дать денег для поездки в Стамбул не смогу, ибо начал большое строительство». Услышав его слова, я вспомнил стихи Абу'ль Ала аль-Маарри такого содержания: «Беднее всех в этом мире — царь, затеявший создание великого и могучего войска, не имея на то достаточно денег».

Расставшись с Камал-баем, я мысленно укорял своего наставника Хабибназара: ты учил меня синтаксису, литературе, риторике по книгам муллы Джами и Тефтазани «Мутаууал» и «Нехж аль белаг», побудил читать исторические труды Ибн Халликана[14], а вот сорока фарзами заставил лицо мое почернеть от стыда. Обо всем этом я подробно написал другу своему Ибрагиму Каскынбаю. И хоть Камал-бай вместе со своим управляющим обещали изредка помогать мне и поэтому, мол, я могу иногда их посещать, я до конца своего пребывания в Оренбурге так ни разу их не навестил. Но то, что Камал-бай остудил мой пыл ушатом холодной воды, показав мне мое собственное невежество, заставило меня отказаться от плана немедленно отправиться за знаниями в Египет или Бейрут. По мнению Камал-бая, то, чему учил меня

Хабибназар, оказалось мелочью. Но я был все же иного мнения и сам себе дал слово, что все равно не буду заниматься этими «сорока фарзами».

Ризаитдин Фахретдин

В этом году в Оренбурге стал выходить журнал «Шура» под руководством выдающегося ученого Ризаитдина Фахретдина. В том же году он выпустил труд, посвященный жизни и философскому учению глубоко уважаемого мною Абу'ль Ала аль-Маарри. Книгу я прочитал еще в ауле. Отправился к Ризаитдину Фахретдину, близкому другу моего отца. Он принял меня как взрослого. Жил в отдельном доме, принадлежащем Рамиевым, которые также субсидировали издаваемый журнал. Мы довольно долго говорили с ним об истории, литературе, особенно об аль-Маарри. Разумеется, я не стал посвящать его в «Киссу про сорок фарзов». Высказал свое желание учиться. Он немного знал по-русски, показал мне русские исторические книги, в том числе также историю Соловьева. И этот разговор напоминал своеобразный экзамен. Я поведал ему о своих колебаниях — учиться ли мне в русской школе или отправляться в Сирию. Он посоветовал остаться в своей стране.

Ризаитдин Фахретдин в 1926 году, по пути в хадж, останавливался в Стамбуле и жил в гостинице Саматья. Он вспомнил о нашем разговоре в Оренбурге в 1908 году и о своем совете учиться на русском языке. «Было бы очень жаль, если бы вы тогда не остались в России,— сказал он.— Ибо, если бы вы тогда отправились в Сирию, не смогли бы выполнить ту историческую миссию, которую совершили в годы революции среди восточных тюрков. Из тех наших интеллигентов, которые уехали в Турцию, лишь Юсуф Акчура и Ахмет Агаоглы смогли оставить заметный след в культуре этого региона».

Я посетил и дом поэта Закира Рамиева, субсидировавшего издание журнала «Шура». С ним я познакомился еще на золотых приисках «Султан» на восточном склоне Ирендыкских гор, когда мы направлялись вместе с отцом в Троицк. Стихи его были прелестны, он прекрасно знал чагатайскую литературу.

В этом же году на обложке журнала «Шура» в красивом оформлении было напечатано четверостишие Алишера Навои такого содержания: «О всевышний, зная о моей любви и следуя моим желаниям, ты создал косы моей любимой длиною в ее рост» (однако на самом деле эти стихи принадлежат, кажется, золотоордынскому поэту

XIV века Хорезми). Я сказал Закир-бею о том, как хороша эта поэтическая выдержка, и прочитал наизусть еще кое-что из Навои, оставшееся у меня в памяти. Он тут же записал эти стихи в свою тетрадь. Кстати, я прочитал также следующие стихи Навои, которые мне самому очень нравились: «На чужбине человеку нет радости, ни трудом, ни ученостью не добьется он благодарности. В золотой клетке прекрасный цветок может расцвести, но на чужбине соловью не дадут свить гнездо даже среди колючек».

Закир Рамиев бесспорно понял, что смысл стихотворения весьма соответствует моему состоянию и настроению. Я рассказал ему о своем желании отправиться в Казань и поступить там в школу по подготовке учителей русского языка для инородческих школ. Он одобрил мое намерение. Я не стал ему объяснять свое жалкое материальное положение. Тем не менее, он посоветовал мне встретиться с редактором газеты «Вакыт» («Время») Яруллой Валиевым. На другой день тот вручил мне от имени Закир-бея 50 рублей.

Закир-бей разговаривал предельно искренне. Он спросил меня, где я читал стихи Навои. Я рассказал, что «Диван» есть у отца и в Алагуяне у Каскынбая, а печатная «Хамса» имеется у Бикбулат-хазрата в Сайране. Следовательно, в ту пору Закир-бай еще не видел «Хамсы» и «Дивана» Алишера Навои, а читал только его «Мухакаму».

Путешествие в Астрахань, Габдрахман, сын Гумера

На деньги, полученные от Наби Хаджи и Закира Рамиева, я решил сначала съездить в Астрахань, а затем отправиться в Казань, сел в Оренбурге в товарный вагон и продолжил свое путешествие. Сойдя в городе Бузулуке, встретился с имамом и редактором Галиаскаром Чагатаем. Этот человек, претендуя на либеральные взгляды, сочинил труд, в котором пытался опорочить жену Пророка Гайшу. Как выяснилось из беседы, подобные сведения он почерпнул из произведений русских миссионеров. Я заметил, что дома у него вообще не было каких-бы то ни было источников по истории ислама.

В городе Самаре я встретился с издателем журнала «Иктисад» имамом Фатихом Муртазиным, интеллигентным и обаятельным человеком. Мы с ним совершенно откровенно говорили о жизни нашего народа. Он посоветовал мне изучать экономические науки, не ограничиваясь учебой в школе по подготовке учителей русского языка для инородческих школ, рекомендовал искать пути для поступления в университет, а так как мне должно было исполниться восемнадцать, то для сдачи вступительных экзаменов советовал заниматься самостоятельно. Такой же совет давали мне в свое время доктор Зайнаб Габдрахманова и адвокат Султанов. Меня удивило, что хазрат Фатих дал точно те же советы.

Я сел в пароход и продолжил свой путь в Астрахань. Одна-единственная цель этой поездки — встреча с Габдрахманом Гумеровым, начавшим выпускать в этом городе газету «Идель». Он был выходцем из кара-ногайских тюрков, был шакирдом моего дяди Хабибназара, когда тот учительствовал в казанском медресе Марджани. Однажды летом в поисках своего учителя Габдрахман дошел до нашей деревни. Тогда я еще был маленьким. С отцом и его братом Вали-муллой они пропутешествовали по верхней Агидели и Яику, обошли кочевья-яйляу Шыкмамай, Иремель, упоминавшиеся в старых ногайских дастанах. Долго переписывался с отцом и дядей. Гумеров жил на окраине города Астрахань в махалле под названием Тияк. Он поселил меня в своем доме, показал ногайские аулы близ Астрахани. Он тоже был влюблен в древнетюркские дастаны, вел исследования, часть которых была опубликована. Я и с ним советовался по поводу своей дальнейшей учебы, но он, будучи редактором, узнав о моих литературных возможностях, посоветовал остаться в Астрахани работать в его газете и здесь жениться. Но я остался при своем мнении ехать в Казань и продолжать там учебу. Сел на пароход и продолжил свой путь.

Отправился я в Казань среди тюков, на птичьих правах. Однако в Казань я решил прибыть, подзаработав где-нибудь немного денег. Сошел в Балакове, не доплыв до Саратова и, по чьей-то подсказке, направился на поле русского богача Прохорова. За спиной — мешок с пошитой в Астрахани зимней одеждой и книгами. Оказалось, надо идти тридцать километров. От ходьбы я натер ноги. К вечеру, наконец, добрался до этого хозяина, зайдя в какую-то чайхану, написал письмо Ибрагиму Каскынбаю и матери. Описал трудности пути, но подтвердил свою решимость учиться и ради этого все перетерпеть. Писать отцу не посмел, ибо знал, что он еще зол на меня.

В хозяйстве того русского богача проработал пятнадцать дней на молотилке. С одной стороны, работа мне показалась очень интересной и веселой. Я рассчитывал проработать дней двадцать, но молотилка вышла из строя

и мне пришлось выслушать брань управляющего. Это меня очень задело. Пусть будут прокляты деньги, заработанные унижением, решил я про себя, и решил рассчитаться за проделанную работу. Поняв, что неправ, управляющий заплатил мне и за шестнадцатый день. Чтобы не тратиться лишний раз, я отправился в Балаково пешком. Там нужно было целый день ждать на пристани пароход. Камалекский башкир по имени Гузаир собрался ехать домой на собственной подводе. Я обратился к нему: «Не возьмешь ли меня с собой? Хочу посмотреть родину камалекских башкир. Там умер один из моих предков по имени Иштуган». Он охотно пригласил меня на свою арбу. Мы прибыли в башкирские аулы в местности по названию Солак (названия деревень забылись). В 1917 году к нашему движению присоединились весьма авторитетные люди из камалекских башкир. Это путешествие оказалось полезным для дел, которые мы развернули девятью годами позже.

На другой день с утра я вновь отправился на балаковскую пристань. На пароход я не успел, так что пришлось ждать следующий. Ничего не оставалось, как сесть за длинное письмо Ибрагиму и матери, в котором описал свою работу в русском хозяйстве и посещение камалекских башкир, и хоть до этого никогда не писал стихов, свои приключения описал в стихотворной форме. Значительно позднее узнал, что эти письма читали многие наши знакомые, а кто-то даже их переписал. На пароходе занимался переводом «Истории Пугачевского бунта» Пушкина.

Марджани и его произведения

Едва добравшись до Казани, я поспешил в медресе учителя моего дяди — Шигабудтина Марджани и к его сыну мулле Бурхану. Говорил с мударисом медресе Сафи-хазретом и его шакирдами. Марджани, несомненно, самый великий ученый, выросший в последние века среди российских мусульман. Он снискал признание и среди русских ориенталистов. Участвовал на русских научных конгрессах. Однако Сафи-хазрет, руководивший его медресе, меня разочаровал.

С Касим-хазретом и его окружением у меня сложились добрые отношения. Ввиду того, что Марджани был учителем моего наставника Хабибназара, окружавшую его духовную атмосферу я знал хорошо. В библиотеке муллы Бурхана и другого выдающегося ученого Казани Галимьяна Баруди я прочитал доныне не опубликованный

восьмитомный исторический труд Марджани на арабском языке «Вафиятел-аслаф». Напечатан же лишь первый том этого произведения, представляющий собой лишь вступление к нему. В этом своем труде, названном «Мукаддима» и написанном в стиле арабского философа Ибн Хальдуна[15], Марджани высказывает целый ряд либеральных мыслей. И этот свой великий труд, как и его краткий вариант «Мунтахаб аль-Вафия», увидевший свет в 1881 году, Марджани посвящает истории халифов, биографии исламских ученых, в последних томах пишет о научных деятелях Поволжья, Туркестана и Османской империи. Из-за своего малолетства я ничего не знал и не слышал об этих великих произведениях, и потому чтение их доставляло мне огромное удовольствие. Из сообщений Российской Академии можно узнать, что эти выдающиеся труды сегодня хранятся в библиотеке Казанского университета, что они все еще не изданы, каталог не составлен. Следовало бы хотя бы в сокращенном виде издать их на русском языке. Удивительным представляется факт, что не нашлось ни одного человека, который сделал бы достойный перевод этого памятника культуры восточных тюрков прошлых веков. В настоящее время в среде казанских татар следует подготовить специалиста, хорошо знающего арабский язык.

Реформисты Казани

Среди казанских татар в те годы существовал круг, желающий провести широкие реформы, молодежная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. А вообще, в Казани я избегал широкого общения. Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашел их деятельность беспланової, самих их нерешительными, большинство идей беспочвенными. Они хотели превратить существующие татарские медресе в гимназии, технические школы, в университеты. Я же думал в ту пору, что действительно устаревшие медресе можно было бы преобразовать в средние школы двух типов. Одну их часть — в «Теологические семинарии» по типу христианских, другую — в «школы по подготовке учителей». Свои соображения на сей счет я опубликовал в татарской газете «Баянел хак». Они не понравились «реформистам». Поэт Габдулла Тукай реагировал на мою статью стихотворением, писатель Фатих Амирхан — парой статей. Они решили, что автором статьи был журналист Габдулла Гисмати. Тон их выступлений был уничижительным. Издеваясь над моей статьей, Габдулла

Тукай написал свое стихотворение в жанре эпиграммы: «Этот интеллигент просвещенье продает». После нашего знакомства я ему сказал, что автор статьи вовсе не Габдулла Гисмати, после чего он признал отдельные слова и выражения своей эпиграммы неуместными. В том кругу (общество Фатиха Амирхана), в котором вращался поэт, увлекались потреблением спиртного и картежной игрой, поэтому я не шел с ними на сближение. Однако частенько заглядывал в номер отеля «Булгар», где в то время проживал Габдулла Тукай. Когда я объяснил ему, что стихотворение поэта, начинающееся с буквы «К» (казы, кыз, кымыз), идет от Шайбек-хана, он стал интересоваться чагатайской литературой, но, не поддержанный друзьями, вскоре к ней остыл. В газету «Аль-Ислах» он предложил статью, в которой признал, что неверно воспринял мои намерения. Хозяин газеты Фатих Амирхан, будучи человеком надменным и заносчивым, обиженный моей критикой, отказался печатать эту статью Тукая. И лишь позднее они поняли, что смысл моей статьи в газете «Баянел хак» был искажен из-за того, что ее произвольно сократили в редакции газеты.

Мое знакомство с Яруллахом Бигиевым и Кади Габдрашитом

На верхнем этаже редакции газеты «Ислах» жил знаменитый исламский ученый Муса Яруллах. Я познакомился с ним. Мое увлечение арабской литературой ему очень понравилось. Мы говорили с ним о некоторых идеях аль-Маарри и о его собственных публикациях в основанной им газете. В его доме я познакомился с известным путешественником и редактором Габдрашитом Ибрагимом. Он издавна знал моего отца, прошел вместе дорогу хаджа. Габдрашит привел меня к себе в дом, расположенный в городском районе «Янги бистэ» Казани. Я поделился с ним о своем желании учиться. Он дал те же советы, что и Ризаитдин Фахретдин; для изучения арабского языка и литературы незачем уезжать в Сирию или Египет; здесь, в доме муллы Касима, живет один из самых видных знатоков арабского языка из магрибских ученых Ахмед Шанкити, прибывший в качестве гостя. Он собирается жить в Казани целый год. Будешь изучать арабский язык у него и у Мусы Яруллаха. Для обучения же русскому языку не следует поступать в русскую школу, это очаг безнравственности, учи самостоятельно, сдашь экзамен, может быть, будешь готовиться к сдаче экзамена по программе гимназии.

Именно так сделал кустанайский татарин Габдулла Гисмати,— сказал Габдрашит. Таким образом, вопрос, который никак не решался в течение двух лет — остаться в России и учиться по-русски или уехать в исламские страны и там получить образование, решился с первого выбора. Вообще, принимая важные решения в поворотные моменты своей жизни, я взял за правило советоваться с людьми, вызывающими доверие. И это неизменно давало свои добрые результаты.

Из-за отсутствия денег я поступил в медресе «Касимия». Уроки медресе меня не удовлетворяли. Посещал уроки математики мугалима Фатиха Мухамедьярова. Начал брать уроки у Ахмеда Шанкити по арабскому языку и литературе, начал читать юмористические рассказы арабского писателя Харрири. Порой Ахмед Шанкити, порой Муса Яруллах или Касим-хазрет оказывали мне материальную помощь, в определенный день каждого месяца давая небольшую сумму денег. У Мусы эфенди учился диванам арабского поэта Тарфа Ибн Аль-Абда, хвалебным одам Ибн Дурайда. Муса эфенди проверял также мои знания по русскому языку и давал полезные книги. Давал мне на прочтение корректуру арабских произведений, готовящихся для печати, и платил за это отдельно.

Сын эфенди Габдрашита Мунир-бей заведовал отделом писем в газете «Баянел хак», он тоже давал мне вычитывать готовящиеся к публикации научные статьи и платил за это. Однажды хозяин Мухаметьян Сайдашев предложил мне написать статью к альманаху, выходящему в качестве приложения к этой газете под названием «Вести». Я подготовил статью об уходе за пчелами, использовав русские источники.

Однажды Мухаметьян Сайдашев при разговоре обо мне сказал сыну эфенди Габдрашита Мунир-бею, что, владея русским языком, арабским и фарси, я в то же время хожу в деревенской одежде, и что он желал бы сшить мне приличную одежду. Но когда я сказал, что не хочу носить одежду городского татарина, предпочитаю одежду русского покроя, очень рассердился. В тот же день я отправился на казанский базар и приобрел одежду русского покроя. Когда я появился в ней в отделе Мухаметьяна Сайдашева, он не выдал мне даже положенные мне деньги. Сайдашевы были людьми крайне высокомерными.

Частные уроки русского языка и изучение исламских наук

Я получал уроки русского языка у человека по фамилии Емельянов, состоявшего учителем в «Школе по подготовке учителей русского языка для инородцев» при медресе «Касимия». Но так как среди казанской публики бытовало мнение, будто посещающие эту школу готовятся принять христианство, я брал уроки русского языка прямо у него на дому.

Во время пребывания в Казани я проводил время: 1) читая неопубликованные труды Марджани, 2) получая уроки арабского языка, 3) готовясь к экзаменам для получения звания учителя русского языка в инородческих школах. Было еще одно занятие, отнюдь не уводящее в сторону: изучение в русском переложении «Корана» и «Фикха», составляющих основу нашей исламской религии и просвещения, и, продолжив это дело с человеком, хорошо знающим Коран, провести сравнительное изучение арабского источника с русскими переводами, дабы прийти к общему истинному убеждению. От этого же эфенди Габдрашита узнал, что для этого следует обратиться к имаму Садику Иманкулию, издавшему Коран со своими комментариями. Дядя мне говорил: сначала изучай литературу, потом займешься Кораном и «Фикхом». Именно поэтому я остался в стороне от знаний, составляющих основу исламиата. Во мне родилось желание обрести всеобщие и глубокие познания о нашей религии. Имам Иманкули согласился дважды в неделю давать мне специальные уроки по Корану и «Фикху». Дома я прочитывал отрывки из русского перевода Корана Г. С. Саблукова[16], а также те части Ташкентского издания «Хидаи», не касающиеся молитв, и затем вместе с эфенди имамом сопоставляли с арабским текстом. В результате трехмесячной сопоставительной работы я понял, во-первых, что не все тонкости текста доступны обучавшемуся в Бухаре Садику-мулле, во-вторых, что изучение всех глубин и тонкостей основных источников нашей религии на арабском языке — не мой удел, что это потребует очень много времени и поэтому мне будет трудно это осуществить, что если я всерьез займусь этим, то буду вынужден оставить мысль об экзаменах для поступления в русскую школу и получения в ней среднего образования. А если подумать, чего достигну я, даже проникнув в глубины корана и «Фикха» и получив о них точные знания? После трех месяцев я на один час сократил эти свои занятия, а там и вовсе прекратил, довольствуясь самостоятельным чтением Корана в переводе Саблукова и «Хидаи» и получением общих сведений по различной тематике. Мои знания ислама не были поверхностными. Благодаря тому, что я хорошо разбирался в истории ислама, его культуры, исторической географии, экономического состояния разных эпох, я исполнял обязанности профессора исламских наук в 1935 — 1939 годах в Германии в Боннском и Геттингенском университетах, а также заведовал институтом по изучению ислама в Стамбульском университете, который был организован по моей инициативе. Ввиду того, что основу моей научной деятельности составляет история тюрков, я желал посвятить этому все свои исследовательские усилия, и отказался от обязанностей директора основанного в 1953 году в Стамбуле Исламского института. Но в течение шести месяцев не удалось найти на замену профессора, который соответствовал бы этой должности. Как бы то ни было, то, что я был вынужден руководить этим институтом, было показателем сильного отставания в последние годы исламоведения в Турции. Вообще, в области исламской культуры у нас в Турции очень мало людей, которые, хорошо владея европейскими и восточными языками, могли бы быть профессорами университетов. К сожалению, у нас еще не выросли такие специалисты, как Мухамад Шафи, Закир Хусейн в Индостане, Такизаде в Иране. Когда я впервые прибыл в Турцию в 1925 году, здесь работали такие крупные ученые, как Исмаил Саиб, Бабанзаде, Наим бей, Хамди Аксекили. В ту пору университет взамен теологии, специалистами в которой были эти ученые, ввел в изучение историю исламской культуры, и по этой причине они не могли исполнять обязанности профессоров кафедры. У нас лишь в последнее время стали формироваться исламологи, знающие восточные и западные языки, понимающие научные проблемы на уровне сегодняшних требований.

Однако вернусь снова в Казань. Я многому научился у Ахмеда Шанкити. Именно у него прочел я большую часть «Макамата» арабского автора аль-Харири, известный труд Джахиза «Выдающиеся тюркские личности» и книгу «Десять мест» из древних поэтов Джахили. Также, по совету этого человека, написал статью о жизни и трудах казанского ученого Шихабутдина Марджани на 32 страницах и представил ему же. Шанкити знал о моем сильном увлечении тюркской историей. Вернувшись на родину, он выписал и прислал мне некоторые стихи, посвященные тюркам; к примеру, в памяти осталось стихотворение такого содержания:

В тюркских равнинах пасется газель,
Грызет деревце саксаула,
Если прольется кровь того зверенка,
Тотчас превращается в мускус.

Это же стихотворение читал мне на конгрессе в Равалпинди муфтий «Филиста» Мухаммад Амин аль Хусейни. Во всяком случае, это, наверное, было отрывком известного в арабской литературе стихотворения.

Знакомство с Катановым и Ашмариным

Упомянутый выше Емельянов, преподаватель школы по подготовке учителей для инородческих школ, познакомил меня с востоковедами Николаем Ашмариным и профессором Н. Ф. Катановым. Благодаря этому я смог познакомиться и с другими казанскими учеными-востоковедами. Сам Николай Ашмарин был из чувашских тюрков, Николай Катанов же происходил из алтайских тюрков-сагаев. Оба закончили институт востоковедения и вошли в круг русских востоковедов. Общение с ними принесло мне большую пользу. В том году я перевел с русского языка статью Ашмарина «Татарская литература», напечатанную в журнале министерства просвещения. Позднее эта статья была выпущена отдельной брошюрой оренбургской типографией «Вакыт» («Время»). Словом, в ту зиму в Казани я очень много работал, много читал, получил много уроков. Жил бедно. В марте месяце от отца пришло 70 рублей, от Ибрагима — 40 рублей. Моя мама и мать Ибрагима прислали мне белье и другие вещи. После этого я вздохнул свободнее, появилась возможность покупать книги, нанять учителя, который готовил бы меня к экзаменам для поступления в школу учителей русского языка инородческих школ. Ашмарин нашел мне учителя по фамилии Глухарев. Я продолжал получать уроки по русской литературе, математике и педагогике.

На летних каникулах в ауле

В мае (1909) я приехал на пароходе в Уфу. Там встретился с молодым мударрисом Зияитдином Камали, который в ту пору открыл медресе, и некоторыми другими интеллигентами, занимавшимися национальными проблемами. Там же познакомился с русским учителем Филоненко, серьезно занимавшимся историей башкир. По истечении нескольких лет он выпустил отдельной книгой содержание наших бесед.

Когда я вернулся домой, отец и дядя окончательно забыли о своей ко мне обиде. В нашем доме царил авторитет отца, мы все его боялись, однако же и уважали; он любил, чтобы на его вопросы давались прямые ответы. Отец не поверил, что я в Казани изучаю арабский, думал, что я занимаюсь исключительно русским языком. При первой же встрече со мной потребовал: «Объясни, чему хорошему и чему плохому научился у русских?» Я ему ответил: «Хорошее — чтобы не мочиться под ноги, плохое — надевать хомут на чужую шею». Ответ ему очень понравился. Потом он рассказывал другим о том, что единственное путное, чему я научился у русских, не оправляться где попало, а плохое — вешать петлю на шею другим. По мнению отца, наша жизнь и культура достаточно развиты, поэтому у русских и европейцев, кроме техники, нам нечему учиться. Домашние по запаху моей одежды тотчас почувствовали, что я пристрастился к табаку. Неприятно подействовала на них и моя русская одежда. Запах табака от одежды и у отца, и у матери вызвал крайнее отвращение. Они велели вынести одежду из дому и повесить под крышей, предупредив: «Не надевай до осени, пока не уедешь». Я облачился в свои старые одежды. Вечером того же дня сел на своего любимого коня и объездил всю округу. По пути домой увидел на берегу речки, протекавшей за нашим домом, мишарскую девушку Лейлабадар, которую когда-то любил. Она полоскала белье. Я знал, что она уже была чьей-то суженой. Едва завидев меня, девушка убежала. Чувства мои к ней ничуть не угасли. Я отправил к ней младшего брата с запиской такого содержания:

На берегу белье полощет — не утомляется ль рука?
Живя в соседях, встречаясь, не дрогнет ли слегка душа?

Она тотчас же прислала ответ на клочке бумаги:

Натянул на зад узкие брюки,
В медресе, в священном доме, курит, говорят, табак,
От вонючего духа его вчера чихали соседи, говоря:
Пусть губы обожжет, проклятый, лишь бы деревню не спалил.

Вряд ли девушка-мишарка, не имеющая склонности к импровизации, не знающая ничего, кроме песен-такмак, могла вдруг сочинить такой ответ. Позднее узнал, что стихи сочинила моя родственница Махия. В ту пору курение у нашего народа считалось самой отвратительной привычкой. И девушка сразу же воспользовалась моментом, выразила свою неприязнь. Я постоянно хотел бросить курить, но только пятнадцать лет спустя, оказавшись в Германии, наконец-то осуществил свое желание. И все же

во время летних каникул того года, из-за столь сильной неприязни со стороны Лейлабадар, от редких встреч с которой замирало мое влюбленное сердце, я даже тайком не выкурил ни одной папиросы.

Необходимость носить очки

Пожив в отчем доме несколько дней, я оседлал своего буланого, по которому сильно истосковался, и отправился на Карагас-яйляу к Ибрагиму Каскынбаю. После годичной разлуки я осознавал, какой глубокой любовью я связан с Ибрагимом. По пути вспоминал стихи Навои примерно такого содержания: «Меня пленил джигит с лицом ангела, кому не было равного среди других» и повторял вслух. Когда я приехал в Карагас, Ибрагим зарезал овцу и пригласил своих приятелей. Почти все они были моими ровесниками, но имели уже семьи, однако по вечерам, не возвращаясь к женам, слушали мои рассказы о том, что я видел и пережил за год. Мы ездили верхом по горам, охотились, осматривали в рощах бортевые ульи, на разных яйляу пили кумыс, весело проводили свои дни. Но одна неприятность омрачила наше настроение. Я сильно продрог, когда ночью при свете лучин ловили на острогу рыбу в Нугуше. Испугался, как бы не схватить воспаление легких, поехал домой, зарывшись на арбе в подушки. Пришлось целый месяц пролежать в постели. Несмотря на то, что отец мой был мусульманским ученым, он согласился пригласить знакомого моей матери, знахаря по имени Гайнетдин. Во время болезни, лежа в постели, я читал романы, изданные в виде приложения к газете «Биржевые ведомости». Царское правительство не разрешало продажу двухтомной истории упомянутого ранее Мурата Рамзи, в которой он беспощадно описал злодеяния России в отношении мусульманских народов. Деньги для издания этого труда выделил шейх моего отца ишан троицкого медресе Зайнулла. Часть оставшихся после конфискации экземпляров книги была отослана отцу и дяде Хабибназару. Отец роздал и распродал их родным и знакомым людям. Несмотря на то, что автор был вынужден отдельные критические мысли выражать завуалированно, произведение это было смелым и вдохновило меня обратиться впоследствии к истории тюркских народов. Я несколько раз подряд перечитывал те места, которые вызывали гнев царских цензоров. Напряжение от чтения в больном состоянии сделало меня близоруким. Я понял это, уже оправившись от болезни, участвуя в старинной игре в стрельбу из лука. Мы состязались в меткости, пытаясь

пропустить выпущенную стрелу над полумесяцем, венчающим минарет близко расположенной к нам мечети. Раньше я был искусным в этом деле, теперь же не увидел даже полумесяца над мечетью, хотя он никуда не девался, оставался на своем месте. Позднее, охотясь на птицу, я окончательно убедился в своей близорукости. В результате через три — четыре месяца поневоле был вынужден надеть очки.

Наши разногласия с отцом

Ежегодно, возвращаясь в аул, я приглашал с собой казанского или уфимского товарища. Иногда они сами приезжали к нам отдохнуть. На этот раз, по пути из Казани домой, я остановился на несколько дней в Уфе у старого друга моего отца Хайруллы ахуна Усманова, известного тогда знатока ислама. Его сыновья Габдельбарый и Ибрагим учились в русской школе. Ибрагим записался в Лазаревский институт востоковедения в Москве. Немного времени прошло с тех пор, как я вернулся из Уфы, как в аул к нам нагрянул Ибрагим. Целью его приезда было желание отдохнуть и продолжить наши беседы об изучении восточных языков. В том году его отец опубликовал на арабском языке труд, посвященный теологическим и общественным вопросам ислама. Ибрагим привез отцу один экземпляр этого произведения. У нас с отцом состоялся разговор, касающийся некоторых основополагающих положений и мыслей этой книги (подробности нашей беседы стерлись из памяти), который обнаружил отдельные разногласия между мной и отцом. И отец, и мать видели причины этих разногласий в превратном влиянии на меня русской школы. Хазрет Бикбулат из аула Сайран, находившегося всего в восьми километрах от нас, считался большим знатоком в области исламской мистики. Отец был с ним в хороших отношениях. Долгие годы хазрет страдал болями в пояснице. Веря слухам, что прикосновение спиной к дереву могилы бухарского шейха Бахаатдина Накшбанда исцеляет болезнь, он совершил поездку в Бухару, около недели пробыл на кладбище знаменитого шейха и вернулся обратно. Мои родители восприняли его возвращение, как прибытие из самой Мекки, и специально съездили к нему домой. Я же только посмеялся над словами хазрета Бикбулата: «От боли в пояснице не осталось и следа», ибо не верил мистике и паломничествам на кладбищах. За это родители очень обиделись на меня. «Прежде всего, безнравственно смеяться над словами почтенного шейха, я не одобряю, что ты стал на путь отрицания

всего»,— сказал отец и целый день со мной не разговаривал. Родители сильно переживали, поняв, что между ними и их сыном возник существенный духовный разлад.

Оправившись от болезни, я отправился на вершину Алагуяна, хотя и чувствовал себя еще не вполне здоровым. Но и Ибрагиму некоторые мои слова и выходки тоже пришлись не по душе. «Заметили, как ты наматываешь портянки слева и одеваешь сперва левый сапог»,— сказал он. Не одобрил он и то, что я читаю книгу нигилистически настроенного писателя Шишкова, выступающего против царя и религии. Он сказал, что не ожидал от меня ничего такого, что могло бы бросить тень на нашу бескорыстную дружбу, и если жизнь и скитания на чужбине и дальше будут плохо влиять на меня, то с годами мои дурные наклонности будут усугубляться и между нами возникнет пропасть.

Второе путешествие в Астрахань

Осенью отец проводил меня на железнодорожную станцию. Дядя же посоветовал еще раз съездить в Астрахань и послал через меня Габдрахману Гумерову кое-какие подарки и бочонок меда. В этом году Ибрагим Каскынбай и отец продали по одной своей лошади и отдали мне те деньги. Отдельно от них дала деньги и мама, и в этом смысле поездка в Астрахань была весьма удачной. Я осмотрел развалины старого Сарая. У муллы не оказалось времени пойти со мной. Для выходящей там газеты «Идель» я написал несколько статей. Несмотря на то, что это были обычные газетные статьи, все же они являлись моими первыми научными сочинениями. В первую очередь опубликовали статью критического плана о произведении вышеупомянутого Мурата Рамзи. Сей автор безосновательно нападал на Марджани. Я же оценивал Марджани как большого мыслителя. Во всяком случае, как ученый, он был значительно крупнее Мурата Рамзи. Выступив в защиту Марджани, я закончил свою статью арабским стихотворением такого содержания: «Если кто понравится, на его недостатки закроют глаза, если кто-то раздражает, в его белье станут искать грязь». Моя статья была тепло и благожелательно принята учениками Марджани.

Габдрахман-мулла вместе с астраханскими имамами Габдрахманом Илековым и Махмудом Садиком начал выпускать журнал под названием «Магариф» («Просвещение»). Они хотели сделать меня сотрудником редакции этого журнала. Однажды муллы Садик и Габдрахман

повезли меня за город под предлогом показа одного исторического места неподалеку от Астрахани под названием Сунгур Тубэ. В доме одного очень богатого ногайского хаджия было приготовлено угощение из национальных блюд. Перед этим предупредили, что у этого хаджия есть очень красивая дочь, и мне следует быть внимательным, чтобы ее увидеть. Через некоторое время прямо передо мной, за распахнутым окном остановилась крытая двуколка, и сошла с нее очень красивая девушка в национальном ногайском одеянии. Это было удивительное видение. Девушка та пленила мою душу. Как оказалось, она была из семьи, которую хорошо знал астраханский редактор Асри Нажиб.

Еще в первый мой приезд в Астрахань мне настойчиво предлагали взять на себя руководство журналом «Магариф» и остаться в этом городе. В этот раз предложение Габдрахмана-муллы звучало в более настойчивой и категорической форме. После моего отказа в наших отношениях наметился холодок. Я переехал из дома Габдрахмана-муллы в отель. Когда я уезжал из Астрахани, мулла не помог мне даже в приобретении билета, не пришел проводить на пристань, не заплатил за мои статьи, опубликованные в газете «Идель». Зная мою бедность и нужду, они рассчитывали склонить меня на должность редактора журнала, но я не желал затеряться здесь в масштабах города Астрахани. Все это я объяснил в длинном письме Габдрахману-мулле, уже уехав из Астрахани. Обосновал свой отказ от выгодного предложения тем, что издателей журнала интересуют лишь проблемы религии, да и в этом вопросе они придерживаются не самых прогрессивных взглядов. Дал понять, что не терплю разговоров со мной в приказном тоне. В жарких спорах даже со своим горячо любимым отцом и дядей я остаюсь при своем мнении и не понимаю, почему мулла, зная это, все-таки пытался общаться со мной в хозяйском тоне.

Образ красивой девушки, которую мне показали в доме ногайского хаджия в ауле неподалеку от Астрахани муллы Габдрахман и Садик, не выходил из моей памяти. Этой дивной красавице в наряде ногайки, наверняка читавшей и писавшей на тюркском языке, я намеревался написать письмо, а на будущий год вновь отправиться в Астрахань. Желание это долго не давало мне покоя. Но вспомнил прославленного арабского полководца Мухаллиба ибн Аби Суфра, который на вопрос: «Как ты добился своих знаменитых побед (как, например, победы при Хорассане)», ответил: «Тем, что никогда не говорил

лишнего, был хозяином своих желаний». Его ответ мне очень нравился и я решил не писать ногайской красавице. Я хотел учиться и двигаться вперед, а не жениться.

От той второй поездки в Астрахань были и другие результаты. Я видел в руках имама из аула Ямил рукопись под названием «Аль-Имама уа-аль-сайасат», посвященную начальной истории ислама и приписываемую Ибн Кутейбе[17], который умер в 889 году по христианскому летоисчислению, и решил написать о ней статью в газету «Идель». Произведение это мне не нравилось, ибо в нем расхваливались халифы «Амави», которые у нас были не в чести, зато подвергались критике сподвижники Пророка Мухаммада (Сахабы), окруженные у нас ореолом святости. Великий мыслитель того времени Ризаитдин Фахретдин счел ошибкой наличие рукописи столь древнего произведения в Астрахани, считал вообще невозможным существование его в нашем государстве, предположил, что я приписал Кутейбе какое-то другое произведение, попросил на время прислать ему эту астраханскую рукопись, внимательно ее прочитал и признал мою правоту в том, что произведение принадлежит действительно Кутейбе и что я в газете «Идель» в сущности правильно отразил мысли древнего ученого. После этого случая он без сомнений принимал все мои суждения. Обо всем этом Ризаитдин Фахретдин рассказал мне во время своего пребывания в Стамбуле в 1926 году, когда был гостем в моем доме.

Теми двумя статьями я воистину начал свои исследования, с одной стороны, разных этапов истории тюрков, с другой — истории ислама.

Основы дружбы с Габдрахманом-муллой

Габдрахман-мулла в 1926 году прибыл в Стамбул вместе с Ризаитдином Фахретдином. Он тоже был гостем в моем доме. Почти неделю мы лечились вместе на горячих источниках на окраинах Бурсы. «Дважды приезжали в Астрахань и оба раза я не смог проявить к вам должного внимания»,— сокрушался Габдрахман-мулла. На мой вопрос, в чем проявилось его невнимание ко мне, ответил: были упущения, не смог с вами как следует познакомиться; не смог быть вам спутником в поездке в Старый Сарай и другие исторические места. «Не хватило ума пригласить к себе в гости учителя моего Хабибназара и твоего отца, чтобы они погостили у меня пару месяцев. Владел многими богатствами, да все осталось на корм псам да стервятникам, хотя бы не проел это богатство вместе с друзьями да приятелями»,— терзался он. Вспомнил широко известное стихотворение аль-Маарри такого содержания: «Из-за страха перед смертью живем подавленно, из-за своей жадности становимся грабителями и уходим из жизни, не имея друзей», и заговорил почти плача: «Ты тоже уехал из той страны и потому словно умер для нас; некоторые известные мои друзья подобны мертвецам, хотя и живут на белом свете, потому что ведут разговоры о коллективном существовании, в действительности же советский человек, относящийся к такому коллективу, отделен от ближнего Китайской стеной».

Габдрахман Гумеров пребывал в подавленном состоянии. По моим сведениям, вскоре после возвращения на родину он умер.

До этого я уже слышал от шакирда Габдрахмана-муллы Сахипгарея, учившегося в Казанском университете, что тот сокрушался по поводу своего невнимания ко мне, что в первую мою поездку в Астрахань не сопровождал меня в поездке в Старый Сарай, в другие исторические места, в том числе в Баскунчак и Бузен, упоминаемые как в башкирских, так и ногайских легендах и преданиях, не помог мне приобрести билет на пароход и не пошел проводить на пристань, что я вынужден был ради денег работать на русского хозяина в Балакове, специально сойдя для этого с парохода. Он рассказал об этом с горечью после того, как я стал известной личностью, но я не придал этому в свое время особого значения, ибо не понимал всей преданности муллы лично мне и моей семье.

В другой раз он сказал мне: «Правоту твоего отказа стать в Астрахани редактором журнала я понял после твоего выступления в 1917 году на Мусульманском конгрессе с докладом «Этнография российских мусульман» в Москве, впоследствии ты совершил большие дела, мы с Риза-хазретом очень довольны этими твоими свершениями. Когда ты приехал в Астрахань, я чувствовал себя в роли твоего второго отца, потому что считал себя членом семьи своего хозяина (то есть Хабибназара), отсюда и мой «приказной тон», моя вера в то, что ты меня ни в чем не ослушаешься и непременно попадешь в силки ногайской красавицы».

Только тогда я осознал всю глубину происходящего.

Почему же в 1908—1909 годах я дважды приезжал в Астрахань к Габдрахману-мулле? Он даже дальним родст-

венником мне не приходится. Когда приезжал к нам в аул, я не запомнил его ввиду своего малого возраста. Астрахань находится почти в двух тысячах километрах от нас, почему же я испытал внутреннюю потребность советоваться о своей будущей жизни и учебе именно с этим муллой? Конечно, я знал, что он был любимым шакирдом моего дяди, когда тот учительствовал в медресе Марджани, что они постоянно переписывались. После того, как он вместе с моим отцом проехал у нас по землям, упоминаемым в любимых им кара-ногайских дастанах под названием «Исток Идели Иремель», «Исток Яика, дремучий лес», побывал в других местах, когда он объяснил отцу и Вали-мулле, что Баскунчак и Бузен, упоминаемые в башкирских преданиях (их великолепно знал Вали-мулла), которые находятся неподалеку от Астрахани,— отношения их стали еще более близкими. Когда Габдрахман-мулла узнал, что прародина их предков, упоминаемая в кара-ногайских дастанах, находится в пределах нашей земли, а упоминаемые во многих башкирских преданиях Баскунчак и Бузен расположены близ Астрахани, он воспринял нас как детей своих далеких пращуров, оставшихся где-то очень далеко, и потому долгое время переписывался с моим отцом. Мулла собрал множество стихов и дастанов про то, как ногайцы в XVI веке жили на берегах Яика, на юге и востоке Урала до самого Арала; часть из собранного он выпустил в 1909 году отдельной брошюрой. Только смерть помешала ему напечатать другие стихи и дастаны.

Среди кара-ногайцев бытуют дастаны о башкирском хане Кучук Султане (Кесе Султан) и сыне его Мурате Султане; часть из них в 1883 году ногайский ученый Мухаммад Усманов опубликовал в Петербурге. Когда в 1708 году Мурат Султан направлялся в Крым и Турцию, его до самой Волги провожал мурза Аллагуат — бей ногайского племени Едисан. С его именем связывают происхождение названия расположенного неподалеку от нас аула Аллагуат. Во время пребывания у нас Габдрахман-мулла побывал у аллагуатских и мокасовских башкир, встречался и говорил с теми из них, которые поныне не забыли свое ногайское происхождение. По мнению Габдуллы-муллы и его единомышленников, собирателей дастанов, с которыми мне приходилось встречаться в Астрахани, страна ногайцев простиралась от Дагестана (Яхсай) и Кубани до Западной Сибири и Арала. О событиях, происходивших на этих безмерных пространствах, они вспоминали и говорили так, словно все

это происходило вчера. География исторических воспоминаний моего отца, его брата Вали-муллы тоже охватывала земли на востоке до Тобола, на севере — до Чебаркуля и реки Миасс, на западе до реки Камалек, на юге — до Бузена и Баскунчака возле Астрахани, а также до Кубани. Причина того, что я так подробно рассказываю в этой книге воспоминаний о двух своих поездках в Астрахань и о своих отношениях с Габдрахман-муллой, заключается в следующем: род наш жил на больших просторах, совместно с другими смелыми и подвижными кочевыми родами передвигаясь от Тобола на востоке и до Астрахани и Кубани на западе. Мне важно объяснить, что живые предания этой старины играли важную роль в сложных перипетиях жизни всего нашего поколения. Мою судьбу, как и судьбу тех, кто жил на Урале и в Средней Азии, можно понять только исходя из изучения исторического прошлого наших народов.

Помощник капитана парохода

Во время своих путешествий в Астрахань я общался с шакирдами великого ученого Марджани, слушал их воспоминания о нем. В долгом плавании на пароходе, направляющемся по Волге в Казань, читал произведения Марджани «Великий путь» («Аль Тарикат аль-Мутхла»), в котором он сконцентрировал свои суждения об исламе. В те же весенние месяцы я познакомился с русским переводом книги доктора Дрейпера «Борьба между религией и наукой», а также с «Историей русской интеллигенции» профессора Овсянико-Куликовского[18].

Рано начались холода. Из-за снегопада и ледостава наш пароход не мог двигаться по ночам. Хорошо, что я захватил с собой эти произведения. Либеральные мысли доктора Дрейпера мне были знакомы по изданиям Ахмеда Мидхата. Теперь я постигал их на русском языке. Тюркский перевод был более обстоятельным; в русском ощущалась неприязнь к католикам. Эта книга, как и произведение Овсянико-Куликовского — в числе тех, что произвели на меня сильнейшее впечатление. В дороге весьма пригодились сладкие мелкие яблоки по названию «анис», которые я купил в Царицыне (нынешний Сталинград). Но пассажирские места третьего класса в этом пароходе не имели кают. Я начал дрожать от холода и тут заметил, что, проходя мимо меня, помощник капитана косится на читаемые мной книги. Однажды он пригласил меня наверх, в свою каюту. Со словами: «Я не встречал среди мусульман людей, читающих такие книги, проходите,

грейтесь»,— он завел меня в теплую матросскую каюту. Этот человек по фамилии Мышкин оказался весьма благожелательным и интеллигентным. Выяснилось, что у него тоже были эти книги, и он их читал. Хорошо знал Акчуриных из симбирских татар. Он расспросил меня, о чем говорится в моих арабских книгах. Дал мне свой адрес. Впоследствии он прислал мне книги П. Милюкова[19] «Очерки по истории русской культуры», Дрейпера «История просветительского движения в Европе» в русском переводе, два — три произведения Чернышевского. Этот человек стал причиной моего знакомства с еще одним хорошим человеком — симбирским татарином Ибрагимом Акчуриным. Умерший уже в советскую эпоху Ибрагимбей знал кроме русского немецкий, чагатайский и уйгурский языки. Спустя год я приехал в Симбирск и гостил у него. До 1923 года, когда я покинул Россию, Ибрагим Акчурин и его семья, с которыми я переписывался на уйгурской письменности, были одними из самых близких мне людей. Никогда не забываю и о помощнике капитана парохода, благодаря которому познакомился с этой интеллигентной семьей, оставившей глубокий след в моей душе.

Ломая льды, наш пароход с огромным трудом добрался до Казани. После того, как простился там с помощником капитана, я, к сожалению, больше никогда его не встречал.

Мое учительство в Казани и русское общество

В том учебном году (зима 1909—1910 г.) меня назначили учителем истории тюрков и арабской литературы в медресе «Касимия». Жил я тогда в той части Казани, где поселялись русские, в доме богатого селянина, человека по фамилии Шалыгин, там и столовался. Семья у него была большая. Друживший со мной его сын Николай учился медицине. Всю зиму я жил с ним в одной комнате. Подшучивая надо мной, они старались подсунуть мне свинину, но из этого ничего не вышло. Мне тоже казалось, что обманываю их, угощая присланной из аула кониной, выдавая ее за гусятину. Но потом выяснилось, что они прекрасно знали, что именно ели. Мама присылала мне зимой по почте большое количество замороженных пельменей. Я жил в той семье два года, был со всеми в дружбе. Родители привозили детей на зиму в Казань на учебу.

Я начал писать в качестве учебника свой труд под названием «История тюрков». Методу исторического

исследования и описания учился по книге профессора Кареева[20], посвященной этой проблеме, давал по ней уроки. Позднее выяснил, что сочинение это было ничем иным, как сокращенным вариантом книг немецкого профессора Е. Бернхайма и французского историка Сенебо, посвященных исторической методологии. Книга Кареева, написанная, опираясь на этих двух европейских историков, глубоко объяснила мне методологию исторического исследования и за сорок лет вперед познакомила меня с этими учеными Европы. В результате в своем научном развитии я выиграл много времени и позднее, в 1950 году, когда писал свой труд «Методология истории», вспоминал о Карееве с чувством благодарности. В это же время прочитал печатный труд видного востоковеда профессора Бартольда, жившего в Петербурге, посвященный истории Средней Азии. Вместе с изучением трудов русских историков Карамзина и Соловьева, дающих сведения и о нашей национальной истории, читал на русском языке произведения английского историка Генри Говорта и француза Леона Каэна, посвященные истории тюрков и монголов. Произведение Леона Каэна было кратко освещено на русском языке в истории Е. Лависса и Рамбо и было полностью переведено на русский язык выходцем из башкир адвокатом Галиаскаром Сыртлановым. Я получил его в Уфе в семье генерала Шейхали. Отрывок из исследования Говорта, посвященный Чингисхану, был опубликован на русском языке в Ташкенте в журнале «Средняя Азия». Ознакомившись с этими сочинениями, в том году я окончательно встал на верный путь изучения истории тюрков. С помощью профессора Катанова развернул работу по выписыванию исторической литературы в первоисточниках с Запада — из Лондона и Лейдена, с Востока — из Ташкента и Баку. С помощью того же Катанова я выписал из Лондона копии истории Мирхонда и Хондемира на персидском языке, выпущенной книгоиздателем Лузаком, а также воспоминаний Бабура Мирзы[21]. Чтение сокращенных вариантов на русском языке произведений Д'Оссона и Говорта, посвященных истории монголов, пробудило во мне желание познакомиться с ними в оригинале. Для этого надо было продолжать изучение французского языка, который я знал пока слабо, и начать изучение английского.

Вместе с учительством в медресе я продолжал свои занятия как для сдачи экзаменов по гимназической программе, так и для получения степени «Учителя инородческой школы». Если не смогу сдать экзамены по програм-

ме гимназии, то хотя бы стану учителем русского языка инородческих школ, думал я. Дававшие мне подготовительные уроки по латыни и немецкому языку учителя (Рклитский и Арбаков) способствовали моему сближению с русской интеллигенцией. Я частенько посещал вместе с ними русский городской театр. Это само по себе стало для меня своеобразной школой. Однажды слушал оперу «Король Лир» с участием приехавшего на гастроли Шаляпина. Позднее, встретившись с этим великим артистом в австрийском городе Кицбюэль в 1934 году, я рассказал ему о своих первых впечатлениях от его пения в опере.

Семья Шалыгиных тоже способствовала знакомству с интеллигентными русскими семьями. Вместе с дочерьми Шалыгиных посещал молодежные вечеринки, танцевал с ними, с их дочерью Татьяной катался на коньках на льду озера Кабан. Все члены семьи Шалыгиных относились ко мне доброжелательно. Но разность вероисповедания так или иначе ограничивала наши дружеские отношения. Я не пил вино, и они никогда мне его не предлагали. В их библиотеке полностью была представлена русская классическая литература, я свободно пользовался книгами из этой библиотеки.

До меня в медресе «Касимия» ни история тюрков, ни история арабской литературы не преподавались как отдельные предметы. Все согласились с моим нововведением. Шакирдов у меня было достаточно, они получали удовлетворение не только от моих уроков, но и от возможности помогать мне. Один из шакирдов привез из родной деревни редкостную книгу и подарил ее мне. Это был очень красиво изданный фолиант на языке фарси, содержащий сборник стихов Туркмен-бея Давлетшаха, жившего в Самарканде при сыновьях Тимура. Обнаружение в Астрахани произведения Ибн Кутайбе на арабском, а здесь книги Давлетшаха на фарси пробудило во мне желание начать поиски древних книг и рукописей во всем среднеазиатском регионе, позднее я с большим энтузиазмом принялся за эту работу. Немецкий востоковед Готвальд, живший в Казани при татарском ученом Шихабутдине Марджани, свидетельствовал, что в этом регионе сохранилось немало подобных важных сочинений. Я велел своим шакирдам ставить меня в известность, если подобные книги обнаружатся в их деревнях, и за четыре года, которые учительствовал в медресе «Касимия», получил сообщения о многих произведениях подобного рода. С

некоторыми ознакомился, попросив привезти их в Казань, за другими съездил сам.

В 1840 году востоковед Ч. Фраэн издал собранные им источники по истории исламской культуры, что также послужило мне примером.

В том году мой учитель немецкого Рклитский сказал, что весьма полезно сравнивать произведения на арабском, фарси или тюркском языках с их немецкими переводами и таким образом постигать тонкости языка. При изучении русского языка я также пользовался этим методом. О пользе такого сравнительного обучения говорил мне и профессор Катанов и посоветовал глубоко изучить «Литературные образцы тюркских племен» тюрколога Радлова и «Кутадгу Билиг». Это, в свою очередь, породило во мне желание заняться дастанами тюркских народностей. В ту же пору я прочел книгу профессора Позднеева[22] «Образцы народной литературы монгольских племен». Впоследствии это помогло мне при изучении не только истории тюркских народов, но и монгольской истории. В результате таких стараний было написано одно из первых моих сочинений под названием «Народные песенные четверостишия у тюркских племен». Спустя год я опубликовал свое исследование в журнале «Шура». Профессор Катанов был очень доволен этой моей статьей.

Изучение причин исторической отсталости исламских наций и тюрков

На зиму 1910 — 1911 годов я вновь остался у Шалыгиных. Я читал произведения профессора Крымского[23], рисующего будущее мусульман России в весьма мрачных тонах. Ученики русской гимназии, проживающие у Шалыгиных, одобряли мой интерес к подобным книгам. Сильное впечатление произвело на меня и переведенное на тюркский язык произведение голландского профессора Доузи «История ислама». Начав изучать в «Касимии» историю, я поставил перед собой задачу найти ясный ответ на два вопроса:

1) в чем истинная причина отсталости мусульман, в особенности тюрков?

2) правильна ли мысль, будто главная причина этого отставания — исламская религия?

Философские мысли, касающиеся исламской истории, я постигал через труд Марджани «Мукаддимату Вафият-асляф», написанный как бы следуя идеям Ибн Хальдуна. Я был согласен с критическим отношением Марджани к историческим событиям XIX века, его мыслям о вредности теократизма, о значении национального принци-

па в истории. Вместе с тем понимал, что некоторые идеи этого произведения устарели настолько, что применять их в жизни и современной науке уже невозможно. Наиболее ценимыми мной книгами являлись «История просветительского движения в Европе» Дрейпера и «Очерки по истории русской культуры» Милюкова. После прочтения этих книг я написал Мышкину письмо, исполненное благодарности. Я даже перевел с русского на тюрки главу (IX) из книги Дрейпера «Упадок религиозной веры на Востоке». Мне показались оригинальными его мысли о причине отсталости мусульман. Но после того, как учитель математики Арбаков познакомил меня с трудами социал-демократа Плеханова «О материалистическом понимании истории», а также «О роли личности в истории», я пришел к убеждению, что самый верный путь к пониманию истории — исходить из экономического развития общества. Сочинения этого автора «История русской общественной мысли», «За двадцать лет» и «Критика наших критиков», подписанные псевдонимом «Бельтов», пояснения к его тезису «не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание» обратили мои взоры к социалистическому учению. Мне очень понравилась в этих произведениях критика Плехановым идей таких русских ученых, как П. Струве или Киреев, однако возражения Плеханова против глубокой и основательной критики проф. Масариком материализма и марксизма (позднее он стал президентом чехов) меня не удовлетворили.

Произведение одного из выдающихся русских мыслителей Овсянико-Куликовского «История русской интеллигенции» я изучал с самой весны. За основу анализа проблемы он брал развитие литературы. Критику этим автором воззрений Плеханова (Бельтова) я нашел хорошо аргументированной. На мое общее духовное развитие, в особенности на понимание различия мировосприятий на Востоке и Западе, влияние этого Овсянико-Куликовского было значительным. Мнение, что материализм как идеология является порождением Запада и более подходит к изучению истории западных стран, но не может быть в той же форме применена при изучении исторической действительности Востока, укрепилась в моем сознании под влиянием именно этого ученого. Последний, как и Плеханов, не занимался специально Востоком, не знает его так же глубоко и всесторонне, как Дрейпер. В этом плане наряду с трудами русских ученых мне чрезвычайно помогли переведенные на русский язык сочинения европейских востоковедов.

В ту пору в Казани было немало и русских миссионеров, но они являлись только мелкими пропагандистами и фанатиками. Меня не удовлетворяли до конца также произведения по истории ислама немецкого профессора Августа Мюллера[24], переведенные на русский язык, и голландского профессора Доузи в переводе на тюрки, а также учебники для университета украинского профессора Крымского (позднее мне суждено будет с ним подружиться) по истории и литературе арабов, Ирана и Турции. Меня в то время привлекали научные методы и приемы двух либеральных ученых-востоковедов — барона Виктора фон Розена[25] и профессора В. Бартольда, потому что они занимались изучением истории, хорошо зная общественные и экономические теории того времени, принимали во внимание также мысли и взгляды Плеханова и Овсянико-Куликовского. Ввиду того, что труды обоих ученых, посвященные проблемам Востока (среди них есть произведения, знакомящие западных читателей с восточными вопросами, а также критические статьи), имеют важное значение, они были собраны и опубликованы в журнале «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Я купил все девятнадцать номеров этого журнала, которые успели к тому времени выйти. Содержание статей Бартольда, Леона Каэна, Грим-Грижимайло, Аристова[26], посвященных истории тюркских народов, показались мне чрезвычайно важными. По их мнению, отсталость исламского мира объяснялась не законами религии, а открытием в XVI веке морских путей, по причине чего прежние караванные пути потеряли свое значение и европейские страны взяли верх в мировой экономике.

Начав изучать, а затем и описывать историю в своей книге «История тюрков», я взял за основу экономические воззрения Плеханова и Бартольда. И позднее, как и в 1910 году, при написании своей книги по истории Туркестана, изданной в 1940 году в Египте, и во «Введении во всеобщую историю турков», и в «Методологии истории», изданных в 1946 и 1950 годах в Стамбуле, я остался верен взглядам об определяющей роли экономического развития в историческом прогрессе. И необходимости менять свои взгляды по методологии исторического исследования, усвоенные мною еще в России, не испытывал.

4 Заказ 603

Развитие моих религиозных воззрений

Вот уже два года в своей духовной жизни я нахожусь вдали от контроля отцовских глаз. Но тем не менее я длительное время продолжал в своей повседневной жизни следовать тем привычкам и традициям, к которым меня приучили родители, в том числе регулярно творил намаз.

В этой связи часто приходили на ум слова Корана «Не невежественны мы и благодарность присуща нам, но все же правила отцов кажутся нам клеткой» (V. 104; XLIII, 21). И в Евангелии евреи, считающие себя потомками Ибрахима (Авраама), представлены глупцами, последовавшими не праведным путем матери, а ложным путем отца. И Абу-ль Ала аль-Маарри говорил: «Из-за слепого следования религиозным обычаям и привычкам своих предков люди разделены друг от друга завесой религии».

Беседуя с Колей Шалыгиным, с которым жили в одной комнате, мы часто говорили, что если бы не груз религиозных традиций, унаследованных нами от предков, между нами не было бы и тени некоторой духовной отчужденности. Коля совершенно остыл к христианству. Он давал мне читать подпольно изданную книгу русского писателя Шишкова, в которой утверждалось, что Иисус Христос не был исторической личностью, что его придумали служители культа. Я также прочитал Коле Шалыгину стихи Абу-ль Ала аль-Маарри такого содержания: «Я удивляюсь тому, что падишахи Брахмы и их последователи омывают лицо коровьей мочой; также поражаюсь тому, что христиане, не пытаясь защищать того, кого распяли живым, затем признали этого великомученика Сыном Бога; иные народы являются из дальних стран (в Мекку), чтобы швырять камни в дьявола; странно: неужели все эти люди слепы?»; или: «Пришел Гайса и уничтожил религию Мусы (Моисея), Мухаммад привнес обычай творить на дню пятикратный намаз и утверждают, что после него не будет иного Пророка. Люди между днем и вечером способны потерять путь своего следования».

Когда я перевел смысл этих слов, они очень понравились Коле Шалыгину.

Я полагал, что здравомыслящие люди, договорившись между собой, могут исповедовать одну веру. Даже думал, что предки тюрков смогли бы сохранить шаманизм как нашу национальную религию. Возможно, у него, как у природной религии, в сравнении с «книжной» есть свои положительные стороны, но из-за отсутствия развитой литературы, подобной литературе семитских народов, эти наши первородные обычаи и традиции не смогли

перерасти в стройную и законченную религию, подумалось мне потом.

Вместе с произведениями Радлова, Михайлова, Вербицкого, писавших о шаманизме, я читал труды Чокана Валиханова на эту тему. Полное собрание сочинений Чокана Валиханова постоянно было при мне. Он тоже идеализировал шаманизм, и мне эта первобытная религия нравилась тем, что вводит человека в состояние глубокого покоя, любви к природе. Шаманские доги (молитвы) алтайских тюрков и казахов я знал даже больше, чем молитвы ислама на арабском языке. Однако эти первобытные обычаи и традиции не оказали влияния на миллионные пласты тюркских народов и их интеллигенцию. Они так и не смогли развиться в стройную религиозную систему.

С 1908 года я читал Пятикнижие и Евангелие. Эта религия, проповедующая пассивность в отношении к злу и жестокости, ничуть не отражалась на их последователях, особенно на тех русских, которых я знал. Меня никак не удовлетворяла религия, потерявшая силу из-за отказа карать своих врагов. Когда я прочитал в том же Евангелии (От Иоанна VIII, 1—15), что не следует своевременно наказывать легковерную жену, позорящую мужа своего, и слова Иисуса: «Вы тогда будете судить за то, что изранили тело мое, я же никого судить не буду», мне эти слова показались примером двуличия, философией бессильного общества. А вообще, христианство, по мнению Дрейпера, есть религия, существовавшая для группы иудейских народностей, изнывающих под игом Рима. Являясь своеобразным сводом рассказов, Библия не может быть связующим звеном (теорией) в гармоническом единении внутреннего духа и внешней жизни личности. Это скорее религия, которая не сводит воедино, а противопоставляет внутренний мир человека его внешнему бытию. Принцип «Жизнь за жизнь, око за око, ухо за ухо, зуб за зуб» отражает борцовский дух воинственной нации, общества, который вполне соответствует его внутренним принципам.

В одном ряду с этим, будучи когда-то религией воинственного и решительного общества, и ислам по истечении времени стал превращаться в религию, ослабляющую волю человека, ограничивающую самостоятельность суждений личности, приводящую в результате нескончаемых дискуссий к фанатизму. Сочинения шведа Фадера «Мизан аль-Хак» и хиндустанца Рахматуллы Дихлеви «Изхар аль-Хак», в которых ислам противопоставляется

христианству, сами по себе представляют веселое зрелище. Если бы в руки столь почитаемого моим отцом Бахааддина Накшбанда (умер в 1389 году) или гератского теолога Али аль-Кари (умер в 1605 году) попало оружие, они совершили бы жестокости почище Папы Пия II.

Произведения, вышедшие в социал-демократических издательствах и полностью отрицающих Бога и религию, давал мне читать мой учитель по философии Давыдов. Однако меня никогда не удовлетворяли идеи тех, кто отрицал некую мудрую и проницательную силу мироздания, его высший дух, который руководит многообразными законами природы. Бог и религия — некая Истина, правящая миром человечества. Каждый, кто отвергает это, отрывает себя от общества и обрекает на одиночество. Особенно в сегодняшних исламских странах, где государственные мужи, желающие быть полезными своей нации на ниве общественной или политической деятельности, рассуждают: «Религию надо уважать хотя бы формально, ибо надо уверить свою нацию, что ты достоин после смерти быть погребенным со всеми подобающими мусульманину ритуалами». Я подумал, что в такой ситуации надо служить своему народу, или остаться со своим народом и искать пути, дабы быть ему полезным. Я не государственный человек, всего лишь учитель, какой же путь выберу сам? Если быть до конца откровенным, какова моя религия? Только 1 мая 1910 года я стал это понимать. Именно в тот день пришедшие ко мне шакирды (одного звали Усман, другой забылся) обратились ко мне именно с таким вопросом. Ответ мой им был таков: свое поклонение перед Творцом вселенной должен выражать через ту или иную религию, в тяжкие минуты каждый должен обращаться к нему, называющемуся Богом, и делать это так, как учили родители, и у него должно быть более или менее полное понятие о своей религии. Религия выводит человека на арену мироустройства, и она не должна ограничивать его волю, стать путами на его ногах. Такой же глубокой религией надо воспринимать и ислам, ибо справедлива мысль, выраженная в Коране: «Если бы все моря мира превратились в чернила и надо было бы излить на бумаге все тайны, связанные с Аллахом, то моря эти исчерпались бы, но тайны Мироздания не были бы исчерпаны». Мои отношения с религией подобны отношению деиста доктора Дрейпера, в мое мусульманство подобно вере халифа аббасида Мамуна[27], который знал сотворенность Корана, а также близко взглядам мутазилитов.

Я считал, что, именно таким образом воспринимая религию и исламиат, я не позволю занять им в моей жизни слишком большое место. Пятикратный ежедневный намаз превратился для меня в непосильный груз. 10 мая того года я твердо решил навсегда избавиться от этого, пойдя на казанский базар, называемый Каменной ярмаркой, и тем самым сбросив с себя сей груз. День был необычайно жаркий, зайдя в одну из русских чайных, куда до сих пор никогда не заглядывал, я съел пищу, которую досель в рот не брал, вдобавок выпил еще и вина. Когда возвращался в дом Шалыгина, расположенный на высоком месте, называемом Суконным рядом, едва держался на ногах. С трудом войдя в избу и оказавшись в своей комнате, сразу же рухнул на пол. Ко мне пришел мой любимый шакирд по имени Усман. Он закончил русскую начальную школу, называемую городской, и поступил учиться в сельскохозяйственную школу. После русской школы прибыл в медресе «Касимия» с целью изучения исламиата. Кроме моих уроков истории в медресе, он приходил ко мне домой получать еще уроки арабского языка. Чтобы продолжать учебу, он, как некогда и я, собирался уехать в Бейрут. Придя на урок и застав меня в столь странном состоянии, лежащим в одежде на полу, не мог меня оставить в таком положении и ждал моего пробуждения в саду. Когда он спросил у меня, что случилось, я искренне ему объяснил. Прочитал ему баит Навои примерно следующего содержания:

> «Годы напролет слушал слова шейха, но слова те
> не дали душе моей наслаждения, радости духа;
> Дитя кафыра преподнесло однажды глоток вина и
> словно влило мне в душу мелодию, принесло
> блаженство и сладость духу моему».

В тот вечер мы, отложив книги, вели запрещаемые до сих пор религией, столь приятные и сладостные для души разговоры. Усман в этом отношении был со мной одного мнения. Мы с ним перенесли одни и те же трудности, и до того случая не раз говорили на эту тему. Он и сам частенько задумывался над тем, над чем размышлял и я, и мои жизненные планы ему импонировали. Я ему сказал и о том, что буду скрывать свое отступничество от некоторых предписаний религии, потому что состою учителем в одном из татарских медресе. Мы решили меж собой, что каждый будет беречь в себе обычаи и традиции в том виде, в каком восприняли их от своих родителей, но понимали, что полностью осуществить в жизни это жела-

ние будет невозможным, и потому выход из тупика и повторения ошибок других виделся нам только в одном — в науке. 11 мая мы с Усманом решили совершить путешествие на пароходе по Волге, поехать на мою родину, побродить по Уральским горам. Гатаулла-мулла, трудившийся над переводом стихотворного произведения «Альфия», посвященного арабской грамматике, жил в городе Мелекесе Самарской губернии. Мы с ним списались, известив, что желаем ознакомиться с его работой. Вдвоем с Усманом отправились к нему, по пути осмотрели развалины старого города Булгар. В Мелекесе остановились у одного русского человека по фамилии Яболин и в течение месяца брали уроки у Гатауллы-муллы. Именно у него выучили на память неизвестную нам часть из читанной ранее книги «Альфия» Ахмета Шанкити.

За два — три дня до нашего отъезда произошел такой случай. Старик Яболин, его сын, мать и невестка были безнадежными пропойцами. К тому же, сын Степан был еще и заядлым картежником. Напившись, они продавали все свои вещи. На этот раз Степан вместе со своими вещами продал и мои купленные в Казани сапоги. Старик Яболин, в общем-то нормально относившийся к сыну, к невестке своей относился, как к скотине. Хорошо знавший это сын вступил с отцом в драку. Увидев такое, мы с Усманом, перебрасывавшиеся в это время картами, так и замерли, уставясь друг на друга. Каждый из нас знал, что хочет сказать другой. «Хоть мы отреклись от устарелых обычаев, привитых нам родителями, все же останемся верными мусульманству. А то, чему научились от родителей эти люди, пусть при них и остается». Мы тут стали свидетелями и иных неприглядных вещей, которые нельзя встретить в нашем кругу. Мы решили или уйти из этой семьи и перебраться в другой дом или, оставив Мелекес, отправиться в Башкортостан. Назавтра решили трогаться в путь.

Деревенские русские, по сравнению с горожанами, кажутся более религиозными, тем не менее ответственность перед Богом присуща им гораздо в меньшей степени. Хотя в христианской вере, как и в исламской, внушается, что после смерти человеку приходится держать ответ перед Всевышним, все же в ней нет понятия безусловной веры в загробный мир. В исламе же нетленна та истина, что «и после ухода из этого мира человек остается один на один со своей совестью» (Коран, LXXV, 36). В этом отношении христианство в определении духовного мира личности не оказывает такого воздействия, как

ислам. Когда мы говорили об этом с местным священником, он также соглашался с такой мыслью.

Однажды Усман обратил внимание на то, что я, сидя у окна, без конца повторяю одно и то же стихотворение Навои:

«Эй, душа, я разлучился с дорогим человеком, обидел его, стал искать я другого, прошел горы и степи, желал найти нового друга, любимого. Но... Что проку в поисках? Кого можно найти в поисках? Самое лучшее: опять-таки обрести старого друга и постараться вновь овладеть его душой».

Усман выучил у меня это стихотворение, понимал его смысл, и оно ему очень нравилось. «Эй душа!» — обращаешься ты ко мне, а «наш старый общий друг — это исламиат»,— так верно объяснил Усман то, что я хотел сказать. «Не стал ли вновь искать отвергнутый исламиат, став свидетелем неприглядных дел?» — спросил он меня. Я ответил: «Так, и в то же время, не так. Ибо исламиат уже не возвратится к нам в прежней форме». Мой ответ несколько озадачил Усмана. В последующие дни он то и дело спрашивал меня, какой должна быть новая форма исламиата. Мы много говорили об этом и у нас дома, когда бродили по горам Урала. Я видел, что его мучают те же проблемы, что и меня, что он не может найти на них ответа и ждет его от меня. Он тоже читал Абу-ль Аля аль-Маарри и русского писателя Шишкова и понимал, что невозможно сегодня слепо следовать всем старым канонам религии. И то, что я повторял стихи Навои, Усман воспринял как полное приятие ислама в его извечных формах, не отрекаясь ни от каких его канонов. Однако я вовсе не ставил дилемму: принимать ислам полностью как он есть или совершенно его отвергнуть, и это его чрезвычайно заинтересовало. Короче говоря, наши разговоры о том, как освободиться от устаревших канонов наших предков и выработать новые нормы и правила в религии, продолжались в мае и июне — два месяца подряд. В результате таких исканий мы остались верными исламу, но понимали его основы по собственному разумению. В этом Усман был единодушен со мной. Мы оставили привычку изредка играть в карты. Решили пить вино весьма в меру, а намаз читать только в минуту душевной потребности. Я никогда не изменял этому своему решению. Думаю, точно так же жил и Усман.

На мою родину из Мелекеса мы отправились по Самарской дороге в начале июня. Перед отъездом повидали Гатауллу-муллу и выразили горячую благодарность

за то, что в эти жаркие дни, отложив свои дела, он уделял время нашим урокам. Рассказав о неприглядных делах, свидетелями которых мы были в семье Яболина, спросили хазрета, не трудно ли жить ему в такой среде. Мы живем совершенно отдельно от их круга, ответил хазрет. Действительно, никогда и нигде после этого я не видел столь разделенного существования тюркско-мусульманской и русско-христианской общин.

День был погожий, мы прибыли вначале в Самару, а день спустя добрались до станции Шафраново. Кругом зрел богатый урожай. Отсюда мы отправились в сторону нашего дома, находящегося отсюда в ста пятидесяти километрах, дорогой, проходившей между низко клонившимися до земли под сильным ветром стеблями пшеницы и ржи, часть которых полегла. Однако дома у нас никого не оказалось. В тот день отец, как и ежегодно, созвал множество людей на умэ (помочь) на сенокосе. Мы отправились к подножию горы Иремель, где обычно устраивалось умэ. Сюда отовсюду прибыли друзья и родственники отца, захватив с собой кумыс, баранов, да и сам отец зарезал несколько бычков. Несколько сот башкир, преимущественно молодых, косили сено, распевая песни и перекидываясь шутками. Ко времени чтения вечернего намаза кончили косить сено. В котлах сварилось мясо. После ужина, оставив на майдане певцов, кураистов и борцов, отец уехал домой. Веселье длилось до самой полуночи. Для Усмана это было неслыханное и невиданное дотоле зрелище. Он удивлялся тому, что башкиры мясо и куски вареного теста, называемые салмой, ели прямо руками.

Дома нас спозаранку поднимали на утренний намаз. Лишь когда отца не было дома, мы пропускали молитву. После нескольких дней пребывания в нашем доме мы с Усманом отправились в другие аулы погостить у родственников и друзей.

Совет Ахметсани и Мансура учиться, оставаясь в России

Спустя несколько дней к нам приехали мои друзья юности Ахметсани, сын Кускара, и Мансур, сын Кылыса. Мы с Усманом, посадив их верхом на лошадей, привезли на яйляу Айгырульган, находившийся от нас в тридцати километрах. Ахметсани и Мансур недавно вернулись из Стамбула. Они приехали на кумыс. Ахметсани — из деревни Утяк, происходит из рода приезжего ученого-муллы. В этот аул в XVIII веке из Хорезма и Каракалпакии прибыли два шейха — Кускар и Утягул. Сородичи обоих, странствуя по мусульманским странам, посещали Хорезм, Дагестан, Казань и даже Стамбул, верой и правдой служили во славу ислама, открывали медресе. Некий Амирхан из рода Утягула после того, как был имамом в деревне Копка Мамадышского уезда Казани, приехал в наши края вместе с некоторыми татарами из аула Бахтияр. Иные из них, способные быть муэдзинами, осели в нашем ауле. Несколько сыновей Амирхана снова уехали в Казань, другие поселились в Утяке. Прижившиеся в Казани разбогатели на торговле, заботящиеся о родной земле построили в Утяке здания мечети и медресе, увезли в Казань на учебу детей своих близких и друзей. Короче говоря, потомки тех самых Кускара и Утягула установили связи между семьями здешних шейхов и имамов с Хорезмом, Казанью, Дагестаном, Стамбулом, Египтом и Меккой. Ахметсани был внуком известного в Стамбуле ученого Ахметьяна, автора произведений на арабском языке. Благодаря помощи богатых родственников он учился сперва в Утяке в медресе моего дяди, затем в Казани. После этого отправился в Стамбул и поступил там в «Султанию». Мы были с ним друзьями, когда он учился в медресе дяди, вместе посещали уроки русского языка у человека по имени Гарей. В Стамбуле он учился еще французскому. Ахметсани (его турецкое имя Ахмет Амирхан) стал для меня связующим звеном со Стамбулом, присылал мне оттуда книги. Теперь он, проучившись в лицее, должен был поступить в высшее учебное заведение. В том году он вернулся в аул, чтобы встретиться с родственниками. Так как расстояние между Утяком и нашим аулом составляло всего четырнадцать километров, мы встречались с ним постоянно. Я расспрашивал его о Стамбуле. Как старый друг, он давал мне советы по поводу того, как полезнее всего строить свое будущее образование. Я же посоветовал ему изучать географию. Уехав в Стамбул, он получил высшее образование на литературном факультете Стамбульского университета. Преподавал историю и географию в лицеях, семьей не обзавелся. Он всегда хотел во исполнение завещания дяди (младшего брата отца) вернуться из Стамбула в Утяк, открыть медресе и довести полученные там знания до нашей молодежи. Но начавшаяся в 1914 году война и последовавшая затем русская революция помешали исполнению его желания. Мы встретились с ним в 1925 году, когда я прибыл в Стамбул. Постарались приобрести земельные участки на Эренкое и у подножия гор Адапазары, чтобы дома наши находились по соседству.

Ахметсани был состоятельным человеком, ежегодно путешествовал по Европе, повышал свое образование, был человеком высокой культуры. В 1951 — 1953 годах мы жили с ним по соседству в Гозтепе. Он страдал астмой. В надежде, что южный климат окажет благотворное влияние, он переехал в Медину и жил там до 1958 года, до самой своей кончины. Оставил завещание, чтобы его деньги, лежавшие в банке, земли и имущество были использованы для обучения земляков. В этом завещании говорилось также, что его финансами могут пользоваться и те, кто по причине женитьбы откладывал завершение своего образования. К таким были причислены и двое моих детей. Длинное восточное одеяние «джубба» на стройном, красивом стане Ахметсани, турецкая шапочка феска на голове, кожаная обувь «ката» на ногах показались мне тогда прелестными. Он читал нам стихи Махмуда Амина Юрдакулова и других турецких поэтов.

Приехавший вместе с Ахметсани Мансур был сыном имама Нугмана Кылыса из башкирского аула Юмран, что в Уфимской стороне. Этот имам, друг моего отца, отправил своего сына Мансура учиться в Мекку. Мансур учился в медресе Мекки и Стамбула, знал наизусть Коран и мог глубоко толковать его смысл. Несмотря на то, что в повседневной жизни он придерживался религиозных традиций, любил читать произведения европейских ученых, посвященные исламоведению. Я узнал от него, что он тщательно собирает в своей личной библиотеке труды на арабском языке, напечатанные в Европе. Ежегодно, приезжая в летнее время к нам в гости, отец Мансура привозил с собой и своего сына. Поэтому мы с ним были дружны с самого детства. Мансур тоже в 1910 году приехал из Мекки домой, чтобы повидаться с родными. Договорившись с Ахметсани, они выехали вместе. Целью обоих было открыть в Башкортостане, в Утяке, Исламский колледж, отвечающий требованиям сегодняшнего дня. Колледж этот должен быть похожим на христианскую религиозную семинарию или теологический факультет, ибо, по их мнению, эпоха медресе миновала. В том году эфенди Мансур уехал в Турцию вместе с Ахметсани, но оба были полны желания возвратиться на родину. До начала первой мировой войны Мансур оставался в Мекке. Но в связи с тем, что в той войне правители Мекки, предав Турцию, взяли сторону Англии, Мансур-эфенди, заявив, что «жить здесь не будет», переехал в Хатайский вилайет, в Дюртьюл (Четыре дороги). По приезде в Турцию я несколько раз встречался с ним. В 1951 году я состоял

в комитете по организации международного конгресса востоковедов в Стамбуле, затем — председателем этого конгресса, очень устал и после окончания конгресса поехал в Дюртьюл, где несколько дней гостил в доме Мансура, с удовольствием вспоминая с ним прошлое. Он много раз повторял, что видеть меня в своем доме гостем для него большая радость, а я, в свою очередь, поведал ему о том, каким счастьем стала для меня встреча с друзьями юности Мансуром Кылысом и Ахметсани на чужбине в 1925 году, когда я прибыл в Стамбул. К прискорбию, Мансур тоже скончался в Дюртьюле на год-другой раньше Ахметсани.

После летних встреч 1910 года в нашем ауле, а осенью — в их деревне, Ахметсани и Мансур должны были уехать в Турцию. Хоть мы с Усманом решили в Мелекесе продолжать учебу в России, все же после встречи с друзьями детства и юности я решил вновь вернуться к этой проблеме. Именно об этом зашел разговор, едва мы прибыли на яйляу Айгырульган. Оба они рассказали о том, что во время пребывания в Стамбуле и Хиджазе постоянно тосковали по родине, что возвращаться домой стало делом сложным и к тому же очень дорогим. «Хотите служить своей родине, оставайтесь здесь»,— говорили они. По их словам, американский колледж в Бейруте представляет собой не столько учебное заведение, сколько миссионерскую школу, и ничем не отличается от Российской ортодоксальной миссионерской школы. Учившийся в российской школе и затем уехавший продолжать учебу в Турции Муса Акъегетзаде тоже говорил им: «Тот, кто хочет быть полезен исламу в России, должен там и оставаться, где в таких интеллигентах-подвижниках, как вы, потребность намного больше. Разумеется, в Турции потребность в просвещенных людях тоже немалая, но ее можно удовлетворять за счет местной интеллигенции». Так объясняли нам ситуацию Мансур и Ахметсани и советовали нам с Усманом учиться здесь в русской школе. В результате мы совершенно отказались от мысли ехать в Бейрут, решили готовиться к экзаменам — я для поступления в университет, Усман — в высшую сельскохозяйственную школу. После этого я прекратил даже свои занятия по арабской литературе, не стал завершать для издания начатую рукопись «История арабской литературы». Приезд Мансура и Ахметсани к нам в аул в гости тем летом окончательно определил дальнейшее направление моей жизни.

«Кофейня Сурат» в Уральских горах

Когда мы прибыли на яйляу Айгырульган, выяснилось, что туда же приехал на кумыс к мулле Фарею мой давний знакомый самарский инженер Николай Мошков. Он был очень худ, хотя и не болел чахоткой. Несколько лет назад он уже приезжал сюда на кумыс и пробыл тут пару месяцев.

Долина реки Урюк на Айгырульганском яйляу — место удивительно красивое. До тех пор, пока не отобрали наши земли, эти места относились к владениям моих дедов. Теперь мы имели право пользоваться здешними лесами, на отдельных делянках рубить сосновые деревья, а засохшие — пилить на дрова и продавать на базаре, курить смолу из сосен, делать деготь из бересты, драть лыко с липовых стволов, брать из дупел сосен мед бортевой пчелы, косить сено на лужайках и строить хутора для присмотра зимой за скотом, и потому ежегодно мы приезжали сюда для разнообразных работ. Поэтому я знал здешние горы и низины как свои карманы.

Гости мои Мансур, Ахметсани и Усман принялись пить кумыс, а я вместе с Мошковым, как в прежние годы, охотился на дичь. Мошков был членом партии социалистов-революционеров и объяснял мне свои политические взгляды. Он одобрил, что я читаю роман Чернышевского «Пролог», и посоветовал непременно прочитать и другой его роман — «Что делать?» Этот человек был чрезвычайно предан Чернышевскому. Узнав от Мансура, что у арабов понятия «хусун» и «кубух» являются предметами эстетических дискуссий, и их идеи перекликаются с идеями «прекрасное» и «безобразное» его русского кумира Чернышевского, Мошков был приятно удивлен. Короче говоря, он был разносторонне образованным и интеллигентным человеком. Наша с ним совместная охота напоминала сюжеты рассказов из книги Тургенева «Записки охотника». Мошков тоже вел записи о нашей совместной охоте, может быть, хотел напечатать их в издаваемых его друзьями газетах и журналах в виде отдельных статей. Я же находил огромное удовольствие угощать друзей мясом добытой на охоте дичи. Мошков немного умел говорить по-татарски. Мансур Кылыс, чьи общественные и религиозные понятия были весьма традиционными, выступал против социалистических воззрений Мошкова, и он настороженно и с подозрением относился к тому, что я читаю русские книги и постоянно говорю с Мошковым по-русски. Будучи безбожником, Мошков выражал множество вольных мыслей. Отвергая религию,

он, тем не менее, высказывал немало положительных мыслей по поводу ислама, и потому Мансуру-эфенди показалось, что этот русский человек отходит от христианства и приближается к мусульманству. Эти оживленные беседы и споры приобрели затяжной характер, и они были для меня весьма интересными. Мансур-эфенди хорошо ориентировался в публикациях по истории и теории ислама, вышедших в Египте и Индии. Пользуясь этим, мы с Усманом расспрашивали его обо всем, что нас интересовало в этой области. Усман подробно знакомил Мансура с теми выпадами против ислама, которыми изобиловал журнал русских миссионеров против ислама, издаваемый в Казани, и старательно записывал ответы Мансура. Эти религиозные споры превратили шалаш муллы Фарея в «Кофейню Сурат».

Сурат — торговая гавань в Индии, где между людьми самых различных рас и вероисповеданий, случайно сведенными вместе морскими путями, разгорались жаркие споры о боге и вере. Об этом писали и некоторые французские писатели. Воспользовавшись такими произведениями, русский писатель Лев Толстой написал интересный рассказ. Если там утверждается, что споры между людьми различной веры в конечном счете приводят к взаимопониманию и примирению, то споры в Айгырульгане из-за излишней фанатичности суждений Мансура не привели даже к частичному взаимопониманию. Тем не менее, Усман без устали записывал ход этой дискуссии. Ахметсани и Мансур почувствовали, что в некоторых моментах мы с Усманом не являемся их единомышленниками. Пользуясь тем, что у муллы Фарея было много хороших лошадей, я уезжал на одной из них к знакомым на яйляу Ялтыран и Кэбэс. Изредка присоединялся ко мне и Усман. Но он, не имея навыков верховой езды, потом подолгу болел. Доходило до того, что отбивал себе все тело и не мог садиться в седло.

Через двадцать дней Ахметсани и Мансур уехали к своим. Усман засыпал меня вопросами о религии. Я пообещал ему ответить на все эти вопросы письменно. И хоть писание мое потом вышло мне боком, была от него и некоторая польза.

Усман не мог привыкнуть к башкирской еде, значительно отличающейся от татарской. Решил вернуться на родину, чтобы готовиться к экзаменам. Перед тем как уехать к себе в аул, я отвез его в Стерлитамак, нанял там подводу и проводил домой.

Мы с отцом направились в сторону Акбейека, чтобы

присмотреть за скотом. На яйляу Карагас заехали к другу моему Ибрагиму. Там отец с горечью поведал ему о наших с Усманом привычках, которые не соответствовали нашим обычаям и понятиям. К примеру, то, что Усман садился на лошадь с правой стороны, ставил в стремя сначала правую ногу, оставив на земле левую. Ибрагим припомнил, что его мама заметила, как я начинаю намаз без омовения (тахарат). Отец обратился к Ибрагиму со словами: «Татары мне рассказали, как он с другом своим татарином Усманом ели в русском кабаке колбасу и пили вино, скажи-ка, чем все это закончится?»

До сего дня не было случая, чтобы мой отец о том или другом моем поступке говорил чужому человеку, предварительно не обсудив это со мной. Я крайне этим расстроился, но не обмолвился о том ни единым словом. Не понравились отцу и наши споры с Мансуром. По его мнению, то, что два мусульманина дискутируют о разных толкованиях ислама, к добру не приведет. Самое лучшее — просто и прямо смотреть на вещи. Он считал, что есть великая правота в нижеследующих словах Абу л' Аля аль-Маарри: «Расстаемся с этой жизнью, не познав ее тайн, не поняв, с какой целью живут люди. Нам не помогут в этом книги о вселенной, труды, написанные учеными, наблюдая звезды». Также и имам Аль-Харамайн Джувейни изрек: «Жизнь моя прошла в постоянных поисках религиозной истины, но безрезультатно, теперь вот умираю с теми же понятиями, с которыми умирают старые женщины Нишапура». Это очень верные слова, считал мой отец. Он не был знатоком «Калама», знал и проповедовал мораль, мистику и фикх. Его знания Корана и хадиса были отрывочными, в своем медресе никогда не учил тафсира и хадиса. Но у товарища моего Усмана цели были иные. Он хотел глубоко понять религиозные проблемы. Если бы у него такого желания не было, я бы не стал писать свои злополучные записи, которые принесли мне столько неприятностей.

Муки революционной мысли

Вынудив меня записать содержание наших разговоров в эти месяцы, Усман после своего отъезда вызвал в отчем доме настоящий переполох. Написанные мной для него бумаги он вложил в книгу, которую забыл в Стерлитамаке у хозяина библиотеки «Калям». Он прочитал эти мои записи вместе с прибывшим из Оренбурга татарским мугаллимом по имени Зиннатулла Бикбулат,

некогда обучавшимся то ли в Египте, то ли в Бейруте. Были там еще кто-то, потом рассказали об этом еще кому-то, разнося таким образом сплетни обо мне. Распозся слух о том, что я отступился от ислама и что в этом «помог» мне мой отец, что ввергло его в невыносимые душевные муки. Поэтому отношение отца ко мне резко изменилось. Мать объяснила мне, что причина всего этого — записка, находящаяся у хозяина библиотеки «Калям», которую надо оттуда забрать и уничтожить. Я сел на коня и поспешил в Стерлитамак. Забрал свои бумаги у хозяина библиотеки, взял с него слово никому о них больше не говорить, и вернулся домой. Рассказал матери о положении дел и упросил ее объяснить все отцу. Однако дело в лучшую сторону не изменилось. Я проявил неосторожность, не сказал, что порвал или сжег записку. На вопрос отца: «Где они?»,— вытащил и отдал бумаги ему в руки, так как никогда ни в чем не обманывал его. И это окончательно испортило наши с ним отношения. Он после этого вовсе перестал со мной разговаривать, не стал приглашать меня на традиционный утренний намаз. Я замечал, что мама все чаще и чаще плачет. Моим братьям и сестрам ничего не сказали, но они чувствовали, что в семье что-то произошло, в отношениях наших воцарились холод и отчуждение. Отец несколько раз ездил в Утяк, к дяде. Бесспорно, хотели что-то предпринять.

В 1920 году дядя преподнес мне эти записи как память о тех событиях.

Дядя очень любил упомянутого выше Ахметсани. Они обменивались мнениями по самым деликатным вопросам. Дядя передал Ахметсани мои записи, они его заинтересовали и он переписал их, привез с собой в Стамбул и вручил казанскому татарину др. Сибагатулле Давлеткильде, который жил в Ускударе. Позднее Ахмет забрал у Сибагатуллы-эфенди эти бумаги и вернул мне. Это явилось для меня приятной неожиданностью, потому что переданная дядей записка осталась в моем архиве в Башкортостане.

Краткий смысл этой записки, изложенной на семи страницах, таков:

«Для мыслящей личности суть религии заключается в вере, что мир сотворен божественным духом и вся вселенная ему подвластна. Религиозному человеку присуща вера, что его дух не ограничивается существованием в его теле и, оторвавшись от бренного тела, продолжает существовать в мире ином. Мыслящая личность всегда пребывает в поисках путей единения с этой миро-

вой духовностью. А простой человек Бога представляет себе как существо, говорящее на человеческом языке. Более того, считает, что божьи слова исходят к людям непосредственно на европейском или арабском языках, которыми сам он повседневно пользуется. Простой человек искренне верит, что он в судный день поднимется из могилы в том же виде, что и в жизни, с тем же телом и костьми, предстанет пред очи божьи и будет самолично отчитываться перед ним за свои грехи. Но мыслящая личность понимает, что дело бога, создавшего миллиарды различных растений, насекомых и животных — установление законов природы и канонов жизни. Но не дело божье вникать в суматоху в каждом муравейнике и вмешиваться в дела этого Ахмета или того Махмута. Все это происходит по законам и канонам божественного установления. Великие личности, постигающие начала бытия и жизни, понимающие основания морали и действительности, накопившие опыт, знающие многое из того, что ускользает от взора заурядных, и на этой основе достигшие необычайной проницательности и в силу этого близкие к божественной духовности, среди людей снискали признание как пророки. Но среди народов, культура которых находится на сравнительно низкой ступени, эти люди формируются как шаманы. А вот у семитов, культура которых достигла больших высот, они были признаны как пророки. Тем не менее сами пророки также вышли из народа, многие из них не умели читать и писать и они, по уровню культуры близкие к народу, могли донести до народа свои мысли и идеи в таких формах, которые были доступны и убедительны для простого народа. Ради разъяснения мысли: «Чего только ни сделают люди, стремящиеся к великим целям» в Коране упоминается легенда о двурогом Зу-ль-карнайне. Этот великий завоеватель, объединивший Запад и Восток — никто иной, как Александр Македонский, сын царя Филиппа. В Коране приводится легенда о его подвигах, распространенная среди арабов. В суре «Бакара» и в других местах Корана 24 раза повторяется мысль, что эта книга состоит из многих глубокомысленных притч и мыслей. Сведения о жизни правителя Йемена (выходец из Абиссинии), жившего на сто лет раньше пророка, а также слова о пророке Гайсе «его евреи не убивали и не распяли, но в хадисах это событие связывают с ними», отражают реальные исторические события. Всевышний создал Коран точно в этом виде, со всеми буквами и словами или только его смысл? На этот счет

ученые высказывают разные суждения. Об этом мутазилиты утверждали, что Аллах создал лишь содержание и смысл Корана. А истина в том, что не только буквы и слова Корана, но и суждения и притчи, приводимые в нем, показывают, как Пророк проповедовал божественные истины в том виде, в каком они были доступны сознанию арабов той эпохи. То есть, мысли пророка преподносятся арабам с помощью притч, дастанов, поговорок, истинности которых они свято верят. Современной наукой доказано, что некоторые притчи Корана основаны на арабском фольклоре, а иные из них отражают реальные исторические события. Поэтому желание христианских миссионеров доказать, будто древние предания Израиля остаются непреложной истиной для всех времен, в том числе и для дня сегодняшнего, не имеют под собой никакой почвы, это теперь совершенно очевидно».

То, что я в свои двадцать лет о преданиях и притчах в священных книгах, в том числе Коране, рассуждал правильно, доставляет мне удовлетворение и сегодня. То, как воспринимали семитские народы три колонны в Баальбеке и другие исторические развалины, сохранившиеся со времен Римской империи до наших дней, отражает повествование о рае, которое ведется в форме, понятной и доступной арабам той эпохи. Хадис в Коране, в категорической форме утверждающий, что «Ибрагим и Исмагил заложили фундамент Каабы», является всего лишь частью одного из арабских дастанов. Моя же цель заключалась в том, чтобы доказать, что религия, проповедуемая нашим Пророком, как, впрочем, все мусульманство, представляет собой куда более древнее явление, что она отнюдь не придумана Пророком.

Когда я воспринял Коран именно в этом понимании, ислам превратился для меня куда в более привлекательное учение. Если бы как простые верующие, так и образованные, верили этим притчам (кисса) как исторической истине, внимали бы не букве Корана, а смыслу его, то не оставалось бы места оскорбительным взаимным упрекам друг друга между этими двумя группами верующих.

Прекрасно зная, что толкование Корана может носить разный характер, Джалаледдин Руми в своем знаменитом «Маснави» вносит все новые и новые притчи. Его не интересует их соответствие или несоответствие исторической действительности, он старается донести до читателя их глубинный смысл. Если бы из наших тюрков вышли свои пророки, они тоже для объяснения тех или иных истин прибегли бы к тюркским дастанам. Напри-

мер, чтобы представить вероломное предательство, обратились бы к притчам о жене Кулляркина Ябгу из огузских дастанов; для показа символа справедливости — к притчам вроде «Верблюд Едигея» из дастана об Едигее и изложили бы все это в доступной для понимания тюрков форме.

В последнее время я прочитал труд английского ученого Кеннета Крэгга, который в своем произведении, изданном под названием «Вопросы современного ислама», пишет, что арабские и западные ученые создали многотомные труды о притчах, используемых в Коране, и порадовался тому, что мой интерес к теме, над которой я ломал голову с 1910 года, угас. Я остыл к трудам по этой теме и передо мной открылась широкая возможность заниматься другими проблемами.

Но отец все это воспринимал иначе. Прочитав тогда мои записи, он полностью уверился в том, что я безраздельно отошел от мусульманства, однако о своем открытии, которое он воспринял как глубочайшую семейную трагедию, не стал распространяться и никому не показывал своего глубокого презрения ко мне. Только не стал поднимать меня на утренний намаз, лишь другие молитвы позволил творить вместе с ними. И это он делал лишь из сострадания к матери. Пятнадцать дней я прожил в атмосфере такого к себе со стороны отца отвращения и презрения, которое немыслимо было раньше и представить. Порою мне хотелось подняться и уехать в Казань, но это повело бы к окончательному разрыву с семьей, ввергло бы в невыносимое горе мою маму, поэтому я решил терпеть, не терял надежды, что, может быть, дядя найдет какой-нибудь выход из создавшегося положения.

Однажды отец сказал мне: «Вставай, поедем к дяде».

Сажать меня на свою телегу не пожелал, велел ехать верхом. В Утяке в доме Хабибназара собрались все родственники, близкие по материнской линии из Ташбукяна, Янгызкайына, Яныраса, состоящие в имамах старшие и младшие братья из разных махалля самого Утяка. Я понял, что надо мной будет устроен семейный суд. Отец начал гневную речь. Я спросил его: «Следует ли понимать твои слова так, что, если я не отрекусь от своих убеждений, то меня забьют камнями?» Именно такой вопрос задал в Коране пророк Ибрахим своему отцу. Мой отец ответил: «Я говорю о тебе по своему разумению. Ты человек ученый, вот уже поставил против меня Коран»,— и замолчал, не удержавшись от слез, и больше ничего

не стал говорить. Мой зять Кабир-мулла сказал: «Записки — это бумага, надо выяснить, все ли написанное принадлежит ему самому»,— тем самым встав на мою защиту. Как бы отвечая на его вопрос, дядя сказал: «Сынок, ты общаешься со многими людьми в чужих краях, много читаешь. Вполне понятно, во взглядах твоих будут происходить перемены. Это я объяснил и твоему отцу. Мы верим, что ты всегда останешься мусульманином и будешь любить Коран. Но дело еще вот в чем. Никогда не спеши высказывать свои мысли, которых пока не может понять и принять твой народ, тем более не заноси незрелые мысли на бумагу, ибо этим воспользуются наши враги, разнесут дурные сплетни и это обернется злом для твоего отца, для меня и всей нашей семьи. Вон, Шахшариф Метинов (член Государственной Думы) поражается твоему знанию русского языка, тому что ты составляешь прошения и жалобы, как адвокат. Все мы мечтаем, когда ты возмужаешь, выбрать тебя в земство, даже членом Думы от этой губернии, и мы этого добьемся. Только не говори в этих местах слов, которые могли бы тебя опорочить, поверь, ты нам дорог, мы тебя ценим как зеницу ока».

После этого была сотворена молитва, в которой приняли участие все собравшиеся родственники. Обе жены моего дяди были очень добрыми, начитанными женщинами. Особой человечностью и нежностью отличалась старшая из них. Они расстелили множество ковриков для намаза. Это был семейный намаз высокоодухотворенных и благочестивых людей. И я был глубоко тронут этой семейной молитвой людей, понимающих Коран, знающих арабский язык, где в задних рядах молились и женщины. В зимние месяцы к нам приезжали младшие братья и сестры моих родителей, зятья, дети, невестки и гостили в нашем доме по три — четыре дня. На утренние и дневные молитвы ходили в мечеть, а вечерний намаз творили дома, разостлав множество ковриков. Дядя исполнял обязанности имама, читал отдельные аяты из Корана. На этот раз было так же. Дядя читал из Корана суру «Ал-Хиджр», которая обычно в намаз не включается. Он многократно повторил слова из Корана:

«Ясно объясняй остальным повеленья всевышнего и исполняй их сам, не обращай внимания на слова язычников. Мы образумим тех, кто смеется над тобой. Мы знаем горечь души твоей, вызванную их злобными словами и напраслиной, но ты благодари Аллаха и будь с поклоняющимися».

Во время второго коленопреклонения он прочитал аяты из суры «Фуссилат»: «Ангелы будут спутниками тем, кто признает Повелителя нашего Аллаха и на этом поприще проявляет верность и твердость духа, но только пусть они не страшатся ничего и не горюют. Ангелы скажут им о том, что останутся им друзьями и защитниками в этом мире и на том свете. Кто лучше того, кто говорит, что он один из мусульман, и молится всевышнему? Добро и зло не одно и то же, если злу будешь отвечать добром, в конечном счете обратишь врагов в своих друзей». Этими аятами дядя обращался ко мне. В сравнении с моим отцом он мыслил более широко и свободно. По старой традиции, после намаза, повернувшись лицом к нам, он говорил проповедь-вагаз, смысл которого был созвучен прочитанным аятам. Прежде всего поставил вопрос: «Что такое истикамат?», и, сам же отвечая, продолжал: «Без колебания идти тем путем, который считаешь праведным. Это и есть истикамат. Это умение, отбросив в сторону суетные дела, идти вверх великим путем. В исламе истикамат — пройти свой жизненный путь, сохраняя верность собственной совести. Если ты будешь восходить к вершинам учености, сохраняя в чистоте веру, следуя истикамату, непременно достигнешь своей цели».

Затем привел несколько мудрых арабских изречений и поведал халис, подтверждающий, как полезно оставаться верным своим высоким идеям, не поддаваясь людским пересудам и, напротив, как пагубно отклоняться от них.

Закончились молитвы, назидания и наставления. Отец сказал: «Вот и разрешил дядя все дела». А дядя продолжал: «Один из самых великих в истории ислама людей Амави Валид ибн Муавия, порвав Коран и отбросив его в сторону, обратился к нему со словами: «Иди и до прихода Судного дня скажи своему создателю Аллаху, что Валид порвал меня и выбросил».— И далее добавил: «Амави Марван ибн Мухаммада, а также халифа Мамуна тоже называли безбожниками за смелые мысли; жители Дамаска объявили кафыром (гяуром) и Хромого Тимура за то, что тот возвеличивал мутазилитов и попытался назначить их имамами всех четырех толков ислама. Наш сын мусульманин ничуть не хуже их. В его голову пришли незрелые мысли, но они приходят в голову любого другого думающего человека. Среди мусульманских ученых и до этого были люди, утверждавшие, будто личность Зу-ль-карнайн был никем иным, как правителем Греции великим Искандаром». Но отец ему возразил: «Однако

наш сын поклоняется не Ахмету Мидхату, а кафыру Дрейперу, арабским христианам и русским книгам, которые непрестанно читает, с ними он советуется». Дядя на это ответил: «Нельзя же отказаться от чтения книг, боясь изменения взглядов».

После молитвы и этих слов души всех родных охватило чувство общей радости, которое бывает лишь после благополучного избавления от большого горя.

Между тем, дядя продолжал: «Сын наставника султанов Хызыр-бея по имени Синанетдин тоже был таким. Испытал сомнения и колебания, но при помощи шейха Вафы нашел свой верный путь и стал учителем Фатиха Султан Махмута[28]. Иншалла, Ахметзаки тоже найдет свою дорогу». Отец ответил ему: «Лишь бы его Вафой Шейхом стал не какой-нибудь христианин или безбожник». «Такого не будет,— сказал дядя,— тут произошла ошибка, он изложил на бумаге все пришедшие ему в голову мысли и тем самым дал волю сплетням. Больше он не будет записывать подобные мысли».

Семья наша, устроившая суд совести надо мной из-за предосудительного поступка, повергшего всех в большое горе, сумела разрешить дело в ходе общей молитвы, опираясь на одну из сур Корана и это было прекрасное зрелище. Прежде всего было совершенно ясно: дядя был в полном смысле слова либерально мыслящей личностью. Он согласен почти со всеми моими доводами, ценит их. Но в данном случае самым важным была его искусная тактика. Многие вещи он понимает точно так же, как я, но не разглагольствует об этом с кем попало, навлекая на свою голову беду. Чтобы успокоить отца, он привлек меня к семейному суду, но по сути меня защитил. Учитывая, что отец фанатичен в своих убеждениях, дядя, даже защищая меня, делал это тонко, не явно для остальных и, опираясь на Коран, сумел подчинить тем самым и волю отца. Приводя аяты из Корана, он, с одной стороны, успокоил отца, с другой, укорял меня за невнимание к сплетням недоброжелателей, но при этом никоим образом не упрекнул меня за мои мысли.

У этого круга людей было немало качеств, достойных восхваления. Они были искренне преданы и уважительны друг к другу, в любом деле энергичны и рачительны, каждый обладал способностью в какой-то определенной области. Им были чужды проявления фанатизма и пороки вроде пьянства и иные дурные наклонности. Во всяком случае, этот круг верующих людей внедрил в мое сознание мысль Пророка о том, что «убрать с дороги

мешающие, вредные предметы — тоже один из видов добродетели». Если нам попадались лежащие поперек дороги поваленные деревья или камни, отбрасывали их в сторону, падаль закапывали в землю. Меня и поныне бесят те, кто бросает на дороге автомобильные шины; если увижу на дороге бутылочные осколки, считаю своим долгом убрать их подальше. Эта среда, в которой я вырос, старалась никогда никого не унизить, не обидеть. Из нее вышло бы немало видных людей. Но русская революция отрицательно сказалась на их судьбе. Хотя русские красные на весь мир ославили нас, что «они, мол, не умели ни читать, ни писать, это мы научили их этому», по существу именно они искоренили эту одухотворенную культурную среду.

Мы с другом своим Усманом, посетившим нас накануне упомянутого события, побывали у наших родственников, проживавших в разных деревнях. Дядя одобрил желание Усмана учиться в высшей сельскохозяйственной школе и сказал так: «В нашем роду все учителя-мугаллимы и имамы, мы служим своему народу на этом поприще, получив на то у властей «указ». Многих из тех молодых людей, с которыми вы лично познакомились, будем воспитывать и готовить инженерами, юристами, иные, как Ахметзаки, будут изучать историю, литературу, философию, сопоставляя произведения ученых Европы и Востока. Тогда вы сможете организовать здесь центр науки и просвещения».

Дядя хотел открыть и в своем ауле сельскохозяйственную школу, отвечающую современным требованиям. Усман ему очень понравился. «Когда завершишь учебу, может быть, когда-нибудь приедешь к нам и возьмешь дело организации школы в свои руки. Эту идею одобряет и начальник земства Султанов»,— сказал он. С другой стороны, дядя весьма одобрительно отнесся к желанию Ахметсани и Мансура, вернувшись из Турции, открыть здесь колледж. Понимал он и необходимость организовать типографию. Таким образом, по его мнению, Утяк должен превратиться в некий центр культуры.

Предельно искренние взаимоотношения, установившиеся между дядей и мною после семейного суда совести распространились и на взаимоотношения между мной и отцом. Теперь, на мои слова в разговоре с Ахметсани, происходившем при отце: «Коран как источник, объясняющий человеку веру и открывающий истину — божье слово, но как источник, повествующий на языке отдельного народа, основываясь на его фольклоре и эстетических воззрениях, это слово Пророка»,— отец не проявил никакой фанатичной нетерпимости и не рассердился. С течением времени отцу стали известны работы современных ученых Мухаммата Халяфуллы и Джевада Али, специально занимающихся сравнительным изучением Корана с вариантами исторических хадисов, древних преданий, созданных по правилам арабского красноречия, сохранившихся в арабском фольклоре со времен пророка Мухаммада. Я был свидетелем разговора между индийским ученым Абу Саид аль-Гараби, который зимой 1920 года останавливался у нас проездом в Москву, и отцом о имеющихся в Коране притчах «Райские сады» и относящихся к греческим дастанам «Семь спящих подростков», об археологических раскопках древнего города Эфеса. Проведенный в Утяке «семейный суд» оказал сильное влияние на сознание и душу моего отца.

Было признано мое право творить намаз по своему усмотрению. После этого отец перестал меня будить на утреннюю молитву. И другим сказал: «Дальше он будет жить так, как пожелает, теперь он вырос, сам знает, что делать». Больше мы не затрагивали с отцом религиозные и философские темы. После случившегося я вообще ни с кем об этом не разговаривал, пытался не задевать религиозных чувств людей. Никогда не забывал слова дяди: «Когда говоришь с людьми, помни совет Пророка разговаривать с каждым сообразно уму собеседника». Он советовал мне также, чтобы за изучение тонкостей толкования религиозных вопросов я взялся лишь после совершенного овладения арабским языком. И это дело осталось в стороне. Он не учил меня теологии и фикху, не заставлял заучивать молитвы. В Казани я изучал у Садика-муллы «Хидаю» в части муамилата, но другие части не изучал. Изучал «Историю исламской культуры» Георга Лейдена, как наилучший образец. Под воздействием дяди возрос мой интерес к книгам по арабской истории, а также биографиям выдающихся людей. Прочитал опубликованные в Стамбуле и Египте биографические сочинения о таких ученых, как Ибн-Халликан, Ташкепрезаде (Шакаик), а также об ученых Ханефи и Шафиги.

Переход от религиозных споров к аль-Бируни

Последние дни августа я провел на опушках лесов и подножьях гор, готовя на зиму сено вместе с работниками, подправил жердяные ограды для скота, зимующего на хуторах. Мы остановились на берегу реки Урюк, где у нас тоже были борти. Несколько из них я выдолбил собственноручно, другие остались от брата отца — дяди Вали. В том году к бортевым гнездам пристало множество семей диких пчел. Наверное, из полсотни бортей не менее тридцати пяти были заняты. Здешние башкиры истолковали это как знак ниспосланного мне особого счастья. С одним своим другом я откачивал мед на склонах гор и низинах, там, где находились борти, так как отец позволил мне продать собранный мед заезжим татарским торговцам. Жена муллы Фарея из меда, имеющего менее светлый вид, приготовила медовуху. Мы несколько дней веселились там с друзьями и лишь затем разошлись по аулам. Вернувшись домой, я отправился в Казань.

В те же дни я встретился в ауле Юмран с собиравшимися выехать в Турцию Ахметсани и Мансуром. Оказывается, Ахметсани успел рассказать Мансуру о происшедшем со мной событии, а также о семейном суде, устроенном надо мной. Несмотря на то, что тот был теологом-фанатиком, воспринял мои записи довольно спокойно. Более того, объяснил, что ученые, утверждавшие, что Зу-ль-карнайн был никем иным, как Александром Македонским, были и раньше. Он рассказал, что Фируз Абади[29] в той части книги, где речь идет о Зу-ль-карнайне, а также аль-Бируни[30] в труде «Аль-асар аль-бакия» все это объясняют. Где можно найти это произведение Бируни, спросил я его, и узнал, что оно опубликовано в Европе. Своим коротким разъяснением Мансур-эфенди раскрыл передо мной новые горизонты, ибо после этого я встал на путь изучения творчества самого великого ученого и мыслителя в истории ислама — аль-Бируни. С той поры и поныне, в течение 55 лет, я успешно продолжаю это дело.

Едва прибыв в Казань, я посетил профессора Катанова и добился его согласия достать мне книгу аль-Бируни. То, что Зу-ль-карнайн был никем иным, как Великим Искандаром, придало мне уверенности в силе своего разума и умозаключений. «Я выпишу тебе эту книгу из Германии, но она имеется и в моей библиотеке»,— сказал профессор. Взяв у него книгу Бируни, которая пришла мне на помощь, я прочитал ее с великим удовольствием. В этой книге, изданной на арабском языке, в Лейпциге, имелось еще 30—40 страниц вступительного слова на немецком языке. Узнав от профессора, что во вступлении речь идет о жизни и творчестве ученого, я решил более основательно и интенсивно заниматься немецким языком. За то, что благодаря аль-Бируни я начал изучать немецкий язык, всю остальную свою жизнь благодарил Мансура-эфенди.

В результате, лето 1910 года оказалось для меня чрезвычайно плодотворным:

1) вышел победителем в борьбе с фанатизмом, опутавшим всю исламскую религию;

2) на почве встреч в Айгырульгане и разговоров о религии с земляками, воротившимися из Стамбула и Мекки и последовавших затем событий, я пришел к выводу: чем с такими взглядами и умонастроениями заниматься в области исламиата исключительно религиозными вопросами, лучше приступить к более глубоким научным исследованиям в других направлениях исламской и всей человеческой культуры. Итог:

3) эти разговоры вызвали во мне желание заниматься исследованием творчества аль-Бируни и

4) изучением немецкого языка.

Моя дружба с Ибрагимом Акчуриным

Добираясь на пароходе из Самары в Казань, остановился в Симбирске. До этого я переписывался с Ибрагимом Акчуриным, с которым в свое время познакомил меня помощник капитана. Этот бей просил обязательно его навестить. К нему-то я и отправился. Человек этот, являвшийся родственником редактора выходящего в Стамбуле журнала «Турецкий дом» Юсуфа Акчурина, жил в большом одноэтажном деревянном доме. Одну половину дома занимала библиотека, другая была превращена в столярную мастерскую. Хозяин дома, прочитавший множество книг и изучивший несколько языков, свободное от чтения время проводил в своей мастерской, занимаясь столярными делами. Я прожил у него два дня. Этот город, где родился Ленин, в ту пору был очень тихим, с пыльными улицами. Из-за того, что некоторые из улиц были покрыты ковром зеленой травы, он напоминал большую деревню. Я подолгу разговаривал с дочерьми Ибрагим-бея, которые учились в гимназии. Ибрагим-бей считал, что перевод Радловым книги «Кутадгу билиг» изобилует ошибками, и занимался исправлением ее текста. Он дал мне стихотворную повесть чагатайского

поэта Мир Хайдара «Железо и муравей», вышедшую в Париже на уйгурском языке, и попросил переписать ее арабскими буквами и прислать обратно. Эта работа была для меня своего рода экзаменом.

Оказалось, что помощник капитана Мышкин уже не живет здесь. Я сказал Ибрагим-бею, что прочитал летом один из романов Чернышевского и желал бы прочесть его книгу «Что делать?» Он дал мне экземпляр запрещенной в то время книги и попросил вернуть назад из рук в руки, а не высылать по почте. Несмотря на то, что этот родственник фабрикантов Акчуриных, будучи их торговым агентом, многократно выезжал за границу, Ибрагим-бей был либерально мыслящим человеком, хорошо знакомым с запрещенной литературой русских либералов. Мое увлечение подобной литературой ему понравилось. Во время его наездов в Казань наряду с научными проблемами мы говорили и о политических делах. Главный герой романа «Что делать?» Рахметов, татарин по национальности,— идеалистически настроенный революционер. Он напомнил мне муллу Хисаметдина из романа татарского писателя (впоследствии газетного работника и учителя в Стамбуле) Мусы Акъегет заде[31]; я и сам хотел быть похожим на этого героя. Уже расставшись с Россией, я узнал о том, что свои последние дни Ибрагим Акчурин прожил в Уфе в большой бедности, там и умер. Он был из числа тех, которые оставили в моей душе самый глубокий след.

Как я написал свою первую историческую книгу

В 1910—1911 учебном году я вновь остался жить у Шалыгиных. Поначалу нужно было заниматься латинским и немецким языками. По совету профессора Катанова, стал посещать лекции на филологическом факультете Казанского университета в качестве вольнослушателя. Сперва я слушал лекции Катанова по востоковедению, профессора Богородицкого[32] по общей и русской филологии, профессора Хвостова[33] и Харламповича[34] по всеобщей истории. Сам же вел уроки по тюркской истории, продолжал писать книгу. Профессор Хвостов занимался в основном историей Древнего Рима, давал мне читать такие известные произведения, как «Введение в изучение социологии» и «Всемирная история» профессора Кареева и затем обсуждал со мной поставленные там важнейшие проблемы. Профессор Катанов же учил меня наречию и говору сибирских тюрков, объяснял теорию стихосложения, давал читать из своей личной библиотеки книги по

истории тюрков. Это помогло мне ускорить написание своей книги. Состоящая из двух частей, она в первой своей части отражала историю тюркских народов до XVI века, во второй — историю последнего периода. Я писал ее всю зиму. В том году я читал также труды о народном творчестве, по литературе, этнографии тюркских и монгольских народов, вообще труды по этнографии. Был увлечен произведениями ученого Н. Аристова, посвященными этнографии тюркских народов. Особое внимание уделял трудам Радлова и Потанина[35] по этнографии тюркских народов, продолжал усиленно ими заниматься. В то же время благодаря сотрудничеству на семинарах моего учителя профессора Богородицкого по «Экспериментальной фонетике» увидел свет наш совместный этюд «Тон и вибрация в башкирских и татарских говорах». Работая над своей книгой по истории, я и в этом году не смог всесторонне подготовиться к сдаче экзаменов по гимназическому курсу. Лишь продолжал получать уроки по немецкому, латинскому языкам и математике. Мой учитель по фамилии Рклитский был по национальности украинцем. С его помощью перевел с немецкого на тюркский язык труд Радлова, посвященный стихосложению в поэзии алтайских тюрков. Один экземпляр этой рукописи я послал Юсуфу Акчурину для опубликования в журнале «Турецкий дом», но заметки эти, частично снабженные транскрипциями, так и не были напечатаны. Когда я прибыл в Стамбул, Юсуф-бей Акчурин вернул мне ее обратно. Я написал Радлову письмо о принципах стихосложения, установив тем самым с ним переписку. Он прислал мне в дар несколько своих трудов. Я перевел на тюрки несколько произведений Радлова о шаманизме.

Летом того же года к нам в аул приехал и какое-то время жил у нас сын заведующего оренбургским медресе «Хусаиния» Ибрагим, учившийся в русской гимназии. Я его возил по горам и кочевьям. Несмотря на молодость, он успел пристраститься к выпивке и карточным играм. Видя, что и дома, и на стороне я не могу в этом быть ему достойным партнером, он решил уехать домой. Когда я провожал его на лошадях в Стерлитамак, хозяин библиотеки «Калям» сказал нам, что сюда должны прибыть татарские писатели Габдулла Баттал и Галимджан Ибрагимов. Питая глубокое уважение к этим писателям, я испросил дозволения у отца привести их в гости к себе домой, запряг самых лучших лошадей и, прибыв в Стерлитамак, пригласил их погостить у нас несколько дней. Но, не имея в то время никакой известности, не

смог добиться их согласия. Баттал-бей тут же отъехал, сев на почтовый тарантас с бубенцами татарина по имени Тагиров. Значительно позднее, когда мы со своим старым другом Габдуллой Батталом (нынешняя фамилия его Таймас) и уважаемой его супругой Газизой-ханум совершали прогулку на моем автомобиле по Стамбулу, я спросил его шутливо: «Помнишь, когда-то не захотел садиться в башкирскую арбу и укатил на почтовом тарантасе ямщика Тагирова? Чего же теперь-то садишься в эту арбу?», он ответил: «Ты тогда имел облик приехавшего из аула деревенского башкирского мугаллима, кто мог знать, что ты когда-то станешь известной личностью?»

После отбытия Габдуллы Баттала мы долго говорили с Галимджаном Ибрагимовым, я рассказал ему о своей печатавшейся книге. Это был мудрый человек. Я хотел назвать книгу «Историей тюрков», но Галимджан Ибрагимов посоветовал назвать ее «Историей татар». Книга увидела свет в Казани в издательстве Идрисова. Он тоже не был доволен названием «История тюрков» и в конце 1911 года, когда книга была уже набрана, самовольно дал ей название «История тюрков-татар»; но я стал возражать, что само выражение «тюрко-татар» звучит бессмысленно, уж лучше сказать «История тюрков и татар», и он выпустил книгу под таким названием. Только посоветовал позднее расширить раздел, посвященный Казанскому ханству. После выхода книги Галимджан Ибрагимов взял ее у Идрисова, прочитал и остался доволен, одобрил издание. Он высоко оценил ее в газете «Иолдоз» («Звезда»), назвав самым серьезным научным исследованием за 1911 год. Это было с его стороны добрым жестом, побуждавшим меня к дальнейшим стараниям.

Мое знакомство с русскими востоковедами

И в 1911—1912 учебном году я продолжал слушать лекции в Казанском университете и готовиться к предстоящим экзаменам по гимназическому курсу. В том году я был в основном занят произведениями европейских ученых-востоковедов по арабской, персидской и тюркской литературам. С доцентом факультета востоковедения Петербургского университета Игнатом Крачковским познакомился через письма. Он присылал мне пространные письма и книги. Появился большой труд Крачковского об арабском поэте по имени Димашки. Я с увлечением читал книги и статьи этого автора о современной арабской культурной жизни, изучал каталоги хранящихся в библиотеках Европы рукописей. Мои занятия французским и позднее немецким языками помогли мне знакомиться с некоторыми вышедшими на этих языках трудами. С помощью профессора Катанова мне удалось выписать работу К. Броккельмана[36] по истории арабской литературы и книгу «Основы иранской филологии», вышедшие к тому времени на немецком языке тома «Исламской энциклопедии». В том же году вышел русский перевод «Этюдов по исламоведению» венгерского востоковеда Гольдциера[37]. Зная труд этого ученого «Лекции об исламе» по критическим рецензиям русского востоковеда барона Розена, я купил его книгу, хотя и плохо знал тогда немецкий язык. Для более успешного собирания нужной литературы установил связи с известным стамбульским обществом «Заман» («Время»), с живущим в Египте Амином Ханчи и другими книготорговцами, а также с европейскими книгоиздателями, выпустившими книги по востоковедению: Лузаком, Брилем и Харросевичем. Положительная оценка моей первой книги укрепила во мне желание заниматься и дальше историей тюрков и ислама. Одобрял мой выбор и профессор Катанов. Он поддерживал мое стремление сдать экзамены на получение среднего образования, видел во мне человека, который должен во что бы то ни стало окончить университет и стать на профессорскую стезю. В 1912 году профессору исполнилось 50 лет, отмечался юбилей. Среди гостей, которых он пригласил к себе домой, был и я. Угощения и напитков было в изобилии. Сам профессор пил очень много. Вечером, когда гости начали расходиться, попросил меня остаться. После того, как все разошлись, мы долго разговаривали с ним в его библиотеке.

Хотя профессор являлся христианским миссионером и цензором, его, по-видимому, русские коллеги не слишком жаловали. Несмотря на то, что долгие годы он являлся председателем исторического и археологического обществ Казанского университета, в том году собирались его отстранить от этих обязанностей. Он мне рассказывал: «Из монголов и восточных тюрков на путь востоковедения встали три человека — Доржи Банзаров[38], Чокан Валиханов и я. Каждый посвятил себя полностью русской литературе. Я отрекся от шаманства и стал христианином, служу их науке. Чокан и Доржи умерли от водки, не достигнув и 35 лет, ибо наши русские коллеги ничему, кроме выпивки, нас не научили. Ты будешь четвертым человеком в этой среде, но будь осторожен. Культурная среда, где я родился и вырос, не является столь мощной, как мусуль-

манство, бытие нашего народа плачевно, да и в русской среде мы остались чужими. Я вижу в тебе человека, который понимает, представителем какой могучей культуры он является».

Говоря все это, Катанов непрерывно пил водку, а в глазах застыли слезы. Он тяжело переживал критику своего выдающегося произведения «Язык уранхайских (уренгойских) тюрков», в особенности уничижительную оценку Мелиоранского[39]. Во всяком случае, в его отношениях с русскими коллегами, кажется, существовали и другие неизвестные мне сложности. После этого у нас с Катановым были еще несколько таких же откровенных и искренних бесед. Катанов, которого я видел каждодневно, предстал передо мной совершенно в новом свете, он позволял себе высказывания против науки, исчезали некоторые светские привычки и присущее ему франтовство в одежде. Его высказывания и замечания ввергали меня в глубокое раздумье и беспокойство. В голову мне пришло даже подозрение, не собирается ли этот человек покончить жизнь самоубийством? После этих разговоров я стал несколько сторониться университетских ученых, занимающихся востоковедением, но сохранил близость с такими, как Богородицкий и Хвостов, которые не являлись востоковедами.

Слова Катанова произвели на меня сильное впечатление. Возможно, если бы он не выпил так много, то и говорить обо всем этом не стал бы. Я понял, что нельзя идти на особое сближение с казанскими учеными востоковедами, а при общении с ними следует сохранять большую осторожность. Между тем отец, дядя и все друзья были очень довольны моей книгой, я получил много писем, выражающих удовлетворение ею, и провел то лето в основном в разговорах о своем труде.

Оценка моей книги по тюркской истории

Совершенно неожиданно книга по тюркской истории сделала меня известным в течение нескольких месяцев. Она была положительно оценена в Турции в журнале «Турецкий дом» Юсуфом Акчурой, в газете «Тарджеман» в Крыму Исмаилом Гаспырали, в казанских русских научных журналах профессором Катановым и востоковедом Емельяновым. Положительно оценили книгу и воодушевили меня своими письмами немецкий востоковед Мартин Хартман[40], профессор из Венгрии Вамбери[41], ознакомившиеся с ней благодаря содействию издателей выходящей в Оренбурге газеты «Вакыт». В качестве оценки книги приняли меня в члены «Археологического

и исторического общества Казанского университета» и торжественно вручили диплом. На торжестве вручения диплома профессор университета Харлампович сказал в мой адрес лестные слова.

По образцу моей книги написали труды по истории тюрков Ризван Нафис в Стамбуле, Юсуфджан Ходжа Агалык-улы в Коканде. Хусейнзаде Али-бей в Азербайджане, Ризаитдин Фахретдин в Оренбурге, Купрулю Фуатбей в Стамбуле назвали меня в своих статьях «тюркским историком». Книга была названа полновесным отражением исторической судьбы тюрков на основе современной методологии изучения восточных и европейских источников. Упоминавшийся мной Ибрагим Акчурин из Симбирска, работник Самарского банка, потомок Чингисхана казах Алихан Букейхан, служивший в то время в Самарском банке; Шахингарей Султан Букейхан из Букейской Орды; проживающий в Уфе названный уже Джантурин и тоже живущий в Уфе выходец из Дербента, генерал Шаихгали пригласили меня в гости в свои дома. Редактор и издатель в Самарканде Махмуд Ходжа Бехбуди и глава Уфимского медресе «Гусмания» хазрет Хайрулла предложили мне вступить в их учебные заведения преподавать историю тюркских народов, назначив при этом высокий оклад. Я принял приглашение Алихана Букейхана и Салимгарея Джантурина, выехал летом из Казани в Самару, оттуда в Уфу. Букейхан и Салимгарей встретили меня с большой радостью.

Три дня гостил я у Алихана. Он постоянно был рядом со мной, читал мою книгу и подсказывал, какие добавления в нее нужно внести. А Салимгарей Джантурин пригласил на встречу со мной представителя самарской аристократии, бывшего члена Государственной Думы князя Кугушева. Будучи выходцем из золотоордынских мурз, человек этот живо интересовался историей тюрков и монголов. Мы долго с ним беседовали. Он решил способствовать выходу моей книги на русском языке. В Уфе же генерал Шаихгали Султан вручил мне рукопись переведенной на русский язык покойным зятем генерала Галиаскаром Сыртлановым книгу Л. Каэна по истории тюркских и монгольских народов. Сделал и другие подарки.

Человеком, который оценил книгу с научной точки зрения и установил со мной очень искренние отношения, был профессор Бартольд. Летом 1912 года он решил совершить большое научное путешествие в среду мусульман России и с целью создания журнала «Наука ислама» («Ислам гилеме»). В связи с этим я опубликовал в выходящей

в Оренбурге газете «Вакыт» (№ 25) большую статью о его научных трудах и открытиях. Прочитав ее, Бартольд в своем выступлении перед общественностью мусульман Барнаула высказался в том смысле, что я «всесторонне изучил его произведения и умело ими воспользовался». Это же его выступление было напечатано тогда в газете «Вакыт». Мне он прислал письмо, в котором он писал, «что ведет переговоры о приглашении меня в Петербург».

Самую большую помощь в издании моей книги оказали профессор Катанов и Ашмарин, что можно объяснить их научными пристрастиями и тюркским происхождением. Оба они, будучи цензорами, не стали вычеркивать места, касающиеся русских, и издали книгу в том виде, в каком она и была написана. В своем выступлении на заседании Казанского археологического и исторического общества Катанов предложил отправить меня в Фергану в экспедицию по изучению истории и этнографии тюрков, для поисков не известных науке источников и рукописей. Столь воодушевляющие оценки специалистов еще более укрепили во мне решимость заняться историей тюркских народов.

Наиболее весомой оценкой моего труда со стороны наших народов стал приезд из Туркестана в наш аул двух человек, занимающихся историей тюрков,— Аширали Захири и Юнусджана Ходжа Агалиева. Это жители города Коканда, что близ Ферганы. Аширали — тамошний учитель, а Юнусджан Ходжа — богатый человек из рода старейшин («агалык») при кокандских ханах. От предков Юнусджану осталось много старинных рукописей. Позднее он и сам приобрел немало материалов исторического характера и накопил достаточно ценную коллекцию.

Оба эти человека хотели написать историю ферганских ханов, но испытывали затруднения в том, как и с чего начинать, как использовать русские первоисточники и оценить место Ферганы в истории Туркестана. Последовательное и упорядоченное изложение событий тюркской истории, предпринятые в моей книге, в какой-то степени облегчало им задачу. Вот они и отправились в дальнее путешествие в наши края — в Оренбург, Казань и Уфу. В Уфе достали мой адрес, написали мне письмо и, отдохнув, попив кумыс неподалеку от города на берегу Демы, наняли лошадей и поехали прямо к нам в аул.

Июльская жара казалась прохладой для прибывших из Туркестана гостей, которые гостили у нас десять — пятнадцать дней. Обрадовали меня, отца и дядю своими рассказами о том, как тепло принята моя книга в Туркестане, выразив при этом пожелание, чтобы во второй части ее было отведено побольше места истории Туркестана, обещали всячески помогать мне в этом. Пригласили меня в Фергану. Эти два человека до самой смерти остались моими верными сторонниками и друзьями.

В это же время упоминавшийся ранее потомок казахских султанов Алихан Букейхан прислал письмо с приглашением срочно приехать в Самару. Я проводил гостей на наших лошадях до железнодорожной станции Давлеканово в ста двадцати километрах от нашего аула. Оттуда я поехал в Самару, а гости отправились в Фергану. Я прожил несколько дней у Алихана Букейхана. У него гостил Ахмед Байтурсун. Мы подолгу беседовали, обсуждая, как в историю тюрков ввести также историю казахских ханов. Это значило, что мне необходимо начать работу над второй частью книги. Вернувшись в аул, некоторое время я занимался домашними делами и уходом за скотом, продолжал свои этнографические исследования, изучал башкирские шэжэре. Все лето того года прошло в научных трудах и поэтому я решил немного отдохнуть и осенью не очень спешил с отъездом в Казань. Мне хотелось вместе с Ибрагимом Каскынбаем собрать бортевой мед и поохотиться в горах.

Охота на берегах Нугуша

В сентябре мы собирали бортевой мед, я сбывал его на базаре, выручив тем самым довольно значительную сумму денег. Как я уже говорил, деньги от продажи меда отец отдавал мне, а пчел в том году в борти поселилось много. Отец объяснил это явление так: «Ты непременно успешно продолжишь свою учебу, потому что за всю мою жизнь к нашим бортям не приставало столько пчел». Когда я прибыл на Алагуян-Тамак, мед с тамошних наших бортей мой друг Каскынбай уже собрал. Он больше всех радовался выходу моей книги.

Зима пришла рано. Едва выпал первый снег, три шакирда моего отца — Сулейман, сын Вильдана из аула Галиакбар, еще один из Кыскынбаевых из Алагуяна Гильметдин и, конечно, Ибрагим,— взяв с собой ловчего сокола, борзых собак и ружья, отправились со мной на верховья реки Нугуш. Там находился хутор закадычного друга моего отца муллы Хамита — сына Вильдана. Избушкой этой он пользовался в зимнее время. Пока же здесь никого не было, ибо весь скот находился в это время в ауле, его пригонят сюда лишь после того, как кончится там запас сена. Как правило, на хуторе не бывает ни пос-

тели, ни провизии. Однако Ибрагим уже доставил все это за несколько дней до моего приезда, так как охота была устроена специально для меня.

Мы охотились пять дней. Проведенные в горах Урала эти дни были самыми радостными для меня, и я не забываю их до сих пор. Ибрагим привез мед и медовуху. Каждый день готовили мясо фазана, куропатки или зайца, был и напиток, приготовленный из бортевого меда. Днем охотились верхом на добрых лошадях с охотничьими собаками и ловчими птицами, вечером пили медовуху, слушали мелодию курая и песни. Но при этом не забывали о пятикратной молитве. По примеру дервишей, следовавших учению Ясави, охота вошла в наш обычай. Шейхи охотились вместе со своими мюридами, да и у мурз основным развлечением была охота. У нас среди семейных реликвий сохранился кожаный ремень, называемый «таралгы», которым пристегивали ловчую птицу к руке. Он был украшен серебряным узором и орнаментом. Теперь уже никто во всей округе не держал ловчих птиц, поэтому я спешил присоединиться к тем знакомым, которые еще охотились на дичь таким способом.

В том году Ибрагим был необычно печален. Во время охоты близ хутора муллы Хамита он читал стихи башкирского поэта-дервиша Шамсетдина Изека, смысл которых был примерно таков: «Нынче торжище мира благосклонно к тебе, но торговля не всегда сулит выгоду. Под тобой добрый конь, достигни и огляди границы мира, ибо этот конь не всегда будет под тобой. Коль сокол в твоей руке, запусти его в небо и тем утешь свою душу, ибо придет день и сокол не прилетит на твой зов. Дух твой и вера пьют медовуху в одном доме, но знай, они могут больше и не встретиться».

Ибрагим будто знал, что последний раз делит со мной радость дружеского общения. Должен сказать, что я в жизни своей не читал стихи вслух. Однако на том пиршестве я декламировал стихи, услышанные от муллы Вали, дяди со стороны отца, и тем порадовал моих друзей. До самого сна они заставляли кричать сокола, надевая ему на голову рукавицу. Я же читал стихи.

Коль крепко держишь руку в рукавице,
Сокол на шнурке не может взмыть.
С верными друзьями одурманиться вином
Лучше, чем с врагом трезвость блюсти.

Шамсетдин Изек и мулла Вали, несомненно, были людьми благочестивыми, но получали удовольствие от

медовухи, выпитой вместе с близкими друзьями. Не отставал от них и весьма начитанный Сулейман. И Ибрагим, и Сулейман были мужчины высокого роста, обладали поэтическим даром. Они не писали стихов, но сочиняли и пели прекрасные песни (то есть сами придумывали слова и мелодии в народном духе) сообразно каждому событию или застолью. Вот и теперь они пели песни, посвященные охоте. Если бы знать, что той осенью 1912 года я находился в кругу друзей последний раз, то непременно записал бы их импровизации.

После пяти дней охоты каждый из нас отправился домой, пристегнув к седлу добытых птиц — фазанов, куропаток, тетеревов-косачей. Я поехал в аул Калгасау и, почти не задерживаясь дома, выехал в Казань. В стихах Шамсетдина Изека, прочитанных Ибрагимом, слова «душа» и «вера» («иман») столь часто звучали неспроста, он бесспорно имел в виду меня и себя. Я многократно вспоминал в дороге слова: «Может, не будем больше пить брагу в одном доме».

В Самаре снова встретился с Галиханом. То был год, когда мой отец собирался совершить хадж. Это давало мне новую возможность для установления связи со Стамбулом.

Желание поехать в Стамбул

О Стамбуле я узнал из рассказов учившегося в тамошнем университете моего земляка Ахметсани Амирхана. Однако интересующие меня бесчисленные рукописные источники, которые хранятся в библиотеках Стамбула, мне уже были известны по «Тетрадям библиотек», то есть каталогам, имевшимся в библиотеке Катанова. Позже с помощью библиотеки «Заман» эти тетради я выписал и сам. Они открыли передо мной совершенно новый мир. Из них я узнал о коллекции древних монет, собранной в «Музее Султана». Я постоянно выписывал оттуда книги. Мне помогал в этом и дядя Хабибназар. И в том году он снабдил меня для этого деньгами.

По пути из аула в Казань я на несколько дней остановился в Уфе у Ибрагима Усманова. Оказывается, Ибрагим и его старший брат Габдельбарый подарили мою книгу Марьям-ханым — женщине из богатого султанского рода. Я познакомился с ней в Уфе. Марьям-ханым обещала мне всяческую помощь в изучении истории и собирании книг, даже дала немного денег. Воспользовавшись этой помощью, я выписал исторические сочинения, изданные на арабском языке в Европе, на фарси в Бомбее и Калькутте,

труды Мирхонда и Хондермира[42], такие значительные произведения, как «Бабур-наме», каталоги восточных рукописей, хранящихся в европейских библиотеках. Пришлось снять довольно большую комнату для будущей библиотеки, которую я намеревался постепенно пополнять. Таким образом, с помощью Марьям-ханым я превратился в обладателя собственной исторической библиотеки и счел за благо держать ее не в Казани, а в Уфе.

Когда мой отец уходил в хадж, я вручил ему план для поисков рукописных произведений в библиотеках Хиджаза в Саудовской Аравии, Сирии и Стамбула. Прежде всего он должен был найти известные в науке по своим названиям, но не исследованные произведения хорезмского ученого аль-Бируни. Про этот план я упомянул во вступлении к своей книге «Мировоззрение Бируни», вышедшей в 1940 году в Дели. Один экземпляр только что вышедшей моей книги «История тюрков и татар» я отдал отцу для передачи проживавшему в Мекке историку Мураду Рамзи. Он прислал мне письмо, дав оценку этой книге, написал также Хафизу Абру в Стамбул, чтобы тот сделал для меня копию хранящейся в библиотеке Фатих истории Хромого Тимура. Это стало для меня большим событием, и я всю свою жизнь был благодарен шейху Мураду. Пока отец ехал из Мекки в Стамбул, копия самого важного фрагмента этой книги была уже готова. Отец привез также выписки из труда аль-Бируни по географии, хранящегося в библиотеке Фатих. Рукопись эта принадлежит самому аль-Бируни. Выписка представляет собой вступительное слово ученого и часть самой книги. Человека, готовившего для меня копию этого сочинения, звали эфенди Габдулла. Он был нашим земляком, исполнявшим в Турции обязанности ученого-библиографа. Он же сделал для меня копию хранящегося в библиотеке «Сулеймания» сочинения крымчанина Хаджи Габделгаффара по истории Золотой Орды.

Весь этот бесценный для меня дар говорил о том, что самые великие первоисточники по истории наших народов хранятся в Стамбуле. Я понял, что у меня имеется возможность поехать в Стамбул и подробно изучить там рукописные произведения. Ведь привезенные отцом книги были лишь каплей в море. Не удивительно, что впервые оказавшись в Стамбуле в 1925 году я прежде всего отправился в библиотеку Фатих. Чтение самих этих сочинений, которые я знал лишь по каталогу, было для меня огромным счастьем.

Зимой 1912 — 1913 годов я по-прежнему продолжал готовиться к экзаменам. Однако, следуя желанию своих

туркестанских и казахских друзей, большую часть времени отдавал собиранию материалов по истории Мавераннахра, Кашгара, казахских ханов и ногайских владений в XVI—XIX вв., то есть работе над второй частью «Истории тюрков».

В то же время изучал труды арабского историка и философа ибн Хальдуна. Как и прежде, продолжал преподавать историю тюрков и арабскую литературу в медресе «Касимия».

Смерть Ибрагима Каскынбая

В летние месяцы 1913 года я был дома. Со мной приехал для отдыха и на кумыс татарский писатель Фуат Туктаров. После специальной подготовки и сдачи экзаменов за среднее образование он записался на юридический факультет Казанского университета. Фуат не смог приспособиться к нашим условиям. Прежде всего, не нравилась ему пища. До этого он не курил, а тут вдруг начал покуривать. Без конца критиковал неприспособленность наших людей к жизни. Он был влюблен в русскую девушку и многократно на дню перечитывал приходящие от нее письма. Так и не снял с себя униформу.

Я собирался везти его на горные яйляу — летовки. В это время пришло известие о тяжелой болезни моего друга Ибрагима Каскынбая. Доктора не было. В ауле был только человек по имени Галлям, сын фельдшера, помощника войскового лекаря старых башкирских войск, отец упомянутого выше муллы Галикиррара. Я решил везти его к больному, но старик этот, пристрастный к медовухе, не мог долго держаться на лошади, не нашлось и телеги, а если бы и нашлось, по пути были места, где не удалось бы на ней проехать. Оставив старика Галляма на полпути, дальше мы с Фуатом Туктаровым отправились верхом. Однако Фуат тоже не был приучен к верховой езде и занемог от седельной тряски. Я и его оставил в одном из сел и поскакал в одиночестве к больному Ибрагиму, аул которого находился в ста двадцати верстах от нас. Увы, к моему прибытию он уже простился с этим миром. Я не успел даже к похоронам.

Смерть Ибрагима привнесла заметные изменения в мою жизнь. Без него у меня пропало желание заниматься летом бортями. Дело это потеряло смысл. Так же стало неинтересно ездить на дальние пастбища на склонах Акбиика. Я долго плакал. Фуат Туктаров злился: «Не стыдно ли плакать навзрыд, словно женщина?» Однако у нас не считалось предосудительным выплакивать горе. В сво-

ем ауле я поставил надгробные камни с арабскими надписями на могилах старшего дяди Длинного Ахметьяна и бабушки Мухиб. В ауле же Ибрагима не нашлось ни приличного камня, ни подходящего инструмента. И все же мне удалось выбить на камне арабское изречение и слова народной песни, которые очень нравились самому Ибрагиму:

Птаха-ласточка вьет гнездо,
Радужно украшено оно.
В бренном мире чья душа
Не оставляет и тело, и добро?

В 1948 году в Гамбурге умер такой же, как Ибрагим, верный друг моей юности полковник доктор Галимьян Таган. На его надгробном камне я велел высечь те же слова. Он тоже любил петь эту песню, текст ее поместил в сборнике, подготовленном совместно со своим другом профессором Янски и изданном Венской Академией наук.

Я уже говорил, что отец Ибрагима Шамсетдин Каскынбаев, умерший в 1900 году, хорошо знал персидский и русский языки. Младший дядя мулла Вали и старший дядя Ахметьян были людьми высокого роста и служили в царской армии гусарами. Мне не удалось выяснить, в какой военной школе они учились. По словам друга Шамсетдина казахского интеллигента Мухаметьяна Саитгалина, Шамсетдин Каскынбай являлся членом Оренбургского отделения Российского императорского географического общества. По рассказам матери и жены, Ибрагим умер, сильно застудив легкие. У него тоже было большое желание учиться за рубежом, очень переживал из-за того, что не мог уйти вместе со мной. Жили они в достатке, но он частенько говаривал: «Моя цель не за скотом ходить и оставаться в ауле». Ибрагим прекрасно знал таких поэтов, как Хафиз, Саади, понимал и Пушкина. Если бы в 1908 году он был рядом со мной, если бы мы ушли вместе как двое близнецов, то сплелись бы наши судьбы воедино. Это был человек, оставивший в моей душе воспоминания, которые не забылись, не изгладились за всю мою жизнь.

За два месяца Фуат Туктаров в достаточной мере привык к нашей жизни, каждую пятницу посещал мечеть и с удовольствием слушал проповеди моего отца, направленные против царского правительства России в связи с началом Балканской войны. По его словам, в татарской среде ни один имам не мог бы столь резко и откровенно высказываться против царя, и немыслимо, чтобы среди слушателей не нашлось бы там хоть одного доносчика.

Вернувшись в Казань, он написал об этом в татарском журнале «Ялт-йолт». Меня это очень огорчило, и я сказал Фуату: «Может быть ты и прав в своем мнении, но то, что ты напечатал в журнале, может стать поводом для преследования моего отца». Фуат был убежден, что в Башкортостане существует тайное национальное движение, и не раз повторял потом слова татарского ученого Каюма Насыри: «Если бы башня Сююмбики находилась в стране башкир, они никогда не отдали бы ее русским». (Это высказывание Насыри мы прочитали в одном из воспоминаний, напечатанном незадолго до этого в журнале «Шура».)

Влияние моих статей, посвященных этиографии бурзянских башкир

По истечении срока своих каникул Фуат Туктаров уехал в Казань. Я же в то время работал над циклом статей «Бурзянские башкиры», предназначенном для журнала «Шура». Они были напечатаны в четырех номерах (19—22) этого журнала в 1913 году. Я писал о том, что под воздействием русских и татар происходит обеднение исключительно богатого башкирского фольклора, что хранителями древнейших образцов тюркской духовной культуры являются нынешние бурзянские башкиры, что там до сегодняшнего дня живы национальная музыка и дастаны, прежде всего, об Египте и Нуритдине (Мурадыме). Войсковая дисциплина впиталась в кровь башкир, они сохранили умение в едином порыве следовать за своими предводителями. Башкир-всадник на оседланном коне подобен памятнику. Искусное владение оружием и отменная верховая езда делают их достойными продолжателями традиций древнего тюркского воинства. Все эти мысли я и отразил в своих заметках, которые оставили у просвещенных башкирских читателей весьма благоприятное впечатление. Хабибулла абит и Сабирьян Курмыш, принявшие позже, в 1917 году, деятельное участие в башкирском национальном движении, поместили в том же журнале «Шура» (23—24 номера) свои статьи, написанные под воздействием моих заметок. Получил я также письма от многих людей. Влияние этих статей хорошо проявилось четыре года спустя, когда началось башкирское политическое движение.

НАУЧНАЯ ПОЕЗДКА В ТУРКЕСТАН

Моя первая научная поездка в Туркестан

Как только я приехал в Казань, профессор Катанов сообщил мне, что его хлопоты послать меня от имени Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете для проведения исторических и этнографических исследований в Ферганский вилайет Туркестана увенчались успехом. Я с радостью воспринял весть о предстоящей поездке, хотя она и отрывала меня от преподавания в «Касимии» и подготовки к экзаменам.

Мне сопутствовала удача с самого начала. Едва приехав в Ташкент, я нашел неизвестные доселе записи, посвященные жизни и путешествиям шейха Хауинда Тахура (умер в 1380 году), который приходился далеким предком живущему в Ташкенте шейху Убайдулле Ахрару, занимавшему почетное место среди духовных учителей моего отца. Рукописи содержали также стихи и высказывания ученого на тюркском и персидском языках. Это сочинение, приобретенное с рук книготорговцев, я послал в дар отцу и нашему соседу хазрету Бикбулату из аула Багистан, которые свято следовали шейхам братства накшбандия. Из стихов и афоризмов той рукописи в памяти осталось следующее:

«Красавица не покажется прекрасной, если рядом с ней не будет любимого друга; сад, лишенный пленительной песни соловья, не может стать местом отдохновения для людей. Сердце свое отдай лишь тому, кто сам способен доверить тебе собственное сердце, так же и жизнь свою вверяй лишь тому, кто готов пожертвовать жизнью ради тебя самого».

О том, что большинство мечетей в Ташкенте были разрушены, уничтожены, и только усыпальница шейха

Хауинда Тахура, расположенная в центральной части города, сохранена в качестве образца, я узнал лишь 53 года спустя.

До марта 1914 года я искал рукописные произведения, записи, находившиеся в личной собственности людей в Ферганской, Самаркандской и Бухарской вилайетах. В очень важных вакуфных бумагах и других документах религиозных учреждений, содержащих сведения об экономике и исторической географии края, я собрал данные об изменениях цен на товары. В Фергане собирал этнографический материал об узбеках, которые вели кочевой образ жизни. В печати Турции («Турецкий юрт») под заголовком «Знаки внимания, оказанного одному тюркскому ученому» была опубликована беседа по итогам этой поездки.

Я отыскал здесь достаточно много неизвестных произведений, относящихся к истории и литературе, большинство которых относились к периоду позже XVI века.

В Ташкенте в марте месяце на собрании Туркестанского археологического общества я сделал сообщение о результатах своей поездки. На том заседании губернатор Туркестана генерал Сухомлинов сказал по моему адресу немало лестных слов и завершил свое выступление так: «Это представляет собой прекрасный признак того, какие положительные результаты дают наши старания по развитию культуры мусульман». Заместитель редактора официальной газеты «Туркестанские ведомости» Александр Александрович Семенов хотел оставить меня в Ташкенте своим сотрудником, но я не мог принять его предложения, объяснив свой отказ желанием продолжать учебу. Позже стало известно, что он написал в Петербург об успехах моей поездки. Вскоре я получил письмо, в котором сообщалось о намерении Академии наук России и Международного общества изучения Средней Азии привлечь меня к еще более масштабным научным изысканиям в этом регионе. Инициаторами этого предложения выступили члены академии Бартольд, Радлов и К. Залеман[13]. Я ответил письмом, в котором сообщал, что после вручения рапорта-отчета Казанскому обществу археологии и истории приеду в Петербург. В конце марта выехал в Казань. В том году мои младшие братья Габдельбарый и Габдерауф учились в Казанском медресе «Мухаммадия». Некоторое время я занимался их делами. Отдал рапорт Обществу археологии и истории.

За время поездки в Ташкент, Фергану, Самарканд и Бухару я приобрел немало новых друзей. Многие из них

стали опорой в моей работе по исследованию истории культуры Туркестана, а затем — и в политической деятельности в этих краях. О дружбе с ними по сей день сохранились у меня самые теплые воспоминания. Один из них, офицер русской армии, полковник, башкир по происхождению Абубакир Диваев, опубликовал немало ценных работ, посвященных этнографии казахского и киргизского народов. Он познакомил меня также с офицером башкиром Кусюковым и татарином генералом Еникеевым, в Самарканде — с киргизским генералом Колчановым и Мирбадалевым, башкиром Акимбетовым. Куда бы я ни приезжал, всюду меня опережали рекомендательные письма достопочтенного Абубакира, по доброму представлявшие меня здешним людям. Среди них — казах, учащийся гимназии, впоследствии коммунист, Назир Туракул (Туракулов), студент юридического факультета Петербургского университета Мустафа Чокаев из Ташкента, андижанский узбек, впоследствии известный поэт Абдельхамид Сулейман, выходец из ногайцев, историк Полат Салы (Ташкент), Мунавар Кари и Убайдулла Ходжа — из узбеков, Махмуд Ходжа Бехбуди из Самарканда, Ахмеджан Махдум из Бухары, учитель начальной школы из киргизов Джанузак Ибрагим.

Из тех, с кем я познакомился в то время в Туркестане, особенно близкими мне были Назир Туракул и Абдельхамид Сулейман (поэтический псевдоним — Чолпан). Отец Назира — Туракул, переводчик при губернаторе Ферганы, собрал некоторые ценные рукописи. Назир набрасывался на любую попавшуюся под руки книгу, его захватывали мысли каждого автора. Я же ему говорил, что надо читать книги по строго намеченной программе, лишь в том случае человек может достичь успеха. Эту мою мысль он пытался внушить Чолпану, тогда еще пятнадцатилетнему подростку. Но сам Назир самокритично рассуждал о себе, что, будучи натурой увлекающейся, с переменчивым настроением, приучить себя к последовательности и терпению не может. Он уже в то время был тюркским патриотом, регулярно читал журнал «Турецкий юрт», выходивший в Стамбуле, позже стал коммунистом. Работая в русском консульстве в Джидде, Назир опубликовал статьи о проблемах тюркских языков, остался верен своей национальной культуре, потому и погиб в потоке репрессированных Советами людей.

Пятнадцатилетний Чолпан, ставший впоследствии самым великим узбекским поэтом современности, написал мне тогда письмо, в котором признавался, что получает

удовольствие от чтения моей книги и является моим единомышленником, приглашал в гости к себе в Андижан. Но когда мы с Назиром приехали к ним домой, его отец, весьма богатый человек по имени Сулейман, встретил нас холодно, даже неприязненно: «Разве может мальчишка приглашать гостей, не спросив на то разрешения отца?» Абдельхамида не было дома, он явился позднее. Несмотря на то, что он и впрямь был юн, мы воспринимали его вполне зрелым человеком. Решили поселиться в гостинице. «В таком случае уйдете после трапезы»,— сказал отец. Абдельхамид ничего ему не ответил. За столом я вел разговоры с его отцом, а Абдельхамид в это время разговаривал со своим товарищем, что было признаком неуважения к отцу, и тот, естественно, рассердился на него. Тогда я напомнил на языке фарси слова Мавляви: «Чудная птица — соловей, однако, когда он поет, другие птицы тоже не молчат». Умному Сулейману-ага очень понравилось, что эти хорошо известные строчки прозвучали так кстати, и от его неприязненности не осталось и следа. «Теперь вы гости не моего сына, а мои гости»,— сказал он и не позволил уйти в гостиницу.

Отец будущего великого тюркского поэта Чолпана глубоко почитал персидскую культуру. Для знакомства я дал ему свою визитную карточку. Оказывается, ничего подобного дотоле он не видел. «Значит, это ваше имя. Значит, вы это сами напечатали»,— сказал хозяин. Позднее он сам заказал для себя визитки. Мы стали друзьями и с современным узбекским поэтом, и с его отцом, сохранившим все традиции средневекового богатого человека.

Будучи тюркологом, Назир Туракул понимал и любил также и персидскую литературу. Сколько пользы почерпнул я в эти годы от знания фарси, который выучил благодаря стараниям матери. Я постоянно благодарил ее за это. Ткани, которые подарил при расставании Сулейман-ага, я привез матери.

События, побудившие специально заняться дастаном «Манас»

Киргизским дастаном «Манас» я так или иначе занимался с 1910 года. В том, 1914 году, в Казани произошел забавный случай, заставивший меня серьезно заняться изучением этого дастана. Как раз тогда я всерьез намеревался готовиться к экзаменам. Деньги у меня были. Отец продал кобылу и отдал мне вырученные деньги. Была при мне и выручка от продажи меда. Мать Ибрагима продала жеребца, а полученные за него деньги отдала моему отцу для пере-

дачи мне. Я ходил в театры, на балы, на разные вечера, устраиваемые для учащейся молодежи.

На одном из таких вечеров в Ташкенте я познакомился с киргизским интеллигентом по имени Ибрагим Джанузаков. Перед тем я уже был знаком в Казани тоже с одним киргизским студентом — манасчи Сарыкуловым.

Знакомство это состоялось благодаря малоприятной ситуации. В студенческой столовой на Проломном тракте два пьяных студента — киргиз с рябым лицом и русский парень со светлыми волосами, разговаривая между собой то ли на киргизском, то ли на казахском языке, перемешивали свою речь грубой руганью. Я сел поесть прямо против них. Им не понравился мой осуждающий взгляд, и они стали приставать ко мне. Я не отвечал ни единым словом, что их злило еще больше. Я высказал свои претензии хозяину столовой, потребовал дать мне другое место или вывести этих двоих вон. Хозяин попытался выставить парней, и те набросились на меня с ругательствами. Я тоже потребовал, чтобы они ушли. Обращаясь к рябому парню, я сказал: «Кет дигенде эт китет, Элмембет калмак не китпейт?» («Когда говорят «уходи», уходит и собака, почему же не уходит калмык Альмембет?»). Услышав эти строчки из дастана «Манас», киргиз так и застыл на своем стуле. «Прости, ты кто такой, откуда знаешь «Манас»?» — спросил он меня. Так мы с ним познакомились. Студент-киргиз тотчас протрезвел. Оказывается, он и имя мое слышал, и книгу мою читал. На другой день этот киргиз подошел ко мне в той же столовой и попросил прощения. Потом мы начали с ним говорить о «Манасе».

В Ташкенте упомянутый выше Абубакир Диваев подарил мне записанную в XIX веке арабским шрифтом наиболее полный вариант этого дастана, сильно отличающегося от известного варианта, опубликованного Радловым. Многие места той записи стерлись и почти не поддавались чтению, но, по словам Сарыкулова, это был вариант, записанный из уст исключительно искусного манасчи. Восемь лет находился этот дастан в моих руках. В 1920 году во время съезда восточных народов в Баку Джанузаков выпросил его у меня на время, но через год он погиб в ходе борьбы против Советов в Фергане, и рукопись с бумагами Джанузакова пропала.

В IX веке киргизы создали на территории нынешней Монголии великое государство, воевали с китайцами. «Манас» — отражение преданий и легенд о той эпохе и

о событиях более позднего времени, пережитых киргизским народом, и дастан этот по масштабу сравним с древнегреческим эпосом. Киргизские манасчи, у которых Радлов записывал этот дастан, стараясь угодить ему, как русскому человеку, вводили нехарактерные для эпоса добавления, например, упоминания о русском царе — «Белый царь». С 1924 года Советы занимаются приспособлением этого дастана к своей политике. Мой же вариант был записан несколько раньше завоевания русскими Туркестана, во времена Кокандских ханов, и насчитывал 60 тысяч строк. Мы собирались вместе с Сарыкуловым напечатать это народное произведение арабским шрифтом. Таковым было желание и Джанузакова. Однако эти два киргизских патриота стали жертвами войн против русских. Наш совместный план опубликовать «Манас» не осуществился.

Рассказ о пересылке в Стамбул весьма важной библиотеки

В это время произошло еще одно событие. Жена профессора Катанова была ярой противницей книг и библиотеки. В конце концов она поставила условие своему мужу: «или я, или библиотека». Из-за отсутствия пылесосов в то время уборка квартиры, особенно чистка книг от пыли, превращалась для женщин в настоящую пытку. На этой почве между супругами возникли недоразумения, возможно, были тому и другие причины. Из-за капризов супруги профессор Катанов решил продать библиотеку. Поскольку он мне отдал в свое время ключи для пользования его книгами, я знал им истинную цену.

В реализации библиотеки профессор попросил моей помощи. Я дал в газету «Вакыт» объявление о том, что продается очень богатая библиотека одного ученого-востоковеда. Предложил приобрести эти книги для того, чтобы открыть научный центр для мусульман в таких городах, как Оренбург или Казань. Однако никто из татар интереса не проявил. Тогда я написал в Стамбул редактору «Турецкого юрта» Юсуфу Акчурину. Он рассказал об этом в вакуфном управлении Турции, где и решили выкупить библиотеку и перевезти в Стамбул. Об этом мне сообщил все тот же Юсуф Акчурин. В Казань были направлены член вакуфного управления Наиль Рашид и татарин по происхождению офицер Гумер-Терегул-бей. Они пришли ко мне домой. Я купил эту библиотеку для Турции за 8000 русских рублей. Позднее, уложив книги в сундуки, отправил в Стамбул. Однако в библиотеке не доставало

весьма важных книг. Я сказал гостям о своем намерении поехать в Петербург и отыскать эти книги.

По прибытии в Петербург в доме Радлова в присутствии Бартольда и других членов Академии сделал подробный отчет о своей научной поездке в Туркестан. Академия выделила мне довольно значительную сумму денег для новой исследовательской поездки в Туркестан и приобретения там древних рукописей. Я обнаружил у книготорговцев и в разных учреждениях недостающие в библиотеке Катанова книги и выкупил их на деньги приехавшего в Петербург Наиля Рашид-бея. На это ушло еще 7000 рублей. Немало книг, посвященных Востоку, я приобрел бесплатно в Академии и в различных институтах. Мы их тоже отправили в Стамбул, и вся библиотека целой и невредимой была доставлена по адресу до начала Первой мировой войны, заложив основу Института тюркологии при Стамбульском университете. Когда я приехал в 1925 году в Стамбул, она стала для меня бесценным сокровищем. Если бы эта библиотека, содержащая русские научные издания, не достигла Стамбула, мои исторические исследования создавались бы лишь на основе восточных и европейских источников и были бы неполными.

В Петербурге я был занят изучением хранящихся в музее Азии каталогов европейских библиотек, а также дополнительного каталога древних исламских произведений, изданного в 1845 году Фрейном. Одновременно занимался в архиве Академии наук отбором материалов по истории башкир и ногайцев.

Мой отчет о первой научной поездке в Туркестан был опубликован в «Записках» Восточного отдела археологического Общества Российской академии. На случай, если мне не удастся сдать экзамены по гимназическому курсу, Бартольд предложил иной путь. Он обещал принять меня студентом Восточного факультета Петербургского университета, привлечь к работе в руководимом им Международном комитете по изучению Средней Азии, а в дальнейшем послать в страны Западной Европы для изучения исламских источников. По его замыслу, в 1914—1917 годах я должен буду заниматься в Германии, Австрии, Париже и Лондоне. Несостоявшийся из-за начавшейся войны, план этот стал для меня идеалом в мечтах о своем будущем. Итак, я буду ученым, посвятившим себя исследованию истории исламской культуры тюркских народов. «Почему я не выучил латинский и английский языки в той степени, чтобы по-английски читать труд

Говордта об истории нашего народа и труды Фрейна на латыни»,— терзал я себя. Весной 1914 года я пришел к твердому решению овладеть этими языками.

Изучение мною философии ибн Хальдуна

Всю зиму наряду с «Манасом» я занимался изучением трудов арабского ученого-философа ибн Хальдуна. 6-томное сочинение этого мыслителя по истории и тюркский перевод его трактата «Мукаддима» занимали в библиотеке моего дяди столь же почетное место, как и труд ибн аль-Асира, важного источника по истории ислама. Кроме аль-Асира, дядя заставлял меня читать отдельные главы из ибн Хальдуна, а потом проверял, сумел ли я понять и усвоить их. Что касается «Мукаддимы», из писем отца и дяди я знал, что Марджани в своем труде «Вафиятель Асляф Мукаддима», опубликованном в Казани, широко использовал это философское сочинение ибн Хальдуна. Дядя в то время мне советовал этими философскими трудами пока не заниматься, считая, что мой ум для этого еще не созрел. К тому же я и сам пока не обращался к общественным проблемам.

В том году мой учитель профессор Хвостов при разборе сочинения профессора Кареева по обществознанию, учитывая мое знание арабского языка, предложил мне кратко изложить мысль ибн Хальдуна об обществе. Фрагменты произведения этого ученого, касающиеся государственного устройства и роли нации, я подготовил в виде выступления на заседании археологического общества Казанского университета.

Редактор выходящего в Стамбуле журнала «Турецкий юрт» Юсуф Акчурин еще раньше просил меня прислать статьи для публикации. Переделав упомянутый доклад применительно к турецкому читателю, я выслал его в качестве статьи в Стамбул. Акчура-бей напечатал ее в журнале «Белге» (1914, № 7), издаваемом Тауфиком Рушди и Джелалом Захиром. Я узнал об этом позднее, приехав в июне 1925 года из Германии в Стамбул. Там я познакомился с учителем по имени Джевдет. Человек, имевший обширную библиотеку и ставший потом моим близким другом, шепнул мне тогда на ухо следующее: «Если разговор зайдет о вашей статье об ибн Хальдуне, ради Бога, не упоминайте моего имени». «Хорошо, пусть будет так, но что все-таки случилось?» — спросил я. Он ответил: «После того, как Ваша статья появилась в журнале «Белге», я напечатал в журнале «Тедрисат-и Иптидаи Мажмуга», выходящем в Стамбуле,

две критически оценивающие Вас статьи. Но теперь в нашей стране утвердились именно Ваши взгляды, а мои оказались беспочвенными». Мне пришлось заново прочитать свою статью, как и статьи М. Джевдета. Я выступал против теократизма, Джевдет-бей его оправдывал и, критикуя меня, писал: «Что понимает этот северный историк Заки Валиди в государственном устройстве Турции?» Я утверждал: «Теократия для турков представляет настоящее бедствие: теократия не является внутренним свойством ислама... Если мы приблизимся к западной культуре, ислам тоже сможет с ней сообразоваться... Тюркские народы в своей истории всегда могли отличать султанат от халифата... В системе государственного управления у тюрков и монголов никогда не было ничего общего с религией. Система законов Чингисхана открыла в истории ислама новую эпоху. Эти законы оставили след и в Турции («Язаки Османи» и система «тамги»). Государство и религия должны быть отделены друг от друга... Требования Корана корректируются жизненными потребностями... Восточная нация, как составная часть человеческого общества, ничем, в сущности, не отличается от нации европейской. Попытки муфтия Мухаммада Абду из Египта, Махмуда Асада из Турции, Мусы Яруллаха из России с помощью реформ превратить ислам в фундамент современного законодательства — занятие беспочвенное... Причина того, что исламские государства Средней Азии подпали под зависимость России, кроется в том, что они отошли от законов Чингисхана и дали себя опутать законом шариата. Правитель Бухары последней четверти XVIII века Мангут Шах Мурад был дервишем, он привлекал к смертной казни тех, кто пропускал молитву... В пору создания ибн Хальдуном своей великой книги в тюркском мире происходили важные события. В Шаме он встретился с Тимуром. Так завязались его взаимоотношения с тюркским миром и он запечатлел это памятное событие в виде книги. Тимур правил в своем государстве согласно законам и уставу...»

1 февраля 1930 года меня пригласили в Чанкая — летнюю резиденцию президента в Анкаре. В гостиной Ататюрка велись беседы не только на политические, но и на научные темы. Обращаясь к депутату из города Сиирт Махмуд-бею, Ататюрк сказал: «Принесите статью профессора». Через некоторое время Махмуд-бей принес из библиотеки Ататюрка журнал «Белге». Я понял, что Ататюрк прочитал мою статью с большим вниманием. Дал он читать ее и Махмуд-бею. Хозяин попросил меня

объяснить одно место в статье, где были такие слова: «Стройная система управления войском, введенная в жизнь под гениальным руководством Чингисхана, свела на нет бюрократические порядки Ирана». «Я думаю, здесь закралась ошибка»,— произнес он. «Вы правы, мой паша,— ответил я ему.— При переводе статьи на турецкий Юсуф-бей допустил ошибку, вместо «теократические порядки» написал «бюрократические порядки». «Я тоже так думаю,— произнес Ататюрк.— Ибо в других случаях вы употребляете слово «теократия» и выступаете против халифата». На той встрече присутствовали издатель журнала Тауфик Русти, Джамиль Байар, Юсуф Акчурин, госпожа Афет и еще несколько человек. Юсуф-бей признал свою ошибку со словом «бюрократия», которое он употребил вместо слова «теократия». Я поразился внимательности Ататюрка. Обращаясь ко мне, он сказал: «Видите, мы прочитали вашу статью до того, как вы сами сюда прибыли. Еще до своего приезда вы прислали нашей стране важную весть». Было ясно также, что Ататюрк знаком и со статьями М. Джевдета, критиковавшего мои позиции. Однако внимание Ататюрка к моей персоне в связи с разговором об этой статье обернулось впоследствии не в мою пользу. Высокое мнение Ататюрка о высказанных мною мыслях в названной статье дурно повлияло на настроение одного из его приближенных — профессора Шамситдина Куналтая, который тоже присутствовал на этой встрече. Это объяснил мне потом Акчурин. Но как бы то ни было, узнав, что ученые мужи и политические деятели Турции внимательно прочитали мою статью, написанную зимой 1912—1913 годов в связи с изучением трудов ибн Хальдуна, я был обрадован. Позднее такой же отзыв, соответствующий оценке Ататюрка, я обнаружил в книге профессора Зияиддина Фахри, посвященной ибн Хальдуну. Книга эта появилась еще в 1922 году. Американский профессор Ф. Розенталь, сделавший наиболее полный перевод сочинения ибн Хальдуна «Мукаддима» с подробными комментариями и выпустивший его в 1961 году, тоже обратил внимание на мою статью.

О том, что в XIV веке философией истории и проблемами общества занимались не только исламские ученые, выросшие и жившие в основном вокруг Средиземного моря и в Испании, вроде ибн Хальдуна, но идеи эти достигли Самарканда эпохи Тимура, я узнал зимой 1913 года, читая рукописные произведения в Самаркандской библиотеке. Здесь я наткнулся на труд Шамса Иджи,

который был современником ибн Хальдуна, встречался с ним, но еще до этой встречи высказывал философские идеи, аналогичные его мыслям. Это великое произведение под названием «Тухфа» было написано в правление Тимура и по его заказу. Оно посвящено философии истории, тюркским канонам, системе государственного правления и преподнесено Тимуру. Один экземпляр книги я увидел по прибытии в Стамбул в библиотеке Новой мечети. Про эту книгу, в которой предлагается закону отдать предпочтение перед шариатом, а достижениям математики — перед религией, рассказал я и Ататюрку на памятной встрече в его летней резиденции. «Поразительным тюрком был этот самый Тимур»,— сказал он. О труде Шамса Иджи я сделал специальное выступление на состоявшемся в Стамбуле XXII Международном конгрессе востоковедов в 1951 году. Профессор Розенталь опубликовал статью, посвященную этому сочинению.

Моя вторая научная поездка в Туркестан

О том, что Российская академия наук посылает меня в научную командировку в Туркестан для проведения научных исследований, одним из первых среди друзей узнал и обрадовался Ибрагим Акчурин. Не раз упоминавшийся в этих воспоминаниях сей человек являлся родственником фабрикантов из Симбирской губернии и их торговым агентом. Несмотря на то, что я был много моложе его, он считал меня своим другом и относился как к равному. Кстати, изучал уйгурский язык. Находясь одновременно со мной в Петербурге, он прислал мне однажды приглашение на уйгурском языке в «Гранд-отель», на обед, потом с пожеланием успехов проводил до станции...

По прибытии в Бухару я встретился с главным представителем Эмира Насруллахом Кушбеги. Дело в том, что во время этой поездки больше всего исследований я должен был проводить именно в Бухарском вилайете. Почтенный Кушбеги велел разослать письма руководителям махалля, предписывая им помочь мне в моей работе. Куда бы я потом ни приехал, те письма оказывались уже там. В городе Карши меня приняли за высокопоставленного петербургского чиновника, посланного царем, устроили в гостинице посольства Министерства иностранных дел, оказали большой почет и внимание, даже приставили ко мне специального церемониймейстера. В Шахрисабзе глава этого края, хотя прекрасно видел, что я мусульманин, начал разговаривать со мной

через переводчика. Когда я сказал, что это лишнее, и я не намерен говорить по-русски, он был очень доволен.

В мае на базаре города Карши я обратил внимание на мелкого торговца. Для обертки продаваемых им лекарств он использовал бумажные листы, содержащие тексты на старотюркском языке. «Где находится остальная часть этих листов?»— спросил я у него. Он ответил, что вырвал их из какой-то старой книги. Я купил эти страницы, являвшиеся одной седьмой частью Корана, переведенного на тюркский язык, за 20 копеек бухарских денег. Они оказались самым древним в исламской истории переводом Корана на тюрки, относящимся к X веку. Востоковеды Бартольд и Залеман написали о нем статьи. Позднее экземпляры этого памятника, переписанные в XIV веке в Иране в эпоху Ильханов, а в Золотой Орде в правлении сыновей Джучи, найдены в Стамбуле. О названном древнем переводе Корана я опубликовал исследование на английском языке.

Закончив свою научно-исследовательскую деятельность в Бухаре, я отбыл в Ташкент. Здесь помощник губернатора А. А. Семенов предложил мне продать ему страницы тюркского перевода Корана за очень высокую цену. Я ему ответил: «Я приобрел его для Академии наук и должен представить ей». Впоследствии узнал, что Семенов написал письмо Бартольду, похвалив меня за порядочность. Может быть он испытывал мое отношение к деньгам? У него у самого имелась великолепная коллекция древних рукописей, и для приобретения их он действительно не жалел денег. Недавно скончавшийся профессор Семенов работал в Таджикской Академии наук и напечатал много серьезных трудов, посвященных истории иранцев, издревле проживавших в Туркестане.

В Самарканде в ту пору жили из русских людей инженер Кастальский и Вяткин[44], занимавшиеся наукой и одновременно состоявшие на высокой государственной службе. Они тоже собрали множество ценных рукописей. Одно большое сочинение, приобретенное мною в Карши, принадлежало перу некоего Махмуда Васифи. Относилось оно к началу XVI века и отображало общественную и культурную жизнь Герата при тимуридах. Рукопись эта, освещающая атмосферу в обществе той эпохи и особенно жизнь поэта Алишера Навои и его круга, станет неоценимым источником для ученых, исследующих историю культуры и общественных отношений. Российская Академия наук выпустила эту книгу, вобравшую в себя к тому же немало порнографических новелл. В

Шахрисабзе я выписал тексты надписей на зданиях, относящихся к эпохе тимуридов. Написал к ним подробные комментарии. Даже спустя 50 лет после захвата Бухары русскими так и не были опубликованы фотокопии надписей на этих великих архитектурных шедеврах Туркестана, являющихся древними памятниками строительства и зодчества. Спохватились только после того, как многие из тех творений искусства были уже погублены. Тексты надписей на зданиях впервые опубликовал австриец Джон Винер.

Поездка в восточную Бухару

Когда в начале июня я приехал в Гузар, меня с большим почетом встретил дядя эмира Саид Акрам Туравали, т.е. глава вилайета. Этот человек не был доволен своим племянником эмиром Алимханом. Один из его приближенных по имени Мустафа Мирахор происходил из племени Кучинов. И не любил правивших в городе мангытов: мол, они ослабили узду на проживающих там иранцах, то есть таджиках. Саид Акрам Тура предложил мне остаться в своем дворце, учить его сыновей русскому языку. Во дворце хранилось некоторое количество ценных рукописей. Узнав, что существует созданный русскими портрет его деда эмира Насруллы (1828—1860), велевшего убить английских офицеров Конолли и Студдарта, он просил меня найти его и выслать. Позднее я послал ему книгу Ханикова, в которой воспроизводился портрет Насруллы. Этот повелитель не любил русских.

После этого мы поехали в Сариасию. Там я познакомился с одним беком Байсуна, считавшегося главным станом кочевых племен Буйрака и Конграда (Алпамыша). Он за один день угостил меня пловом шести видов. Я мучился в условиях страшной жары от несварения пищи. У брода через реку Туполанг-дарья на меня накинулся выскочивший из зарослей дикий кабан. Он мог поранить мне ногу — спасло стремя. Этого зверя, сильно напугавшего моего коня, я убил из пистолета. О том, что в этих местах водится множество кабанов, я знал и по книгам. Сопровождавший меня гостеприимный служитель из Байсуна останавливал по пути каждого прохожего и рассказывал об этом случае с такими преувеличениями, будто я не кабана убил, а льва. Весьма просвещенный Исхакбей, являвшийся валием (главой) Сариасии, подарил мне досель ни разу мной не встреченный очень древний и довольно полный сборник, состоявший из произведений

средневековых тюркских суфиев и Ахмада Ясави. Поскольку это был подарок лично мне, я не стал отдавать его в Академию наук. Позднее он пропал. Если бы тогда передал в Академию, сохранился бы...

Бывший главный везирь эмира Бухары Аулиякул Кушбеги был тогда генерал-губернатором в столице нынешнего Таджикистана Душанбе. Оказывается, он писал стихи и публиковал их под псевдонимом Хусейни. Об этом я не знал, а здесь он сам прочитал мне свои стихи, написанные в основном на фарси. Представляя меня своим близким, Аулиякул говорил: «Хотя учился по-русски, остался мусульманином». Я поехал в кишлак Хазрети Мавляна неподалеку от Душанбе. Кишлак этот получил такое название потому, что рядом с ним находилась усыпальница одного из великих суфиев Якуба Чархи. В исторических сочинениях эпохи Тимура говорится, что в этом ауле жили монголы. Так в действительности и оказалось. В 1555 году здесь побывал мореход из Турции Саидали Раис. Душанбе (древнее название Шуман) считался в VIII—IX вв. одним из центров буддизма. Но я не нашел ни одного произведения, которое бы осталось от тех времен. Поскольку никто до этого не изучал этнографию проживавших здесь кочевых племен Локай (Илаки) и Карлук, я занялся собиранием образцов их фольклора и языка. Меня очень заинтересовали обычаи и народная литература этих племен, являвшихся сколками древних эфталитов.

Как я потерял деньги у Локаев

Я объяснил стоящую передо мной задачу Аулиякулу Кушбеги. При его содействии я отправился в уездное управление (каймакам). Приехал в местечко Кукташ, в котором жили старейшины локайцев. В саду, где находилась уездная канцелярия, для меня раскинули шатер. Сад был огражден дувалом. Приглашая в шатер локайцев и карлуков, знавших древние предания и легенды, я стал записывать эти старинные дастаны.

Когда вернулся в помещение управления, где остался висеть мой пиджак, обнаружилось, что портмоне с деньгами из кармана исчезло. Я тотчас сообщил об этом начальнику каймакама. У меня украли 550 русских рублей, несколько сот бухарских танга, всего около 800 рублей. Уездный начальник приказал закрыть все выходы из виноградного сада площадью в несколько гектаров и обыскать всех, кто в нем находился. Если пропавшую сумму перевести на курс бухарских денег,

будет примерно четыре тысячи рублей, и сумма эта равнялась годовому налогу уезда. Начальник каймакама сразу передал эту весть по почте генерал-губернатору Аулиякулу Кушбеги. Губернатор ответил, что если пропавшие деньги не будут найдены, то выплатит их Кукташский каймакам вместе с налогом. Арест всех находящихся в саду управления, в том числе уважаемых людей родов карлук и локай, превратился в большое событие. Многие были вынуждены поклясться на Коране в своей непричастности к пропаже. Это породило среди людей большое недовольство. Старейшины племен, придя к начальнику каймакама, заявили: «Может быть, у этого человека вовсе не пропали деньги, просто обманывает, что похитили? Если бы деньги действительно пропали, он имел бы сейчас подавленный вид, может быть, пустив слух о пропаже, просто хочет обобрать наши племена».

Один имам по имени Ходжа Али, выражая всеобщее мнение, обратился к начальнику каймакама: «Этот человек называет себя мусульманином. Мы поклялись на Коране в том, что не брали его денег, пусть же и гость даст клятву на Коране в том, что у него похитили деньги».

Я ответил, что из-за восьмисот рублей не стану давать такую клятву, не соглашусь и на то, чтобы племена выплачивали их, если деньги не будут найдены. Мои слова вызвали еще большую подозрительность. Однако начальника каймакама предпринял для поисков пропавших денег и другие меры, использовав бухарские методы пыток тех, кого особенного подозревал. В результате выяснил, что деньги украл один из его работников. Тот сам признался в своей вине. Это вызвало всеобщее облегчение. Узбеки говорили: «Мы бы многократно клялись на коране и из-за ломаного гроша, а этот человек за четыре тысячи не захотел приносить клятву, не показал и тени огорчения на лице. Напротив, отказался получать потерянные деньги от безвинных людей».

И отношение ко мне изменилось к лучшему.

Из управления каймакама, где я находился, меня пригласили в гости на Кокташские яйляу в горах. Сев на коня, я уже было отправился в путь, когда столпившиеся у ворот старейшины рода сказали: «Эфенди, ты едешь к нам гостем, а у нас много воров, поэтому мы просим пропавшие, но благополучно найденные деньги перед всем народом передать на хранение начальнику каймакама». «Хорошо, если так»,— согласился я, перед

всеми вынул из портмоне имевшиеся там деньги и отдал в руки уездному начальнику.

Оказывается, пока мы еще находились в управлении, в горы был послан человек, и хозяева успели зарезать барана, приготовить угощение, да и кумыса было вдоволь. Там у меня произошли весьма поучительные беседы. В Кокташе я пробыл два или три дня, записал несколько дастанов и легенды. Люди расспрашивали меня о международных политических событиях. И до них дошли вести о том, что вскоре, возможно, начнется война между Россией и Германией. «Чью сторону будет держать халифат (то есть, Турция?)— спрашивали они. Я немало был удивлен столь острому интересу здешних людей к политике и поделился тем, что знал. На обратном пути до самого уездного управления меня сопровождала кавалькада всадников.

В моей жизни бывали разные поразительные случаи. Это был один из них. Спустя восемь лет в период национального движения происшествие с кукташскими ворами сослужило нам добрую службу. Во время борьбы с Советами карлуки и локайцы арестовали Энвер-пашу, не поверив, что он и есть знаменитый деятель, заподозрили в нем соглядатая. И произошло это именно в той Кокташской махалле в доме Ибрагим-бея, где я и гостил в свое время. Когда пленили Энвера-пашу (январь 1922 года), я находился в местечке Талды Гузарского уезда Бухары среди басмачей, которыми руководил узбекский курбаши по имени Джаббор. Именно в то время к Джаббору прибыли вестники от локайцев. Они хотели установить связь между отрядами Карши и Гузара. Один из прибывших локайцев узнал меня и рассказал про случай с пропажей денег. Он сказал Джаббору: «Этот человек близкий друг слуги царя покойного Аулиякула Кушбеги. Он потерял четыре тысячи рублей, но не стал клясться на Коране. Был у нас гостем, сказал, что начнется война». По ходу долгого разговора речь зашла и об Энвере-паше. «В таком случае подтверждаю, что приехавший из Турции человек и есть знаменитый Энвер-паша,— сказал я.— Именно его вы взяли в плен в Кокташе. Возвращайтесь к себе, верьте ему и служите».

Они уехали. Через несколько дней к нам прибыл сподвижник Энвер-паши офицер по имени Халил-бей. Он сообщил об освобождении Энвер-паши. Разумеется, его судьбу решило не только мое слово, сказанное локайцам. Но бесспорно то, что оно побудило это племя верно служить впоследствии Энверу-паше. Подтвердили это и сами локай-

ские представители, прибывшие в 1923 году в Кабул. В свою очередь, рассказанная локайцами история с пропавшими деньгами подняла мой авторитет перед Джаббором.

Итоги моего путешествия

Когда я возвратился в Душанбе из поездки в Кокташ (конец июня 1914 года), Аулиякул Кушбеги тоже выразил свое удовлетворение удачным исходом дела с пропажей денег. «Хорошо, что нашлись,— сказал он,— если бы не нашлись, между Бухарой и Петербургом возникла бы неприятная история».

В Восточной Бухаре мне не удалось тогда найти ценные рукописи. Приобрел рукописи литературного и религиозного содержания, вакуфные бумаги. Но я собрал много исторических сведений, накопил ценные этнографические материалы. В том числе сведения о лошадях Хуттал-Бек, упоминаемых в истории Китайской династии Хань, правившей до христианского летоисчисления, а также в арабских источниках VII—VIII вв. христианского летоисчисления и в литературе Ирана более позднего периода. В них повествуется о породе легендарных лошадей, размножившихся от жеребцов, вышедших из озер и скрывающихся в пещерах. Оказалось, что предания эти до сих пор бытуют среди туркменов и карлуков, живущих вокруг озера Джильди-коль и близ гор Каратегина. Мне удалось в полной мере доказать, что Марко Поло вел речь именно о тех лошадях.

Приехав 14 июля 1914 года в Карши, я узнал о начале русско-германской войны. У меня был призывной возраст и я подлежал мобилизации. Но, будучи официально командирован из Петербурга, с возвращением не спешил, продолжал свою исследовательскую работу в Бухаре, получил даже от здешнего русского консула подтверждающий этот факт документ. Как и другие я хотел, чтобы Турция выступила на стороне Германии. На эту тему мы много говорили с молодежью в Бухаре.

Насруллах Кушбеги привел меня во дворец эмира и показал кое-какие книги, но велел нигде об этом не писать и никому не говорить. Он собственноручно приготовил плов в скромном уголке того здания, в котором проходили заседания правительства, подарил мне чапан, дал некоторую сумму денег. Во время пребывания во дворце я узнал о существовании книги «Канон истории» на уйгурском языке. Книга эта в тот момент оказалась на уроках у эмира. Мне было предложено заняться ее изучением во время следующего приезда.

Одним из важных трудов, увиденных мною в Бухаре, была подробно изложенная географическая книга выходца из Казани Махмуда Вали, относящаяся в XVII веку. Она пропала в 1920 году, когда Советы подвергли Бухару бомбардировке. Я записал краткое содержание этой книги, которая дает всестороннее описание оросительной системы на берегах рек Зеравшан и Кашкадарья, и опубликовал в «Записках» Российского археологического общества (XXIII). Во время пребывания в 1964 году в Карачи в центре Пакистанского исторического общества мне стало известно, что книга эта найдена, что хранится она в библиотеке Узбекской Академии наук. Правительство Узбекистана сделало ее фотокопию и в объеме четырех томов преподнесло в дар Пакистанскому историческому обществу.

Я остался в Карачи на несколько дней и просмотрел названную книгу. Кроме того, нашел несколько важных рукописных книг, относящихся к периоду истории Бухары и Хорасана после семнадцатого века. Одна из них написана узбекским поэтом XVII века Имами в Бухаре. Это был сборник древних тюркских дастанов под названием «История ханов» или «Ханнамэ». Я написал на немецком языке сообщение о персидском варианте этого произведения, найденном в 1948 году в Стамбуле, и сделал по нему доклад на конгрессе востоковедов в 1954 году в Кембридже, а опубликовал в Голландии.

Что касается поездки в Бухару, она, как и первая в Фергану, была чрезвычайно полезной, но из-за начавшейся войны оказалось короткой.

Еще в 1912 году меня пригласили преподавать тюркскую историю в Уфимское медресе «Госмания». Я каждый год откладывал ответ. На этот раз приехал в Уфу и дал свое согласие. Ненадолго поехал в аул на отдых. В связи с войной нависла опасность мобилизации. Несколько дней пил кумыс на яйляу, а вернувшись в аул, не мешкая отправился в Петербург. Там вручил в Академию наук и Комитет по изучению Средней Азии отчет о своей поездке.

Моя деятельность в Петербурге в среде востоковедов

И этот мой отчет, как и первый, был опубликован в «Записках» Отдела востоковедения. Бартольд и Радлов остались очень довольны результатом этой поездки. Бартольд подал в Академию наук записку примерно следующего содержания: «В деле спасения в Средней Азии рукописных произведений, подвергнутых сейчас угрозе безвозвратной утраты, в

сборе археологических и этнографических материалов на месте польза местных ученых, пользующихся полным доверием населения, очевидна, и это неопровержимо доказывается экспедицией Валидова».

Бартольд приглашал меня в Петербурге на традиционные собрания востоковедов. Я участвовал в основном в работе «Радловского кружка», заседания которого еженедельно проходили в императорском археологическом и географическом обществе или в доме самого Радлова. Как раз в то время Бартольд готовил к изданию «Путешествие Тимура в Индию». Я просматривал корректуру, помогал в уточнении названий источников, использованных им в книге о жизненном пути Улугбека. Тут мне помогло то, что в этом году в Фергане я в течение нескольких часов прочитал сочинение (автор Шихабуддин Мунши) о походах Тимура в Сирию, Шам, Анатолию. Хранилось оно в частной коллекции и хозяин не согласился передавать книгу в Россию, остался непреклонным, несмотря на все мои старания склонить его к этому. Словом, мое общение с Бартольдом в том году оказалось для меня исключительно полезным и плодотворным.

В то же время я продолжал работу над второй частью своей книги «История тюрков». Занимался историей борьбы тюрков против России, методами правового и экономического давления на них со стороны русских, восстаниями ногайцев и башкир. Бартольд предложил мне сделать сообщение о планах моей будущей работы на заседании кружка Радлова. Я с удовольствием согласился. В своем выступлении на заседании 12 декабря 1914 года я сказал: «Исследую, начиная с XVI века до сегодняшнего дня, историю тюркских народов, проживающих на западе и севере Хазарского (Каспийского) моря и находящихся ныне под властью России. С этой целью приходится изучать касающиеся башкир и других кочевых народов законы, их видоизменения, перипетии земельных отношений. Обращаюсь к материалам, собранным такими учеными, как Щербина, Кузнецова, Румянцева, Скрупулев, Переплетчиков, вышедшим в 40 томах; а также к той важной их части, которая хранится в виде рукописей в архиве Управления кочевых народов, извлекая оттуда в первую очередь сведения о земельных проблемах казахов и киргизов. Преследуя цель воссоздания истинной истории с древнейших времен до сегодняшних дней, хотел бы научиться у вас методам изучения общественной жизни и этнографии степных народов».

По всем этим проблемам состоялся обстоятельный разговор. Участники обсуждения обещали помочь мне и высказали пожелание, чтобы я занимался большей частью в Отделе этнографии Императорского географического общества и в Комитете по созданию этнографической карты народов Российской империи. Я собрал подробные сведения по статистике и этнографии башкир, проживающих во многих российских губерниях. Свои исследования вел в основном совместно с профессором Самойловичем в Отделе этнографии Географического общества. Работал я самостоятельно, но при его большой помощи. Деятельность эта, продолжавшаяся пять — шесть месяцев, оказалась для меня чрезвычайно полезной. Я продолжил ее и после прибытия в Петроград осенью 1916 года. Изучал в архиве Академии наук документы, касающиеся башкир, казахов и ногайцев. Отчет о плане второй части своей книги послал Рамстеду, с которым в ту пору вел довольно продолжительную переписку. Когда я гостил в Хельсинки у Рамстеда, он обрадовал меня, вернув посланную когда-то копию этого плана. Однако до сих пор мне не удалось опубликовать свой труд, посвященный тюркской этнографии, а также книгу, названную «Введением во всеобщую историю тюрков, т. 2».

Бартольд приложил немало усилий, чтобы освободить меня от солдатчины, познакомил с генералом Писаревым, который заведовал «Школой восточных языков», находившейся под покровительством императрицы, а сам генерал являлся ее заместителем. Профессор Бартольд хотел устроить меня учителем в эту императорскую школу. Писарев почему-то проявлял интерес к моей персоне и несколько раз приглашал к себе домой. Благодаря этому я имел возможность общаться с представителями высокопоставленных петербургских семей, интересовавшимися Востоком. Побывал и на балах. Как знаменитый Чокан Валиханов сумел в Петербурге очень скоро сойтись с Достоевским и его друзьями, так и я видел возможность войти в круг людей, близких Востоку, если бы был принят в «Школу восточных языков».

В той среде были люди, которые относились к Востоку с большой любовью и неподдельным интересом. Назначение учителем в эту школу приобретает силу закона лишь при утверждении на должность императрицей. Но с этим ничего не получилось. По совету того же Бартольда, я снова уехал в Казань и с помощью старого своего друга Ашмарина успешно сдал экзамены на звание учителя русского языка в инородческих школах. Это не

представило трудностей, ибо я готовился давно. Но полученное свидетельство не спасло меня от армейской службы, ибо учителем я никуда не был назначен. Бартольд считал бессмысленным воевать за царя и сказал: «Незачем тебе быть на войне пушечным мясом». Однако все старания Бартольда и Самойловича, потерявших в тот период нескольких своих учеников на фронте, не дали никаких результатов. Меня призвали на армейскую службу. Однако спустя несколько дней после того, как я уже в качестве рядового солдата был направлен в зимние казармы, вышел указ об освобождении от воинской службы учителей русского языка для нерусских школ. Именно этого указа я и ждал и тут же отправился в Уфу. Начав там преподавательскую работу в медресе, получил бумагу об освобождении от солдатской службы. Я решил вести в этом медресе курс истории тюрков и историю литературы тюркских народов. Среди шакирдов были довольно способные. Впоследствии они принесли большую пользу нашему политическому движению.

Я же все еще продолжал подготовку к экзаменам по гимназической программе.

1916 — 1917 ГОДЫ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Политические связи, установленные в 1913 — 1916 годах

Издатель Идрисов исключил из первого издания моей книги главы, где речь шла об истории восточных тюрков: дескать, для них, татар, это не представляет интереса. Учительствуя в Уфе в 1915 году, я восстановил изъятую часть книги, но при этом сократил кое-какие места из ранее опубликованного, дополнил иллюстрациями и опубликовал в «Записках Туркестанского археологического общества». Добавил раздел «История ферганских ханов XVIII века», который я написал на основе новых обнаруженных мной документов. В пору уфимской жизни мне пришлось заняться в Архиве управления по размежеванию земель изучением дел, которые относились к Ильчиктимирской волости. Особый интерес вызывали земельные тяжбы моего рода, потомков Кузеня. Разбор этого чрезвычайно запутанного дела, не нашедшего решения в течение целого столетия, мне и поручили старейшины рода.

В годы войны я продолжал заниматься и политическими проблемами. В Уфе в ту пору действовали кружки социал-демократов и социал-революционеров. Мой друг Гумер Терегулов принадлежал к первому из них, некоторые другие примыкали ко второму кружку. Именно от них я получал различные публикации, в которых подвергалось резкой критике царское правительство. По этим материалам мне удалось познакомиться с различными направлениями политической мысли, которых придерживались русские революционеры-эмигранты. Мне не раз предлагали вступить в ту или иную революционную партию, но я вполне резонно полагал, что там обойдутся и без меня. Никакого желания ввязываться в дела, чреватые арестом, у меня не было. Все это стало бы

только помехой в научных занятиях, почему ни в какие партии я не стал вступать и сторонился политической деятельности. В ту пору социализм интересовал меня исключительно как теория.

У потомка казахских султанов Салимгарея Джантурина в Уфе был собственный дом. Зимой он жил в Петербурге, и тогда в его уфимском доме проводились политические собрания. У меня были налажены кое-какие связи с политическими движениями Туркестана. В тот период я испытывал сильное влияние венгерского ученого Вамбери и помощника русского губернатора в Фергане Наливкина. Труды Вамбери о государствах Средней Азии, в особенности его брошюра о политических движениях среди мусульман России в годы революции 1905 года, были переведены на русский язык. Они оставили в моей душе глубокий след. Еще до смерти ученого, последовавшей в 1913 году, я успел написать большую статью о его жизненном пути и научных трудах. Она была опубликована в журналах «Мэктэп» («Школа») в Уфе и «Турецкий юрт» в Турции.

С ферганским чиновником и ученым Наливкиным меня свел Галихан Букейхан, живший тогда в Самаре. Наливкин хорошо знал тюркские языки и фарси, поэтому знакомился с нашей историей по первоисточникам. Его труд об истории Кокандского ханства был опубликован во Франции. В 1908 году вышла основательная работа Наливкина под названием «Об истории и современном положении местного населения» (т.е. туркестанцев), в которой живо ощущается доброе отношение автора к народам края. В Оше написал интересный этюд «О жизни местных женщин (узбечек)». Несмотря на то, что Наливкин был человеком военным и занимал высокую должность при губернаторе, он тем не менее состоял в социал-демократической партии, именно от нее входил в Государственную Думу.

Во время встречи в 1913 году он вел речь о необходимости работы с местным населением, проведения определенных мер по улучшению его положения.

В том же году, будучи в Фергане, я неоднократно встречался с Вадимом Чайкиным, представителем местных социал-революционеров. И с ним мы говорили о необходимости создания собственной организации мусульман, решили издавать газету «Голос Туркестана» на русском и тюркских языках. О выпуске тюркского варианта газеты я вел переговоры с адвокатом Убайдуллой Ходжаевым и учителем Мунаваром Кари из Ташкента, а

также с Аширали Ходжаевым из Коканда. Я познакомил их с Вадимом Чайкиным. Идеологическую программу будущей газеты, если таковая состоится, я определил примерно в таких трех пунктах:

1. Достижение равноправия и одинакового налогообложения местного населения и русских, проживающих в пространстве между Сибирской железной дорогой с севера и афгано-иранской границей с юга;

2. Прекратить выделение земельных площадей русским переселенцам до перехода мусульман-кочевников к оседлости и определения мест расположения их сел и городов;

3. Предусмотреть создание современной системы народного просвещения.

Согласившись с этой программой, социалист Чайкин приступил к изданию газеты в Андижане, а Убайдулла Ходжаев — в Ташкенте. В них-то я и опубликовал под псевдонимом статьи об организации в Туркестане муниципалитетов и губернских земств.

В том же 1913 году я принимал участие в создании в городе Коканде библиотеки «Гайрат», которая преследовала определенные национальные и политические цели.

Жил я в комнатке на втором этаже дома некоего Аширали. Сам он большую часть времени проводил в кишлаке, а нижний этаж дома использовал для приготовления и продажи национального блюда — манты.

Все политические беседы происходили в моей комнате. В конце концов здешние русские, кажется, обратили внимание на наши сходки и мои встречи с местной интеллигенцией. Как бы то ни было, сам губернатор Ферганы Наливкин почти по-дружески доверительно осведомился: не приходилось ли мне вести политические беседы у востоковеда Жибуа, у которого я изучал исторические рукописные сборники? Мне тогда пришла в голову мысль, что я взят под негласный надзор. Губернатору я ответил, что заниматься политикой не входит в мои планы; что же касается названных выше трех пунктов программы, то я верю в их справедливость, но отнюдь не собираюсь заниматься их тайной пропагандой, ибо в этом году они станут предметом открытого обсуждения в узбекских газетах.

Я был приятно удивлен тем, что и он придавал большое значение моим научным изысканиям, которые по его мнению сыграют немаловажную роль в жизни наших народов; посоветовал, однако, держаться в стороне от тайных политических движений. Наливкин разговаривал

со мной не как администратор, а скорее как доброжелатель и даже друг. «Неужто он тоже в душе революционер?»,— подумалось мне. Ведь и Галихан Букейхан, и Бартольд говорили мне то же самое, и в мою бытность в Уфе я не забывал про их совет держаться подальше от политики. К тому же в ту пору я был убежден, что любое политическое действие должно иметь твердое научное обоснование, а также соотноситься с личными духовными возможностями каждого человека.

Тогда я еще не мог предположить, что башкиры вскоре сами будут вести самостоятельную политическую борьбу. Исторические восстания и противостояние моих сородичей русским колонизаторам в земельном вопросе сближали их с казахами и киргизами. Это давало мне основание думать, что политическое движение башкир пойдет в русле общетюркского. В сущности, котайские башкиры, перебравшиеся к устью Амударьи после восстаний XVIII века, и племя катай-кипчаков, заселяющих долины Сырдарьи, как раз и были выразителями идеи общетюркской освободительной борьбы.

Осенью 1915 года я провел несколько дней с потомками знатных беков и султанов Хайдаром Сыртлановым и владельцем земель вблизи аула Килим Салимгареем Джантуриным.

Галиаскар Сыртланов был известным в России адвокатом. Он защищал на суде одного из героев русско-японской войны генерала Стесселя. Зять Сыртланова Давуд, потомок дербентских князей, был убит Шайхалием. Ходили слухи, что к этому темному и грязному делу приложили руки и русские.

Покойный Галиаскар и Салимгарей Джантурин в годы революции 1905—1907 годов выступали за право восточных тюркских народов на «территориальную автономию». С их помощью Габдрашит-казый Ибрагимов опубликовал брошюру под названием «Автономия». Я был полностью солидарен с выраженными в ней идеями. Именно эта близость взглядов помогла мне через Алихана Букейхана установить постоянную связь с одним из защитников Сибирской автономии, выходцем из сибирских казаков, исследователем Средней Азии Потаниным. Он был офицером, потом избрал научную стезю. В ту пору ему было уже под восемьдесят. Григорий Николаевич Потанин занимался культурой, историей, этнографией и эпосом сибирских и восточно-азиатских народов не только в интересах науки, но и из чувства глубокой симпатии к этим этносам. В этом он стоял в одном ряду с венгерским ученым Баратуши Балугом, автором 14-томной истории Турана, и нашим доктором Риза Нур-бееи, создавшим 12-томный труд на ту же тему.

У Г. Н. Потанина есть труды, в которых он разрабатывает вопрос о заимствованиях в некоторых славянских и европейских эпических памятниках и даже в христианском предании о «Сыне Божьем» из культа тюрков об «эрке». Правда, эти сочинения подверг критике профессор Бартольд. Тем не менее, я прочитал их с удовольствием.

Старому ученому импонировал мой интерес к идее Сибирской автономии, и я получил от него несколько писем на этот предмет. Было непросто разобраться в написанном дрожащей рукой почерке дряхлого ученого, но я радовался посланиям этого старого идеалиста, частенько брал их в руки и перечитывал.

Еще раньше я познакомился с трудами его последователя Ядринцева.

Письма Потанина я показал и Салимгарею Джантурину. Когда мы посетили его в деревне Килим (мы почтительно обращались к нему «султан», памятуя, что он является потомком казахских ханов, которые, опираясь на башкир, вели борьбу против русских захватчиков в XVIII веке), я делился с ним идеей Сибирской автономии. Если бы она осуществилась, говорил я, то к ней, этой сибирской автономии, мог бы присоединиться и восточный Башкортостан, несколькими веками раньше подчинявшийся Сибирским ханам (Кучимовичам). «Придет время — будет возможен и такой вариант»,— согласился со мной Салимгарей. Он советовал мне поехать зимой в Петроград, чтобы иметь непосредственное представление о назревавших в России революционных событиях.

При разговоре с глазу на глаз он выразил уверенность, что со временем я смогу вникнуть во все тонкости политической жизни, что он видит во мне именно такого молодого человека.

Из Уфы в Петербург. Работа в Мусульманской фракции Думы

Совершенно непредвиденно появилась для меня возможность заняться политикой. Этому способствовала либерализация царем закона о выборах, что позволило избрать в Думу пятерых депутатов из казанских татар и одного депутата из Азербайджана. Остальные тюркские народы, в том числе туркестанцы, были лишены права делегировать депутатов в Думу.

Из тех, кого избрали от Уфимской губернии, Кутлукай Тевкелев был человеком честным и образованным, да только находился уже в преклонном возрасте. Воспитание свое он получил в русской среде и потому ему были неведомы все тонкости мусульманских проблем.

Другой депутат от Уфимской губернии Ибниамин Ахтямов имел высшее юридическое образование. Однако он то и дело ввязывался в дела второстепенные и не имел должного авторитета и влияния. Гайса-мирза Еникеев, депутат от Оренбургской губернии, бывший учитель медресе, занимался преимущественно вопросами просвещения и, не имея основательного европейского образования, из-за робости и нерешительности, не вмешивался в другие дела Думы кроме просвещения. Возникла насущная потребность найти и отправить от Уфимской губернии представителя, который мог бы оказывать реальную помощь официальным членам Думской фракции мусульман и в ходе заседаний Думы находиться в Петрограде. Именно этого добивался Кутлукай Тевкелев, ибо, будучи человеком самокритичным и смелым, он сам остро ощущал такую потребность. На роль такого всесторонне подготовленного представителя называлось несколько кандидатур, но сам Тевкелев, а также Салимгарей Джантурин, жена покойного Галиаскара Сыртланова Амина Сыртланова, пользовавшаяся широким влиянием среди образованных мусульман Уфы и Петрограда, член Уфимского губернского совета Гумер Терегулов остановили свой выбор на мне. Таким образом, в конце 1915 года на собрании мусульман Уфимской губернии эти обязанности были возложены на меня, и вскоре я отправился в Петроград.

Верность научной карьере

Что же, неужели и начатая еще в 1909 году подготовка к сдаче экзаменов по программе гимназии, и мечта о поступлении в университет отходили на второй план? Нет. Я верил, что моя политическая деятельность — явление временное. Вот почему я отправил письма следующего содержания профессорам Катанову, Бартольду и Богородицкому, а также преподавателю латыни и немецкого языка Рклитскому, готовившим меня для поступления в университет:

«Мусульмане Уфимской губернии возложили на меня политические обязанности, однако я не оставляю мечты поступить в университет и в будущем вернуться к научным занятиям. Нынешняя моя политическая деятельность — дело временное. Мне всегда будет опорой ваша вера в то, что у меня есть свое место в науке, свое слово в ней».

Забегая вперед, скажу, что после довольно продолжительной политической деятельности, которая длилась одиннадцать лет, в 1925 году я вновь ступил на стезю науки, поступил в 1930 году в Венский университет. В 1935 году я сдал экзамены по программам реальной гимназии и университета, защитил диссертацию, после чего был удостоен звания почетного профессора исламоведения Боннского университета.

В 1935 году я сфотографировался в окружении сотрудников «Семинара ориенталистики», руководимого профессором П. Кале и О. Спайсом (приложение № 8). Эту фотографию я отправил в Казань Катанову и Богородицкому и приложил к ней письмо такого содержания: «Я сдержал слово. Признательность моя к вам вечна и безгранична».

Увы, к тому времени профессора Бартольда уже не было в живых. Скончался и профессор Катанов. Я получил телеграмму лишь от Богородицкого с одним словом: «Молодец!»

Политическая деятельность в Петрограде

После прибытия в столицу в конце 1915 года мне удалось найти пристанище в доме грузина — дворянина и социал-демократа, который проживал недалеко от рабочего помещения думской фракции мусульман, находящегося на Таврической улице. И до дома Салимгарея Джантурина на улице Шпалерной, где он проводил зимние месяцы, также было рукой подать. Кутлукай Тевкелев был частым гостем этого дома, поэтому многие вопросы мы прямо там и обсуждали. Дело в том, что Кутлукай-мирза все проблемы, касающиеся интересов мусульман, выносил на обсуждение сначала на фракции. Как правило, члены Думы от татар Байтиряков и Миннигалиев в этих обсуждениях не участвовали. Не отличаясь политическим кругозором, они боялись попасть впросак.

Несколько позднее к членам фракции присоединились Ахмед Цаликов с Северного Кавказа, Мустафа Чокаев из Туркестана и Исмаил Лиманов из Крыма.

Официально секретарем фракции числился Ахтямов, но его дела, по существу, перешли в руки Ахмеда Цаликова, который был избран председателем бюро, а Лиманов стал его секретарем.

Кроме своих постоянных членов, азербайджанцы

время от времени присылали в Петроград своих видных деятелей Алимардана Топчибашева и Халила Хасмамедова, и они принимали деятельное участие в работе фракции.

Я не был полноправным ее членом, но также активно участвовал в подготовке нескольких деклараций мусульманской фракции и вместе с Мустафой Чокаевым занимался делами туркестанцев, отправленных на фронт царским правительством в порядке трудовой повинности, т.е. рабочими. Во всех этих делах мы сотрудничали с депутатом А. Ф. Керенским. Отец его служил инспектором просвещения в Ташкенте. В этом городе родился и вырос будущий видный социал-революционер, блестящий оратор. Он выступал с резкой критикой политики правительства, в связи с чем и снискал широкую популярность среди туркестанцев. Особенно у Мустафы Чокаева, с которым у него были очень тесные связи. При содействии Керенского мы с Мустафой Чокаевым несколько раз выезжали на фронт, чтобы ознакомиться с положением рабочих.

В феврале 1958 года я многократно встречался со все еще здравствовавшим Александром Федоровичем Керенским в Америке, в Стамфорде, в библиотеке Гувера, где он писал тогда свои мемуары. Мы делились воспоминаниями о тех далеких годах. На руках у доктора из Беркли Ричарда Пирса совершенно случайно оказались микрофильмы газеты «Туркестанские ведомости», относящиеся к эпохе Керенского. Вместе с Александром Федоровичем мы с удовольствием перечитывали их заново на диапроекторах библиотеки Гувера.

Керенский вспоминал свои детские впечатления о Туркестане. Во время обеда в библиотечной столовой живо и выразительно воспроизвел голос узбекского муэдзина в Ташкенте. Вспоминали мы и про то, как в 1916 году занимались положением прифронтовых рабочих из Туркестана. К старости русские национально-патриотические чувства Керенского еще более усилились. Он и слышать не хотел о нашей «независимости». Что тут можно было поделать? Тем не менее дорогие для нас обоих воспоминания о думских делах 1916 года, связанные с той действительно демократической Россией, во главе которой стояло его правительство, примиряли нас.

Русские дворяне

В 1915—1916 годах я изучал деятельность различных партий, группировавшихся вокруг Думы, с интересом внимал их дискуссиям. Кутлукай-мирза водил меня и на банкеты, устраиваемые его друзьями. Однажды он позвал меня на прием, устроенный одним из членов Государственной Думы (в саду), куда были приглашены несколько известных лиц, в том числе председатель Думы и деятели некоторых партий. Там же находились некоторые министры, в связи с чем мне пришлось облачаться во фрак и цилиндр, взятые напрокат.

Точно также пришлось поступать много лет спустя, в 1954 году, при посещении вместе с известным турецким дипломатом, послом в Лондоне Хусейном Рагиб-беем банкета, устроенного королевой Елизаветой в Букингемском дворце.

Фотографию, снятую на банкете в Петрограде, я отправил отцу. Друг моего отца, член второй Государственной Думы Шахшериф Метинов, увидев меня на том снимке в столь необычном одеянии да еще рядом с одним из известных русских дворян князем Кочубеем, расстроился не на шутку и прислал мне письмо. В бытность членом Думы этот самый Кочубей был одним из тех, кто отверг проект законов, касающихся вопросов башкирских земель и русских переселенцев. В ответном письме я уверял Метинова, что все это — мелочи жизни, и их не следует принимать близко к сердцу; приписал к этому известный ему рубаи на персидском языке, смысл которого сводится к следующему: по мере сил своих займи место среди великих мира сего, на пиршестве постарайся быть в свите султана; что толку в твоей мусульманской внешности, если изнутри ты гяур? Лучше, имея облик гяура, быть внутри мусульманином.

Общение с дворянами, с которыми познакомили меня генерал Писарев и Кутлукай Тевкелев, оказалось крайне интересным. Однако никаким серьезным делом они не занимались. Их постоянное и почти единственное занятие — картежная игра, которую я органически не мог переносить. А им самим тогда и в голову не приходило, что их сословие обречено на страшную катастрофу.

Максим Горький

Мне больше импонировали круги, выступавшие против дворянства и в большинстве случаев являвшиеся интеллигентами-социалистами и социал-революционерами. Именно в кругу таких людей познакомился я с Максимом Горьким и еще

с некоторыми журналистами, людьми мыслящими, которые сотрудничали в журнале «Русский летописец», издаваемом Горьким. Решив знакомить русских людей с культурой народов, оказавшихся в зависимости от России, он задумал издание «Сборников» литератур этих народов. Готовились книги по украинской, финской, армянской и грузинской литературам и истории. Подготовку сборника «Российские мусульмане» Горький доверил мне. Зимой 1916 года я уделял много времени этому занятию, изучал в публичной библиотеке Петрограда все, что было опубликовано по данной теме в России. К примеру, пересмотрел сочинения Исмаила Гаспринского, азербайджанцев Гасан-бек Меликова, Фатали Ахундова и других, а также всю русскую прессу Туркестана. Тут мне очень помог заведующий восточным отделением библиотеки, пожилой и почтенный профессор Василий Дмитриевич Смирнов[45]. Он и сам занимался теми же проблемами, хотя и с точки зрения русского патриота.

При содействии уважаемого профессора я просмотрел труды, созданные самими мусульманами, но оставшиеся неопубликованными. Написанное мною составило целый том. Весной 1916 года я вручил Горькому рукопись на русском языке. Для стилистической правки она была отдана украинцу по фамилии Гуревич. К сожалению, последующие революционные события помешали появлению книги на свет. Рукопись, оставшаяся в руках Гуревича (после революции он стал министром просвещения Украины, затем был убит), затерялась.

Работа над сборником позволяла мне постоянно общаться с Горьким и изучать его произведения. Однажды он пригласил меня на свою летнюю дачу Мустямяки, что между Петербургом и Финляндией. Горький высказывал множество либеральных мыслей о правах нерусских народов.

Знал я среди русских и другого видного интеллигента, который также с сочувствием относился к судьбе наших народов. Это был профессор М. Ковалевский[46]. В период революции 1905 — 1907 гг. он опубликовал свой труд «Национальный вопрос и равенство подданых перед законом». Несколько лет назад бывший член Думы Шахшериф Метинов дал мне прочитать это сочинение. В числе других книг Максим Горький вручил мне эту, посоветовав воспользоваться ею при подготовке сборника. Проф. Ковалевский ратовал за признание прав каждого народа России жить сообразно своим традициям, свободно развивать свою национальную культуру. Он снискал

признательность кавказских мусульман тем, что посоветовал армянам вместо попыток восстановления Великой Армении времен Багратидов, ведя жесткую войну с азербайджанцами, заботиться о развитии собственной культуры на основе своего языка и религии, ибо эта война вызывала протест и смятение у всего просвещенного человечества.

Профессор Ковалевский утверждал в своей книге, что великая Россия, простершаяся от Балтики до Тихого океана, отныне не может жить идеологией эпохи Ивана Грозного; что присоединение к России Кавказа, Туркестана, Урала и Алтая никогда не преследовало просветительскую миссию, и утверждать это — ложь. Профессор писал также, что только после возвращения завоеванным национальной самостоятельности и самому русскому народу станут понятны и доступны слова о правах и справедливости. Он завершал книгу словами о том, что в России, где жизнь человека лишена правовой защиты, а личности и обществу не обеспечено развитие в условиях достатка и благополучии, ничего не остается, кроме как повторять слова Блаженного Августина о том, что несправедливое правление есть ничто иное, как разбой на большой дороге.

Я тоже свою книгу завершил повторением этих слов Ковалевского. А Максим Горький написал к ней очень хорошее предисловие.

Сборники финнов и армян были изданы, моя рукопись затерялась. Тем не менее, часть своего труда, относящуюся к Туркестану, я позднее включил в книгу «Сегодняшний Туркестан и его ближайшая история». Но в утраченной рукописи были главы, посвященные Крыму, Кавказу и Казани,— то есть это был труд с широким охватом событий. При изложении мировоззрения татарского литератора Мусы Яруллаха, кроме влияния на него русских и европейских ученых, я отметил также воздействие средневековых ученых из Андалусии Абу Бекра Араби (умер в 1148 году), Ибрагима Шатиби (умер в 1774 году) и многих других. Максим Горький обратил на это внимание и сказал: «Я никак не предполагал, что культурные связи татар столь глубоки и обширны».

Таким образом, в 1915 — 1916 гг. я много времени отдавал политике, но не прерывал и связей со знакомыми востоковедами. Мои научные занятия проходили в основном в Азиатском музее и в Императорском географическом обществе.

Много памятных часов провел я и в шумном кругу

мусульманской интеллигенции и студентов Петрограда. Часто встречался с ними в домах покойного Салимгарея Джантурина и супруги Галиаскара Сыртланова Аминыханым, а также в мусульманском благотворительном обществе. В числе тех молодых людей, с кем я дружил тогда в столице, а позже в годы революции тесно сотрудничал, были Мустафа Чокаев, Ильяс Алкин, азербайджанец Алимардан Топчибашев, туркмен Какажан Бердиев, казах Гайса Качкынбай, из татар Султанбек Мамлиев, Мустафа Шахкули. Кроме них на наших встречах бывали и другие способные, политически активные люди. Среди них в первую очередь хочется упомянуть азербайджанца Алимардана Топчибашева и казаха Алихана Букейхана. Они помогли мне вникнуть в тонкости проблем Российских мусульман и в особенности туркестанских.

Из-за военных поражений русской армии на фронтах в стране начались волнения, явственно обозначились признаки революционного подъема. Хозяин дома, у которого я снимал комнату, отставной офицер, грузин по национальности, несмотря на свое дворянское происхождение, был близок к таким социал-демократам, как Церетели и Чхеидзе, узнавал о революционных событиях из первых рук.

А тем временем великая революция разразилась.

Революция 1917 года

Вечером 16 февраля хозяин дома, грузин, сказал, что завтра утром, вполне возможно, «начнутся волнения».

Наш дом находился как раз напротив Преображенских зимних казарм, и окно моей комнаты выходило именно на ту сторону. Может и стрельба начнется? Я подумал, что правительство, возможно, попытается вывести войска куда-нибудь за пределы города. Но мне и в голову не приходило, что именно эти казармы станут эпицентром будущих событий.

Я поднялся рано. Стоя у окна и опираясь на подоконник, долго наблюдал за тем, как солдаты беспорядочными группами выходили из ворот казарм и уходили куда-то восвояси. Это и было началом солдатских волнений.

Я молил в те минуты: «О, Создатель, пусть это движение откроет дорогу к свободе и для моего народа!» Слезы сами собой застилали мне глаза.

Оделся. Хотел выйти на улицу. Дворник меня предупредил: «Смотри, там стреляют. Лучше посиди дома». Но разве можно было сидеть дома, да еще в одиночестве!

Я пошел к зданию мусульманской фракции. А в это время солдаты большими и малыми группами шли и шли в одном и том же направлении, держа в руках винтовки кое-как. Изредка раздавались выстрелы.

Я уже тогда имел обыкновение вести записи о пережитых мной событиях. Но записей, относящихся к Российской революции, у меня теперь нет, они затерялись. Однако каким-то образом они оказались в руках у писателя Галимджана Ибрагимова. В своем труде «Великая Октябрьская революция» (стр. 21) он привел следующий отрывок из моих записей:

«В то утро начавшейся революции я спозаранок направился в мусульманскую фракцию. Ворота были закрыты. После моих настойчивых звонков, наконец-то, их открыли. Я сразу понял, что наши депутаты-мусульмане всю ночь играли в карты. В комнатах не продохнуть от табачного дыма. Я стал упрекать этих деятелей, что в момент такого революционного столпотворения они ведут себя безобразно, отдаются азартным играм. На это Ибниамин Ахтямов заявил, что никакой революции нет и в помине, и завтра же господин Протопопов приведет вас в чувство. Его приятель адвокат Нажиб Курбангалеев тоже одернул меня.

Оставив их, я отправился к Ахмеду Цаликову, который считал себя и социал-демократом и революционером. Однако и у него я встретил весьма скептическое отношение к происходящим событиям. Мне так никого не удалось убедить, что следует немедленно начать обсуждение сложившейся ситуации и придти к какому-то единому мнению...»

Разругавшись с деятелями фракции, я ушел от них и постучался к одному моему знакомому, который жил на первом этаже того же дома. Это был человек из круга Мустафы Чокаева. Он спал. Я так и не смог уговорить сейчас же, без завтрака, идти на улицу, к людям, и опять ушел один.

Прошел еще час. События стремительно нарастали. Дошло до того, что трупы убитых полицейских стали вешать прямо на телеграфных столбах. Я видел, как многих генералов привозили на грузовиках и запирали за воротами Таврического дворца. Среди них были знакомый мне генерал Писарев, директор школы восточных языков, а также князь Кочубей. Революционные рабочие швыряли в лица генералов комья снега и грязи.

Этот Кочубей — потомок Хуррем-бея, который изменил Турции и перешел на службу русскому царю, приняв

христианство. Хуррем-бей же приходился братом албанцу Мустафе Кочубею, признанному в свое время «Османским Монтескье».

Этому крупному в теле, рослому человеку с приятным голосом на одном из банкетов представил меня наш депутат Кутлукай Тевкелев. Брошюру Кочубея я прочитал в издании профессора Смирнова, что и послужило предметом нашей беседы.

Столь унизительное положение генерала в данный момент вызвало у меня чувство острой жалости к нему. Вполне возможно, он был убит в тот же день.

Со всех сторон раздавались выстрелы.

Я все же вернулся во фракцию и вместе с Мустафой Чокаевым и юристом Шагиахметовым вновь мы вышли на улицу. В магазине по продаже оружия на Невском проспекте нам посоветовали купить винтовки или пистолет. Я приобрел себе пистолет. К счастью, применять его мне не пришлось.

В одном месте наскоро перекусили и до самого вечера наблюдали за бурными уличными событиями. К концу дня появились листовки, которые в целом и прояснили ситуацию. То, что мне пришлось наблюдать начало и развитие революционных событий, так сказать, в их зародыше,— у Преображенских казарм,— я посчитал счастьем для себя.

Буквально в первые же дни после переворота из Казани, Крыма, Кавказа и Казахстана стали прибывать политические деятели мусульманских народов. Все они требовали от фракции созвать всероссийский мусульманский съезд. Однако на какой основе он должен быть созван, какие вопросы на нем обсуждать,— ясности на сей счет не было, высказывалось множество разноречивых мнений и предложений.

На первом заседании бюро фракции его председатель и самый активный деятель Ахмед Цаликов, а также Ахтямов, Исмаил Лиманов и Чокаев защищали идею единой демократической России. Салимгарей Джантурин и я придерживались того взгляда, что Россия должна быть преобразована в федерацию республик. Необходимо было подумать и определить меры по подготовке съезда еще до выборов делегатов. С этой целью я и поехал в столицу Финляндии город Гельсингфорс, чтобы там поработать несколько дней без помех. Надо было разработать план выборов, обеспечивающий всем народам равное, справедливое представительство в зависимости от их численности. Работа эта заняла 4—5 дней.

Здесь я встретился с имамом мечети в Хельсинки Валиуллой Хакимовым. Оказалось, что в здешнем гарнизоне служил солдат из нашего аула. Мулла спросил его: «Узна́ешь Заки Валидова?» Тот ответил: «Конечно, узна́ю. Мы зовем его Ахметзаки. Он разбойник, в юности у него с обоих уголков рта торчало по папиросе, а из нагрудного кармана вместо носового платка выглядывала сторублевая бумажка. Никто ему не указ. Он ходил по самой середке улицы. Дела у царя нынче плохи, видно пришла пора таких, как Ахметзаки. Он возвратит наши пастбища и леса, отняв их у царя. У нас всякий скажет: уж если что заваривается, то непременно от Ахметзаки».

Мы долго смеялись над простодушием служивого земляка, деревенского башкира, измученного насилием царских властей. Слова парня не только позабавили, но и придали мне бодрости.

Когда я вернулся в Петроград, туда уже прибыли Алимардан Топчибашев из Азербайджана, Садри Максуди и Саитгарей Алкин из Казани, Алихан Букейхан из Казахстана. Все они были членами кадетской партии, однако Топчибашев и Букейхан намеревались из нее выйти. Садри Максуди и с ним еще несколько человек решили остаться верными кадетской партии.

Кадеты и Турция

Садри Максуди на съезде кадетской партии в Петрограде 25 марта объявил, что российские мусульмане остаются верными этой партии. Военный министр Радищев сообщил о планах по продолжению войны, захвату проливов и Стамбула, уничтожению независимой Турции. И все же Садри Максуди выступил за продолжение съезда, проявив политическую ограниченность.

Представители мусульман, находившиеся тогда в столице, на страницах газет «Русская воля» и «Дело народа» выразили резкий протест по поводу заявления Максуди.

Признавая на словах, что захват Стамбула явился бы горестным событием для всех российских мусульман, Садри-бей, тем не менее, высказался за продолжение войны до победного конца от имени тридцати миллионов тех же мусульман. В газете «Русская воля» он заявил, что, де, наше несогласие с уничтожением самостоятельной Турции не мешает нам оставаться патриотами России. Все эти декларации вызвали среди нас большое недовольство. Под протестом, направленным против заявления Садри Максуди, первой стояла подпись Ахмеда Цаликова, второй — моя, далее Саитгарея Алки-

на, Салимгарея Джантурина, Захида Шамиля (внука шейха Шамиля), Бабанинского из Крыма, татар Гаяза Исхаки, Мусы Яруллаха, депутата Думы прежнего созыва Калимуллы Хасанова.

Собравшись в помещении Благотворительного общества мусульман, молодежь резко выступила против Садри Максуди. Я пытался умерить пыл молодых, сказал, что Садри-бей, видимо, сделал такое заявление, полагая, что конституционно-демократическая партия, в которой он состоит, станет отныне единственной правящей партией. Ведь он прекрасно знает, что нельзя говорить о верности тридцати миллионов мусульман одной кадетской партии, и его никто на это не уполномочивал. Сказал так же, что России нет смысла продолжать эту войну.

Садри Максуди был доволен моим выступлением, но так и не мог мне простить, что под протестом второй стояла моя подпись.

С первых же дней победившей революции Садри Максуди повел фанатичную борьбу против идеи федерации и разделения России на самостоятельные республики. Мы же, в свою очередь, выступали за то, чтобы мусульмане не присоединялись ни к какой партии, которая не признает идеи федерации и стоит за продолжение войны.

Подготовка к Всероссийскому съезду мусульман

27 марта в здании Благотворительного общества мусульман, расположенном рядом с Екатерининской церковью, бюро фракции провело большое собрание. Обсуждалась программа съезда, а также вопрос о том, сколько и кого приглашать в качестве делегатов. Председательствовал Ахмед Цаликов. Я предложил созвать всего 600 делегатов, выборы проводить исходя из численности каждого мусульманского народа и этнической группы, представил статистические и этнографические материалы о них, прочитал свои рекомендации, подготовленные в Хельсинки. Но Цаликов, писатель Гаяз Исхаки и некоторые другие, опасаясь, что на съезде с подобным составом может быть принята идея федерации, предложили «вместо невежественных делегатов из прочих регионов пригласить больше представителей из Казани, которые и должны составить более половины делегатов». Делали они все, чтобы не давать мне слова. Тогда я объявил, что если дела примут такой оборот, то буду вынужден разослать письма во все исламские круги с разъяснением сложившейся обстановки. Трудился весь день и всю ночь и разослал письма. В письме в Баку

на имя Мухаммад-Амина Расул-заде я просил его включить в их программу создание автономных республик в Туркестане, Казахстане и Башкортостане, посоветовал послать своих представителей на московский и Ташкентский съезды, чтобы они защитили идею федерации. Сам же я решил 28 марта выехать в Ташкент для координации организационной работы среди казахов, узбеков и башкир.

Ввергало в уныние равнодушие, а иногда и противостояние нашей собственной интеллигенции радикально настроенным деятелям, идущим в первых рядах революции. На собрании, проходившем в здании Благотворительного общества, в мою защиту горячо выступили из татар Лутфи Исхаки, Султанбек Мамлиев, студент-медик казах Гайса Качкынбай. Те же, кто нападал на меня, были порой настолько резки в своей критике, что председательствующему Ахмеду Цаликову пришлось принять ряд мер для моей защиты.

В городе в те грозные дни в целях ограничения въезда и выезда был установлен строгий порядок, по которому каждый, кто выезжал из столицы, должен предъявить железнодорожному управлению документ, удостоверяющий, что данный гражданин «направляется по важному делу». Цаликов отказался выдать мне такой документ от мусульманской фракции, председателем которой состоял. Его поддержал Ахтямов. Но я сумел купить билет в Ташкент на станции Царское Село.

По пути я остановился в Оренбурге, где встретился с представителем башкирской интеллигенции Сафаргали Идельбаевым. Вместе с ним и его сыновьями — офицером и студентом университета — мы написали письма и разослали по всем нашим землям.

В Оренбурге же я встретился с Алиханом Букейханом, назначенным незадолго до этого Тургайским губернатором, и еще кое с кем из казахской интеллигенции. Я склонил их к тому, чтобы они организовали выборы делегатов на московский мусульманский съезд. Все эти дела мне удалось завершить за полдня.

4 апреля я был в Ташкенте.

С помощью тамошних друзей я сразу же занялся тем, чтобы здешние образованные люди, мало-мальски способные понять и оценить происходящие события и могущие в будущем стать нашими сторонниками, приняли участие в местных съездах. Решающее значение для нас имел Областной съезд исполнительных комитетов Туркестана, который должен был состояться 9—16 апреля. Во всех этих мероприятиях я, как член мусульманской

фракции, участвовал в составе мандатной комиссии, принимал меры, чтобы и на всеобщем Туркестанском и на предстоящем московском мусульманских съездах взяли верх идеи федеративного устройства России. Несколькими днями позже из Петрограда приехали Мустафа Чокаев и адвокат Шагиахметов. Чокаев принадлежал к кадетской партии, Шагиахметов был связан с социал-демократами, поэтому к идее федерализма они присоединились не сразу, но и против нее тоже не выступали. Русские газеты в Ташкенте попытались заполучить от них статьи против программы федеративного устройства, но это им так и не удалось. После съезда, видя, что мнение народа склоняется в сторону обретения самостоятельности, Чокаев присоединился к нам.

Борьба на двух Ташкентских съездах

Мы хорошо представляли себе, как результаты Областного съезда исполнительных комитетов будут влиять на решения Съезда мусульман области и общего Туркестанского съезда. Предвидели и то, как пагубно отразятся эти решения на работе Всероссийского съезда в Москве, если они окажутся направленными против идей федерации. Борьба приобретала крайне непримиримый характер, нельзя было щадить даже друзей, когда они выступали против нас. Жестокую борьбу пришлось вести и с бывшим председателем муниципалитета Ташкента, одним из лидеров кадетской партии проф. Маллетским. Меня поддержали муфтий Самарканда литератор Махмуд Ходжа Бехбуди и эсеры, главным образом, мои друзья Вадим Чайкин и востоковед Лев Зимин. Многим среднеазиатским интеллигентам импонировала кадетская партия, но начинавшие прозревать представители казахских, узбекских и туркменских сел относились к ней настороженно. Откровенные беседы, которые имел с ними Махмуд Ходжа, возымели свое действие, и нам удалось убедить мусульманских делегатов из провинции в нашей правоте, сделать их сторонниками федерации. Идея «Россия должна быть только демократической республикой» (то есть идея унитаризма) потерпела поражение.

Не менее важными на том съезде были вопросы о принципах создания областных парламентов, губернского и городского земств. Большинство русской интеллигенции поддерживало кадетов, лидером которых был упомянутый выше Маллетский. К местной интеллигенции он относился крайне подозрительно, был хитер и представлял собой тип обычного русского шовиниста и империалиста. Он был избран председательствующим и на областном съезде. Планы кадетов по областному управлению были уже подготовлены и даже размножены для последующего распространения. Они планировали разделить городское управление на две части. Предполагалось, что в представительных органах общетуркестанского масштаба большинство будут составлять русские члены муниципалитетов; число местных депутатов должно было быть уменьшено, «туземные» женщины лишены права голоса.

На заседании 13 апреля Маллетский обнародовал эти планы в длинном докладе, прочитал заранее заготовленные решения. После него я предложил свой план и свой проект решения. Сначала я сделал это на тюркском языке и только потом разъяснил на русском, что стало для русских кадетов полнейшей неожиданностью. Для выступления мне пришлось тщательнейшим образом изучить предварительно все, что было опубликовано за последние несколько лет об организации в Туркестане муниципалитета и земства. Сведения об английской системе управления Хиндустаном, то есть законы и методы управления оккупационного меньшинства колониальным большинством были переведены на русский язык и изданы в нескольких томах. 14 апреля я принес с собой и эти фолианты.

«Каким является принцип выборов представителей и исполнительных органов по всей России, таким он должен быть и в Туркестане. Не следует бояться того, что туркестанцы здесь составляют большинство. И местные женщины будут участвовать в выборах наряду с русскими женщинами. Здесь не должно быть никаких опасений и ограничений»,— сказал я и на конкретных примерах попытался доказать, что английские законы для Хиндустана абсолютно непригодны для Туркестана.

Но Маллетский и социал-демократы сумели ввести в заблуждение и склонить на свою сторону единственного юриста из числа узбеков Ташпулата Нарбутабекова и казаха Мустафу Чокаева. Они не выступили против меня открыто, но высказывались в том смысле, что «создание двух управлений в старой и новой части городов воспринято мусульманскими делегатами как шаг к автономности; пока у нас нет людей, подготовленных для работы в областных представительных органах и потому мы, естественно, окажемся в меньшинстве. По мере увеличения числа людей, получивших русское образование, количество их будет расти и в областном управлении».

Махмуд Ходжа Бегбуди и я им возразили в том плане, что говорить в парламенте Туркестана только на русском языке было бы большой ошибкой, что тюркский и русский должны иметь равные права, и это рано или поздно осуществится.

Полемика по этому вопросу вынудила меня столкнуться с моим старым другом Мустафой Чокаевым, чем я был очень расстроен.

На заседании 15 апреля председательствующий на областном съезде Маллетский вновь вернулся к вопросу о земстве, чтобы отстоять свои взгляды. Мне и на этот раз пришлось выступить против него. Тогда Маллетский снова взял слово и сказал: «Численное превосходство туземного населения и сейчас и впредь будет лишь усложнять систему выборов представителей в органы областного управления, это факт». Я ответил на это следующим образом: «Наступило время свободы, поэтому никто ни по каким соображениям не может лишать классы или нации избирательных прав, основанных на четырех принципах: гласность, равенство, независимость от имущественного положения и пола. Эти принципы должны быть едины для всех граждан Российского государства. Опасения, будто управление государственными делами окажется в руках неграмотных людей, несостоятельны, ибо при создании соответствующих условий для подготовки кадров управленческих учреждений, вопрос этот решится сам собой. Вы перевели толстые тома о колониальном управлении в Хиндустане, чтобы пользоваться той системой здесь. Было бы куда лучше взамен их выпустить книги о том, как господствующая и покоренная нации обретут одинаковые избирательные права и будут жить в условиях равенства. И издавать такие книги следует и на русском, и на тюркском языках».

Начались дебаты. После выступлений эсеров Вадима Чайкина и востоковеда Зимина, поддержавших меня, никто уже не хотел слушать Маллетского. Однако он вновь воспользовался своим положением председательствующего, и в тот день никакого решения не было принято. Обосновывая свою точку зрения, Маллетский опубликовал несколько статей в газете «Туркестанские ведомости». Наши же с Бехбуди выступления были напечатаны в номерах этой же газеты за 16 и 23 апреля в кратком изложении.

В президиуме общего Съезда мусульман всего Туркестана, собравшегося 16 апреля, я и Махмуд Ходжа Бехбуди рассказали о положении дел. Мы настаивали:

если на общем съезде кадетам удастся протащить решение, ущемляющее права местного населения выбирать в парламент представителей мусульман, исходя из их общей численности, то областной съезд должен выразить решительный протест. На общем съезде мы еще раз объяснили свою точку зрения. В итоге эсеры и большинство делегатов согласились с тем, что парламент и земские учреждения не должны создаваться отдельно для русского и местного населения, а быть общими и избираться, исходя из численности всего населения. То есть, принято положение о единстве представительных учреждений. Причем было особо оговорено, что никакие ограничения из-за уровня образования баллотирующихся не допускаются.

Туркестанское национальное шуро и суверенитет Туркестана

В те дни в Ташкенте я записался в эсеровскую партию. Шаг этот в происходящей борьбе принес свою пользу. Связанный с кадетами Мустафа Чокаев с их помощью получил назначение на должность в сельскохозяйственном отделе Сырдарьинского губернского управления.

Казах Санжар Асфандияров принадлежал к социал-демократам, адвокат Шерали Лапин — к монархической организации. Предупреждая распыление нашей интеллигенции в русских партиях и стремясь сплотить их в единой Туркестанской национальной партии, мы стали создавать ее первичные организации, каждая из которых состояла из пяти-шести человек. Но в общественных вопросах достичь единства нам не удавалось. Тем не менее, понимая необходимость объединения наших усилий, пришли к общему согласию выступить на мусульманском съезде о необходимости создания Туркестанского национального шуро.

Съезд мусульман Туркестана открывался 16 апреля, а программы все еще не было. Я написал ее вечером 15 апреля и отдал в «Туркестанские ведомости». Она была опубликована в номере за 16 апреля и все восприняли ее как факт, с которым следует считаться.

В эти же дни прибыл в Ташкент направленный правительством кадета Львова «Временный комитет по управлению Туркестаном».

Из мусульман в его состав были включены генерал Габдельгазиз, Садри Максуди, казах Мухамеджан Тынышпаев. Садри Максуди должен был ведать делами медресе и вакуфа. Председателем комитета был назначен кадет

Щепкин. Он обратился с приветственным словом к мусульманскому съезду.

На съезде члены президиума председательствовали поочередно. Я выступил с докладом по проблемам государственного управления и всесторонне обосновал идею федерации, опираясь на исторические примеры и аналогии. Эту же идею защищали Махмуд Ходжа Бехбуди и инженер из казахов Мухамеджан Тынышпаев. Затем слово взял Садри Максуди и выступил против идеи такого государственного устройства. Делегатам не понравилось, что он говорил тоном некоего члена правительства. А прибывший на съезд в качестве гостя, точнее — приглашенный мной представитель эсеров Вадим Чайкин решительно защитил идею федерализма. В конечном счете она была принята.

Мне пришлось выступить и по вопросам системы местного самоуправления; о земствах, губернских советах (шуро) и городских муниципалитетах. Было принято решение о создании органов управления районами (махалля) на основе выборов в зависимости от численности жителей Туркестана. Я заранее подготовил регламент для Туркестанского национального центрального шуро, который также был утвержден и опубликован. В тех же «Туркестанских ведомостях» были напечатаны повестка дня и программа съезда, доклад о системе Всероссийского государственного управления, доклад о государственном управлении в Туркестане и земстве, регламент Туркестанского центрального шуро. Все эти документы были подготовлены мной.

Местная интеллигенция испытывала сильное влияние кадетов, поэтому ее представители не желали принять ни идею федерации, ни плана создания для Туркестана «единого парламента, единого земства». Из прибывших на съезд делегатов сто девяносто человек не владели русским языком. Садри Максуди-бей, вещавший от имени татар Кабир Бакир, некий торговец из мишар и некоторые другие в чрезвычайно резкой форме выступали против федерации и настойчиво проводили мысль о «Демократической Российской республике». Такие известные среднеазиатские интеллигенты, как Мунавар Кари, Убайдулла Ходжаев, поначалу тоже не поддерживали идею федерализма, считая ее несбыточной мечтой. Вопрос решился благодаря твердой позиции Махмуда Ходжа Бехбуди и Абиджана Махмуда из Коканда, которые без тени сомнения выступили в защиту принципов федеративного устройства государства.

Регламент Туркестанского центрального шуро никем не был подготовлен, поэтому в качестве единственного был утвержден мой проект. На следующий день после обсуждения он был опубликован в газете Абиджаном Махмудом (Чатак). Он, как и Бехбуди, был нашим единомышленником. Нас поддержали также Амир-Али Захири из Коканда, туркмен Берди Ходжа, казахи Тынышпаев и Абдрахман Уразаев. Если бы не они, нам не удалось бы 17 апреля принять решение о том, что Туркестанский съезд ратует за федеративное устройство России.

Туркестанский временный комитет во главе с Щепкиным и такие его члены из мусульман, как Давлетшин и Максуди, приложили все силы, чтобы съезд не принял подобного решения. Казанская интеллигенция, сплотившись вокруг Кабира Бакира — редактора выходящей в Оренбурге газеты «Вакыт» («Время»), встала стеной против федерализма.

Федеративная система и вхождение мусульманских представителей в органы управления

Противостояние было не только здесь. Находящийся в Петербурге Ахмед Цаликов отбивал одну телеграмму за другой Мустафе Чокаеву, призывая нейтрализовать мою деятельность. Решения о формах управления и все другие важные документы были приняты простыми, большей частью неграмотными узбекскими и казахскими делегатами благодаря влиянию таких людей, как Бехбуди, Абиджан Чатак, Абдрахман Уразаев. Член Туркестанского Временного комитета инженер казах Мухамеджан Тынышпаев, в отличие от своих коллег генерала Давлетшина и Максуди, защищал принципы федерализма и приветствовал принятые на съезде решения. Испытывая неловкость перед своими русскими единомышленниками, потерпевшие поражение противники принципа федеративного устройства России были вынуждены впоследствии излагать создавшуюся ситуацию в завуалированной форме. На массовых собраниях они старались не выпячивать свои расхождения с так называемым «невежественным народом». Откровенные противники идеи федерализма быстро теряли авторитет перед людьми. Как только Садри Максуди, в недавнем прошлом видный член Думы из мусульман, опубликовал 16 апреля в день открытия мусульманского съезда в газете «Биржевые ведомости» свою декларацию, где выразился в том смысле, что «домогаться самостоятель-

ности для сартов (т. е. узбеков) бесполезно», отношение к нему со стороны местной интеллигенции резко изменилось в худшую сторону.

Мусульманский съезд Туркестана, продолжавшийся целую неделю, прошел очень организованно, показал политическую зрелость туркестанцев, что явилось для многих, в особенности кадетов, полной неожиданностью. Был избран комитет из 12 членов для участия в работе Всероссийского съезда мусульман, который должен был проходить в Москве в мае, а также сформировал Центральное шуро мусульман Туркестана, призванное защищать интересы местного населения и возглавить подготовку к предстоящим выборам. Меня включили в состав обоих комитетов. Председателем Центрального шуро мусульман Туркестана был избран Мустафа Чокаев, я — секретарем, членами шуро — Мунавар Кари, Абиджан Махмуд, Махмуд Ходжа Бехбуди, Абдулла Ходжа и другие. Я написал «регламент» Центрального Шуро, а также его губернских и уездных отделов. После утверждения комитетом они были опубликованы в объеме 4 страниц. Был организован комитетом и Ташкентский комитет. Руководили им Мунавар и Садриддин Хан. В эти же дни вместе с Мустафой Чокаевым мы побывали в Коканде и Самарканде, где также организовали местные отделы. В качестве органа Центрального шуро начали издавать газету «Совет» («Кэнэш»). Все передовицы этой газеты, опубликованные без подписи, написаны мной и Мунаваром Кари.

Временный Туркестанский комитет кадетов во главе с Щепкиным задержался в Ташкенте недолго, отбыл в Москву. А члены этого комитета из мусульман Давлетшин и Максуди уехали еще раньше. В созданный теперь уже правительством Керенского новый временный комитет по управлению Туркестаном был вновь введен наш единомышленник казах Мухамеджан Тынышпаев. По его настоянию, а также благодаря эсерам рядом с этим правительственным комитетом было создано Краевое совещание, наделенное совещательной функцией, куда в качестве членов от Туркестанского Центрального шуро направили Мустафу Чокаева, юриста Нарбутабекова и меня. Кроме того, Чокаева и меня выбрали членами туркестанского «поземельного комитета». Словом, в итоге всех этих съездов и совещаний на моих плечах оказалось множество всяких должностей и обязанностей. Ко всему прочему мой друг Чокаев был назначен заведующим отделом в Сырдарьинском губернском управлении, а губернатором там стал наш старый друг, востоковед и один из членов Думы прежнего созыва Наливкин. В то время уже 66-летний пожилой человек, он несколько раз приглашал меня на заседания Сырдарьинского губернского правления. Началась весьма напряженная, но благодарная работа.

Именно в этот момент в Ташкент поступила из России продовольственная помощь для бедствующего населения. Возникла дискуссия о распределении поступившего зерна, и эсеры здесь объединились с другими русскими партиями. Разочарованный таким оборотом дела, я вышел из партии эсеров и выразил сожаление по этому поводу своим старым друзьям Чайкину и Зимину.

Участие в работе московского съезда

Для участия во Всероссийском мусульманском съезде все 12 избранных в Ташкенте делегатов выехали в Москву и прибыли туда 7 мая, в день открытия съезда. Увенчались успехом и наши старания добиться делегирования представителей казахского, киргизского и башкирского народов с учетом численности населения. Только из Башкортостана прибыло около 50 делегатов. Были представлены и многие другие регионы. Ахмед Цаликов, Шакир Мухамедьяров, Гаяз Исхаки постарались вызвать из Казани людей сверх нормы представительства и надеялись, что они выступят против федерализма. Сообразив, что казанцы, как и туркестанцы, представители Азербайджана и крымских татар, будут также отстаивать идею федерализма, Гаяз Исхаки и его сторонники затеяли встречи с делегациями регионов по группам, попытались дискредитировать Мухаммад-Амина Расул-заде, меня и других противников унитаризма. Тем не менее, уже к началу съезда было ясно, что на нем будут преобладать сторонники идеи федерализма, поэтому мы чувствовали себя уверенно. И действительно, на Московском съезде, в отличие от Ташкентского, инициатива находилась в руках защитников федеративного устройства России. Если там председательствовали преимущественно унитаристы, то председателем Московского съезда был избран представитель Центрального мусульманского шуро Алимардан Топчибашев.

Алимардан-бей, Мухаммад-Амин Расул-заде, Ягафар Саид-Ахмед из Крыма, казах Жиханшах Достмухаммед и другие федералисты выступили с такой основательностью и так убедительно, что большинство собравшихся

склонилось в сторону федеративного устройства государства.

В отличие от Ташкентского съезда, в Москве мне не пришлось выступать многократно, ограничился сообщением по теме «Этническое происхождение российских мусульман и их роль в политической жизни». Опираясь на исторические, этнографические и статистические материалы, я попытался определить дальнейшую судьбу тюркских народов, оказавшихся в зависимости от России. Председательствующий на съезде Алимардан Топчибашев свое удовлетворение моим выступлением выразил рукопожатием у трибуны.

Многие годы спустя в Германии я узнал, что журнал «Der neue Orient» («Новый Восток») с одобрением отозвался о моем сообщении, назвав его «теоретическим докладом, прочитанным на съезде мусульман России». Упомянул о нем и Алимардан-бей десять лет спустя в одной из своих статей, появившихся в Париже. В сущности, в этом своем сообщении я отразил основные положения той программы, за осуществление которой веду борьбу по сей день.

За национальное самоопределение и федеративное устройство государства проголосовали 446 делегатов, против —271. Было избрано Центральное шуро мусульман России (сокращенно ИКОМУС) из 12 человек, куда, как представители Туркестана вошли адвокаты Убайдулла Ходжа, Жиханшах Достмухамед, Валидхан Танач, казахская писательница Аккагыт Досжанова и я. Попытка казанских татар отклонить предложение казахов и башкир по земельному вопросу, считая его «специфическим, актуальным лишь для казахов и башкир»; ограничить работу Всероссийского съезда рассмотрением проблем религии и просвещения, вопросов о муфтиях и шайхулисламах — все это побудило башкир принять решение о созыве своего курултая в Оренбурге, чтобы обсудить вопрос о земле и национальном самоопределении. Было достигнуто взаимопонимание и с казахскими делегатами, создан комитет по подготовке курултая. В него вошли Сагит Мрясов, Аллаберди Ягафаров, Заки Валидов.

Немецкий ученый Г. фон Менде в своем труде, посвященном национально-освободительной борьбе Российских мусульман, совершенно превратно характеризует роль башкир на этом съезде. Дескать, из-за своей малочисленности они испытывали некое пренебрежительное отношение к себе. Эта ложь была распространена некоторыми

татарами. Правда заключалась в том, что башкиры и азербайджанцы составляли на этом съезде ядро решающего большинства, поэтому и речи не могло быть о какой-либо дискриминации в отношении к ним. Более того, башкирская делегация вручила специальное письмо-обращение азербайджанской делегации, призывая ее к большей решительности в защите идеи независимости.

Протоколы Московского съезда мусульман на 600 страницах были опубликованы лишь на тюркском языке, что и послужило причиной распространения подобных слухов о ходе обсуждения и принятых решениях. Источником подобных заблуждений явился в основном труд Г. фон Менде. Профессор Б. Шпулер («Ислам», 1949, стр. 186), польский профессор С. Зеньковский, живущий в Америке («Пантюркизм и ислам в России», 1961, 192—197 стр.), видимо, из желания потрафить мне, писали, что в Башкортостане движение за территориальную государственность возникло будто бы лишь благодаря моему личному влиянию. Очевидно, в целях поднятия моего авторитета (т. е. авторитета востоковеда, призванного в будущем свершить немало важных дел) Зеньковский писал даже, что для башкирского движения за территориальную автономию мною заранее был подготовлен основательный план. Однако на Московском съезде я не выступал за независимость Башкортостана. В тот период я проводил идею независимости всего Туркестана. Я считал, что применительно к Поволжью, где преобладало русское население, можно вести речь о культурной автономии, а восточная область, где тюркское население составляло большинство (впоследствии она стала называться Малой Башкирией), может присоединиться к Туркестанскому и Казахстанскому движению за территориальную автономию. Именно так и зафиксированы мои высказывания в протоколах съезда.

Кроме того, профессор Зеньковский, видимо, испытывал влияние приветственного послания русской кадетской партии Московскому мусульманскому съезду. Он пишет, что было бы лучше, если бы съезд принял решения, соответствующие предложениям казанских татар, ибо казахская и башкирская программа территориальной автономии приведет к выселению оттуда русских и украинских переселенцев. По всей видимости, подобный ход мыслей возник в голове польского автора под воздействием чувства общеславянской солидарности.

Намереваясь воспользоваться возможностями, открывшимися благодаря революции, башкирская делегация

и меня ввела в свой комитет, и на Московском съезде это было единственное решение, связывающее меня с Башкортостаном.

Проездом из Москвы в Ташкент я вновь задержался в Оренбурге, и мы создали башкирское областное шуро. Об этом сообщили 19 мая в газете «Вакыт» («Время») и объявили о созыве 20 июня в Оренбурге Курултая башкирского народа. Начали издавать газету «Башкорт». Напечатанная в первом номере статья без подписи принадлежит мне. В ней я высказал мысль, что Башкортостан сыграет роль своеобразного моста между Туркестаном и Поволжьем, что достижение самостоятельности Башкортостана в конечном счете приведет и татар, выступающих ныне против нас, к необходимости присоединиться к освободительному движению на востоке России.

Моя статья не понравилась видным представителям татарской интеллигенции, в том числе живущему в Оренбурге ученому Ризаитдину Фахретдинову и поэту Закиру Рамиеву. А главный автор упомянутой газеты «Вакыт» Фатих Карим стал самым ярым противником нашего движения. Он многократно повторял, что судьбы Туркестана и Поволжья различны, подвергал осмеянию наши попытки развернуть широкое политическое движение. Мои частые поездки из Ташкента в Оренбург и обратно, из Оренбурга в Москву, общение с казахами, с башкирами, с узбеками и татарами он сравнивал с суетой человека, пытающегося сесть одновременно на несколько лодок.

23 мая один из авторов этой газеты опубликовал статью, где было предложено в дальнейшем не употреблять слово «башкир» и вынудить этих самых башкир называть себя «татарами». Все это свидетельствовало о том, что мы встретим в своем движении сопротивления не только со стороны русских, но и в нашей собственной среде найдутся противники, и борьба против них будет вынуждать нас тратить много сил и времени. Это явилось самым прискорбным открытием.

В Оренбурге мы много говорили об этом с казахскими деятелями. Там же я дважды встречался с Ризаитдином Фахретдиновым в надежде, что он сумеет повлиять на татарскую интеллигенцию. Ученый признал, что наша борьба преследует священные цели и задачи, но из-за преклонного возраста сам он вряд ли сможет быть полезным в этом деле. Однако своим сыновьям Габдрахману и Габдрашиту завещал всячески помогать башкирскому движению за свободу и независимость. Это было для

меня большой удачей. Уезжая в Ташкент, я обрел уверенность, что в среде татар найдутся люди, которые в конечном счете примкнут к нашей борьбе.

Борьба в Ташкенте против унитаризма и реакции

До открытия 20 июня башкирского курултая я полмесяца работал в Ташкенте. Все организационные дела Башкирское центральное шуро поручило мне. Тем не менее, было совершенно ясно: пока освободительное движение не наберет силу в Туркестане, оно не развернется ни в Казахстане, ни в Башкортостане. Алихан Букейхан и Мустафа Чокаев, первыми из казахов вступившие в кадетскую партию, еще не освободились от своих иллюзий, а узбеки Махмуд Ходжа Бехбуди из Самарканда, Амир-Али и Абиджан Махмудов (Чатак) из Коканда верили, что нам удастся развернуть широкое национальное движение. Мунавара Кари из Ташкента порою также одолевали сомнения, однако он всегда прислушивался к нашему с Махмудом Бехбуди мнению. Бехбуди, молодой узбекский поэт Чолпан, ташкентский литератор Талибджан, татарин Тагир Нугайкорганлы, Хакимзаде из Самарканда и я побывали во многих городах, провели собрания и привлекли на сторону Туркестанского Центрального Шуро значительную часть национальной интеллигенции. Кадетская партия, ставшая главным противником самостоятельности Туркестана, стала заметно терять свое влияние среди местного населения. В результате серьезной борьбы, которую мы вели до начала июня, идеи свободы обрели силу, проникли во многие регионы. Это свидетельствовало о том, что к выборам членов Российского Учредительного собрания мы сможем придти, сплотившись вокруг единой национальной программы.

Организационные дела Центрального Туркестанского шуро были также возложены на меня. Кроме того, я был редактором печатного органа Шуро — газеты «Совет» («Кэнэш»). Казахи объединились вокруг газеты «Знамя единства» («Бирлик туву»), издаваемой Мустафой Чокаевым и Султанбеком Ходжаевым. Среди узбеков не было человека, настолько владеющего русским языком, чтобы организовать издание газеты, соответствующей требованиям времени. Единственный узбек, имевший университетское образование и участвовавший в политических делах, Ташпулатбек Нарбутабеков не обладал, однако, способностями журналиста и редактора. Подготовленная Мунаваром Кари молодежь владела лишь тюркскими

языками, хотя были среди них люди, преданные освободительному движению.

Казанский литератор Габдулла Баттал защищал идею территориальной автономии и, приехав в Ташкент, некоторое время сотрудничал в Центральном Шуро. Журналист оренбургской газеты «Время» («Вакыт») Кабир Бакир в апреле, во время прохождения Туркестанского съезда, также прибыл в Ташкент и повел решительную борьбу против федерализма, однако позже взгляды его изменились, он воспринял идеи освободительной борьбы и остался в Туркестане. По нашей просьбе Азербайджанская партия мусаватистов прислала двух опытных людей, и они оказали нам существенную помощь.

Основная наша задача состояла в следующем: придти к Российскому Учредительному собранию единой, сплоченной политической группой от Туркестана и остальных восточно-тюркских народов. Дело в том, что склонившись к защите интересов русских переселенцев в Туркестане, эсеры потеряли влияние среди местного населения, чем не преминули воспользоваться большевики. Они привлекли на свою сторону молодежь левой политической ориентации. Санджар Асфандияр, Назир Туракул и другие хорошо известные мне молодые люди сблизились с большевиками. С другой стороны, образовалась мощная партия духовенства, которая пыталась изобразить нас и эсеров как единую политическую группировку. Они привлекли на свою сторону мусульман, верных правой политической ориентации, и сошлись с монархическими кругами, объединившись с бывшим самаркандским губернатором Лукошиным. Положение сильно осложнилось тем, что их поддержал казахский интеллигент почтенного возраста Шерали Лапин.

У этого реакционного движения во главе с духовенством было и левое крыло, которое нужно было организовать как самостоятельную группу. Мунавар Кари, Бехбуди и бухарские джадиды выступали как против кадетов, так и против социализма. Между тем узбек Низамходжаев и казах Кулбей Тугусов были сторонниками левосоциалистического движения. Все эти формирующиеся, а в будущем способные стать организованной силой группы и партии не должны были подпасть под влияние реакционных кругов Туркестана. Эта ответственная и труднодостижимая задача была также возложена на меня, так как я отвечал за организационные дела Центрального Шуро. Некоторые говорили: «Партии формируются свободно, их нельзя создавать уговорами и по

принуждению». Я же им отвечал: «Мы это понимаем, но в данной ситуации приходится действовать уговорами, ибо партии должны возникнуть до созыва Российского Учредительного собрания».

Борьба против русских партий в Туркестанском областном комитете

Социалистическим учением я интересовался с 1911 года и имел о нем некоторое представление. Поэтому избрание главой Российского временного правительства эсера Керенского, а Сырдарьинским губернатором социал-демократа Наливкина было для меня большой радостью. Как востоковеда, знакомого мне с 1913 года, я посетил Наливкина и поздравил его с назначением на высокую должность. Все это рождало надежду на то, что на выборах социалисты добьются большинства и что из их победы можно будет извлечь пользу и для нашего народа. Как я уже говорил, вскоре влияние Временного Туркестанского комитета, присланного из Петрограда, ослабло совершенно. Садри Максуди, Газиз Давлетшин вместе с другими членами комитета уехали обратно. Туркестанский комитет при участии партий и политических группировок был реорганизован в коалицию, сырдарьинский губернатор Наливкин избран его председателем. Из старых членов комитета остались Шендриков, Шкопский, а из мусульман — Мухамеджан Тынышпаев. Социалист Наливкин был убежденным сторонником равноправия и торжества справедливости среди людей и снискал уважение своей человечностью. Назначение такого человека теперь уже губернатором всего Туркестана было важным событием. По этому случаю я вновь с радостью приветствовал его и, улучив удобный момент в беседе, предложил привлекать туркестанцев к воинской службе, использовать их в полиции и железнодорожных войсках. Он прислушался к моему совету и в скором времени назначил нескольких мусульман на важные полицейские должности.

Я считал, что идеи социализма трудно осуществимы прежде всего в силу необходимости принятия целого ряда крайне революционных мер. Кроме того, мне казалось, что социалистическое общество, стремясь национализировать промышленность и транспорт не должно посягать на имущество земледельца. Вот почему я продолжал считать себя близким к левому крылу партии эсеров, хотя уже в мае вышел из нее (а вступил только в апреле).

Вечером 9 июня в отеле «Регина» по моему предло-

жению собрались те, кто намеревался образовать политические партии среди туркестанцев, однако не знали, как это сделать. Сам я был за создание социалистической партии, но призвал приглашенных до проведения выборов в Российское Учредительное собрание не распылять силы по разным партиям, а сплотиться вокруг мусульманского шуро. Вместе с тем советовал им еще до начала работы Учредительного собрания начать формирование двух партий, объединив в одной из них социалистов, в другой — остальную прогрессивную интеллигенцию, не воспринимающую идей социализма. Мне удалось убедить собравшихся в том, что в Туркестане вообще нужно иметь не более двух партий. Собрание согласилось со мной и до начала выборов в Учредительное собрание, несмотря на существенные расхождения во взглядах по экономическим вопросам, мы действовали сообща. В то же время было решено, что наши интеллигенты, тяготеющие и к большевикам, эсерам, социал-демократам, и к несоциалистическим партиям, должны укрепить связи с русскими демократами и изучить методы и формы их деятельности. Убайдулла Ходжа и я должны войти в контакт с эсерами, а Низам Ходжа — с социал-демократами.

Я уже обратился в Ташкентский центр партии эсеров, выразив желание вступить в нее, но именно в те дни произошли события, которые помогли мне окончательно определить свое отношение к русским социалистическим партиям. Дело в том, что между нами и русскими партиями развернулась дискуссия по двум важным вопросам: осуществлению для туркестанцев общедемократических выборных норм и распределению поступившей из России продовольственной помощи между русским и мусульманским населением.

На проходившем в июне одновременно с Мусульманским съездом «Съезде туркестанских рабочих и солдатских Советов» возник вопрос о распределении продовольствия. Свои запасы у Туркестана кончились, населению грозил голод. По распределению помощи была создана комиссия. В число представителей Мусульманского шуро, направленных в эту комиссию, включили меня.

Члены комиссии из русских партий и еврейского Бунда решили поступившее продовольствие распределить лишь среди русского населения, а местным выделить небольшую долю или вообще ничего не выделять. Убайдулла Ходжаев и адвокат из казахов Абдурахман Уразаев резко выступили против такого решения. Председатель социал-демократической организации рабочих Першин (о том, что он большевик, мы узнали позже) на заседании комиссии без обиняков заявил: «Местное население обречено на гибель, продовольствие, поступившее из России, их все равно не спасет». (Турар Рыскулов написал потом в одной из своих статей, что большевик Таболин, подвизавшийся тогда в Ташкенте, высказал точно такую же мысль).

Услышав циничное заявление Першина, я решил внимательнее присмотреться к большевикам. Продовольствие и железная дорога в их руках, а комиссия ничем не располагает и занята одними разговорами. Стало ясно, что Першин добивается популярности своей партии среди русского населения края именно решением вопроса о распределении зерна. А наши друзья эсеры, все это видя и понимая, ни единым словом не возразили им.

Я тотчас забрал обратно свое заявление, поданное в эсеровскую партию, и сказал своим единомышленникам, что отныне никогда не вступлю в какую-либо русскую социалистическую партию, что после Учредительного собрания мы создадим собственную Туркестанскую социалистическую партию, с чем они охотно согласились.

С Першиным я встречался несколько раз, но ни в какие дискуссии с ним не вступал. Такие отношения с ним и его приспешниками длились у меня до конца июля. Стало понятно: среди эсеров были люди, которые относились к нам серьезно и видели в нас деятелей будущего автономного Туркестана, а большевикам и в голову не приходило, что в борющемся за свою самостоятельность крае местные интеллигенты будут играть самую активную роль. Большевикам казалось, что Туркестан станет чем-то вроде «восточного сектора социалистической диктатуры», созданного под их непосредственным руководством. Они стремились объединить местные политические силы в своей партии, которая в ту пору была малочисленной и состояла из одних русских. «Диктатуру рабочих советов» большевики и считали основой формирующегося в Туркестане парламентаризма. Конечно, эти мысли не выражались открыто, но в том, что их действия направлены против демократического парламентаризма, сомнений у нас уже не было. Всячески подчеркивая свой интернационализм, по сути они были диктаторами социалистического толка.

До этого я прочитал труд Ленина «Против течения», и его мысли по национальному вопросу мне импонировали. Более того, мне показались необоснованными крити-

ческие слова вождя эсеров Чернова, опубликованные в газете «Дело народов» и направленные против Ленина, как раз в эти дни возвратившегося в Россию из эмиграции. Однако, интенсивно общаясь в те весенние месяцы с туркестанскими большевиками (Першин, Таболин, Колесов и др.), обсуждая многие жизненно важные вопросы, мы поняли, что сладкими речами они умело прикрывают свои злые намерения; что нам не следует верить ни убаюкивающим словам большевистских лидеров, ни их местным представителям.

О меньшевистской партии мы могли судить по ее членам, преимущественно евреям, например доктору Фиттерману и члену Бунда (объединявшего социал-демократов евреев) Бройдо. Среди социал-демократов был добросовестный человек по фамилии Мансыров. Он так же, как и я, считал, что сближение и сотрудничество с большевиками ведет к полной утрате собственной воли. Запомнился некий Павловиченко, меньшевик с Украины. Возможно, как украинец, он был сторонником самостоятельного Туркестана, но влиянием на своих единомышленников не обладал. В целом большинство меньшевиков противопоставляли национальные интересы «интернационализму» и поэтому их воззрения нам казались идентичными взглядам кадетов.

Закон о выборах и борьба за единую Туркестанскую Думу

Перед нами возникла сложная задача — дискуссия с русскими о введении в Туркестане демократических законов о выборах. Русские на Туркестанском Краевом совещании вновь подняли вопрос о выборах двух Дум — отдельно для русских и для местных. В апреле на съезде Исполнительного комитета эта идея подверглась критике Махмудом Бехбуди и мной, и большинством мусульманской интеллигенции была отвергнута. Однако она снова оживилась и стала широко распространяться. Исполнявший обязанности губернатора Наливкин воздерживался от принятия решений, ущемлявших интересы мусульман, но не осмеливался открыто выступать и нашим сторонником. Мы послали телеграмму на имя Керенского с просьбой, чтобы правительство поддержало общедемократический принцип, исходящий из признания правового равенства народов. 20 июня от правительства Керенского поступила телеграмма, состоящая из четырех слов: «Решайте этот вопрос сами», после чего дискуссия еще больше накалилась.

По совету Павловиченко, для завоевания сторонников я направился в Рабочий и солдатский Совет Ташкента и слышал речи меньшевика Бройдо и большевика Таболина, высказывавшихся в том духе, что «предоставление областного парламента в руки сартов (т. е. городских узбеков) будет катастрофой, духовенство возьмет верх». Было совершенно ясно, что местные Советы проголосуют против наших предложений. А ведь на собраниях Областного исполнительного комитета и на Туркестанском мусульманском съезде, состоявшихся в апреле, было решено, что и в Туркестанский парламент, и в муниципальные органы представители должны быть избраны демократическим путем, т. е. в зависимости от численности населения на основе всеобщих и равных избирательных прав. Однако кадеты и социал-демократы, навязывая план создания двух Дум, стремились по существу оставить в руках русских транспорт и промышленность, а деятельность Думы местного населения ограничить лишь управлением мусульманской частью городов — махалля. В те дни русские обратили в свою пользу и то, что фанатичное мусульманское духовенство сотрудничало с монархическими группами. Это привело к росту влияния духовенства среди населения, чему подспудно способствовали русские.

После поступления из Петербурга 20 июня упомянутой выше телеграммы от правительства Керенского Наливкин собрал областной совет. Из Туркестанского мусульманского шуро на заседание пришли Убайдулла Ходжа, Нарбутабеков и я. Чтобы не вступать в сложную дискуссию с кадетами, Чокаев на заседание не явился, а Нарбутабеков был готов идти на уступки кадетам и меньшевикам. Попытку непомерно раздуть значение движения духовенства я назвал в своем выступлении вредной демагогией. Стоило мне выразиться в том смысле, что «этим преследуется цель дискредитировать Мусульманское шуро и усилить роль духовенства, не имеющего представления о проблемах сегодняшнего дня, хотя при поддержке своих русских доброжелателей оно, возможно, и добьется большинства на выборах в самом Ташкенте; но на выборах губернских и особенно на выборах в Российское Учредительное собрание успеха иметь не будет, так как их время безвозвратно ушло», как на меня обрушились с резкой критикой. Один из них (кажется, Фиттерман) сказал: «В то время, как с местными интеллигентами мы всегда находим общий язык, этот башкир постоянно выскакивает нам наперекор». В качестве покладистых

«местных» он имел в виду Чокаева и Нарбутабекова. Этому грубому выпаду Убайдулла Ходжа и член Временного правительственного комитета Мухамеджан Тынышпаев дали достойную отповедь.

Тынышпаев сказал: «Нам безразлично, кто на этом заседании выступает от имени русских — великорос ли, украинец или еврей, а вы пытаетесь вбить между нами клин межплеменной розни. И у нас, как и у вас, возникнут отдельные политические партийные, а не племенные группировки. Как нация мы едины. Я сам казах из Семиреченской губернии, но с Валидовым мы единомышленники, как и со всеми мусульманскими интеллигентами, и я желаю осуществления здесь демократических законов о всеобщем равном избирательном праве в зависимости от численности всего населения». Поддержав выступление Тынышпаева, Нарбутабеков также выразил согласие с нашей точкой зрения, после чего в мусульманской группе образовалось полное единство. Когда и эсеры присоединились к нашему мнению, мы составили большинство, и идея проведения в Туркестане демократических выборов без каких-либо изменений одержала верх. Об этом сообщили в Петроград. 16—18 июля во всем Туркестане были объявлены днями выборов на уровне махалля.

Эта победа была крайне важна для нас. Разумеется, после прихода к власти большевиков наши достижения потеряли смысл, но для того исторического момента они были немалым событием. Решение Туркестанского Временного комитета по этому вопросу мы с Убайдуллой Ходжаевым перевели на тюрки и опубликовали в газете «Туркестанские ведомости». Это было первое официальное сообщение на тюркском языке, набранное арабским шрифтом и напечатанное в официальной русской газете.

Заметно возрос среди местного населения авторитет партии эсеров, защитившей избирательные права мусульман. Было решено, что сразу же после выборов в Учредительное собрание мы совместно с джадидами начнем работать по созданию двух партий — радикальной и социалистической. Я уже начал готовить программу Социалистической партии.

Дискуссия по вопросу распределения продовольственной помощи обнажила перед нами суть русских партий, что послужило для нас серьезным уроком на будущее. Значение накопленного здесь опыта я ощущал во всей деятельности в годы революции.

Как был обманут губернатор социал-демократ Наливкин

Подлинные устремления большевиков мне удалось понять именно здесь. Стало ясно также, почему они так настойчиво добиваются всюду руководящих должностей, внедряются в рабочие органы, а среди мусульман пытаются воспользоваться нашим влиянием ради собственной выгоды.

Во второй половине июня открылся съезд социал-демократов Туркестана. По приглашению Мансырова, я посетил некоторые заседания этого съезда. То, что занимавший должность Туркестанского губернатора Наливкин принадлежит к левому крылу социал-демократической партии, было понятно из содержания его статей, опубликованных в газете «Туркестанские ведомости». Он вел речь также о «местном пролетариате».

Этот меньшевистский съезд приветствовал фракцию социал-демократов Государственной Думы. Большевик Таболин, обращаясь к советам рабочих и трудящихся, выступил в защиту единства всех социал-демократов, в том числе большевиков. Мансыров же попытался убедить собравшихся в том, что любое сотрудничество с большевиками бесплодно, и их следует вовсе исключить из рядов социал-демократической партии. Тем не менее съезд принял решение сотрудничать с большевиками.

После этого я посетил Наливкина и при беседе с ним заявил, что если большевики, пока еще малочисленные, не будут вовремя выведены из руководства партии, они захватят его в свои руки. Сотрудничество с ними оттолкнет от нас другие партии, а в конечном счете приведет их к распаду. Наливкин на это ответил, что Таболина считает левым социал-демократом и не опасается его. Так же я сказал, что Бройдо и Фиттерман больше сионисты, нежели социалисты, и будет ошибкой вводить Бройдо в комитет, который направлялся в Хиву, находившуюся под управлением предводителя туркмен Джунаид-хана, чтобы разобраться в происшедших событиях.

Слушал меня Наливкин не перебивая, теребил длинную бороду и только при прощании сказал: «Поверьте, я ценю и считаю очень полезными для себя Ваши откровенные беседы со мною на подобные темы». Очевидно, мои слова о Бройдо, который по существу ничем не отличался от Таболина, возымели свое действие: то, что против большевиков существует достаточно сильная оппозиция, можно было понять и из газетных публикаций. Правда, Наливкин все же отправил Бройдо в Хиву.

Основную свою задачу большевики видели в сверже-

нии правительства демократа Керенского. Невольно в голову пришла мысль, что и Наливкин будет отстранен от власти противниками демократии. Так оно и произошло. В октябре власть перешла в руки большевиков, и Наливкин был вынужден скрываться от преследований Таболина и Колесова, которым так доверял раньше. Он понимал, что будет арестован и убит. Через некоторое время его обнаружили застрелившимся на могиле жены на русском кладбище. Судьба этого губернатора-социалиста представляла собой трагедию, способную потрясти мир, и впоследствии мы не раз убеждались, как большевики лестью и обманом привлекали на свою сторону влиятельных и авторитетных деятелей, использовали их в собственных политических целях, а потом безжалостно уничтожали.

Радужные воспоминания о первых месяцах революции

Эти первые месяцы революции в России были просто восхитительны. Я обрел множество преданных друг другу, искренних друзей. Часто высказанные мною в дружеских беседах мысли через некоторое время облекались в стихи или в статьи моих единомышленников и сподвижников, начинали жить новой жизнью. Поэт Чолпан написал прекрасную поэму о нашей борьбе в защиту избирательных прав тюркского народа. Был у меня друг из казахов юрист Сиркпай Акаев. Он верил, что регион нижнего течения Сырдарьи, где совместно проживают казахи и узбеки, может стать культурным и административным центром Туркестана. Рассказанное мною о древней культуре сегодняшних огузов он изложил в виде собственной статьи и с моего согласия опубликовал в газете «Знамя единства». Позже я узнал, что статья эта имела какое-то отношение к созданию центра Казахстана в городе Акмечеть-Перовский под названием Кзыл-Орда.

В Коканде вместе с моим другом Аширали Захиди мы начали издавать журнал «Юрт» по проблемам культуры. В нем я опубликовал статью «Духовная культура тюркской нации» и узнал о ее положительном влиянии на читателей в 1920 году.

Председатель Всебухарского ревкома Мирза Абдулкадыр Мухитдинов почти наизусть пересказал эту статью перед нашими друзьями. Словом, любые мои действия оборачивались впоследствии обнадеживающими результатами. Было радостно видеть, как совершаемые из добрых и искренних побуждений поступки свободного человека приносят свои хорошие плоды.

Вместо Бюро мусульманской фракции Государственной Думы был организован Исполнительный комитет объединений мусульман России (ИКОМУС), который начал в Петрограде свою деятельность. Этот комитет должен был действовать до проведения выборов представителей на майский Съезд мусульман России в Москве. Как член ИКОМУСа жалованье свое, начисляемое мне думской фракцией, отныне я должен был получать от этого комитета. Но, став членом созданного нами в Ташкенте Туркестанского мусульманского шуро, я предпочитал жить за счет выплачиваемого им жалованья. В середине июля от моих сторонников — уфимских учителей — пришло письмо следующего содержания: «Где бы Вы ни работали, результаты Вашей успешной деятельности очевидны, поэтому здешние Ваши друзья будут продолжать высылать жалованье, положенное Вам как члену бюро думской фракции». Вернувшийся из Петрограда в Уфу Салимгарей Джантурин перевел мне жалованье двух месяцев в сумме 1000 русских рублей.

Мой друг Убайдулла Ходжаев как юрист советовал: «Возможно, в законе о выборах в Учредительное собрание будет пункт о том, что претендент должен иметь какое-либо недвижимое имущество. Приобрети что-нибудь». Вняв его совету, рядом с Ташкентом на берегу реки Ахенгеран в местности Аблык я купил дом с садом. Дом имел чудесное расположение, от него открывался прекрасный вид на заснеженные хребты Чаткала. В 1917 году мне так и не довелось взглянуть на свое приобретение, но после присоединения к басмаческому движению в 1922 году прибывшие из Башкортостана наши джигиты жили в этом доме месяцами. Тогда и мне удалось отдохнуть в нем несколько дней, где радовали глаз хороший сад, обилие воды и фруктов.

Были составлены списки кандидатов в муниципальные выборы, меня представили кандидатом в члены Ташкентского городского управления. Хотя с лидером кадетов проф. Маллетским мы были оппонентами и даже политическими противниками, памятуя его интерес к археологии, я сохранял с ним хорошие личные отношения, часто беседовал в шутливом тоне. Однажды мы были свидетелями сцены, когда узбечка вела на собрании политическую агитацию. Я сказал ему: «Смотрите, лишь пятый месяц революции, а узбечка, участие которой в выборах, по Вашему мнению, угрожает разрушить куль-

туру этого народа, уже вышла на трибуну. Она и в муниципалитет, и Российское Учредительное собрание изберет не Вас, а меня». «Посмотрим»,— ответил Маллетский, и мы от души посмеялись по поводу этой забавной ситуации. Каждый день этих революционных месяцев был насыщен более, чем годы предыдущей жизни.

Как-то я был приглашен на обед в дом своего друга проф. Зимина. Он настойчиво убеждал меня вступить в партию эсеров. Я ответил ему: «Необходимости вступать в какую-либо русскую партию у меня не осталось. Ты считаешь, что местные не способны создать серьезную политическую партию. Увидишь, создадут. Революция за несколько месяцев позволила достичь таких соглашений, которых люди не могли добиться в течение нескольких поколений.

Первый Башкирский курултай в Оренбурге

Для участия в Первом курултае Башкортостана 20 июля я прибыл в Оренбург. Заведующим организационным отделом Башкирского центрального шуро был назначен я, однако, находясь в Ташкенте, не смог руководить созывом курултая. Вместе с тем, рабочий регламент как Туркестанского национального шуро, так и Башкирского центрального шуро был написан мной и членами обоих из них являлись мои близкие друзья и сторонники. Потому и в Башкортостане организационные мероприятия осуществлялись успешно. Прибыв в Оренбург, я узнал, что Сагит Мрясов и Аллабирде Ягафаров создали на местах первичные шуро, собрали средства для их повседневных нужд, обеспечили избрание членов курултая согласно заранее определенным правилам. Все это переполняло душу радостью и я, растроганный и благодарный, обнял своих друзей.

По предварительной договоренности, первый курултай казахов собирался в Оренбурге в те же дни — 20—25 июля. Оба курултая приветствовали друг друга, принятые решения были выдержаны в едином духе. Как и на Туркестанском съезде, доклады по таким вопросам повестки дня, как «Государственное управление» и «Земельный вопрос», были поручены мне. Мои слова о том, что «восточные и северо-восточные башкиры, присоединившись к многочисленным тюркским народам, ставшим на путь самостоятельности, решили бороться за свободу», вызвали бурную овацию. Было принято решение восстановить старые башкирские формирования, существовавшие до 60-х годов XIX века.

Среди Аргаяшских башкир жила влиятельная семья Курбангалиевых, крупных земельных собственников и богачей. В моем докладе по земельному вопросу содержались некоторые социалистические идеи, а также тезис о разделе больших земельных владений. Сторонники Курбангалиевых выступили против этого положения, но их мнение не было принято. Давно снискавший известность своей консервативностью, Габдулхай Курбангалиев пытался доказать в своем выступлении, что в программе будущей нашей деятельности центральное место должна занять защита религии. Он привел с собой и земляка, студента университета Шарифа Манатова. Курбангалиевым удалось добиться его избрания членом вновь избранного Исполнительного комитета Башкирского центрального шуро. Поскольку мне приходилось часто уезжать в Ташкент, я не стал брать на себя обязанности председателя, решив заниматься организационными делами. Мы намеревались избрать на эту должность адвоката Юнуса Бикбова, но в это время он был в отъезде и председателем стал Манатов.

Этот молодой человек не был равнодушен к судьбе нашего народа. Когда он учился в Петербургском психоневрологическом институте, началась война на Балканах, и Манатов уехал в Турцию. После войны очутился в Швейцарии, познакомился там с Лениным. Были у него авантюристические наклонности, устоявшихся политических взглядов не имел, придерживаясь крайне левых взглядов, он не чурался связей с реакционно настроенными Курбангалиевыми. Нас отнюдь не порадовало появление в нашей среде этого молодого человека, не внушающего доверия и к тому же не обладающего организаторскими способностями. У моих друзей Сагита и Аллаберды о нем сложилось такое же мнение. И с русским языком у Манатова были нелады. Поэтому проекты всех решений и другие ответственные документы приходилось готовить мне.

Лидер казахов Галимхан Букейхан стал губернатором Тургайской губернии и все не выходил из кадетской партии. Поэтому казахский курултай не принял однозначного и определенного решения о самостоятельности, а выразил лишь свое принципиальное согласие с ее идеями. Напротив, оренбургские и уральские казаки, собиравшиеся объявить о своей самостоятельности, приветствовали провозглашение нами суверенитета, что послужило хорошей опорой для нас. Казаки, как и мы, решили создавать свои войска.

Башкирский курултай дал нам правовую основу для установления связей с Азербайджаном и Украиной, которые также боролись за национальное самоопределение. Меня, студента университета Усмана Куватова и некоего интеллигента Ильдархана Мутина решили направить в Петроград в правительство Керенского с поручением решить ряд недоразумений, остававшихся неразрешенными с давних времен и лежавших тяжким грузом на башкирах нескольких поколений. В частности, надо было защитить наши земельные права, добиться возвращения башкирских капиталов, накопившихся еще с царских времен, получить в распоряжение самих башкир прежние войсковые здания, парк и мечеть Караван-сарай в Оренбурге. В качестве члена упомянутого выше Исполнительного комитета мусульманских советов России (ИКОМУС), избранного майским съездом мусульман в Москве, я и без того был вызван в Петроград. Студент медицинского факультета Усман Куватов, несмотря на молодость, хорошо разбирался в наших земельных вопросах. В документе, который подготовили мы с ним для вручения правительству, ставилось требование изменить законы, принятые 9 ноября 1906 года, 19 ноября 1910 года и 20 мая 1911 года, послужившие причиной усиления переселенческого движения из России в Башкортостан. Кроме того, мы требовали отселения беженцев, прибывших к нам из западных губерний России в годы Первой мировой войны, а освободившиеся земли заселять татарами, оставшимися во внутренних районах России.

По пути в Петроград мы остановились в Казани и встретились с руководителями Съезда казанских татар. Договорились о том, что если они сами не намерены ратовать за собственную самостоятельность, то не мешали бы нашей борьбе за суверенный Башкортостан. Переговоры состоялись в доме Захид-бея, внука шейха Шамиля, предводителя освободительной борьбы Северного Кавказа. Но видные казанские лидеры, в том числе Садри Максуди, участия в этих встречах не приняли.

Как я стал представителем Министерства здравоохранения

В Петрограде мы участвовали в заседании ИКОМУСа. Из газеты «Известия», издаваемой этой организацией, я с превеликим удивлением узнал, что назначен на ответственный пост в министерстве здравоохранения правительства Керенского. Мне самому об этом никто не сообщил. Поразмыслив, я пришел к выводу, что Ахмед Цаликов и его окружение, привлекая меня к

столь сложной сфере деятельности, хотели отвлечь от участия в освободительном движении в Туркестане. Доверительная беседа с Исмаилом Лимановым из Крыма подтвердила правильность моих предположений.

Встретился я и с министром земледелия Черновым. Ведущего теоретика, вождя социал-революционеров Чернова можно было бы сравнить с ханом XVIII века «Боби Турэ», правившим восточной частью Казахстана. О нем говорили: «Пока произносит речь, прекрасный оратор. Но даже за несколько дней болтовни не способен разрешить пустячной тяжбы из-за ягненка». Точно так же и Чернов был теоретиком, но не практиком, и вместо делового разговора увлекся изложением основ собственной теории. Тем не менее, в связи с нашим ходатайством по Караван-сараю он дал распоряжение в нашу пользу.

В XIX веке, когда воинские формирования башкир составляли часть русских войск, по приказу генерал-губернатора Перовского в 1825—1855 годах в Оренбурге было построено здание Караван-сарая. Предназначалось оно для постоя приезжающих в город башкир. При здании имеется прекрасная мечеть и весь комплекс окружен большим садом. Учитывая желание самих башкир, генерал повелел спроектировать Караван-сарай в среднеазиатском стиле. Сбор средств для строительства проводился по всем кантонам — тогдашним башкирским административным делениям. Караван-сарай задумывался как национальное достояние башкирского народа, и его открытие было обставлено со всей торжественностью.

Возвращение Караван-сарая имело в тот момент большое значение, ибо народ наш воспринял бы это как начало возвращения его разграбленных богатств и отнятых прав. В обращении к правительству были подробно разъяснены наши доводы. Чернов также выслушал нас с большим вниманием.

В 1918 году Чернов посетил Оренбург и был нашим почетным гостем. Помнится, он тогда пошутил: «Это и есть Караван-сарай, из-за которого Балидов дошел до самого Петрограда? Если бы я знал, что однажды сам буду гостем башкир в этом здании, впридачу предоставил бы еще несколько домов». И в 1929 году, когда мы вместе с ним были гостями прежних чехословацких легионеров и участвовали в обсуждении вопроса о восстановлении легионов, и позднее, при встречах в Париже, Чернов вспоминал о Караван-сарае. Острослов, человек широкой натуры, автор книги «Конструктивный социализм», ставшей впоследствии чем-то вроде «Капитала»

эсеров, Чернов был еще и ведущим автором одной из самых влиятельных в ту пору газет России «Дело народа».

Встреча со знаменитым Плехановым

В Петрограде я встретился и с Плехановым, которого эсеры недолюбливали, попросил разъяснить некоторые моменты его книг, прочитанных мной. Пожилой Плеханов говорил со мной охотно, подверг критике большевиков, упрекнул Ленина в неискренности.

Наконец мы получили в руки распоряжение Чернова о возвращении башкирам исторических зданий в Оренбурге. Это был добрый жест со стороны эсеровского правительства.

Казахский интеллигент Жиханшах Достмухамедов тоже был приглашен на заседание ИКОМУСа в Петроград. Вместе с этим адвокатом, который на Московском мусульманском съезде с такой решительностью выступил в защиту самоопределения наших народов, мы ознакомились с протоколами съезда, опубликованными как раз в эти дни. Там содержались и мои, и его выступления, направленные против унитаристов, были включены мои слова в защиту самостоятельности Башкортостана. Ахмед Цаликов и Гаяз Исхаки несмотря на то, что на Московском съезде мусульман потерпели поражение, желая свести на нет решения съезда, вошли в состав ИКОМУСа. Более того, Цаликов стал его руководителем. По происхождению он осетин-мусульманин, кроме русского никаким другим языком не владел, ислам в России представлял лишь как некое духовное сообщество и называл его приверженцев «российскими мусульманами». Ему казалось, что Пушкин как поэт в одинаковой мере принадлежит как русским, так и мусульманам России, а федерация будет способствовать отдалению этих народов от русской культуры. Татарский писатель Гаяз Исхаки, стремясь упрочить лидирующее положение казанских татар среди остальных мусульман России, действовал заодно с Цаликовым. Впоследствии и в эмиграции они придерживались единой политической линии. В 1924 году в Берлине в газете «Дни», издаваемой Керенским, Ахмед Цаликов в номере от 22 августа, а Гаяз Исхаки — 10 сентября в статье под названием «Изменение национальных чувств» с гордостью писали о том, что они ратовали за демократическое единство России и на этом пути, защищая унитаризм, боролись против своих мусульманских собратьев. Они внесли в протоколы Московского мусульманского съезда некоторые выгодные для себя изменения, за что

Жиханшах вступил с ними в серьезный спор, назвав их фальсификаторами. Я же постарался сдержаться, считая подобный конфликт бесплодным. Тем не менее Шакиру Мухамедьярову, непосредственно занимавшемуся внесением корректив в протоколы, выразил свое недовольство. Извращению протоколов больше всех расстроился азербайджанский деятель Алимардан-бей Топчибашев.

Спор с Саитгареем Алкиным

Решил я навестить и генерала Габдельгазиза Давлетшина, члена Туркестанского Временного Комитета. Он уехал из Ташкента в Петроград, сославшись на болезнь. В его доме я встретился с Саитгареем Алкиным, приехавшим в столицу по делам. Саитгарей — потомок известных казанских мурз, дворянин, из семьи, сохранившей верность религии и нации. С похвалой отзывался об этой семье Шихабутдин Марджани.

В начале революции (в марте) мурза прибыл в Петроград с большим проектом тезисов о том, как использовать Российскую революцию в интересах мусульман. По его проекту российские мусульмане должны объединиться под неким теократическим государственным управлением. Надо ли говорить, что идея эта была беспочвенной. Мурза не ориентировался в современных статистических и экономических вопросах. Когда этот вопрос обсуждался на бюро думской фракции, я подверг его резкой критике. Проект был отклонен, одним из виновников чего оказался я. Саитгарей обиделся тогда на меня за это, о чем открыто сказал на этой встрече. Однако Габделгазиз Давлетшин признал свою неправоту и высказал неожиданные для меня слова: «Заки-бей и его сторонники лучше понимают, как наши народы могли бы воспользоваться плодами революции, ибо сами вышли из толщи народа. Весной, во время своего пребывания в Ташкенте я участвовал в трех или четырех съездах. Было непросто разобраться в обсуждаемых вопросах, события развивались стремительно, как в кинематографе, а вот Заки Валиди достаточно быстро улавливал суть этих запутанных проблем. Он успел выступить с несколькими докладами, подготовил целый ряд доступных для понимания резолюций, защищавших интересы мусульман. В Туркестане я прожил многие годы, но так и не уяснил для себя, с какой целью русские перевели и обнародовали законы англичан по управлению Индией. Господин Заки и на областном съезде, и на Краевом совещании со знанием дела поставил этот вопрос и сумел придать

нужное направление обсуждению проблемы управления краем. Поначалу я был против идеи федерации, но теперь считаю ее реальной. А предлагаемое вами теократическое государственное устройство, основанное на шариате, не имеет под собой почвы и не может быть осуществлено. Валидов справедливо критикует вас...»

Генерал Давлетшин был родом из Башкортостана. Родители жили вблизи уездного городка Бирска, дед его, ишан Гадельшах, в начале прошлого века был имамом и шейхом в селе Стерлибашево, находившемся неподалеку от нашего аула. Отец генерала ишан Давлетшах учился в Бухаре, писал свои труды на тюрки и фарси, став имамом в деревне Чебенле Оренбургской губернии, открыл там медресе. Один из его сыновей мулла Габдулла, тоже имам, будучи близок к русским, назначен начальником одного из башкирских кантонов. В угоду русской администрации он подверг преследованиям известного поэта Акмуллу и ишана Зайнуллу, содействовал отправке их в ссылку. Сына своего Габдельгазиза после окончания медресе ишан Давлетшах устроил в русское военное учебное заведение. Габдельгазиз служил в штабе, в Туркестане был одним из приближенных генерала Куропаткина и занимал достаточно высокие воинские должности, а впоследствии стал начальником азиатского отдела в Генеральном штабе в Петербурге. Во время посещения императором Вильгельмом II Турции русский Генеральный штаб направил Давлетшина в Сирию. Его «Секретные рапорты», присланные из Сирии, были опубликованы в печати. Книга эта появилась в продаже вместе с «Секретными документами» как раз в дни революции 1917 года. Один экземпляр удалось приобрести и мне. Супруга генерала была неграмотной русской женщиной. В столице с мусульманами генерал не общался, можно сказать, совершенно обрусел, но хорошо знал ислам и владел персидским языком. Тем не менее ни в какие мусульманские дела не вмешивался, а вот в период революции превратился в приверженца национальной идеи.

Один из сыновей ишана Давлетшаха — Ахмедшах — жил в бухарском городе Карши, придумал себе знатное происхождение сейида и приписал к своему имени почетную добавку Ходжа. С одним из его сыновей, Гумером Ходжа, я и встречусь в 1921 году в городе Карши. Другой сын Ахмедшаха — Габделгаллям — был имамом в городе Илек в Оренбургской губернии, другие — в деревне Чебенле. Из них мулла Фатих Давлетшин принимал участие в Первом башкирском курултае, был избран членом

«Малого парламента» и активно работал в Оренбурге в Башкирском шуро. Другой сын занял почетное место среди приближенных Бухарского эмира. Входя в круг сейидов и ходжей, являясь имамами и шейхами в столь обширном регионе, Давлетшины умели приспособиться к самым различным жизненным условиям и обстоятельствам.

По представлению кадетов генерал Габдельгазиз был в том году послан Российским революционным правительством в Туркестан членом Туркестанского временного комитета, однако, видя, что звезда кадетов идет к закату, счел за благо вернуться в Петроград. Если верить тому, что он говорил, больше не желал ехать в Ташкент с подобной миссией. Насколько я могу судить, национализм генерала был продиктован не столько его убеждениями, сколько осознанием того, что идея федерализма и создания автономий наиболее жизненна, и ему хотелось занять место среди ее приверженцев. С этой встречи мы с Усманом Куватовым возвращались с чувством глубокого удовлетворения. Позже генерал Давлетшин обещал нам написать историю башкирских войск. А сын Саитгарея Алкина Ильяс Алкин, юрист и офицер, через год прибудет в Башкортостан, присоединится к нашему движению, передаст мне приветы и благословение своего отца.

Государственное совещание в Москве

Мы собирались ехать в Москву для участия в Российском Государственном совещании, которое намечалось на 25—28 августа. Надо было решить, кому из нас поручить выступление от имени российских мусульман. Мы были единодушны в том, что на Совещании надо бороться за федерацию и на этой почве объединиться с украинцами и белорусами. Выступление решили поручить сторонникам федерализма Алимардану Топчибашеву.

В Москве, собравшись в здании школы, которую содержал богатый азербайджанец Асадуллаев, мы уговорили Алимардана выступить от имени всех мусульман России. Планы Ахмеда Цаликова и Гаяза исхаки расстроились. В издаваемой ими в Москве газете «Страна» («Иль», № 39) Исхаки писал обо мне: «Заки Валиди держал пространную речь на русском языке, пытаясь доказать, что и мы, как финны и украинцы, должны объединиться и добиться самостоятельности во всех своих делах. Пока мы слабы, но будущее в наших руках...» Но член Государственной Думы Ибниамин Ахтя-

мов резонно возразил господину Валиди: «Здесь не сходка степных башкир, мы не можем участвовать наравне с финнами и украинцами в борьбе за самостоятельность».

В этой же газете эти люди едко иронизировали и над украинцами, добивавшимися своей самостоятельности: «Они пытаются создать свободную Хохляндию, но мы связаны с русским народом давними историческими узами и на путь отделения не встанем. Группа из четырех лиц (Садри Максуди, Ислам Шагиахметов, Гаяз Исхаки и Шакир Мухамедьяров) нанесла визит председателю правительства князю Львову и заверила, что мы, мусульмане, в отличие от малороссов, не хотим отделяться от вас, мы хотим жить вместе с вами».

В своем выступлении на совещании Топчибашев глубоко обосновал наши требования, ярко охарактеризовал трагедию киргизов, бежавших к китайской границе и вынужденных затем вернуться. При этом 83 тысячи из них были убиты. Он завершил свою речь словами: «Ex Orient Lux» (Свет льется с Востока), но эта прекрасная мысль им была преподнесена в такой форме, которая никого не могла ни обидеть, ни задеть. А надо сказать, что на этом совещании присутствовали такие известные России люди, крупные революционеры, как Плеханов, Кропоткин, Чайковский и другие.

Почти все вопросы были оставлены на рассмотрение Российского Учредительного Собрания. Керенский, генерал Корнилов и другие подтвердили эту мысль. В работе совещания участвовал также Розанов, представитель большевиков, готовивших новую революцию и опиравшихся на политику силы. Это была последняя совместная встреча мусульманской интеллигенции во всероссийском масштабе. Впоследствии мы разъехались по местам, разошлись и по политическим направлениям, и подобных общих обсуждений больше не было. После совещания я вновь прибыл в Петроград для завершения некоторых дел. Еще раз встретился с генералом Давлетшиным, который обещал войти с ходатайством в правительство Керенского по башкирским земельным и имущественным делам.

Второй башкирский курултай

28—29 августа в Уфе состоялся Второй башкирский курултай. Задержавшись в Петрограде и Москве, мы подоспели лишь к его последнему дню. На курултае должны были утверждаться кандидаты в члены предстоящего Российского Учредительного Собрания, открытие которого

было назначено на 23 декабря 1917 года. Сторонники территориальной автономии из татар, а также социалисты в преддверии выборов объединились с нами. А унитаристы Хади Атласи, Закир Кадыри и некоторые другие приложили немало усилий, чтобы переубедить этих татар отказаться от федерализма, но успеха не имели. Меня представили кандидатом в члены Учредительного Собрания от Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний. После башкирского курултая состоялся Съезд мусульман Уфимской губернии. На одном из заседаний, на котором я председательствовал, слово попросил Садри Максуди и выступил с резкой критикой защитников самостоятельности мусульманских народов. Передав председательство другому человеку, я произнес ответную речь, которую Садри-бей не забывал всю свою жизнь. В извращенном виде содержание этой речи было приведено даже в нескольких книгах, изданных в Турции (например, в «Мире турков» Хусейна Намыка). Меня поддержали последующие ораторы. На этом съезде татарские унитаристы потерпели полное поражение. Их идеи и старания были похоронены, вся их усиленная пропаганда осталась безрезультатной и на Учредительное собрание они не были избраны.

В родном ауле

Предстояло выехать из Уфы в Оренбург, чтобы вплотную заняться делами Башкирского центрального шуро, там же принять участие во втором курултае казахов, а затем направиться в Ташкент, где в сентябре должен состояться второй всетуркестанский съезд мусульман. Дорога в Оренбург проходила неподалеку от моего родного аула, и я решил заехать домой. Несмотря на затяжные дожди, меняя почтовых лошадей, я спешил на встречу с близкими. Родителей дома не оказалось, они уехали в гости в село Зилим-Караново к нашему родственнику имаму Ямалетдину Баишеву, а младшие братья косили сено на отдаленных лугах. Так что застал я только работников и женщин. Решил было заложить тарантас и тотчас выехать в Зилим-Караново, но пасущихся на выгоне и привыкших к привольной жизни лошадей было не просто поймать и привести домой.

Облачился я в свои деревенские одежды и отправился к дяде Шагиахмету. Оказалось, его сын, мой друг, Нурмухамет тоже уехал на сенокос. Женщины на гумне за домом молотили хлеб, там же работали мои тетки Махуб и Мугия, и девушка по имени Лейлабадар, в кото-

рую я был влюблен в юные годы. Теперь она уже была замужем.

Обычаи башкир и мишаров аула заметно отличались. Башкирские девушки, к примеру, ходили с открытым лицом, повадками были схожи с джигитами и ездили верхом. О некоторых распространялись сплетни, что, мол, даже после замужества ездят на неоседланных лошадях, а это считалось у нас неприличным. Махуб боролась с желающими взять в жены парнями и отвергала побежденных. Теперь она была замужем за силачом из аула Колгасау.

Лейлабадар — дочь мишарина, нашего соседа. В детстве мы вместе с ней учились у моей матери, о чем я говорил выше. Мишарские девушки никогда не ездили верхом, при виде мужчин старались скрыться с глаз. И на этот раз при моем появлении первым и естественным ее порывом было спрятаться. Но Мугия преградила ей путь и не дала уйти. Было радостно работать вместе с ними, но я уже отвык от такой работы и от усталости повалился на снопы. Только я лег, Мугия бросила на меня сноп и, придавив сверху, стала допытываться со смехом: «Почему не женишься? Долго еще будешь бродяжничать? Пока не дашь слово жениться, не выпущу из-под снопа!»

Вошли в дом. Разговор за чаем шел о новостях аула, о событиях прошлого. Я окунулся в жизнь дорогих мне людей, теток, невесток, братьев, близких и дальних родственников. Потом в сопровождении стайки босоногих ребятишек направился к кладбищу за аулом. Есть среди надгробных камней такие, надписи на которых высечены моей рукой. Все на месте, и посаженные мной деревья разрослись. Чувствовалась забота моего отца.

За быстро приготовленным обедом Мугия продолжала рассказывать об ауле. Вскоре я знал не только все новости о людях, но и о том, у кого из них какой скот пал или забит на мясо. Оказывается, и моего любимого рыжего коня нет, пал от гнойной опухоли и зарыт за гумном.

Тем временем привели лошадей, на которых я мог бы поехать в Зилим-Караново. Но родные не хотели меня отпускать, уговаривали остаться хотя бы до утра, спрятали сбрую, поиски которой превратились в веселую кутерьму. Людей не интересовало, где я бываю, чем занимаюсь, их радовало, что я жив-здоров, и они трогательно и искренне желали продлить мое пребывание среди них.

Проведя в дорогом мне и родном ауле несколько сладостных часов, лишь поздно вечером я выехал в Зилим-Караново, но душой все еще оставался среди моих близких. Постижение их неподдельной любви ко мне стало важным открытием для меня. Я молился, чтобы и весь мой народ испытывал ко мне такие же чувства.

Встречи и беседы в деревне Мирзакаево

Переночевал я по пути в Утякове, родном ауле матери, в доме дяди Хабибназара, в медресе которого в детстве учился. Наставника своего я тоже не застал. Он тоже уехал в гости к хазрету Сабиру, богатому и ученому человеку, живущему в ауле Мирзакаево. На следующий день к вечеру добрался до Зилим-Караново, но оказалось, что отец, мать и мулла Ямалетдин Баишев уехали в ту же деревню Мирзакаево.

Известный поэт нашего народа Мажит Гафури был родом из деревни Зилим-Караново. Он был немного старше меня, учился в медресе дяди Хабибназара, а затем у ишана Зайнуллы в Троицке. Я остановился у поэта, вечером он читал мне свои стихи, а утром мы вместе отправились в Мирзакаево. Узнав о моем приезде, собрались люди даже из других аулов. Эти радостные встречи и задушевные беседы незабываемы. Они глубоко взволновали и поэта: свои стихи собравшимся он читал с большим воодушевлением. Сегодня на родине, публикуя произведения Мажита Гафури стотысячными тиражами, пытаются изобразить его приверженцем советской идеологии. Но в ту пору он был воодушевлен национальной идеей.

Мои выступления на башкирском курултае в Оренбурге нашли в здешних местах большой положительный отклик, и теперь об этом говорилось мне непосредственно. Более того, моему дяде и наставнику Хабибназару, оказывается, приснился некий сон, предвещающий успех нашим стараниям на поприще суверенитета Башкортостана. Надо ли говорить, что в наших краях такой сон почитаемого шейха убеждает людей больше, чем несколько тысяч прокламаций.

Но если дядя видел только сон, то моему отцу и хазрету Сабиру казалось, что самостоятельность Башкортостана — осуществившееся дело. Я же своей деятельностью заслужил место в раю и уже в скором времени Аллах отметит меня своей милостью. Слова Гете о том, что «настоящий мусульманин говорит о рае как о реальной жизни», точно отражали мировоззрение моего отца и хазрета Сабира. Мне навсегда запомнились наши совместные молитвы, которые мы творили, следуя отцу,

дяде и хазрету Сабиру, вникали в смысл аятов Корана, пили кумыс. Потом были гостями богатого Абдурахмана, который в 1908 году соглашался выдать за меня свою дочь.

Назавтра, уже к вечеру, мы приехали в деревню Утяк, где состоялись встречи, не уступавшие Уфимскому курултаю. Эти встречи в Мирзакае и Утякове не носили официального характера, а вылились в беседы многочисленных родственников и друзей, но там были приняты не зафиксированные на бумаге прекрасные решения.

Вернувшись в родной аул, я остался там еще на день. И в Кузеневе, и в Сайранове состоялись многолюдные встречи и беседы. Они напоминали всенародные собрания (йыйын) башкир в период восстаний XVIII века. Они укрепили во мне желание и решимость остаться до конца верным освободительной борьбе моей нации, готовность во имя этого дела принести в жертву саму свою жизнь.

Из Мелеуза на почтовых лошадях я безостановочно ехал до Оренбурга, а доехав, сразу же рассказал своим друзьям о своих впечатлениях. Потом была встреча с Галимханом Букейханом, прибывшим в Оренбург на Второй курултай казахского народа. Два-три дня потребовалось для организационных дел Башкирского центрального шуро. Впереди была дорога в Ташкент. Если память мне не изменяет, пятнадцатого сентября я был уже в Ташкенте.

Дискуссии на заседаниях Ташкентского муниципалитета

Лидеров второго Всетуркестанского съезда, которым руководил тогда Убайдулла Ходжаев, я подробно проинформировал о делах ИКОМУСа, о решениях Государственного совещания, башкирского курултая в Уфе и Казахского курултая в Оренбурге. Тут же определили кандидатов в Учредительное Собрание. Меня тоже выдвинули в их число, но я уже запамятовал, откуда именно. Но помню, будучи уверен, что пройду по Башкортостану, выставлять свою кандидатуру по Туркестану отказался. Для организации предвыборной компании решили начать сбор средств среди состоятельных людей из мусульман. В июне Мустафа Чокаев уклонился от участия в работе Краевого Совещания, чтобы не обидеть кадетов в споре о законе по выборам, за что я был сердит на него. Размолвка эта уже забылась, мы вдвоем с ним поехали в Андижан к миллионеру по имени Миркамил с просьбой поддержать предвыборную компанию средствами. Встретил нас этот богач холодно. Когда же он протянул нам 100 лир, мы ему сказали: «Оставьте на подаяние нищим». Я еще добавил: «Вот придут большевики — все отдадите!» Но он ничего не понял, так как еще не слышал о большевиках и не знал о нависшей над ним угрозе конфискации всего состояния.

Спустя два месяца, когда Ташкент оказался в руках большевиков, и банковские счета богатых людей были арестованы, этот самый Миркамил послал человека, чтобы установить, где находится Мусульманское шуро, и просил передать нам: «Если спасут мои деньги, а также вагоны с хлопком, стоящие на станциях Ташкент и Асаке, то согласен отдать им десятую часть возвращенного имущества». На это Убайдулла Ходжаев велел ему ответить так: «Пусть все сто частей возьмет себе!» Мы с Мустафой ездили и в Самарканд, но там тоже успеха не имели. В отличие от крупных богачей, нам охотнее помогали торговцы средней руки. Значительную сумму внес еврейский миллионер по фамилии Потеляков.

В это время начались муниципальные собрания, на которых я бывал в качестве члена муниципалитета. Завоевавшее большинство духовенство и реакционно настроенные русские вели себя крайне агрессивно. Если при голосовании по обсуждаемым вопросам мы оставались в меньшинстве, то покидали заседания. Однажды некий русский монархист внес предложение: «Поскольку, мол, создан муниципалитет, то необходимо упразднить другие незаконные организации». Вслед за ним один знакомый мне деятель из Улемы (имя его я уже забыл) предложил распустить и «Мусульманское шуро». Не успел он завершить свое выступление, я встал с места и громко сказал по-арабски: «У Абу Лахиба отсохли обе руки». Он вконец растерялся и замолчал. Упоминание врага Пророка Абу Лахиба, человека двуличного, присутствовавшим здесь мусульманам было более чем понятно. Оно означало: «Пусть у предателя отсохнут руки!» Незадачливый оратор иногда появлялся в «Мусульманском шуро», поэтому двуличие невежественного было известно всем. Его попытка в угоду русским пожертвовать мусульманской организацией вызвала осуждение и среди самих представителей духовенства.

Беседы с Наливкиным и Кравиченко

Бразды правления все еще оставались в руках Наливкина. При встрече со мной он сказал: «Ваши прогнозы об успехе мусульманского духовенства на муниципальных выборах в Ташкенте и об их неудаче в других местах целиком подтвердились. В Ташкенте они будут мешать

вашей деятельности». Я ему ответил: «После созыва Учредительного Собрания и создания Областной Думы (т. е. Туркестанского парламента) у Вас появится возможность распустить старый муниципалитет и назначить новые выборы». Наливкин находился под влиянием Ташкентского Совета и всячески оберегал его от критики. Тем не менее откровенно сказал: «Духовенство не единственный враг демократии. Сделаете доброе дело, если сумеете отстранить большевиков, пытающихся использовать Советы в свою пользу». Об этом я говорил и в «Туркестанском мусульманском шуро». Шуро отправило на имя Керенского телеграмму о том, что городской Совет и рабочие организации, опираясь на духовенство, стремятся установить диктатуру, что для предотвращения подобного развития событий необходимо прислать войска. Ташкентский совет пытался помешать этому. Но в ответ на нашу телеграмму из Оренбурга в Ташкент 25 сентября прибыли войска под командованием Кравиченко генерала или полковника, точно уже не помню.

Вскоре Кравиченко переговорил с различными политическими кругами, а в первую очередь встретился с членами Мусульманского шуро, чья телеграмма послужила причиной его прибытия в Ташкент. Он хотел, в первую очередь, знать, как противостоять махаллинским рабочим советам, в которых идет процесс большевизации, и как нейтрализовать действия реакционного муниципалитета. Я ответил ему: «Если вы намерены принять серьезные меры, необходимо выслать из этой страны во внутренние губернии России большевиков, которые стоят во главе городского Совета и рабочих организаций. Может быть, их пока не более двадцати человек, но если упустите момент, вскоре их станет двадцать тысяч и они сумеют установить диктатуру над миллионами. Что касается духовенства, то оно пришло к власти на основе законных всеобщих выборов, поэтому нет другой меры, как провести новые выборы. Желательно создание добровольных военных формирований из представителей мусульман, шире привлекать их к полицейской службе. Если губернатор Наливкин будет препятствовать вашей борьбе против Советов, необходимо отбить телеграмму Керенскому с просьбой заменить его другим человеком. Без таких решительных мер последствия будут самыми удручающими». На этой беседе с Кравиченко присутствовал и Мустафа Чокаев. Он меня упрекнул потом: «Что же ты делаешь? Зачем припутал к этому делу нашего друга Владимира Петровича (Наливкина)? Если узнает, обидится и на тебя, и на меня». Я ответил ему, что нельзя в государственных делах руководствоваться дружескими чувствами, Наливкина следует выслать отсюда; необходимо отправить телеграмму Керенскому и решить этот вопрос как можно скорее». Но ни Чокаев, ни Убайдулла Ходжаев не согласились со мной.

Уже в эмиграции при нашей встрече Керенский подтвердил правильность моей оценки Наливкина и признал, что именно Наливкин способствовал переходу власти в Ташкенте в руки большевиков. Если бы Мусульманское шуро решилось тогда послать телеграмму о необходимости его замены, Керенский, понимавший положение дел, пошел бы на это. Но ошибки были совершены не одним только Наливкиным, немало их было и у нас.

Большевики вели пропаганду и среди солдат прибывшего отряда. Привлекать в свою часть представителей местного населения генерал опасался. Видимо не доверял им или не был наделен таким правом. В результате условия нашей деятельности в Ташкенте усложнились. Из-за нашей нерешительности сомневающихся становилось все больше, некоторые из них начали сближаться с другими политическими кругами. Понимал, что без национальной армии невозможно создать национальное государство и страдал от нашей беспомощности и нерешительности. (А вот в Башкортостане дела с этим обстояли бы лучше). Когда угроза захвата власти Советами усилилась, можно было еще убедить Кравиченко начать создание национальных войсковых формирований. Но мои сторонники отнеслись к этому скептически.

В начале октября Центральное шуро Башкортостана вызвало меня телеграммой в Оренбург: предстояли губернские собрания по подготовке к выборам в Учредительное Собрание, и надо было защищать наши интересы. И я отправился в путь.

Происки Шарифа Манатова

Одной из причин вызова меня телеграммой оказалось обострение взаимоотношений моих друзей с Шарифом Манатовым. Он был сыном имама из Яланского кантона, его происхождение и путь в политику были хорошо известны всем, а популярность в печати ему принесла деятельность в Турции. Исмаил Сайсаллы-оглы (убит большевиками), знавший Манатова еще по России, сказал о нем: «Не предатель, но авантюрист».

Манатов принадлежал к числу молодых идеалистов, прибывших в Турцию добровольцами во время Балкан-

ской войны. Там он вступил в организацию «Турецкий очаг» и публиковал статьи, пропагандирующие ее. Впоследствии эти статьи были использованы большевиками для дискредитации его самого. В дни революции 1917 года (после Московского мусульманского съезда) Манатов обратился в Башкирское центральное шуро, выразив желание сотрудничать с нами. В то время даже такие влиятельные и интеллигентные башкирские семьи, как Бикбовы и Куватовы, не верили в успех движения за автономию Башкортостана, поэтому мы Шарифа Манатова приняли в свою среду. Но в организационных делах пользы от него было мало. Учитывая, что он несколько лет жил в Швейцарии и владеет французским и немецким языками, поручили ему следить за попадающей к нам изредка иностранной печатью. Работал Манатов и над установлением связей с Украиной, Финляндией, Бухарой и Хивой, был сторонником введения собственных денег в Башкортостане. Примыкая к нашему движению, он питал надежду занять лидирующее положение, предполагал стать председателем Шуро. Однако Сагит Мрясов, Аллабирде Ягафаров и Хурматулла Идельбаев хотели видеть на этом посту адвоката Юнуса Бикбова. На этой почве взаимоотношения моих друзей и Шарифа Манатова испортились вконец.

На Втором Башкирском курултае Манатов сошелся с крайне фанатичными, монархически настроенными реакционными людьми и при их поддержке был избран в состав руководства курултая, а затем стал заместителем Центрального шуро. Кандидатом в список делегатов Учредительного Собрания от Башкортостана я включил его собственноручно. Однако после курултая в процессе работы в Оренбурге (в то время я был в Ташкенте) конфликт между ним и остальными членами Шуро резко обострился. Они открыто заявили Манатову, что, выдавая себя за человека левых взглядов, он в то же время сотрудничает с монархистами, стремится расколоть единство лидеров башкирского освободительного движения.

Главным противником Манатова был Хурматулла Идельбаев. Окончивший гимназию, Хурматулла много читал, особенно глубоко изучил русскую и западную классическую литературу, владел французским языком. Из-за мягкости характера он не согласился стать членом Центрального шуро, но постоянно находился среди нас. Хурматулла обнаружил, что Манатов французским языком владеет весьма слабо и счел его обманщиком и шарлатаном.

Наше рабочее место находилось в большой комнате Караван-сарая, мы все помещались там. Обычно Хурматулла приходил, садился на подоконник, затевал разговоры и нередко подтрунивал над кем-то. Имел привычку друзьям, знакомым с русской и западной литературой, придумывать разные прозвища. Меня, как занимающегося наукой, прозвал «доктором Вагнером» из «Фауста», Шарифа Манатова окрестил «Раскольниковым», а Ягафарова за леность — «Обломовым». Что Шариф плохо знает классическую литературу, но выдает себя за знатока ее и любителя, Хурматулла заметил сразу же. Затевая разговор на литературные темы, неожиданными вопросами он ставил Манатова в затруднительное положение. Однажды он спросил его: «Шариф-ага, испытывал ли Данте влияние Востока, когда создавал картину ада?» Другой раз поставил такой вопрос: «Искренен ли Фауст в своем пантеизме?» Или: «Почему Ницше в своем «Заратустре» проявляет отрицательное отношение к женщинам?» Не ответив ни на один из подобных вопросов, Манатов просто-напросто обнаруживал незнание этих трудов. Однажды Хурматулла сказал Манатову: «Я тебя сравнил с Раскольниковым, но я ошибся. У того хватило духу пересчитать отнятые у процентщицы деньги, а ты стал бы сразу набивать ими свои карманы и, пытаясь скрыться как можно скорее, тут же попался бы в руки полиции. Не будь этой страсти к наживе, как можно объяснить твою близость к таким людям, как Мингаж или Курбангалиевы?» На столь тяжкое обвинение Манатов пытался ответить пощечиной, но этого ему не позволили другие. Тогда Манатов пригрозил покинуть шуро, на что ему ответили, что он волен поступать как ему угодно. Однако он не ушел, и его опять упрекнули в бесчестии.

Когда я прибыл из Ташкента, конфликт этот достиг крайней остроты.

Борьба в Башкортостане в ходе выборов в Российское Учредительное Собрание

Здесь нам приходилось иметь дело с четырьмя различными политическими кругами: губернатор Оренбурга Архангельский, назначенный на этот пост Керенским, оренбургские казаки, казахи-мусульмане и организация оренбургских татар. Русские казаки и мусульмане казахи — также сторонники федерации и суверенитета — являлись нашими союзниками, русский губернатор был нашим про-

тивником. Несмотря на то, что мы добивались от Центрального правительства распоряжения о передаче нам Караван-сарая со всеми национальными и войсковыми сооружениями, мечетью и садами, заложенными в XIX веке, губернатор затягивал это дело, ссылаясь на необходимость изучения архивных документов. Не помогало и содействие генерала Давлетшина в Петрограде. Татары создали «Мусульманский комитет» и установили контакт с Архангельским, созвали «съезд мусульман Оренбургской губернии», в котором приняли участие и мы. Ведущий автор татарской газеты «Время» («Вакыт») Фатих Карим упорно занимался дискредитацией движения за самостоятельность Башкортостана и на съезде многократно выступал против нас.

Мое выступление на этом съезде, посвященное разъяснению татарам Оренбургской губернии наших целей, и ответы на их всевозможные упреки и обвинения, длилось четыре часа. Это была самая длинная речь за всю мою жизнь. Татарские унитаристы добивались того, чтобы на выборах в Учредительное Собрание башкиры Оренбургской губернии отдали свои голоса не за башкирских представителей, а за список унитаристов. Однако не только башкиры, но и большинство татар губернии проголосовали за наши кандидатуры. А наших самых ярых противников — писателей Фатиха Карима, Шарафа поддержал и член Государственной Думы прежнего созыва Калимулла Хасанов.

Видные деятели казахского народа: писатель Ахмед Байтурсун, потомок Чингис-хана, глубоко уважаемый представитель Букейской Орды, человек уже почтенного возраста Шахингарей Султан Букейханов, Мустафа Чокаев из Ташкента, Жиханшах Достмухамедов и другие собрались в конце октября — начале ноября в резиденции Тургайского губернатора Галихана Букейхана. Я участвовал в нескольких заседаниях.

Это были дни, когда Советы, добившись успеха во многих регионах, саботировали выборы в Учредительное Собрание, распространяли идею установления диктатуры. 26 октября Уфу захватили Советы, а 28 октября «Уфимское губернское мусульманское (татарское) военное шуро» также перешло на их сторону. Галихан до этого состоял для видимости в кадетской партии, а теперь объявил о своем выходе из нее и вступлении в партию «Алаш», борющуюся за автономию Казахстана.

28 октября и Ташкент перешел в руки Советов, поэтому Мустафа Чокаев решил задержаться в Оренбурге.

Казахские лидеры предложили мне, оставив на время башкирские дела, выехать вместе с Чокаевым в Ташкент. Обсуждение шло на совещании, которое продолжалось два дня и во многом определило нашу дальнейшую судьбу. Решили сохранить верность идеям демократии и Учредительного Собрания, не признавать большевиков, ориентироваться на Украину, осуществляющую политику областной автономной самостоятельности. Договорились в конце декабря в одни и те же дни созвать в Оренбурге казахский и башкирский курултаи, в Туркестане также стать на путь борьбы за суверенитет.

Русские политические круги и партии, в том числе и оренбургские уральские казаки, положительно отнеслись к идее самостоятельного Туркестана, Казахстана и Башкортостана, однако не спешили более решительно поддержать замысел создания республик. Поэтому, опасаясь встретить с их стороны противодействие нашему движению, в свои планы мы их пока не посвящали. Это были важнейшие решения, принятые в 1917 году.

Вспомнив старые формы войскового устройства башкир, мы разделили Башкортостан на кантоны. В свою очередь, кантоны были поделены на участки и созданы местные комитеты. Выборы в Учредительное Собрание организовали именно эти комитеты. На выборах мы оказались победителями в полном смысле этого слова. Татарские интеллигенты, выступавшие против федерации и автономии, нигде не прошли делегатами Учредительного Собрания. Из них были избраны лишь те, кто признавал территориальную автономию и защищал идеи социализма. Меня выдвинули по Уфимской, Оренбургской и Пермской губерниям. Я решил баллотироваться по Уфимской губернии.

Объявление самостоятельности Башкортостана

2 ноября, сразу после захвата власти в Петрограде, большевики обнародовали историческую декларацию о признании прав угнетенных народов России на самоопределение. Посоветовавшись в Центральном башкирском шуро, мы решили не пытаться воспользоваться этим документом. Чтобы защитить наш народ от иллюзий по поводу этой декларации, 11 ноября опубликовали фарман (приказ) № 1, вошедший в историю. Впоследствии советские авторы часто критиковали этот документ. В связи с направлением нашего представителя на автономную Украину, в фармане говорилось: «25 октября после свержения в России Временного правительства

начался период гражданской войны. Мы не принимаем Советы. Мы хотим добиваться своих прав собственными силами и не желаем получать автономию из рук большевиков, ибо не согласимся по своей же воле ограничивать права и свободы личности».

Позже, после подписания соглашения с большевиками, Ленин сам расспрашивал меня об этом фармане. Я ответил ему: «Да, приказ написал я, тогда он отражал понимание нашим народом сущности национального суверенитета. Самое важное заключалось в следующем: из-за царившей в России анархии возникла необходимость объявления самостоятельности Башкортостана. В тот период ни один из мусульманских народов не объявлял о своей самостоятельности».

Дело обстояло именно так. Прошло четыре дня после опубликования этого фармана, и 16 ноября (по новому стилю 29 ноября) мы официально объявили Башкортостан автономной республикой, сформировали национальное правительство. В кантонах началось формирование национальных воинских частей. Юнуса Бикбова, интеллигента, выходца из народной среды, избрали председателем правительства. Мне были поручены внутренние дела и формирование войск. В обращении к народу, опубликованном по этому поводу, мы объявили и о том, что достигли взаимопонимания с Украиной и послали туда своих представителей. В обращениях, направленных на Украину и к донским казакам, мы упоминали, как 210 лет назад украинцы во главе с Мазепой, донские казаки во главе с Булавиным восстали против царя Петра Великого, а башкиры, боровшиеся за свою свободу под предводительством Мурата Султана, а затем Ибрагима Султана, установили союз с донским казачеством. О том, что эти обращения вызвали благоприятные отклики, мы узнали позднее.

После Башкортостана самостоятельными республиками объявили себя Крым, затем Туркестан (по старому стилю 24 декабря), спустя некоторое время — Азербайджан и Казахстан. В начале ноября во время вышеупомянутого совещания с казахскими лидерами (еще до объявления автономии Башкортостана) я изготовил три карты: 1) Большой Башкирии, 2) Малой Башкирии, 3) Федерации свободных мусульманских областей Восточной России. Эти карты были обнародованы на основе Декларации об автономии Башкортостана. В 1964 году господин Бенигсен в своей книге «Пресса и национальное движение мусульман России», изданной в Париже,

приводит фотографическое изображение третьей карты (рисунок 6). В 1918 году в Самаре после совместного совещания представителей правительств Башкортостана и Казахстана эту карту мы напечатали еще раз. Турецкий генерал Нури Джонгур-паша, будучи в России, приобрел и сохранил экземпляры этих памятных для меня карт. Позже в Анкаре генерал преподнес их мне в подарок. Последнюю из трех карт, которая была в свое время опубликована в Самаре, затем в 1921 году в Бухаре, я привел в своей книге «История Туркестана» (стр. 371).

Объявляя самостоятельность Башкортостана, мы имели в виду не всю этническую территорию нашего народа, а только ту ее восточную часть, где мусульмане составляли не менее 70 процентов ее населения. Она получила название «Малая Башкирия». Мы намеревались башкир и татар, живущих в областях, где они составляли меньшинство, переселить в Башкортостан и Туркестан. Малая Башкирия занимала площадь в 79560 кв. км и к 1917 году на ее территории проживало 1.259.059 человек, из них 72 процента мусульмане. По нашему плану центр Башкортостана, Западного Казахстана и оренбургских казаков должен был находиться в Оренбурге. Позже, при официальном воссоединении Башкортостана, Западного Казахстана в одну область в нее вошли бы и русские казаки. Среди казаков у нас были друзья, принимавшие эту идею без всяких сомнений. Сам я также верил, что эти казаки, наполовину тюркского происхождения, будут с нами жить в мире и согласии.

Идея самостоятельности и свободы вызвала в душе народа необычайный подъем, и наши поэты Саитгарей Магазов и Шайхзада Бабич воспели ее во многих своих произведениях. Башкиры и мишары восточной части Урала до последней четверти прошлого века жили в кантонной системе в качестве пограничных войск и подчинялись национальному военному управлению. Поэтому они очень быстро уловили суть национальной самостоятельности. (Слово кантон как название административного деления было заимствовано из Швейцарии).

Третий Башкирский курултай

Согласно договоренности, достигнутой в ноябре совместно с казахскими деятелями, Третий курултай Башкортостана решили провести с 20 декабря 1917 до начала января 1918 года. Этот курултай должен был сыграть роль главного меджлиса нашей родины. Большинство членов правительства были избраны делегатами

Российского Учредительного Собрания. Но понимая, что большевики не дадут этому собранию нормально работать, мы сочли более полезным заниматься своими неотложными делами здесь, и в Петроград не поехали. Напротив, свой курултай мы созвали как раз в дни открытия Учредительного Собрания. Чтобы курултай мог работать спокойно, без спешки, его участникам было предложено приехать на своих лошадях и с запасом провизии. Также нашли целесообразным прибытие отряда для охраны из двадцати четырех человек. Если учесть враждебность татарского комитета и Оренбургского губернатора Архангельского по отношению к нам, мера эта была отнюдь не излишней.

Курултай казахов состоялся чуть раньше, но многие его участники еще не успели разъехаться. В работе нашего курултая в качестве наблюдателей участвовали Саид Газим Кадырбаев и Мустафа Чокаев. Десять дней спустя Чокаев стал министром иностранных дел самостоятельного Туркестанского правительства, созданного в Коканде. Я тоже раза два присутствовал на казахском курултае в качестве наблюдателя. Оба курултая приветствовали друг друга.

На башкирском курултае Габдельхай Курбангалиев и его близкий друг Мингаж, объединившись с монархистами, попытались сколотить оппозиционную группу. Шариф Манатов, выдававший себя за социалиста, вместе с тем принадлежал к кругу Курбангалиевых. Они и стремились добиться избрания Манатова председателем Башкирского правительства. Мы же хотели видеть на этом посту Юнуса Бикбова.

Курбангалиев принародно набросил Манатову на плечи роскошную шубу. А башкиры Токсуранского кантона от имени курултая подарили мне скакуна с богато убранным старинным седлом. Кроме того, я получил в дар чайный сервиз, расписанный золотом и серебром, с надписями арабской вязью, а также расшитую золотом дорожную сумку. Все эти подарки, этот сервиз, поднос, который украшали замечательные стихи, несомненно готовились заблаговременно, в тайне от меня. Мне они запомнились как самые искренние за всю мою жизнь дары, преподнесенные от имени народа. Седло было украшено сердоликом, серебряные стремена позолочены. Дорожную сумку я долго носил с собой. Но когда адъютант Муглия вместе с нашими воинами пересек границу России и вышел в Иран, был вынужден продать ее.

Руководство башкирским национальным движением

было неожиданностью для меня, ибо я отнюдь не предвидел, что буду выполнять эту миссию. Если бы Ташкент не перешел в руки Советов, я связал бы свою деятельность с общетюркским движением, постоянно курсируя между Оренбургом и Ташкентом.

Третий курултай узаконил самостоятельность Башкортостана, было создано правительство. Председателем правительства стал Юнус Бикбов, я по-прежнему ведал военными и внутренними делами, а моим ближайшим помощником стал офицер Амир Карамышев; финансами ведал Ибрагим Мутин, просвещением — татарин Габдулла Адигамов, сельским хозяйством — Аитбаев. Следуя традиции XIX века, восстановили Башкирское войсковое управление. Курултай принял решение создать национальную армию. 5 января 1918 года наши офицеры Мухтар Карамышев, Габдулла Мрясов, Габдулла Идельбаев, Гимран Магазов, польский офицер Бритц и два его товарища поехали в Баймак для формирования первого башкирского полка. Для приобретения обмундирования и оружия, содержания солдат и уплаты жалованья служащим пришлось ввести налоги, но собранных средств было недостаточно.

В связи с объявлением общей мобилизации во время войны царское правительство запретило продажу водки. Из-за этого в Усергенском кантоне на спиртзаводе Самакина накопилось большое количество водки. Решили конфисковать ее и вырученные от продажи деньги использовать на свои нужды. Из всех ближних и дальних русских деревень, даже оренбургских казачьих станиц потянулись подводы, люди с чайниками, ведрами, бочками, большими стеклянными бутылями. Продавалась водка по дешевой цене, тем не менее нашим удалось накопить около полумиллиона русских рублей. Деньги были распределены по кантонам для уплаты жалованья служащим.

Случались при этом смешные и грустные события. Многие мужики, напившись, валялись тут же, около спиртзавода. Не довольствуясь стаканами, иные прикладывались прямо к крану бочки. Некоторые, захмелев, умудрялись напоить водкой даже лошадей своих. Один спьяну свалился в огромную бочку и захлебнулся. Башкиры, опасаясь, что водку из этой бочки не станут покупать, извлекли оттуда утопленника и тайно похоронили его, никому о том не сказав. Сами башкиры в ту пору водку в рот не брали, считая это смертным грехом.

Впоследствии тамошние русские говорили, что никто не угощал их так щедро, как Валидов.

Тем временем и в кантонах было собрано немало средств, и нужды в деньгах от продажи водки не осталось. Ради национальной армии народ был готов на любые жертвы. Средства, собранные только в Бурзянском кантоне, позволили бы содержать длительное время целый полк. Но и у большевиков дела шли неплохо.

Между тем отношения Шарифа Манатова с остальными лидерами башкирского движения не улучшались. Он тяжело переживал, что курултай не возложил на него никаких ответственных обязанностей, его открыто и нелицеприятно упрекали в связях с монархистами и реакционерами, подаренная ему шуба стала предметом насмешек. Он оказался в изоляции и когда высказал пожелание выехать в качестве члена Учредительного собрания в Петроград, Хурматулла ему сказал: «Ты поедешь не в Учредительное Собрание, а к своему товарищу Ленину, чтобы помочь ему разрушить Учредительное Собрание и всю демократию. Там похвалят тебя за то, что ты здесь вкупе с монархистами пытался разрушить наше начинание». Центральное шуро и правительство предоставили ему возможность поступать по его усмотрению и по делам Башкортостана никаких обязанностей на него не возложили. Манатов вошел в комитет коммуниста Мулланура Вахитова, который действовал против нас.

Захват Оренбурга большевиками и арест Башкирского правительства

Более двух месяцев оренбургские казаки во главе с Дутовым вели борьбу против большевиков, которые удерживали в своих руках Уфимскую и Самарскую губернии. Но и среди казаков имелись коммунисты. Офицеры из семьи Кашириных были из их числа, и город Верхнеуральск на территории Башкортостана находился под их влиянием. Да и в Оренбурге значительная часть авторитетных казаков сочувствовала большевикам и установила с ними тайную связь, поэтому защита города не была надежной. Башкирские войска еще не обрели боевую готовность, и положение наше было довольно шатким. Поэтому мы предпочитали ни во что не вмешиваться. Наконец, 18 января (по новому стилю, который Советское правительство приняло как раз в начале этого года) большевики захватили Оренбург. Представитель Тургайской губернии Галихан Букейхан и другие казахские интеллигенты

вынуждены были бежать в Восточный Казахстан, в город Семипалатинск. Мы остались в Оренбурге и решили, что если нам будут препятствия в формировании войска и утверждении нашей самостоятельности, то переберемся в Баймак и оттуда продолжим руководить Башкортостаном. У нас не было желания отступать к Китайской границе, ибо большевики дойдут и туда.

Вначале большевики во главе с Цвиллингом отнеслись к нам весьма лояльно. Они заверили нас: «Если не выступите против Советской власти, вам будет предоставлена возможность управлять своей областью самим, только внешнеполитические дела передадите центральному правительству, а доктрины Коммунистической партии для вас вовсе не обязательны». Более того, Цвиллинг подтвердил все это в письменной форме. Он хотел, чтобы и наш формирующийся полк соответствовал этим требованиям, и для переговоров пригласил меня к себе. В этот момент наши офицеры находились в деревне Кадырша Усергенского кантона. Я решил встретиться с Цвиллингом и отправился к нему вместе с Аллабирде Ягафаровым.

27 января отправили телеграмму в Москву, в которой выразили свое согласие признать верховную власть Советов с теми условиями, что они не будут препятствовать нам формировать войска и не лишат нас самостоятельности во внутренних делах. Ш. Типеев в своей книге об истории революции в Башкортостане пишет, что мы якобы отправили в Москву телеграмму с угрозами. В то время мы просто не были в состоянии разговаривать с кем бы то ни было языком угроз. Посоветовав войскам вести себя сдержанно и осторожно, мы выехали на встречу с большевистскими руководителями.

Цвиллинг принимал нас вежливо, несколько раз приглашал на различные заседания. На этих встречах члены Государственной Думы прежнего созыва татары Калимулла Хасанов и Бурхан Шариф вели себя как старые друзья большевиков, проявляя в отношении нас некий прокурорский апломб.

Прошло пять дней. 3 февраля мы были арестованы. Солдаты, взявшие нас под стражу, были татарами. Когда они предъявили фальшивую бумагу, якобы выданную местной Советской властью, начальник тюрьмы ответил, что никакого приказа о нашем аресте он не получал, поэтому может принять нас только временно. Мы требовали немедленно освободить нас, но никто этому не внял. Позже мы узнали, как был обоснован этот произвол:

«Разрешено заключить в советскую тюрьму башкир, арестованных Оренбургским мусульманским военным комитетом» — это решение Оренбургский губернский Совет опубликовал 4 февраля (по новому стилю 18 февраля) в газете «Известия». Под арестом оказались Аллабирде Ягафаров, Сагит Мрясов, я, всего восемь человек. Через два дня меня вызвали на допрос. В досье с обвинительными материалами я заметил всего лишь вырезки двух газетных статей, написанных Камилом Каримовым и Ибрагимом Бикчентаевым и опубликованных в газете «Казачья правда», издававшейся казаками-большевиками. В этих статьях, одна из которых называлась «Башкирские контрреволюционеры», нас изобразили монархистами, капиталистами и крупными землевладельцами. Самим большевикам была очевидна лживость этих статей, которые не могли быть основанием для обвинений. Но к тому времени большевики уже привыкли к массовым расстрелам. Некрасивая женщина, исполнявшая обязанности секретаря, обратилась к комиссару: «К стенке его, что ли?» Комиссар ответил: «Погоди», и велел отвести меня в камеру.

Наши дела ухудшались день ото дня, так как арест этот вызвал среди башкирского населения сильное волнение. К тому же в Баймаке башкирские подразделения конфисковали в русских приисках около трехсот килограммов серебра и сто тридцать килограммов золота, собрали большое количество продовольствия, оружия. Они телеграфировали в Москву, требуя освободить нас из тюрьмы. Большевики решили уничтожить наш формирующийся в Орске полк. Некий комиссар Баранов через авторитетных людей послал в Баймак письмо, предлагая встречу членам башкирского войскового комитета. На условленном месте красные устроили засаду и вероломно арестовали наших офицеров, а вечером расстреляли. Злодейски были убиты исключительно преданные движению офицеры — Гимран Магазов и Габдулла Идельбаев. Командир полка Амир Карамышев, поэт Хабибулла Габитов, почувствовав коварство большевиков, не явились на место встречи.

После расстрела наших офицеров красные части направились в Баймак с целью разгромить формирующийся башкирский полк, но получили отпор и, потеряв несколько человек убитыми, отступили в Орск. Не дожидаясь возвращения красных с сильным подкреплением, наши офицеры временно распустили по домам своих солдат, а сами с небольшим числом бойцов скрылись в

глухих горах Бурзянского улуса. Поступили они так из опасения, что сопротивление повлечет за собой расстрел арестованных в Оренбурге членов правительства.

Нам удалось подкупить некоторых охранников тюрьмы, другие сами относились к нам с сочувствием, поэтому мы сравнительно легко установили связь с оставшимися на воле и организовали шифрованую переписку. Тем временем пришло сообщение, что Амир Карамышев сколотил в горах отряд из добровольцев, вступил в связь с оренбургскими казаками и замышляет совместный налет на город.

Несколько дней спустя меня отделили от остальной группы и заперли в одиночную камеру. В тюрьме я работал над завершением книги «История ногайцев», которую начал писать еще в 1915 году. Однажды ко мне зашел молодой татарин по имени Мухаммет Тагиров. Он принес пищу, писчую бумагу и ручные часы. Оказывается, в Казани он был моим шакирдом, примкнул к коммунистам и казанское мусульманское военное шуро направило его в Башкортостан для содействия Оренбургским Советам в деле разложения башкирского движения и правительства. Со слезами раскаяния на глазах он рассказал мне следующее: «Учитель, мы вас арестовали только для того, чтобы напугать вас и заставить отказаться от идеи самостоятельности башкир. Но дело приняло дурной оборот. Мы сами стараемся помочь вам освободиться, но ничего не получается. Вы превратились в опасных врагов Советской власти, так как в горах башкиры формируют добровольные войска, поэтому красные держат вас как заложника. Я очень боюсь исхода этого дела».

Впоследствии, когда я в большом труде «Образование Башкирской автономной республики», написанном неким Раимовым, прочитал, что татарское военное шуро сотрудничало с Оренбургскими Советами и занималось нашими делами, подумал, что слова Мухаммета Тагирова соответствовали истине. Пока же, покорившись судьбе, я продолжал работать над «Историей ногайцев». Было совершенно ясно, что усиление волнений среди народа только усугубляло наше положение, и я отправил видным людям письма, объясняя сложившуюся ситуацию. Но движение нарастало. Со всех сторон отбивали телеграммы в Москву и в Оренбургский губернский комитет с требованием освободить арестованных, посылали даже специальные делегации. В результате наше положение становилось все более зловещим.

Однажды (возможно, это было 27 марта) комендант тюрьмы предупредил меня, что ко мне придет председатель Оренбурского губернского комитета Цвиллинг, велел спрятать книги под постель, так как поступило распоряжение отнять у меня карандаш и бумаги. Цвиллинг предложил мне дать приказ распустить формирующиеся в горах Башкортостана отряды добровольцев, в недельный срок сдать оружие Советским властям и пригрозил, что если эти условия не будут выполнены, мы будем расстреляны. Я ему ответил: «Какое значение может иметь приказ, отправленный из тюрьмы?» Он сказал: «Как знаете»,— и удалился. После этого режим в тюрьме значительно ужесточился, мои книги, бумаги, архивы были изъяты. Через каждые десять-пятнадцать минут часовой заглядывал в камеру через дверной глазок.

Побег из тюрьмы

В ночь с третьего на четвертое апреля поднялся какой-то шум. Оказалось, на Оренбург казаки совершили налет, в котором принимал участие и отряд Амира Карамышева. До самого утра из тюрьмы выпускали арестованных казаков и башкир. Я сидел в одиночной камере в глубине тюрьмы, поэтому до меня не смогли добраться. Шума и гама было много. Мне казалось, что я слышу и обрывки башкирской речи, но наши не сумели освободить меня и стали отходить. Когда они удалились, начальник тюрьмы открыл дверь моей камеры и сказал: «Бегите и вы, но никому не говорите, как выбрались отсюда». Лишь спустя четыре месяца, когда Оренбург был освобожден от Советов, начальник тюрьмы сам рассказал, как было дело. На требование башкирских солдат выпустить меня он ответил, что ключ от камеры находится не у него, поэтому открыть ее невозможно. Те пригрозили: «Если не раздобудешь ключ и не освободишь Валидова, мы вернемся и убьем тебя!»

На дворе апрель, а я во всем зимнем, на ногах валенки, как и был приведен в тюрьму в начале февраля. Снег тает. Любому мало-мальски внимательному человеку нетрудно догадаться, что я вышел из тюрьмы. Иду. Грохочет пушечная пальба, пули свистят совсем рядом. Некоторые дома горят. На улицах валяются трупы, и приходится шагать осторожно, чтобы не наступить на них. Вдруг чей-то окрик: «Стой!» Это был красный солдат. Подходит ко мне и говорит: «Вы арестованы». Он повел меня в тесный двор какого-то дома, оттуда еще куда-то и все молчал, только шепнул: «Не бойтесь».

Наконец, он привел меня в дом, расположенный отдельно на пустыре, неподалеку от железнодорожного моста. Там же находился один из моих соратников Сагит Мрясов, освобожденный из тюрьмы раньше меня. Это был дом известного татарского литератора Ямалетдина Валиди, а солдат, приведший меня сюда, оказался его родственником. Мои друзья, вырвавшись из тюрьмы, дважды посылали людей, которые должны были найти и освободить меня. Но только третья попытка оказалась успешной. Этот парень и сумел благополучно доставить меня сюда.

Ямалетдин Валиди был сторонником территориальной автономии татар. Его трудом о культурной жизни татар, написанном на русском языке, пользовались и европейские ученые, интересующиеся современной историей тюркских народов России. С самим почтенным ученым мне не удалось встретиться и поговорить, так как его не оказалось дома. Возможно, в это время его вообще не было в Оренбурге. Здесь же, в столь тревожной обстановке, я встретил одного из своих сподвижников по Ташкенту. От него я узнал печальную новость о самоубийстве Наливкина над могилой своей супруги, о бегстве Мустафы Чокаева и членов Кокандского правительства в Казахстан и многое другое. Он обещал сообщить нашим единомышленникам в Туркестане о том, что мы начали вооруженную борьбу за освобождение Башкортостана. Поговорили накоротке, а на то, чтобы вместе пообедать, времени не оставалось. Я сказал ему, что буду пробираться в Уфу, где на 17—18 апреля назначили совещание мои единомышленники и дали мне знать об этом.

Надо было найти подводу, чтобы выбраться из города. Наконец, нашлись и сани, и лошади. Когда мы выезжали из города, орудийная канонада была еще слышна, но ружейная пальба уже прекратилась. Значит, казаки и башкиры отступили и оставили город. Позже я узнал, что башкиры были крайне удручены тем, что не смогли меня спасти.

Доехав до села Каргалы, через одного башкира я велел передать Амиру Карамышеву: «Спасся, жду его в Уфе». Сменив лошадей, не задерживаясь поехал дальше и в башкирском ауле Гумер по реке Тук заночевал у знакомого человека. Зная, что он лишнего никому не скажет, именно его стараниями и на его добрых лошадях за один день по извилистым проселочным дорогам мы добрались до Абдуллино. Попрощались, не доезжая до станции. Теперь надо было попасть на поезд.

В Уфе мы собрались у одного из наших единомышлен-

ников и приняли решения о дальнейших действиях. Это совещание, ставшее поворотным моментом в национальном движении в Башкортостане, позже мы назовем «Уфимским собранием».

Уфимские собрания

Добираться до Уфы было не так-то просто. На станции Абдуллино я оделся рабочим и пошел на собрание железнодорожников. Шел спор о том, на какую станцию давать и на какую не давать локомотивы. Как и всюду, господствовала полная анархия. Никто никого не слушал. Словом, вместо обычных нескольких часов мне пришлось преодолевать дорогу до Уфы целый день, и то на случайных попутных поездах.

7 апреля добрался до Уфы. Вечером того же дня прибыл сюда и отважный наш офицер Амир Карамышев. Каким-то непостижимым образом он опередил других моих единомышленников, которые должны были приехать из Оренбурга на поезде. Когда башкирский джигит, посланный мной из Каргалов, домчался до него, Амир находился в ауле Мураптал. В Уфу он прибыл через Туксуран, т. е. тем же путем, что и я. Приехал не с пустыми руками, а захватил с собой часть собранного в Баймаке для войска золота.

В Уфе мы случайно узнали, что здесь же находится интеллигент из башкир Салих Азнагулов, посланный Сталиным в Оренбург для вызова меня в Москву. И якобы от руководителя татарских коммунистов Мулланура Вахитова есть письмо на мое имя. Коммунистическая партия будто бы начала претворять в жизнь идею образования самостоятельных мусульманских государств, и Сталин распорядился освободить меня из оренбургской тюрьмы и привезти в Москву.

Хоть я этому и не поверил, но с Салихом встретился. Какое внимание, чего только не обещают! Определенного ответа я не давал, но в обмене мнениями участвовал. В конце концов мы уяснили для себя, что политика Советов лжива, коварна. Может быть, в Центре и есть хорошие люди, однако те русские, с которыми предстоит нам работать на местах,— люди вероломные, отъявленные шовинисты. Они и будут диктовать свои условия. Пока сюда дойдет приказ из Москвы, они сделают свое черное дело. Разве не произошли кровавые события в Баймаке, несмотря на наши телеграммы и лояльные обращения? Пока приказ Сталина шел из Москвы в Оренбург, 4 апреля арестованные башкиры были бы уже расстреляны. Добро

еще, успели спастись. Теперь мы не подчинимся им, организуем партизанское движение в горах. 15 мая встретимся с представителями Казахстана (Алаш Орда). Сейчас направляем человека в Семипалатинск и попросим их прибыть в Кустанай в дом отца литератора Габдуллы Гисматова. Муллаян Халиков поедет в Троицк, затем в Кустанай, где будет ждать нас. Если в Кустанае придем с казахами к единому мнению, с помощью Японии объявим всему миру о положении Туркестана, Казахстана и Башкортостана. Для этого отправим своих представителей во Владивосток. Центр нашего движения будет находиться в ауле Ахметово Тамъян-Катайского рода и его окрестностях. Два верных солдата Амира по железной дороге отдельно отправятся туда. Они известят назначенного организатором дел в Тамъяне муллу Юламана о наших решениях и вручат ему шапирограф. Мы с Амиром Карамышевым 9 апреля выедем из Уфы и по Катайской дороге прибудем в Ахметово. Все эти решительные меры были намечены нами после двухдневного совещания в Уфе 7—8 апреля.

Я еще раз встретился с Салихом Азнагуловым. «В Москву не поеду. Мы оказались в положении беглецов из тюрьмы. Москве верю, но не верю местным коммунистам»,— сказал я ему. И показал объявление, которое привезли с собой приехавшие из Оренбурга. В этом объявлении тамошнего губернского комиссара было сказано: «Валидов бежал из тюрьмы через труп нашего дорогого товарища Цвиллинга. Он непременно будет задержан». «Желаю успеха товарищам, поверившим Советам и сотрудничающим с ними в Москве»,— сказал я на прощание Салиху Азнагулову. О том, что мы сами намерены делать, и куда собираемся ехать, конечно же, не стал ему говорить.

Пережитое нами на катайской земле

После того, как один из наших соратников был отправлен поездом в Семипалатинск, а два солдата — в Миасс и Белорецк, мы с Амиром 9 апреля вечером выехали на санях по раскисшей дороге и ночью прибыли в Зилим-Караново, оттуда в аул Мирзакай. Снег тает. В основном передвигаемся по ночам. Видели Ямалетдина Баишева, в доме которого гостили в сентябре прошлого, 1917 года, встретились с Мажитом Гафури, посетили хазрета Сабира. Он нашел для нас одежду горных башкир, запряг лошадей и повез на Шамовский рудник, относившийся к улусу катайских башкир.

Оттуда мы отправимся в Тамъян-Катайский кантон, в село Ахметово. Но в десяти верстах от аула Худайбирде лошади уперлись перед рекой и не пошли на тающий лед. Возницу с лошадьми пришлось отправить обратно. Забравшись в лес, мы с Амиром покрепче привязали золото к своим поясам. Золота было не много, но хватило бы на создание первого военного отряда и на дорогу отправляемому в Японию представителю.

Амир был другом моего детства. Родился в селе Макарово, что в семи верстах от нас. Из старинного и знатного рода, внук известного башкирского офицера майора Юсуфа Карамышева, жившего в первой половине XIX века. Карамышевы, все как один, люди отчаянно смелые и верные нашим идеалам. У Амира были братья Мухтар и Гани, оба офицеры. Еще один брат, Гарей Карамышев, состоял на государственной службе.

Амир был искусным кураистом. По пути в лесу попадало множество стеблей курая. Мой друг срезал их ножом, проделывал дырочки и выводил наши мелодии. Кстати, этого растения, в обилии распространенного на Алтае и Урале, я не нашел ни в Европе, ни в Турции, встречал иногда лишь в ботанических садах.

Мы измучились, пробираясь по размякшему весеннему снегу, насквозь промокли. Встретился какой-то башкир с топором в руках. Шел нарубить дров. «Далеко ли до аула?» — спросили мы его. «Вон за той горкой, близко»,— ответил он. Мы прошагали почти час, но так и не смогли одолеть указанную горку.

Мне кажется, у вынужденных совершать дальние переходы кочевых тюркских народов вошло в привычку утешать себя, считая предстоящий путь не таким длинным. Вот и некий казанский татарин будто бы спросил у казаха дорогу в город, стоящий на границе с Китаем. А тот лишь кивнул бородой и сказал: «Там, не далеко». По поводу этого ответа татарин, якобы, сокрушался потом: «Я за бородой этого казаха шел три месяца». Говорят, эта привычка была присуща и анатолийским туркам-сельджукам. Джалалиддин Руми объяснял это так: «Когда турков спрашивали: «Далека ли дорога?» — они отвечали: «Очень близка». Знаете, почему? Они вкладывали в этот ответ смысл: «Пусть тебе бог даст силу и терпение, очень далеко».

Вот и мы лишь спустя три или четыре часа после слов башкира с топором забрались, наконец, на вершину «горки» и увидели в отдалении аул. Пока добирались до него, окончательно выбились из сил.

Жена человека, учительствовавшего в этом ауле, приходилась дочерью младшего брата моей матери. У нее мы и остановились. Однако милиционер, близкий к комиссару из Шамовского рудника, находившегося неподалеку от этого аула, успел нас заметить и сообщить тому, что появились подозрительные люди. Комиссар велел ему привести нас к нему. Милиционер явился к нам. Мы сказали, что будем сразу после завтрака. Быстро передали родственнице имевшиеся при нас документы и золото, ибо, если бы учинили обыск и нашли эти вещи, нам бы несдобровать. Через некоторое время появился другой милиционер. Первый был башкир, этот оказался русский. И повел он нас к комиссару. Подвергли допросу. Мы заранее обговорили, как себя вести и как отвечать: «Что вы ищете в этих местах, утопая в лесном снегу? Из тюрьмы, что ли, бежали?» — допытывался комиссар. Мы объяснили ему, что ехали на лошадях, но они испугались рыхлого льда на реке и нам пришлось шагать дальше пешком. Нас поместили на верхнем этаже дома, как бы беря под стражу.

И тут произошло удивительное событие. Часовым оказался человек по имени Тимергали из нашего аула. Он узнал нас, едва мы переступили порог дома, но русским виду не подал. Тимергали был конокрадом. Я слышал, что он подался в сторону Катая, ибо не мог оставаться в ауле. Тем временем красный милиционер занялся своими делами и оставил нашего земляка охранять нас. «Комиссар отпустит вас, а не отпустит, я сам помогу вам уйти»,— сказал Тимергали. Через какое-то время из соседнего аула прибыл еще один башкир. Нам осторожно дали знать, что учитель и еще кое-кто приготовили лошадей, чтобы нас увезти отсюда. «То, что вы сюда угодили, подобно опрокинувшемуся небу. Что за напасть?! Но если комиссар вас не выпустит, мы подожжем этот дом, имеется у нас и порох, не сомневайтесь, спасем»,— успокаивали они нас.

Вскоре комиссар вызвал нас к себе. «Вы свободны,— сказал нам,— можете идти». Мы не подали виду, что понимаем по-русски. Сам же он немного знал башкирский.

Как только мы вышли из здания, нас повели к лошадям. Учитель вернул наши вещи. Какое-то время ехали в направлении аула Худайбирде, потом резко повернули в нужную сторону. Ночью дорога покрылась льдом, поэтому продвигались медленно. Ехали в сопровождении двух человек по озаренному луной лесу, минуя селения. К утру добрались до реки Агидель подле аула Серме-

нево. Хотя в степи сильно таяло, здесь, высоко в горах, снег еще был твердым, лед на реке крепким. И все же, опасаясь провалиться в полынью, лошадей отправили обратно вместе с провожавшими нас людьми. Реку перешли пешком и ночевали в ауле Шигай. В ту же ночь лед тронулся.

После полуденной молитвы за рекой появились красноармейцы, но из-за вскрывшейся реки перейти на наш берег не смогли. Через несколько месяцев узнали: в Узянскую фабрику позвонили из Шамовского комиссариата и сообщили, что два неизвестных человека направились в такую-то сторону. Но нас схватить не успели. К моменту вечерней молитвы мы добрались до аула Ахметово.

Наша деятельность в Тамьяне и организация партизанской борьбы

Посланные нами под вымышленными именами из Уфы два наших солдата были уже здесь и вместе с муллой Юламаном наладили работу. У муллы в этом ауле много родственников. Из их числа назначены люди, которым поручено заранее оповещать о приближении красных, особенно отряда Каширина со стороны Верхнеуральска. Из аула в аул будут тайно передаваться сведения о передвижении противника, и они вовремя дойдут до нас. Если возникнет опасность, мы успеем скрыться.

Наша типография спрятана в лесном шалаше. Русские тексты печатали на машинке в кантонном управлении, пробираясь туда по ночам. Тюркские документы писали арабскими буквами от руки. Архив хранился под крышей мечети. В первую очередь мы написали несколько обращений. Чтобы довести до сведения иностранных государств о положении восточных тюрков России, соответствующие документы были составлены на русском языке. Часто из разных мест к нам наведывались наши сторонники. Дошла до нас и весть о том, как сокрушался тот милиционер-башкир: «Не узнал, я бы ему стал служить». Действительно, этот милиционер и Тимергали записались потом в нашу часть и служили верно. Вообще башкиры — народ сплоченный и честный, молоть языком лишнего не станут.

Однажды пришло сообщение: «Около двадцати пяти красноармейцев движутся в нашу сторону, ночевали в таком-то ауле». Амир Карамышев был в отъезде по войсковым делам. Хозяин дома, где я жил, и мулла Юламан сказали: «Идите пешком в сторону леса, увидите дегтярный котел, там работает всего один человек. Оставайтесь около него. Когда русские уйдут, мы пошлем за вами лошадь».

Зима в том году была необычайно долгой. Я ушел далеко. Сыпал снег. Наконец, набрел на тот котел, рядом с ним действительно кто-то возился. Оказывается, человек этот собирает по весне корни смолистой сосны и бересту для перегонки дегтя. Мне он сказал: «Побудь в чаще, что напротив, никто не увидит, я в таких лесах прятался много раз». Бедолага этот принял меня за вора, сбежавшего из тюрьмы. Раньше он сам был вором, попадал в тюрьму, долго скрывался в горах и лесах. Изредка тяжко вздыхая, он тянул воровские песни о том, кого, мол, только не укрывал этот лес в своих объятиях и чью только душу не спасал.

К обеду подъехал какой-то человек и сообщил, что красные ушли. Он привел с собой лошадь, на которой в Ахметово из соседнего аула пожаловал тамошний имам, чтобы встретиться со мной. Дегтевар понял, что никакой я не вор. В ауле стало ясно, что красные ничего о нас не знают.

В кантонное управление приехал начальник милиции Муса Муртазин (позже одно время он был председателем правительства Башкирской республики). Амир уехал с ним. Из-за его отсутствия на душе у меня было тревожно. К тому же, когда я ехал обратно, на меня, не выдержав тяжести снега, рухнул сосновый сук и до крови ушиб плечо. Мулла Юламан согрел в бутылке золу, присыпал ею рану и накрыл ее куском паленой кошмы. До сих пор не забываю это врачевание, называемое «клейменьем» и упоминаемое в исторических трудах. «Будет жечь, но что делать, зато рана заживет в течение дня»,— утешал мулла. «Чего уж, продолжайте, раз начали!»— ответил я и прочитал наизусть две строки из газели Хафиза на фарси:

...Коль стопы свои направишь ты в Каабу по пескам,
И тебя шипы изранят мугиляна,—
Не тужи!..

Оказывается, мулла Юламан, учившийся в ауле Муллакай, что на реке Сакмара, в медресе приверженца бухарской культуры ишана Абдуллы, хорошо знал стихи Хафиза. Он тут же подхватил и прочитал начало вспомнившейся мне газели:

Верь, Юсуф вернется поздно или рано,—
Не тужи!

Сень печали сменят розы, тень платана,—
Не тужи!
Было плохо, станет лучше, к миру злобы не питай,
Был низвергнут, но дождешься снова сана,—
Не тужи!
Друг! не чудо ли таится за завесой,— каждый миг
Могут радости нахлынуть из тумана,—
Не тужи!.. *

«Ходжа Шамсиддин Хафиз — великий прорицатель. Ты вспомнил его, и он дал тебе ответ. В этом есть глубокий смысл»,— сказал мулла Юламан. И мы обнялись.

К утру рана затянулась. Мулла сбрил мне волосы, спадавшие по самые глаза. Лезвие бритвы, которой он орудовал, было настолько тупым, что, казалось, выдирает каждый волос по отдельности. Зная, как мучительно давалось мне исцеление раны и бритье головы, мулла говорил на ломаном русском языке: «Терпи, казак, атаман будешь». Этот очень хороший человек был мастером на все руки. Шапирограф** приводил в действие тоже мулла Юламан.

Жена его хорошо готовила. Несмотря на это, он нередко поднимал на бедняжку руку, но не забывал и приласкать. Казалось, стихи Гете такого содержания: я хорошо знаю, каким должен быть истинный муж. Он сперва побьет жену, потом причешет ей волосы,— были написаны именно о мулле Юламане. Когда жена подавала еду, иногда у нее на глазах стояли слезы, но она ничем не проявляла свою обиду на мужа. Словом, жена была похожа на него самого.

Мулла этот был у нас чем-то вроде главы ведомства безопасности. Повсюду у него есть свои люди, свои представители, все его знают, но обликом он никак не выделяется среди жителей аула.

Нареченная мне еще в детстве Нафиса жила неподалеку отсюда в ауле Абзелил. Однажды мулла Юламан говорит: «Если что, можем съездить к ней». «Ее отец мулла Ходжа Мухаммет, увидев меня, не сумеет скрыть свою радость, а это насторожит людей»,— ответил я. «Вы правы,— согласился мулла,— пока никто не знает, что вы здесь. Пусть все так и останется».

Короче говоря, благодаря хорошим организаторским способностям муллы Юламана и мерам безопасности, которые он принимал своевременно, мы сумели создать в Тамьянском, Тунгаурском, Карагай-Кыпсакском и Бурзянском улусах множество центров партизанских отрядов. По словам немного склонного к преувеличениям Амира, было создано пятьдесят семь небольших партизанских отрядов. Всюду распространялись напечатанные муллой Юламаном документы. И бумаги мы завезли вполне достаточно.

Я жил здесь почти две недели, до конца апреля. Теперь мне предстояло сплотить и организовать башкир степных кантонов, а 15 мая быть в Кустанае. Оставив Амира Карамышева для продолжения работы по созданию партизанских отрядов, я выехал в сторону Челябинска. Мулла дал мне неказистого на вид, но резвого коня, и одел по-деревенски, как одеваются тунгаурские башкиры.

Деятельность в Тунгатарском и Яланском улусах

В те дни прибыл к нам один из башкирских интеллигентов Талха Расулев. Мы намеревались отправить его в зарубежные страны. Вместе с Расулевым, который станет позднее моим шурином, мы отправились в его улус Тунгатар, чтобы оттуда держать путь в сторону Челябинска и через Ялан в Кустанай. В селе Туляк остановились у человека по имени Гадельшах, хозяина золотого прииска. Если сумеем в Кустанае договориться с казахами, Талха отправится в Японию или в ее Дальневосточные представительства. Захватили с собой и написанные в селе Ахметово документы. Гадельшах отличался щедростью и добрым нравом, пользовался большим уважением среди земляков, особенно бедных. Был умен, прозорлив, в свое время получил хорошее образование и знал русский язык. Словом, этот авторитетный человек мог бы достойно представлять наш народ в любом государственном органе или общественной организации.

Гадельшах оказал значительную материальную помощь национальному движению. Вот и сейчас он выделил солидную сумму денег золотом для налаживания нами международных связей, дал лошадей для продолжения нашего путешествия.

В Туляке и в родном ауле Талхы — Тунгатаре — мы пробыли два дня. Слово «Тунгатар» означает ночную стражу. Обязанность жителей этого аула во времена ханов заключалась в несении ночной сторожевой службы. Оттуда и название. Представитель знатного башкирского рода (ашрафы) почтенный шейх и ишан Зайнулла — из

* Стихи Хафиза даются в переводе К. Липскерова по сб. «Газели». Изд. «Художественная литература», Москва, 1969, стр. 40

** Шапирограф — способ размножения ненабранного текста; имеется специальное приспособление.

этого аула. Отсюда же вышли несколько видных военных деятелей и ученых. Отец Талхы, брат упомянутого шейха, Гайса был главным войсковым ахуном, т. е. муллой всех солдат-мусульман русской армии, сражавшейся в Маньчжурии во время русско-японской войны.

В 1905 году после окончания войны мы с отцом приезжали в этот аул и встречались с Гайсой-ахуном. Он был не прочь немного выпить, имел привычку класть под язык табак. Помню, однажды во время совместной молитвы, отбивая поклоны, ахун выплюнул изо рта табак. Разумеется, он знал, что шариат запрещает творить намаз с табаком во рту. Я спросил отца: «Ну, что за намаз у нас получился?» Нам пришлось отдельно от хозяина помолиться повторно. Отец сказал об этом самому ахуну, а тот ничуть не смутился. «Да, иногда я творю молитву не по всем правилам, но сам же отвечу за это перед Аллахом. А ваши молитвы будут угодны ему. Раз уж сын ваш заметил мой грех, повторите молитву»,— сказал он. И оба рассмеялись. Ахун был близким другом отца, поэтому они и говорили между собой так откровенно.

В таких случаях отец умел смотреть на вещи широко. Вот и один наш родственник, мулла Ахел, любил приложиться к медовухе, мог иной раз творить намаз под хмельком в качестве имама перед верующими. Отец и сам не упрекал его за это и другим не позволял делать ему замечание. Ахун Гайса очень меня любил, но сейчас уже его не было в живых. Я посетил могилу покойного и помянул его душу в своей молитве.

Талха был назначен нами главой своего кантона. Он велел запрячь хороших лошадей, и мы отправились на дальние яйляу на горе Уйташ, что на западе от аула. Было тепло. Мы гнали лошадей наперегонки. Действительно, потеплело как-то сразу. Несмотря на раннюю весну, мы с Талхой и его братьями несколько раз искупались в озере неподалеку от аула. Отовсюду нам сообщают о рыскающих вокруг красных дозорах. Но уверенные в преданности и единодушии нашего народа, мы не чувствовали никакой опасности, ехали спокойно. Через день, попрощавшись с Талхой, я направился в аул начальника Яланского кантона Мусы Калимуллы, сына Хадиса. Вместе с парнем, которому Талха поручил сопровождать меня, мы побывали в аулах башкирских казаков Чебаркуль и Туктабай, затем — в мишарской деревне Атзитарово, где я встретил давних знакомых, и спустя четыре дня добрался до аула Мусы Калимуллы, сына Хадиса. Если память мне не изменяет, аул назывался Ильяс.

Здесь тоже произошло любопытное событие. У ворот дома Мусы, как и внутри дворовой ограды, стояло множество запряженных и оседланных коней. Муса Калим, увидев меня в окно, тотчас вышел навстречу, поздоровался без тени беспокойства на лице и предупредил: дома у него гости, есть среди них учителя, сейчас обедают, так что мне придется зайти. «Посадишь меня ближе к выходу, скажешь, что я из аула Кубагыш»,— сказал я ему. Так он и представил меня своим гостям.

Одет я был как тунгауровский башкир, в виду секретности поездки, очки свои не носил. Спрашивали, кто, мол, и откуда, я отвечал. Подошло время намаза. Насытившись едой и сотворив молитву, многие гости разъехались. Остались только те, кто знал меня. Как только чужие удалились, эти заулыбались радостно, стали обнимать и поздравлять меня с приездом. Пожилая мать Мусы Калима прижала мою голову к своей груди. Пошли уговоры: «Никто ничего не заметил, останься у нас на несколько дней».

Муса Калим считался способным и авторитетным деятелем в этих местах. Он знал толк в кооперативной работе, владел русским языком, читал газеты и журналы, словом, был человеком просвещенным и сознательным. Участвовал в наших курултаях.

В близкий отсюда аул Тангрикуль поскакал нарочный за начальником здешнего кантона штабс-капитаном Галимьяном Таганом. К слову, Таган будет до 1948 года работать в качестве доктора тюркологии в Гамбургском университете и до самой своей смерти останется близким моим другом. После окончания школы, готовившей учителей русского языка, он служил в царской армии, дослужился до чина капитана. Участник башкирских съездов, начальник кантона. Позже он командовал в национальном войске 3-м полком, затем 2-ой дивизией, а после неудачи нашего движения ушел в Маньчжурию и продолжал там свою деятельность. Потом — Япония, где он изучил японский язык, обрел друзей и при содействии тамошнего мадьярского посла перебрался в Венгрию. В Дебрецене Таган окончил сельскохозяйственный факультет, а в Будапештском университете — экономический, стал доктором экономических наук. Им опубликовано на мадьярском и французском языках немало статей и научных трудов, посвященных финансам Советов, башкирской этнографии. Заведуя восточным отделом Будапештского этнографического музея, он расширил его фонды за счет доставленных им из Турции многочис-

ленных книг. Кроме того, Таган провел глубокое научное исследование южных кочевых племен Турции. Являясь прекрасным фотографом и умея хорошо обращаться с киноаппаратом, он собрал тысячи рисунков и фотографий о жизни тюркских народов, об их антропологических типах, материальной культуре. Мы много путешествовали с ним по Европе, по Швейцарским Альпам. После прихода в 1944 году красных он ушел из Венгрии в Германию, нашел пристанище в Гамбурге в доме моего друга профессора Шаде...

Вот этот мой друг и появился в воротах дома нашего сподвижника Мусы Калима, читая отрывок из поэмы Лермонтова «Измаил-Бей».

Дайте раз по синю полю
Проскакать на черногривом коне,
Дайте раз на жизнь и волю
Посмотреть поближе мне.

Опять явилось вдохновенье
В душе безжизненной моей,
И превращает в песнопенье
Тоску, развалину страстей.

Он обнял меня, коснулся моего лица пышными усами и расцеловал с жаром. Все наши сторонники, прослышавшие о моем побеге из тюрьмы, хотели, чтобы я дольше оставался в их привольных аулах. Пришлось сказать им, что 15 мая я должен быть в Кустанае. Какие прекрасные, какие сердечные разговоры велись между нами! Согласно нашему решению, Галимьян Таган должен был приступить к созданию здесь партизанского отряда. Конечно, это дело он давно уже начал! А мне мои друзья сказали: «Раз уж до совещания в Кустанае времени осталось немного, вам не стоит задерживаться, сейчас же отправляйтесь в путь, а поживете здесь на обратном пути». Утром, провожая меня в дорогу на своих лошадях, Муса Калим предупредил: «Будь осторожен, впереди аул Мингажа, постарайся миновать его. Он грозился застрелить тебя из пистолета. Так вот, ты тоже возьми с собой оружие». С теми словами вручили мне отменный пистолет Мусы Калима.

Мингаж был сельским богачом, а раньше служил в царской армии. Теперь он вместе с Курбангалиевым взял сторону русских монархистов и стал отъявленным врагом самостоятельности Башкортостана. Именно с этих позиций и выступал Мингаж на прошлогодних курултаях. В последние месяцы он сошелся с красными, пригласил

в свой аул отъявленных коммунистов из русской деревни, вместе с ними задумал напасть на дом Галимьяна Тагана и убить его. Однако прознавшие об этом Галимьян Таган и его брат-телеграфист Шамсетдин подготовились к налету, укрепив одну сторону своего дома кирпичом. Всей семьей, с женой и детьми он отражал нападение, ранил нескольких злодеев и вынудил их бежать. Вот почему предупредили меня, чтобы в Троицк я направился обходным путем, оставив в стороне аул Мингажа.

Совещания в Кустанае

Наверное, Талха не успел выехать. Я прождал его два дня, но он так и не появился. Я наказал Тагану, чтобы Талху, как только приедет, тут же отправили вслед за мной в Троицк; если же нет, пусть дожидается моего возвращения здесь. Но он должен помнить, что вместе с нашим посланцем в Японию отправятся и представители казахов. Поэтому если сумеет добраться до Кустаная, следует немедленно связаться с казахами.

В Троицке я остановился у человека по имени Мухаммет из тунгаурских башкир. Он был халфой (учителем в медресе) ишана Зайнуллы. В детстве, приезжая вместе с отцом в этот город, мы нередко гостили в этом доме. По тому, как я был одет, хозяин признал меня за башкира из здешних мест, принял хорошо, но узнав, кто я такой, очень испугался. Начал он рассказывать о распространяемых всюду объявлениях о моем розыске и ждущем меня наказании и предложил мне идти к одному халфе на берегу реки Уй. По его словам, к нему часто заглядывают разные комиссары и оставаться у него нельзя. В то же время чувствовалось, как он переживает из-за того, что выпроваживает меня из своего дома. Я написал на бумаге и оставил у него на столе стихи из нашего дастана об очень трусливом степном Дон-Кихоте по имени Туляк. Через некоторое время он сам явился в дом того учителя, к которому меня отправил, и многократно извинился. Позднее меня в этом доме отыскал член правительства Башкортостана и наш представитель в Москве, мой соратник Муллаян Халиков. В Кустанай мы должны были ехать вместе, и он был об этом извещен. Этот человек стал одной из главных фигур в борьбе Башкортостана за автономию. Когда в 1923 году мы бежали за границу, он остался на родине и вынес много страданий от Советов, пока, наконец, не был казнен в 1937 году.

Распространенные Оренбургским военным комисса-

риатом объявления о нашем розыске как людей, «бежавших из оренбургской тюрьмы через труп дорогого товарища Цвиллинга», висели на стенах домов, я видел и читал их сам. Тем не менее, уверенный в том, что в обличье тунгаурского башкира меня в этих краях никто не признает, я поехал вместе с Муллаяном Халиковым в Кустанай, только сели в разные вагоны.

Остановились мы в доме моего единомышленника литератора Габдуллы Гисмати. За сутки до нас в Кустанай уже приехали двое представителей от казахов. И совещание мы закончили за один день. Цель его заключалось в том, чтобы наши требования узнали в Японии и других зарубежных странах. Было принято решение провести переговоры с Ташкентом и Ферганой о необходимости развертывания партизанского движения. Этот вопрос уже поднимался нами при встрече с представителями Ташкента после нашего побега из тюрьмы 4 апреля.

Мы приглашали в Семипалатинск представителей Оренбурга и Уфы. В последний момент они тоже прибыли в Кустанай. Так как мысли и планы наши в основном совпадали, их не пришлось долго обсуждать. После того как соответствующие решения были приняты, мы вновь уехали в Троицк.

Муллаян остался в Троицке. Я же на лошадях, оставленных здесь для меня Мусой Калимом, отправился в Яланский кантон. Опасные места проезжали ночью. На этот раз мы остановились в центральном поселке кантона Тангрикуль в доме Галимьяна Тагана. Талха Расулев был там же. Подъехал и Муса Калим. Мы вручили Талхе документы, золотые и бумажные деньги и в тот же день (или наутро другого дня) проводили его на станцию Чумляк. Если переговоры в консульстве Японии и Владивостока не дадут результатов, наш посланец должен направиться в Японию и известить оттуда мир о трагическом положении мусульман Восточной России.

Мятеж чехословаков и восстановление башкирского правительства

27 мая произошло важное событие. Челябинск заняли части восставшего чехословацкого корпуса и за одну ночь захватили железную дорогу между Челябинском и Омском. В ходе мировой войны этот корпус покинул австрийское войско и перешел на сторону русских и должен был теперь при оружии возвратиться на родину. Царское правительство расположило их по железной дороге на Урале и в Западной Сибири в военных эшелонах. После того, как большевики

совершили революцию, Россия подписала мир с Германией, чехословаки подняли мятеж с целью свержения большевистского правительства, в котором видели врагов. Весть об этом пришла к нам из Челябинска; об этом же рассказал Талха, вернувшийся со станции Чумляк. Мы восприняли это как начало поражения большевиков. Укрепилась надежда: если, опираясь на партизанские отряды, создадим национальную армию, то сумеем наконец изгнать большевиков из своей родины. Такой ход событий казался нам вполне реальным, и радости нашей не было предела. Вечером мы устроили праздник. Оказывается, у Таганов был отменный кураист, пригласили его. Появились и кумыс, и крепкая медовуха. Мастера башкирских танцев Талха, Муса Калим и Галимьян Таган плясали без устали, сменяя друг друга. Я тоже старался не отстать от них.

Наутро я уехал в Челябинск. Талхе велели продолжить свой путь. Доктор Таган, закончив дела в организованных им партизанских отрядах, также дня через три приедет в Челябинск. По пути я сменил лошадей в мишарском ауле Атзитар и за сутки покрыл расстояние в сто двадцать пять километров. Прибыв 29 мая в Челябинск, утром того же дня я уже был в штаб-квартире чехословаков на железнодорожной станции.

Если взглянуть на карту, то можно увидеть, что начиная с 4 апреля за семь недель я преодолел путь от Оренбурга до Уфы и далее в горы и в Челябинск протяженностью в две тысячи верст. Из них 500 верст поездом, остальные на лошадях. Но дорожные тяготы прошли как бы незамеченными, будто бы все произошло стремительно. В пору великой революции за короткое время создали в двух-трех местах партизанские отряды, провели Уфимское и Кустанайское совещания, теперь вот готовы присоединиться к восстанию чехословаков. Их штаб-квартира в Челябинске разместилась в нескольких вагонах. Я прошел к руководителю мятежа и командиру. Им был Богдан Павлу. Представился я как член Башкирского правительства, бежавший из Оренбургской тюрьмы. Несмотря на то, что на мне была довольно странная башкирская одежда, и борода разрослась, он без колебаний поверил мне. Через некоторое время явились его соратники доктор Патейдл и доктор Хирс. Богдан Павлу познакомил меня с членами Временного исполнительного комитета чехословацкой армии, руководящими восстанием. Я рассказал им о том, что в Бурзянском, Тунгаурском, Катайском и Яланском кантонах имеются наши

партизанские отряды, попросил у них оружия. Они согласились удовлетворить нашу просьбу, решили предоставить под наше правительство здание в центральном районе города. Я был поражен таким доверием ко мне и теми обещаниями, которые они давали.

Спустя семь лет я побывал в завоевавшей независимость Чехословакии и встретил доктора Патейдела в качестве Председателя парламента, а Богдана Павлу — членом парламента и министром внутренних дел страны, был у них гостем. (До 1914 года они были чехословацкими социалистами). Я спросил их о причине доверия, с которым они встретили меня в Челябинске. Оказывается, за час до меня у них побывал какой-то башкир и сообщил им, что председатель Валидов бежал из тюрьмы, в настоящее время организует в горах партизанские отряды и скоро он придет сюда. Они и решили, что Валидов должен говорить на хорошем русском языке, но иметь вид беглеца. Поэтому, увидев меня, ничуть не усомнились. «Ваш острый взгляд, стремительность в движениях и решительность не оставили у нас сомнения, что вы и есть Валидов»,— пошутил позже Богдан Павлу.

Получив ключ от предназначенного для нас здания, я пошел туда в сопровождении чехословацкого офицера. В первую очередь по телеграфу и телефону, потом с помощью верховых нарочных мы начали извещать наших сторонников и собирать их в городе. Вместе с прибывшими вечером следующего дня сотником Галимьяном Таганом, прапорщиком Гарифом Мухаметьяром, польским мусульманином Исмаилом Мухлией (недавно скончался в Анкаре), татарином Усманом Терегуловым и некоторыми другими офицерами стали готовить мобилизацию. 1 июня была объявлена в некоторых башкирских волостях Челябинской губернии частичная мобилизация от имени нашего правительства, отпечатаны и распространены приказы. Со всех сторон начали стекаться к нам и добровольцы. Мы их снабдили оружием, с разрешения командующего русским войском генерала Ханжина, получили даже арсенал.

Смерть Мингажа

Между тем произошло еще одно событие: погиб монархист Мингаж, который вместе с красными принимал участие в нападении на центр Яланского кантона Тангрикуль. Принесли пистолет, из которого он хотел меня застрелить. А было это так. Едва заслышав о челябинских событиях, молодой офицер Гариф Мухаметьяров и солдат Харис Сэсэнбаев, схватив винтовки, вскочили на лошадей и примчались в Тангрикуль. Встретившийся по пути башкир сообщил им, что Мингаж вместе с красным русским бежал на подводе в сторону станции Чумляк и что их можно догнать. Когда Гариф вместе со своими бойцами стал настигать беглецов, Мингаж и красноармеец начали отстреливаться из винтовки и пистолета. Тут одна из лошадей у них была ранена, и те двое, скрываясь за какой-то стеной, продолжали сопротивляться. В результате перестрелки оба были убиты. Первой жертвой из нашего народа в борьбе за национальную автономию оказался этот самый Мингаж. Получив известие об этом, Курбангалиевы поняли, что начатая Башкирским правительством деятельность вовсе не игра, и тотчас прекратили свои козни, направленные против мобилизации. Человек преклонного возраста ишан Губайдулла Курбангалиев, захватив с собой полные турсуки кумыса и другие подарки, пожаловал в Челябинск на встречу со мной. Принес извинения. Курбангалиев обещал направить к нам своего сына офицера Харуна. Таким образом, благодаря гибели Мингажа, провалилась попытка организовать внутри Башкортостана движение против нас. Это было большим достижением, так как все еще не утихала давняя вражда, возникшая еще между дедом Курбангалиевых хазретом Сардаклы Габдельхакимом и шейхом Зайнуллой из Троицка. Хазрет Габдельхаким был связан со Стерлибашевскими ишанами из наших мест, оба клана имели множество мюридов, и русские безусловно воспользовались бы их сварой. Теперь такая возможность была исключена.

Башкирское правительство и переустройство национальных войск

После объявления первой мобилизации мы издали 7 июня отдельный фарман о воссоздании Башкирского национального правительства. Но ни денег, ни специального помещения для его размещения у нас не было. Членов правительства одели в военные мундиры. Само правительство разместилось в помещении, где до этого хранилось оружие и боеприпасы. В комнатах, отведенных под спальни, не было кроватей и постели, а в рабочих кабинетах — столов и стульев. Члены правительства спали на полу, завернувшись в шинели и не снимая сапог. Документы министерств и полковая канцелярия хранились в отдельных сундуках. Но все это нисколько не удручало нас.

В этой связи хочу вспомнить об одном событии.

Нияз Максудов

Содержавший медресе в ауле Кармаскалы, что на Агидели, имам Валит Максуд в свое время отправил сына Нияза на учебу в Турцию. Потом тот учился в Бейруте в американском колледже. Человек этот доводится мне родственником по линии матери. Так вот Нияз Максуди был очень доволен, что овладел английским языком и американской культурой, поднаторел в знании арабского языка и постоянно подчеркивал это в своих письмах. (Когда-то это обстоятельство породило во мне желание уехать в Бейрут и поступить в американский колледж. Однако после долгих раздумий я пришел к мысли получить образование в России).

После революции Нияз Максуди возвратился в Россию. Накануне чехословацкого мятежа я встретился с ним в Троицке и рассказал о нашем желании создать на Урале и Казахстане единое мусульманское государство. Ему, как человеку, знающему английский язык и понимающему смысл нынешних событий, я предложил заняться у нас иностранными делами. Теперь он приехал в Челябинск (5 июня), чтобы при содействии американской миссии в Сибири добраться до Омска. Я повторил ему свое предложение, сделанное в Троицке. Он бросил взгляд на сундуки, подчеркивающие нашу бедность, и ответил, что вряд ли справится со столь ответственным делом и что уезжает в Америку. После этого Нияз отправился с женой в Восточную Сибирь, оттуда в Америку. Долгое время был в Нью-Йорке швейцаром, потом сделался имамом, а в 1954 году американцы послали его в Мюнхен, где был организован «Институт по изучению России». В письме своему другу и земляку Ахмету Амирхану в Стамбул он написал о нас следующее: «Спать им негде, едят на полу. После отъезда из Челябинска я узнал, что положение Валиди и его сторонников улучшилось, хотел даже вернуться в Челябинск, но американцы остались равнодушны к признанию представителей восточных мусульман России. Один офицер из окружения Валиди встретил меня в Омске и повторил сделанное им предложение. Но я не принял его и в Челябинск не стал возвращаться, так как не верил в успех дела восточных мусульман. Такого же мнения придерживались в ту пору многие татары».

Позднее, приехав в Мюнхен, я много раз встречался с Максуди. Он постоянно вращался в кругу русских белоэмигрантов и просил обращаться к нему не «Максуди», а «Максудов». Был человеком ученым. Во время посещения Америки в 1957 году мне довелось видеть его

семью и убедиться в том, что сыновей своих они воспитывают в патриотическом духе. От души порадовался, что в свое время не уехал в Бейрут.

Формирование первых полков

В Челябинске у нас не было нормальных условий для работы. День ото дня преодолевая трудности, мои преданные соратники обретали опыт, умножали свою энергию. Трудились все сутками. Наконец был налажен распорядок работы сотрудников правительства и военного ведомства. Со сбором налогов с населения пошли на лад и другие дела.

Успешно прошла частичная мобилизация. Из двух улусов были призваны люди двух возрастов. Явились в полном составе. Большевики пытались вести среди них пропаганду, но наши солдаты обходились с этими агитаторами круто. Поэтому русские коммунисты перестали появляться в местах расположения башкирских войск.

Своих офицеров у нас было мало, пришлось взять нескольких русских офицеров. Начали формировать вторую дивизию пехоты. Кое-кто нам говорил: «У вас пока нет ни одного батальона, а вы, не довольствуясь созданием полков, беретесь за организацию тумена (дивизии)». Я им отвечал: «Мы сформируем не одну, а две пехотные дивизии, кроме того, две кавалерийские бригады и отдельные технические части». Очень скоро мои планы претворились в жизнь. У нас появились свои высшие офицеры. Первоначально они находились в западном Башкортостане, оставшемся в руках Советов. Галимьян Таган и Терегулов занимались созданием третьего полка из башкир Златоустовского уезда. Оружие у нас только то, что выдали нам чехи. Из мобилизованных парней мы создали второй пехотный полк. Первый был уже сформирован в Тамьянском кантоне Амиром Карамышевым и Мусой Муртазиным. Командиром второго полка назначили Хариса Тоймакаева.

По телеграфу вызвали скрывавшихся в разных местах членов Башкирского правительства, и многие из них тут же приехали. Таким образом, национальное правительство было создано. Сагит Мрясов временно стал его председателем. Габдулла Адигамов, Габдельхак Габитов, Саитгарей Магазов, Муллаян Халиков и я стали членами правительства. Я взял на себя обязанности военного министра. Упомянутого выше Гарифа Мухаметьярова назначил своим адъютантом. В июле под руководством офицера из башкир Ахмета Биишева нача-

ли организацию милиции. Она будет заниматься изгнанием большевистских отрядов из башкирских земель и установлением порядка. Это управление успешно справлялось со своими задачами, обнаруживало подпольные большевистские организации и уничтожало их.

Военные действия

Прошла, наверное, всего неделя, как началось формирование здешнего полка, а нам уже пришлось послать два батальона в направлении Екатеринбурга, на помощь чехам. Они стали изгонять большевиков из Аргаяшского кантона.

Получив об этом сообщение, мы с Саитгареем Магазовым уже на другое утро выехали из Челябинска на автомашине, которую водил чешский офицер. Возле местечка Куйеш, которое находилось всего в восьми километрах от аула соратника моего Габделькадира Инана, произошло жестокое сражение. Мы с Саитгареем участвовали в бою с оружием в руках. Большевики отступили в сторону Екатеринбурга к поселку Тюбук. В наши руки попало довольно много оружия и прочих трофеев. Попавшая в окружение группа большевиков укрылась в камышах и продолжала отстреливаться. Им хотелось отсидеться до наступления темноты, а ночью вырваться из кольца. Все они нашли там свою смерть.

Эти совместные боевые действия чехов и башкир прекрасно описал чешский офицер Йозеф Урба в своих воспоминаниях, напечатаных в газете чешских легионеров «Народное освобождение». Мне прочитали и перевели их в Праге уже в 1929 году...

После сражения под Куйешем в моей судьбе открывалась новая, теперь уже военная страница.

В том бою, оказывается, погиб некий злобный большевик по имени Максим. Был человеком жестоким и кровожадным, захватывал башкирские аулы, дома предавал огню. Узнав об этом, я послал в его деревню своих бойцов и приказал забрать все имеющееся золото. Они прибыли туда утром, произвели обыск и нашли множество награбленного в башкирских аулах добра. Чего только не было там: и ценные меха, ковры, инкрустированные серебром и драгоценными камнями седла, дорогие талисманы и пояса, золотые и серебряные украшения башкирских женщин. Я повелел вызвать старост ближних аулов и вернуть при них награбленные драгоценности хозяевам. Наблюдавший за этим аульский люд был очень рад. Сам я тоже был весьма доволен. Этим актом как бы началось восстановление прав башкир,

которых еще с XVII века беспощадно грабили русские. Мог ли тогда предположить, что через несколько лет — сначала путем организации колхозов, позже под видом «освоения целины» — отнимут у наших народов все их земли?..

О том, как на судьбе России отозвался бой у Куйеша, я узнал в 1920 году со слов одного из коммунистических руководителей — Преображенского. Этот человек был среди организаторов убийства царя Николая и его семьи. Он сказал: «Казнь царя Николая и его семьи ускорила продвижение чехословаков и башкир в направлении Екатеринбурга».

Действительно, мы тогда находились от города всего в девяноста километрах. Чехословаки планировали напрямую двигаться на Екатеринбург. А мы и не собирались направлять туда свои войска. Но красные решили, что на город идут значительные боевые силы, подкрепленные башкирами, и приняли решение уничтожить находившуюся под стражей царскую семью.

После сражения под Куйешем я вернулся в Челябинск. 1 июля чехи и башкиры наголову разгромили красных под станцией Тургаяк. Я выехал туда вместе с сотником Таганом. В наши руки попало много оружия, которое мы выдали формирующимся первому и третьему полкам.

Борьба с Каширинym

В это время стали известны имена большевиков из оренбургских казаков Николая и Ивана Кашириных. Несмотря на чехословацкий мятеж, Николай Каширин — в Оренбурге, Иван в Верхнеуральске и Идельбаше (Белорецке) захватили заводы по выплавке железа и других металлов. Соединившись, они намеревались двинуться через Казахстан на Ташкент к большевикам.

После изгнания красных из Златоуста я послал Галимьяна Тагана, Габдуллу Гамбарова и Усмана Терегулова ускорить создание третьего полка. Через некоторое время прибыл к ним и сам. Видя, с какой охотой присоединяются башкиры к нашему движению, Иван Каширин и Василий Блюхер стали сплачивать сторонников красных в Белорецке. Но когда им стало известно, что наш офицер Амир Карамышев из действующих здесь партизанских отрядов формирует первый пехотный и второй кавалерийский полки, красные отказались от замысла идти на Ташкент и направились к Стерлитамаку. Заняли село Макарово, что в семи километрах от моего

родного аула, превратили его в центр своего правления. Много злодеяний было совершено ими в башкирских аулах Южного Урала. Они так бесчинствовали, что даже колеса своих телег смазывали медом из развороченных ульев. Еще более усилились их злодейства после того, как башкиры стали объединяться с казахами, враждебно настроенными в отношении Советов.

После ухода Кашириных из Идельбашевских заводов Амир Карамышев и Муса Муртазин ускорили темпы формирования первого пехотного и второго кавалерийского полков. 3 июля я на грузовом автомобиле прибыл из станции Миасс в Идельбаш (Белорецк). Амир устроился в двухэтажном доме. Вечером мы собрались на нижнем этаже соседнего дома. Вдруг на верхнем этаже возник какой-то шум, и мы бросились туда.

А выяснилось вот что. Командир сражавшихся против Советов верхнеуральских казаков Аников выслал грузовики, чтобы захватить и вывезти из Серменево военные припасы красных. Возвращаясь с задания, казаки остановились возле нашего дома, и двое пьяных офицеров прямо с кузова машины забрались через окно в отведенную мне комнату на втором этаже. Наши часовые, приняв их за красных, разоружили и затолкали в темный чулан. Ну и побили, конечно. Амир Карамышев объявил офицерам, что разрешит им уехать только утром, а оружие с грузовиков приказал выгрузить и раздать нашим солдатам.

Надо было объяснить казакам исчезновение оружия, а Амир сказал им, что груз отбыл в отряд противника. На самом деле это сделали наши под видом красных и сделали так гладко, что казачий офицер сразу же поверил в объяснение Амира Карамышева.

Оружие, оставленное красными на Миасском, Белорецком, Узянском, Кагинском, Авзянском заводах, разными способами мы получили в свои руки. Хорошо вооружились и находившиеся вдали от железных дорог полки. Благодаря энтузиазму верных нам жителей Тамьян-Катайского и Бурзянского кантонов, первый кавалерийский полк был сформирован довольно быстро. В воспоминаниях командира этого полка Исмагила Шарипова, о котором речь еще впереди, есть такие строки: «У многих башкир в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет при вступлении в полк на глазах стояли слезы от волнения». Справедливые слова.

Создавший этот полк Муса Муртазин, унтер-офицер бывшей царской армии, башкир из Тамьянского кантона,

стал позднее командиром отдельной кавалерийской дивизии, достиг звания полковника. В 1920 году он был избран председателем Башкирской автономной республики. После войны он закончил академию Генерального штаба Красной армии. В 1926 году Муртазин опубликовал книгу о боевом пути башкирского войска, в которой подробно рассказал также историю первого полка. Впоследствии Муртазин был казнен большевиками.

Чтобы встретиться с партизанским отрядом, не подчинившимся командованию полка, я выехал в сопровождении конницы в Тунгаур. Будущему своему тестю мулле Ходжа Мухамету, сыну Якшимбета отправил письмо, в котором спрашивал, не сможет ли он с семьей и нареченной мне Нафисой прибыть в названное мной место, которое находится западнее аула Абзелилово. Именно там я должен был встретиться с непокорным отрядом. Мулла послал в аул Шигай, где мы остановились, человека с ответом и просил передать мне, что прибыть не смогут в связи с тем, что Абзелилово находится в руках красных.

Как выражение своих чувств я отправил Нафисе стихи одного древнего поэта, смысл которых примерно такой: «Я радовался, надеясь увидеть вас, и поэтому начала понемногу проходить моя печаль. До той поры, пока от вас легкий ветерок не донес нежный аромат цветов, я жил как соловей, поющий от тоски».

Случилось так, что лишь спустя год мне выпало приехать в Абзелилово, чтобы жениться. А пока я со своим отрядом двинулся в направлении Челябинска. Мы знали, что татары села Ахуново, которое стояло на нашем пути, не поддерживают идею независимости Башкортостана, а склонялись на сторону красных русских Верхнеуральска. Поэтому, опасаясь какой-нибудь провокации, заезжать в их село не стали. А вот татары деревни Имангулово, прослышав о нашем приближении, устроили нам торжественную встречу. На встречу пришли люди из соседних деревень, даже из того же Ахуново. Общение с жителями этих мест подтверждало преданность людей нашему делу.

Оттуда мы направились к башкирским казакам Чебаркуля, входившим в состав оренбургского казачества. Наши сомнения, что среди них могут быть сторонники Кашириных, оказались напрасными. Здешние казаки выразили готовность при необходимости присоединиться к башкирскому национальному войску и встретили нас с большим уважением и почетом. Таким образом, до Челя-

бинска, находившегося в 200 верстах от аула Шигай, мы добирались за два с половиной дня, черпая вдохновение от встреч в деревнях и аулах. Много позже девяностолетний Хисаметдин из чебаркульских башкир, эмигрировавший в Стамбул, с восторгом вспоминал события тех лет.

Оружие, попавшее нам в руки на станции Тургаяк, мы передали формирующемуся в Златоусте третьему пехотному полку. Отступление Каширинespecially на запад, а также переход учалинских тептяров и чебаркульских башкир на нашу сторону дали нам возможность в течение двух недель укрепиться на территории Восточного Башкортостана. Это стало возможным благодаря самоотверженной деятельности таких офицеров, как Таган, Карамышев, Муртазин и Исмагил Шарипов. Сообщение о наших победах я послал западным башкирам, составив его по образцу фатихнаме — древней военной реляции.

Через три дня после нашего возвращения в Челябинск к нам прибыли посланцы тангатарских башкир и сообщили о том, что Каширины в страхе бежали на запад. Гости привезли в лукошках ягодную пастилу, называемую «как». Были среди гостинцев и адресованные нам слова песни: «Красивая девушка собирает ягоды, лукошко висит у нее на изгибе локтя. Собрав ягоды, отливает пастилу для милого, для милого своего друга».

Наши связи с правительствами Западной Сибири и Алаш-орды

2 июля офицера и члена нашего правительства Габдулхака Габитова мы направили к генералу Гришину-Алмазову, тогдашнему командующему Сибирской армией, созданной демократическим Временным правительством Сибири. Мы просили его о финансовой поддержке и помощи военным снаряжением для вновь образованных пехотных и кавалерийских полков. Впоследствии Советы опубликовали написанное мною Гришину-Алмазову послание. О структуре власти я писал так: «Управление в Башкортостане будет демократическим (я назвал его «бескомитетной демократией»). Оно будет обходиться без длинных и долгих заседаний, установит демократию центра, т. е. демократию управляемую. Советские историки, опубликовав мое письмо в «Красном архиве», истолковали эти слова как «демократию без Советов».

Через несколько дней я сам прибыл в Омск вместе с членом нашего правительства Саитгареем Магазовым. По дороге в вагонах нашего поезда стали взрываться бомбы и другие боеприпасы. Мы выскочили из своего вагона и

следили за всем этим издалека. Пришлось дальше ехать на другом шедшем в Омск поезде. Гришина-Алмазова мы увидели в тот же день.

Поскольку башкирские полки занимали важное стратегическое положение, договорились подчинить их непосредственно Верховному командованию Сибирского правительства. Были удовлетворены и другие наши требования. Восхищаясь тем, что мы за один прошедший месяц сумели создать целое войско, генерал издал об этом приказ, а мне решил присвоить звание полковника. Но не имея военного образования и понимая, что моя деятельность пока не дает основания для получения такого чина, я не согласился на это. Правда, Саитгарей Магазов очень хотел, чтобы я принял предложение генерала.

Сам он должен был выехать из Омска в Семипалатинск, где находилось казахское национальное правительство Алаш-орда, и принять участие в назначенном на 18—21 июля съезде — в Омске. Мы с ним написали наши соображения по обсуждаемым вопросам, подготовили проекты договоров, которые предстояло подписать. Когда Саитгарей Магазов приехал в Семипалатинск, там уже были Алихан Букейхан и бывший председатель Кокандской автономии Туркестана Мухамеджан Тынышпаев. Это был первый совместный съезд, организованный Кокандской республикой, Алаш-ордой и Башкортостаном. Одним из двенадцати пунктов повестки дня стал вопрос об отношении к Германии, оккупировавшей Украину. Было решено: если немцы станут искать связей с видными деятелями астраханских казаков, мы не пойдем на сближение с Германией, будем иметь контакты только с находящимися в Сибири представителями Японии как союзницы России, а свое национальное движение вести лишь как внутрироссийскую борьбу. С этим решением согласилось и Алаш-ордынское правительство. Через два года (1920) вместе с бумагами интеллигента из среды астраханских казахов Мухамеджана Тунгачина экземпляр принятого нами и правительством Алаш-орды документа из двенадцати пунктов попал в руки Советов, и они положительно оценили наше решение вести национальную борьбу во внутрироссийских рамках. То, что советские политические деятели, как в свое время и царские, являлись русскими националистами, я узнал впоследствии из уст Чичерина.

Саитгарей Магазов, умеющий сочинять на казахском языке хорошие стихи, имел в казахском центре большой успех. Он напечатал в газете «Алаш-орда» хвалебные статьи обо мне, о башкирском движении, а также одно

свое стихотворение. Кроме совместно подписанных в Семипалатинске соглашений, составленных на тюркском языке, он привез в Челябинск и экземпляры этой газеты.

Переезд в Оренбург и освобождение Южного Урала от красных

Красные части вынуждены были оставить 6 июля Уфу, 8 июля Оренбург. Оренбург перешел в руки казачьего атамана Дутова. Башкирское правительство и созданное в Челябинске башкирское войско, заполнив эшелоны, переехали в Оренбург. Мы расположились в здании и саду Караван-сарая, являющегося историческим достоянием башкирского народа. Саитгазим Кыдырбаев был представителем западного отдела Казахского правительства. Он устроился в резиденции прежнего Тургайского губернатора. Таким образом, в Оренбурге оказалось сразу три правительства: казачье, башкирское и представительство Западного Казахстана. Город находился под управлением казаков. Мы также создали органы управления на всей территории Башкортостана. Открыли военную школу. В связи с переездом в Оренбург мы оставили в Челябинске созданные нами управления печати и просвещения под руководством наших тамошних представителей Фатхелькадира Сулеймана и Таки Гисмати. Фатхелькадир — это живущий ныне в Анкаре профессор Габделькадир Инан. Он был главным редактором издававшейся тогда в Челябинске газеты «Башкорт». Она продолжала выходить и после нашего отъезда.

Мы установили тесную связь с образованным в Самаре Российским Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч).Разделили на три части прибывшие из Челябинска полки. Одну часть послали на Актюбинск, который все еще оставался в руках красных, вторую — в направлении Орска, третья имела задачу освободить Южный Урал от красных и повела борьбу против Кашириных. Находившиеся в Белорецке первый пехотный и второй кавалерийский полки по горным и степным дорогам тоже добрались до Оренбурга. Они также участвовали в освобождении городов и русских заводов на Южном Урале от красных.

Новое сражение с Каширинами

Когда Блюхер и Иван Каширин находились в селе Макарово, туда же прибыл и бежавший из Оренбурга Николай Каширин со своим отрядом. 8 июля в промежутке между моим аулом Кузень и Макаровом произошло сильное сражение. Макарово — родной аул Амира Карамышева. Амир вместе с другими братьями и моим

родственником Баишевым руководили тем боем. Кровопролитное сражение произошло также 11-12 августа и в русском селе Петровское, что всего в пяти километрах от моего аула. 9 августа с тремя телохранителями я доехал на автомобиле до Мелеуза, где пересел на лошадь и, добравшись до своего аула, участвовал в этом сражении. Красные бежали. Несколько отделившись от своего войска, мы с одним офицером наблюдали за отступлением противника по мосту через реку Зиган. В бинокль было хорошо видно это паническое бегство каширинцев. Мы не стали стрелять и выдавать себя, опасаясь, что противник устремится в нашу сторону. Тут подоспели к нам и наши. Бежавшие пешком и на лошадях красные при переходе через мост во множестве побросали свое оружие.

Через год, когда мы заключили мир с Советами и я приехал в Москву, состоялась моя встреча с Николаем Кашириным. Этот наш враг, с которым пришлось нам воевать, оказался в жизни неплохим человеком. Когда я рассказывал, как они бежали через реку Зиган, слушал он меня без смущения и гнева.

Потерпевшие поражение красные части уходили на Средний Урал в направлении Красноуфимска и Перми, бросая по пути свои подводы и оружие, неся большие потери. Возле реки Зилим и Эсем Баишев сумел отрезать их аръергард от основных сил. 15-18 августа третий башкирский полк под командованием Галимьяна Тагана и Габдуллы Гамбарова вел трехдневный бой с каширинцами на востоке от Уфы возле станции Иглино и аула Ирныкше и нанес им сокрушительное поражение. Однако большевики в книге «Гражданская война на Урале» описывают свое поражение как победу над третьим башкирским полком.

Смерть Амира Карамышева

В одном из сражений погиб командир второго кавалерийского полка Амир Карамышев, сыгравший самую большую роль в изгнании красных из Восточного Урала. Это была огромная потеря для нашего войска. Оплакивая гибель Амира, поэты Башкортостана создали немало горестных стихов в жанре марсия. Среди них были и стихи Шайзада Бабича, начинавшиеся следующими строками:

Что случилось с нами сегодня?
Почему помрачилась душа?
А причина омраченья —
Мужа доблестного смерть.
Кто же доблестный тот муж?
Муж по имени Амир...

О том, что в народе эти стихи долгое время помнили наизусть, я узнал в 1943 году в Германии от пленных башкир.

Амир был моложе меня на несколько лет, я был дружен с ним с самого детства, как дружили между собой и наши отцы. Башкирское правительство вынесло решение поставить на его могиле памятник с надгробной надписью и поручило это дело брату его Гарею Карамышеву.

Самарское правительство и Башкортостан

Наш офицер Исмагил Шарипов, командир батальона в кавалерийском полку, принимавшем участие в освобождении Южного Урала от красных, впоследствии воевал в армии Врангеля и вместе с нею оказался в 1921 году в Стамбуле. В 1924 году он предложил министру обороны Турции Реджебу Пекеру написанную им историю борьбы башкирских войск против красных за национальную независимость. Работа содержит подробное описание боев, карты и чертежи. Я познакомился с этой очень добротной работой позже.

Наши отношения с монархистом Дутовым были сложными. Вместе с реакционными генералами Восточной Сибири и с генералом Ханжиным, обосновавшимся в Челябинске и выражавшим постоянное недовольство нами, он методически вел дело против нас. Мы же тяготели к ненавистным ему социалистам и Самарскому Учредительному собранию (Комуч). Дутов не признавал Самарский комитет, состоявший в основном из социал-революционеров, за правительство всей России. Мы же воспринимали его именно в этом качестве. Самарское правительство выделяло нам деньги для содержания армии и военное снаряжение. Такая же помощь, оказываемая войскам казахского правительства, шла через Военное шуро Башкортостана, председателем которого был я. Атаман уральских казаков Толстов и особенно атаман Каргин являлись нашими единомышленникаими, они, как и мы, признавали Самарское правительство. Телеграммы, посланные атаманом Толстовым и мною военному министру этого правительства генералу Галкину, впоследствии были опубликованы Советами. Мы направили члена нашего правительства Мулляна Халикова в Самару в ранге государственного посланника.

Организационные дела в Оренбурге

Едва прибыв в Оренбург, мы взялись за дела государственного устройства. Этим занимались председатель правительства адвокат Юнус Бикбов и профессор Кулаев. В декабре 1917 года Третий Всебашкирский курултай избрал Малое шуро (предпарламент) из двадцати двух человек. Мы собрали их в Оренбурге, и они занялись юридическими вопросами, приняли законы, касающиеся сельского хозяйства и лесного управления. Хотя работа у них шла в чрезвычайно сложных условиях, необходимости в моем участии во всех заседаниях и обсуждениях не было. Они сказали мне: «Занимайся своими делами, за остальное не беспокойся», и я смог вплотную заняться формированием войск и внутренними делами. Как самоотверженно были преданы эти люди нашему делу!

Здесь же находились некоторые члены образованного в Коканде и распущенного Советами в феврале Туркестанского национального правительства: Убайдулла Ходжаев, поэт Абдельхамид Сулейман (Чолпан), Абдельхамид Арипов, ставший впоследствии военным министром в Бухаре; из представителей Ташкента — Мирмухсин, коекто из Хивы и Бухары. Абдельхамид Арипов занимался иностранными делами, вместе с поэтом Абдельхамидом Сулейманом был моим секретарем.

Нашим первым успешным делом, которое мы свершили вместе с Самарским правительством, уральскими казаками и Казахстаном, была организация сбора информации. Направив своих агентов в намеченные пункты — Уральск (Теке), Ханскую орду, Астраханскую губернию, Гурьев (Уйшук), Омск в Западной Сибири, а также в Орск, Актюбинск и Ташкент, все еще находившиеся под контролем Советов, мы за короткое время создали свою разведслужбу. Руководил ею Арипов. Наши национальные поэты Саитгарей Магаз, Шайхзада Бабич, узбекский поэт Абдельхамид Сулейман, молодой казахский журналист Беримжан и одна образованная девушка-поэтесса организовали в этих городах подпольные пункты, которые обеспечивали оренбургский центр исключительно ценной информацией. Деятельность казахской девушки и поэта Шайхзада Бабича была настолько интересна и полна приключений, что можно было бы сочинить о них целый роман. К примеру, Джангильдин, которому было поручено установление Советской власти в Казахстане, полностью доверился этой девушке и рассказал ей о положении дел в Москве. Чтобы собрать информацию о событиях в Азер-

байджане и особенно о действиях Турции в том районе, по Гурьевско-Петровской дороге в Баку был направлен сын известного башкирского историка XIX века Мухаметсалима Уметбаева (1841 — 1907) Галиахмет Уметбаев, а в Туркестан — один из его друзей. Благодаря этим мерам, мы вовремя узнавали о мятеже эсеров в Ашхабаде 11 июля, вступлении английских войск в Туркменистан и Баку, даже о появлении группы англичан в Александровском форте, о вхождении в Азербайджан частей турецкой армии; через смышленую казахскую девушку, установившую связь Букейской орды с Уральском и Гурьевом, имели сведения о событиях в Хиве и Бухаре.

А вот у Дутова сбор оперативной информации был организован из рук вон плохо. Работавший позднее профессором Лондонского университета ученый-востоковед Владимир Минорский исполнял в ту пору обязанности консула России в Иране. Он прибыл через Бухару в Оренбург. Несмотря на встречу и знакомство, ко мне, как к «инородцу», он отнесся пренебрежительно, не стал толком разговаривать. Однако информацию, которую скрыл от нас Минорский, в подробностях преподнес нам помощник Дутова генерал Акулинин. Непрерывно поступали сведения из Ташкента через Казахстан. Словом, наше Оренбургское агентство получало подробную информацию о происходивших в ту пору событиях в пространствах между Семипалатинском на востоке и Астраханью на западе, Бухарой на юге и Омском, Уфой и Казанью на севере.

Если бы удалось уничтожить красных в Актюбинске, то поражение в Ташкенте было бы для них также неминуемо. Отправив попавшего в плен турецкого офицера Гумер-бея, бухарца Габделхамида Арипова и еще одного человека по трем дорогам — в Ташкент и к басмачам Ферганы, в Алаш-орду и Бухару, мы установили с ними надежную связь.

Наши связи с Хивой и Бухарой

В конце июля произошло одно событие. Избранный впоследствии председателем Центрального шуро Революционного правительства Бухары, которое будет создано там после революции 1920 года Усман Ходжаев, а также будущий председатель исполкома того же правительства Файзулла Ходжаев по пути из Туркестана в Москву были арестованы органами безопасности Дутова, обвинены как большевистские шпионы и заключены в Оренбургскую тюрьму. Они передали правительству Дутова, что их хорошо знает Валидов. Через некоторое время из этого правительства сообщили о них мне. Я способствовал их освобождению из тюрьмы и пригласил к себе в Караван-сарай. Оба они были из числа богатых купцов, издавна державших в Москве торговые дома, ныне ставшими одними из руководителей Бухары. От них мы получили исчерпывающие сведения о положении в Бухаре. Оба они выехали в освобожденную от красных Казань, с надеждой добраться оттуда до Москвы. Результатом моих переговоров с ними явилось решение отправить Габдуллу Ильясова из аула Сайран, что неподалеку от моего родного аула, и с ними еще двух человек нашими представителями в правительство Бухарского эмира. Мы предложили эмиру перерезать железную дорогу в промежутке между Аральским морем (Казалинск) и Ак-мечетью (Перовск), ввести войска, находящиеся там, на станции, дали согласие, в случае надобности, направить туда наших офицеров из Актюбинска.

Наших посланников эмир принял не сам, а поручил это своему главному везирю. Он заявил, что Бухара признает законным то правительство России, которое будет у власти в Москве, и что останется верным прежним соглашениям с Россией, а мятежи и перевороты не поддержит. Габдулла Ильясов вернулся, отлично справившись со своей миссией. Только результаты оказались обратными ожидаемым. Эмир Бухары сам расписался в своей политической близорукости.

В одном из своих писем той поры Махмуду Ходже Бехбуди, подчеркивая ограниченность эмира, я привел слова одного персидского поэта: «Эти люди, отдавшие себя власти судьбы, подобны быку и ослу, лишенным узды. Человек на осле испустил дух, но осел в силу своей ослиной глупости все несет и несет эту ношу». Эмир оказался человеком нерешительным, а ведь мог без труда перерезать и завладеть железной дорогой, даже поручив это дело племенам кызылкумских казахов. Но он этого не сделал и всего через два года был жестоко наказан за свою недальновидность.

Наши части подчинялись оренбургскому казачьему полковнику Макхину. Я был дружен с этим заслуживающим уважения человеком. Если бы мы овладели Актюбинском, оттуда открылся бы путь в Ташкент. Но город этот постоянно получал военное снаряжение и другую помощь по Хазарскому (Каспийскому) морю из Астрахани (по существу из Москвы), поэтому нам не удалось им овладеть. Поддержку Актюбинску обеспечивали и сами

казахи — Амангильде Иманов, вышеупомянутый Джангильдин, а также председатель Адайского казахского округа Таубанияз. Эта поддержка могла быть сорвана Хивинским ханом, но для такого дела надо иметь здравомыслящее правительство. И все же мы отправили Хурматуллу Идельбаева от башкир и купца по имени Закир из оренбургских татар в Хиву и добились согласия хана организовать в Уральском регионе его представительство.

Западная часть Казахстана под названием «Западное отделение Алаш-орды» была самостоятельной. Центр ее находился в Джамбейте (Уральский вилайет). Руководители Алаш-орды адвокат Жиханшах Достмухаметов и доктор Халил Достмухаметов были моими близкими друзьями и единомышленниками. Мы их тоже ознакомили со своими планами. Послали Хурматуллу с заданием предложить алашордынцам послать человека в Хиву. Он имел личную встречу и с Хивинским ханом Исфендияром, но безрезультатно. Этот тоже оказался человеком трусливым. Тому причиной было еще и то, что с юга ему грозила постоянная опасность со стороны туркменов, находившихся под властью Джунаид-хана, фактического правителя Хивы. Будучи в Кунграде и поддерживая двусторонние контакты и с ханом Хивы, и с Джунаид-ханом, Хурматулла проделал определенную работу, но из-за нерешительности Исфендиара не смог добиться ничего существенного. Вся работа его свелась к сбору информации.

Хурматулла, о котором я здесь так часто упоминаю, учился на юриста. Хорошо знал русскую литературу, произведения таких писателей, как Тургенев, Герцен, Чаадаев. Даже читал нам на русском языке отрывки из некоторых произведений немецкого врача и философа-материалиста Людвига Бюхнера.[47] Поэтому его мы, уподобляя одному из персонажей романа Тургенева, называли Базаровым. Он не любил славянофильских идеалистов. В результате интенсивных занятий у него вырабатывалось своеобразное понятие о морали и нравственности.

Мы потеряли надежды, связанные с Хивой и Бухарой. В силу нашего национального долга послали им обращение и направили туда такого видного своего представителя, как интеллигент Хурматулла. И все же неудача этого предприятия ничуть не ввергла нас в уныние.

Попытка монархистского мятежа в башкирском войске

В Оренбургском казачестве существовало три политических направления: правое, левое и центристское. Мы были близки к центристам. Башкиры сохраняли исключительное единство. В силу особой ненависти к башкирскому правительству Ханжин пытался внести разлад в нашу среду. После ухода башкирского войска из Челябинска в Оренбург генерал Ханжин лишился серьезной опоры и вошел в контакт с русскими монархистами того края, нашел общий язык с уже упоминавшимся богачом из аула Миндяк Барын-Табынского рода имамом Габдулхаем Курбангалиевым. Они решили воспользоваться тем, что большинство в наших национальных войсках, действовавших на ташкентском направлении, составляли башкиры Аргаяшского кантона. Тайные агенты вели агитацию среди них: «Заки Валиди хочет отправить вас в сторону Ташкента и Туркестана. Не слушайте его, пусть вас пошлют на родину и Западную Сибирь».

В августе мы провели в парке Караван-сарая парад башкирских частей. Зная о том, что среди бойцов из Аргаяша Курбангалиев вел свою пропаганду, я приказал поставить их на том официальном параде замыкающими. И когда я, обходя строй полков приблизился к их шеренгам, на меня бросились с пиками наперевес двадцать три разъяренных солдата. Солдаты из других подразделений тут же обезоружили нападавших, а бойцы первого пехотного полка могли даже прикончить, но я остановил их. После ареста этих «аргаяшцев» парад был продолжен.

На допросе они все как один поведали о подстрекательствах Габдельхая Курбангалиева, горевшего желанием отомстить за Мингажа, которого в мае убили наши офицеры, о замысле отозвать аргаяшских солдат с Ташкентского фронта и перевести на Сибирский фронт. Кроме того, арестованные сообщили о встрече Курбангалиева с реакционным муллой Вали Хусаиновым, одним из монархистов Оренбурга, о том, как он вызвал к себе земляков из Мухаметкулово и склонял их на свою сторону, об участии в этих делах сыновей оренбургского богача татарина Гани Хусаинова. Оказывается, советские газеты уже раструбили обо всем этом с большими преувеличениями: мол, в башкирских войсках поднят мятеж в защиту Советов против Валидова. На деле же эти аргаяшские солдаты больше других ненавидели Советскую власть и, как и сами курбангалиевцы, были сторонниками царя.

После этого инцидента я направил через одного офицера письмо отцу Габдельхая ишану Губайдулле Курбангалиеву и попросил его привести сына в чувство. Три месяца назад, будучи в Челябинске, он уже признавался, что Габдельхай не слушается его. На этот раз повторил то же самое и сообщил, что пошлет ко мне на службу своего второго сына Харуна, который будет служить верой и правдой. Действительно, этот из братьев отважно сражался в рядах национальной армии и погиб в одном из сражений; Габдельхай же примкнул к нашему врагу Колчаку, с отрядом атамана Семенова, ярого монархиста, ушел на Дальний Восток и всю остальную жизнь провел в Японии. Став имамом Исламского общества, построил в Токио мечеть, был заведующим открытой им самим школы, наладил издание полезной для тюркской культуры печатной продукции.

В письме на имя эмигрировавшего, как и он сам, в Японию, перебравшегося потом в Венгрию командира 3-го башкирского пехотного полка полковника Галимьяна Тагана Габдельхай признавал свои прежние ошибки и просил прощения. Письмо это было прочитано и мне. Как бы то ни было, действия Габдельхая — единственная во всем башкирском национальном движении акция, направленная против нас. В настоящее время его семья проживает в Токио, одна из дочерей в Америке, другая в Турции, обе получили образование на английском и русском языках. Русские взяли Абдельхая в плен под Тензином и увезли в Россию. Нигде у нас в Башкортостане не было ничего подобного тому, что творили Курбангалиевы. А те двадцать три солдата, которые стали орудием их интриг, впоследствии верой и правдой служили в наших рядах.

Положительные стороны работы в национальных войсках

Блокада Орска укрепила и расширила наши связи с Казахстаном. Прибывший от казахов юрист Азимбек Беримжанов попросил нашей помощи для создаваемого ими в Тургайской губернии национального войска. Мы послали туда из офицеров Габдельхака Габитова и еще несколько человек. Они провели большую работу в городе Тургае, участвовали в формировании казахских национальных частей. Башкирское войсковое управление снабжало их военным снаряжением и оружием. Вооружение, предназначенное Самарским правительством для казахских войск, также проходило через нас. Мы собирались создать башкирско-казахский корпус и назначить его

командующим генерала Ишбулатова, удостоившегося этого чина на царской службе. Чтобы получить необходимое для войска снаряжение, в Самару мы наезжали вместе с этим генералом. У меня были дружеские отношения с членом Самарского правительства Веденяпиным. Он и военный министр помогали нам в организации нового корпуса.

Однажды мы вместе с генералом Ишбулатовым устроились в гостинице, предназначенной для офицеров армии Самарского правительства. И тут солдаты приволокли за ворот известного деятеля Казанского татарского театра Габдуллу Кариева: мол, насмехается над башкирскими воинами. Увидев меня в военной форме среди офицеров, Кариев обратился ко мне с весьма серьезным обвинением: «Ты создал войско и сделал своим ремеслом убийство людей. Объявил мобилизацию. Во имя Аллаха, откажись от этого дела, оставь его русским!» Рядом со мной стоял и генерал Ишбулатов. Он воспринял эти слова как оскорбление поприща, которому он посвятил свою жизнь, и в сильном гневе спросил незнакомого ему Кариева: «Ты из Ваисовых?» (Ваисовы составляли общественный круг в Казани, выступавший против всякой воинской службы. Теперь их историю изложила в печати француженка мадам Шантал Кэлькеже). «Нет, не из них»,— ответил Кариев. «Тогда, оказывается, ты не ваисист, а пацифист!— продолжал Ишбулатов.— Казанские татары и чуваши веками жили под русскими и привыкли считать военные вопросы исключительно их делом. Поэтому большинство из вас против самостоятельного национального войска и идеи собственной автономии. Вы согласны брать на себя лишь дела религии и просвещения. Если бы вас взяли на военную службу, и вы там проповедовали эти свои идеи, я вас тотчас же посадил бы в тюрьму». Я сказал Кариеву: «Идите и не болтайте больше таких глупостей». Когда Кариев ушел, Ишбулатов сказал мне: «Очень правильно, что мы начали создание самостоятельного национального корпуса именно силами башкирского и казахского народов, сохранивших воинский дух. У них нет подобных вредных разобщающих предрассудков».

Когда месяц спустя на Уфимском Государственном совещании полковник Биглов и другие татарские офицеры отвергли идею создания национального корпуса, генерал Ишбулатов воскликнул: «Это и есть подтверждение тому, о чем я говорил в Самаре. Казанские татары колеблются в принципиальных национальных вопросах. Поэтому они считают нас выжившими из ума. А ведь движение за

национальную автономию Башкортостана было в сущности общим делом башкир и татар. В войсках добросовестно служили мобилизованные татары. Имелись среди них и офицеры, и добровольцы. Было у нас немало татар — руководителей органов просвещения, работников управленческих учреждений. Но были и такие, что, подобно Габдулле Кариеву, считали государственную политику и экономические проблемы исключительно делом русских; мол, мы должны заниматься только национально-религиозными вопросами. Это давало основание думать, что среди татар нет единства во взгляде на будущее.

Я все еще не был женат. С головой погружен в армейские дела. Жил и ночевал в Караван-сарае. Тогда мне казалось, что вся моя жизнь пройдет на военной службе. Солдаты очень меня любили. Охранную службу несли дети знакомых мне семей и друзей. Руководство ими осуществлял Габдрашит Бикбавов. Сам он происходил из Хавалинских мишаров. Жена, из литовских татарок, так и не смогла приехать в Башкортостан к мужу. У них был красивый сын, учился в гимназии. Находясь в эмиграции, в 1929 году я ездил в Вильно и видел там жену и сына Габдрашита. Она дала мне почитать письма Бикбавова, описывавшего на русском языке башкирскую армию. Читая те места, где он писал о своей и башкирских воинов преданности мне душой и телом, я не смог сдержать слез.

Расставшись с Россией, я воспроизводил в памяти нашу военную жизнь того времени по воспоминаниям упомянутого выше Исмагила Шарифа и того же Бикбавова, по волнующим мемуарам Демидова, служившего заместителем русского полковника Емельянова, который командовал Первой башкирской пехотной дивизией, по заметкам видного деятеля оренбургского казачества генерала Акулинина, писавшего уже после роспуска Советами оренбургских казачьих отрядов и Башкирского войска. Генерал Акулинин был заместителем атамана Дутова. После поражения оренбургских казаков в 1919 году Дутов отступил на Восток в Синьцзян, что в северо-западной части Китая, а Акулинин вместе с уральскими казаками подался на запад, на Украину. В книге о борьбе оренбургского казачество против Советов, изданной в 1947 году в Шанхае, а также в эмигрантских журналах казаков Акулинин с похвалой отзывается про нас.

Вот что он пишет: «На оренбургских казаков оказал воздействие пропагандистский призыв уходить в пределы иностранных государств и оттуда продолжать борьбу; такая же агитация велась и среди башкирских войск, но

она не имела на них особого влияния. А вообще, башкиры доказали, что они отличные воины. Несмотря на революции, они сохранили впитавшийся им в кровь строгий порядок, с уважением отнеслись к своим руководителям»

Помимо военных дел мы занимались в Оренбурге и вопросами просвещения. Открыли учительские школы, курсы медсестер, работников телеграфа и телефона, военную школу и курсы. Все офицеры и унтер-офицеры из башкир вели также преподавательскую работу. Огромную беззаветность в этом деле выказали служившие в царской армии башкирские офицеры: полковник Аксулпанов, Хасан Ахметов, Галимьян Таган. Из татар к нашей армии примкнули и верно служили в ней генерал Ишбулатов, полковник Бикмаев, братья Терегуловы, Ильяс Алкин, Янбухтин, Чанышев, Суюндуков. Некоторые из них впоследствии оказались вместе с нами в Бухаре, а иные перебрались и в Турцию. Мысль француза Леона Каэна о том, что воинская служба у тюрков является укрепляющей силой национального единства, подтвердило и наше движение.

Выступавший прежде против нас татарский писатель Фатих Карим преподавал в нашей учительской школе. Даже член бывшей Государственной Думы Ибниамин Ахтямов, открыто боровшийся против нас, сотрудничал с нами. В национальной печати работали сыновья ученого Ризаитдина Фахретдина. Его старший сын Габдрахман Фахретдинов являлся главным редактором газеты «Башкортостан». Служившие в наших войсках русские и польские офицеры также поддерживали идею Башкирской автономии и искренне способствовали ее осуществлению. Особого уважения заслуживают упомянутый выше полковник Емельянов, заместитель начальника штаба полковник Федоров и польский полковник Бритц, служивший в нашей армии с 1917 года.

В середине августа (1918) я ездил в Уфу для инспектирования третьего полка. Доброе впечатление произвела на уфимских мусульман моя речь, обращенная к татарским солдатам, которые не пожелали присоединиться к башкирским войскам и служили у русских. Это было в местечке Агас Кышлау (Деревянное Зимовье). Я призывал татарских солдат включиться в нашу борьбу. После этого некоторые из них перешли к нам. О значении этой речи говорит и тот факт, что башкиры и татары, участвовавшие на том собрании и оказавшиеся потом в турецкой эмиграции, даже 40 лет спустя слово в слово воспроизводили отдельные мои мысли.

Для нас была также важна материальная и моральная

поддержка со стороны сочувственно относившихся к нам слоев русского общества, и мы жили с ними во взаимном согласии. Безграничный шовинизм стал распространяться в русской нации со времен большевизма, до этого не проявлялся столь сильно. Наша человечная политика, устремленная на признание прав нерусских национальностей, желающих жить с нами в мире, также производила благоприятное впечатление на самые разные общественные круги.

В начале 1924 года по пути из Парижа в Брюссель мы с моим соратником Абделькадиром Инаном были заняты перетаскиванием наших вещей и книг с одного поезда на другой. В это время к нам подошел какой-то железнодорожный работник и произнес: «Господин Валидов?» Этим человеком оказался Демидов, служивший в нашем войсковом управлении, затем в армии Деникина и уже потом очутившийся в Бельгии. Он собственноручно перенес и устроил весь наш багаж. Вспоминая прошлое, обнимал нас и плакал горькими слезами. Его сподвижник сотник Чемерисов переписывался со мной несколько лет и присылал мне подарки ко дню рождения; писал свои воспоминания. Врагами для нас в ту пору были те, кто шел под флагом коммунизма против национальных свобод. Вот почему большевистские агитаторы не могли проникнуть в ряды наших бойцов.

Уфимские и самарские совещания

С 30 августа по 7 сентября в Оренбурге и Самаре проходили серьезные совещания правительств Башкортостана, Казахстана и бывшего Туркестана. Прошел Второй съезд, созванный правительством Башкортостана, Алашорды и ликвидированного большевиками Кокандского государства (первый съезд состоялся в июле в Семипалатинске).

На нынешнем съезде присутствовали Алихан Букейхан, Ахмед Байтурсунов, Мирьякуб Дулат, председатель Кокандского правительства Мухамеджан Тынышпаев, министр иностранных дел Мустафа Чокаев, Убайдулла Ходжаев и еще несколько человек. Было решено объединить эти государства в «Федерацию юго-восточных мусульманских областей», создать корпус из башкирских и казахских воинских частей, обратиться к властям России с предложением об образовании широкой федерации, объединяющей Сибирь и Самару, уральских и оренбургских казаков. Основой для нее может стать «Союз Восточной России».

После съезда мы погрузились в вагоны, находившиеся в распоряжении Башкирского правительства, и отправились в Уфу, где 8 сентября должно было начаться Российское Государственное Совещание. В Уфе мы устроились в гостинице «Сибирь».

В работе совещания принимали участие представители эсеров, социал-демократов, кадетов и других русских партий, посланцы возникших в том году на востоке России правительств, генералы. По большинству обсуждаемых вопросов мы выступали в единстве с эсерами и членами Самарского правительства.

На вошедшем в историю русской революции уфимском совещании было создано коалиционное правительство во главе с генералом Болдыревым (Впоследствии оно было свергнуто адмиралом Колчаком). Партии правого толка и монархически настроенные генералы с начала совещания не скрывали своего стремления установить диктатуру и, не стесняясь, поносили демократию. Мы же больше занимались своими мусульмано-тюркскими делами.

В той же гостинице «Сибирь» проходили наши совместные заседания с представителями татарской интеллигенции. Выступившие от них писатель Гаяз Исхаки, полковник (член прежней Думы) Акрам Биглов, из офицеров Искандар Ишмухаметов выразили резкое неприятие автономии и идеи формирования корпуса. Они предложили ограничиться созданием управления, которое должно заниматься проблемами религии и просвещения российских мусульман, а также особого «Отдела Азии» для ведения религиозных дел в мусульманских частях Сибирского военного министерства, подчинив этому Отделу башкирские, татарские, казахские полки, а также мусульманские отряды Средней Азии.

Свои мысли о судьбах тюркских народов Востока я подробно и ясно изложил в первые годы русской революции на переговорах, проходивших в библиотеке той же гостиницы «Сибирь» вечером 8 сентября и в речи 9 сентября в «Агас Кышлау», куда вместе с офицерами башкирских полков были приглашены и татарские офицеры. На мой взгляд, в те дни интеллигенты из мусульман Туркестана и Поволжья, названные выше видные деятели свято верили в возможность осуществления наших целей и задач. Среди делегатов Московского съезда в мае 1917 года, а также у представителей мусульманских народов Востока, собиравшихся осенью того же года на свои съезды в Ташкенте, Оренбурге, Уфе и Казани, были еще заметны сомнения, царили противоречия во взглядах.

Теперь же представители казахов, группировавшиеся вокруг Алихана Букейхана, и большинство татарских делегатов выступали за автономию и создание национального войска. Колеблющиеся и откровенные противники этой идеи остались в меньшинстве.

Самый интересный разговор состоялся при участии Юсуфа Акчурина в здании построенного еще по указу императрицы Екатерины Духовного собрания мусульман. Сам Юсуф Акчурин происходил из семьи симбирских фабрикантов, получил образование в Стамбуле и Париже, в годы революции 1905 — 1907 годов вел широкую политическую деятельность в Казани и Петербурге. Позже он стал профессором политической истории в Турецком университете, ученым и мыслителем, пользующимся доверием Ататюрка. Был председателем Турецкого исторического общества, избирался членом Национального Меджлиса. Желая принять деятельное участие в революции 1917 года, он в качестве представителя Турецкого общества Полумесяца прибыл в 1918 году в Москву, а оттуда приехал в Уфу, был гостем своего старого друга муфтия Галимьяна Баруди в доме при Духовном собрании.

Алихан Букейхан, Мухамеджан Тынышпаев, Мустафа Чокаев и я говорили с Юсуфом Акчуриным о замысле создания в Самаре «Федерации юго-восточных мусульманских областей». Поскольку он владел французским языком, мы предложили ему заняться в будущем национальном правительстве мусульманской Федерации ведением иностранных дел. Но в беседе в здании Духовного собрания Акчурин заявил, что, являясь гражданином Турции, он не может брать на себя официальную должность в нашем национальном движении. Когда речь зашла о предполагаемом названии будущего государства, Акчурин посоветовал именовать его «Федерацией восточных турков». Алихан, в свою очередь, внес свои коррективы: следует избегать названий, которые давали бы русским повод для наклеивания на нас ярлыка пантюркизма; в будущем и такое название вполне может стать приемлемым, а пока надо ограничиться «Мусульманской Федерацией Восточной России». Позднее в Стамбуле Юсуф Акчурин с удовольствием вспоминал эти наши встречи и беседы.

Перед проводами гостей, приехавших к нам из далеких краев — Туркестана, Казахстана и Казани,— мы устроили застолье с кумысом. Кумыс доставили из аула, расположенного между озером Асли-куль и рекой Дема.

Места эти считаются у башкир лучшими для разведения породистых лошадей. Согласно легенде, юноша по имени Заятуляк полюбил девушку по имени Хыухылу, и кобылицы, вышедшие из глубин озера, оказались ее приданым. Да и кумыс был отменный.

После той уфимской встречи со многими друзьями и единомышленниками, в том числе с Алиханом Букейханом, больше не суждено было свидеться. Не дожидаясь окончания Российского Государственного Совещания, я отбыл из Уфы. Мы ехали в одном вагоне с Дутовым, но в связи с тем, что в Уфе отношения наши испортились, в пути мы совершенно не общались. Мы никогда не скрывали, что в политических делах всероссийского масштаба действуем в единстве с социалистами. В ту пору начали создавать Свободную социалистическую партию, отвечающую идеям нации и социализма. По нашему замыслу эта партия должна объединить всех восточных тюрков. Организаторами ее со стороны казахов были сторонники Алихана, а также наши единомышленники узбеки Низам Ходжаев, поэт Чолпан, Абдельхамид Арипов из Бухары. Под воздействием одного из тех, кто входил в эту группу, правительство Башкортостана приняло закон об упорядочении земельной проблемы, опиравшийся на социалистические принципы. Мы готовили его вместе с членом правительства по сельскому хозяйству Халилом Амировым После всестороннего рассмотрения на малом шуро, руководимом Амировым, закон был оглашен 20 сентября О нем упоминают и в сегодняшней советской истории Башкортостана.

Взятие Орска

За это время, несмотря на раздоры среди генералов и русских партий, были достигнуты и некоторые успехи. 27 сентября был освобожден от красных город Орск. Отступая, они побросали по пути все свое оружие и военное снаряжение и бежали в Актюбинск. Башкирскими частями, бравшими Орск, командовали Сулейман Султангалиев и студент юридического факультета Мирсаит Султангалиев. Представители националистически настроенных татар, оказавшихся в городе под властью красных, встречали башкирские войска с флагами. К нам присоединились тогда студентки университета Гульсум и Сафия Музаффаровы. Гульсум, которая служила в наших частях офицером и ходила в мужской одежде, перебралась потом в Германию и уже там закончила учебу. После этого жила в Турции и, когда сын выучился и стал офицером, она переехала в Америку

и обосновалась в Нью-Йорке. Недавно мы получили печальную весть о ее смерти. Она и казашка Аккагыт принадлежали к числу тех замечательных женщин, которые выдвинулись из среды восточных тюрков.

После взятия Орска взаимодействие между Башкортостаном и Казахстаном стало еще более интенсивным. Красные, устроив засаду из 50 солдат, убили ратовавшего за национальные интересы и присоединившегося к башкирскому движению татарского деятеля Габдуллу Сарукина. В отместку его соратники (сейчас советские историки унизительно называют их «татарскими эсерами») захватили других татарских деятелей — сторонников Советов: Нуриманова, Шафиева и Саяхи, и предали их казни, после чего перешли на нашу сторону. Эти события описал в своих стихах поэт Шайхзада Бабич.

Инцидент заставил многих представителей татарской интеллигенции изменить свое прохладное отношение к нам и перейти на нашу сторону. Мы начали распространять листовки среди жителей татарских деревень, составлявших меньшинство во внутренней России, призывая их переселяться в восточную часть Башкортостана.

Из разных мест стали поступать письма с выражением согласия на переселение. Сотни татарских семей из Бугурусланского уезда обосновались на башкирской земле. После этого борьба за автономию Башкортостана стала делом не только самих башкир, но и национальным движением татар. Наша официальная газета печаталась на языке, понятном и доступном как башкирам, так и татарам. После Орска именно генерал Ишбулатов активно содействовал добровольному переходу татар в башкирско-казахские национальные войска. Он объявил, что отныне вредная пропаганда татарских унитаристов, таких, как упомянутые Габдулла Кариев, Гаяз Исхаки, Акрам Биглов, будет категорически запрещена и особенно строго в рядах военных. Интересно было слушать споры в высшей степени преданной делу нации супруги генерала с унитаристами.

О том, как искренне воспринимались живущими у нас татарскими деятелями идеи башкирского национального движения, свидетельствуют и некоторые трагические события. Шайхулла Алкин — один из тех, кто и после нашего ухода из Башкортостана продолжал бороться против Советов. Но вскоре он решил, что дальнейшая борьба тщетна и повесился в мечети Караван-сарая, который был колыбелью нашего движения. Это лишь одно из проявлений невыносимых мук и страданий, выпавших на долю Башкортостана.

Часть тюркской интеллигенции должна была остаться на родине, другая — перебраться вместе со мной в Туркестан для продолжения борьбы. Так оно и случилось. Однако такую установку было невозможно впрямую объяснить остающимся, что само по себе могло привести к трагическим последствиям. Шайхулла Алкин оказался одной из жертв этой трагедии. Из тех, кто отбывал в Туркестан,— Харис Игликов сказал Алкину: «Мы уезжаем, ты остаешься, тебя нет в списке уезжающих, будь вместе с Мурзабулатовым». «Почему же об этом мне не сказал сам Заки-агай?» — спросил тот и заплакал. Сулейман Мурзабулатов был из тех, кто говорил: «Если Советы будут губить души мусульман Башкортостана, я тоже отвечу им ценой собственной жизни». Но так случилось, что после неудачного выступления Сулеймана Мурзабулатова жизнь свою погубил его сподвижник Шайхулла Алкин и, чтобы доказать, что отдает ее во имя нации и религии, он повесился в мечети...

Шайхулла Алкин был из рода тюменских татарских мурз, которые жили неподалеку от Уфы. Алкин означает «Алка-улы» (Сын серьги»), род этот известен с древних времен и упоминается еще у Махмуда Кашгари[48]. В XVIII веке уфимские тюменские татары принимали активное участие в башкирских восстаниях против русских. Потомок этих мурз молодой офицер по фамилии Худояров в составе отряда другого офицера, Суюндукова, в 1921 году прибыл в Бухару, чтобы присоединиться к басмаческому движению. Его единомышленники, служившие в советских гарнизонах в Шахрисабзе, тоже перешли к нам, но Худояров в тот день сильно заболел и вынужден был лечь в военный госпиталь. Там он наложил на себя руки из-за того, что не мог примкнуть к своим соратникам. Помню, тот самый Худояров несколько раз приезжал с донесениями от Суюндукова, когда я находился в селении Талкышлак с басмачами. Был он чистый, романтически настроенный юноша...

Положение третьего полка

Несмотря на потерю Орска, на других фронтах красные весьма скоро начали умело пользоваться противоречиями между белыми генералами и демократическими партиями. В результате Казань вновь оказалась в их руках. Выбить красных из Актюбинска не удалось, они активизировали свои действия на севере железной дороги

между Самарой и Златоустом, что тяжело отразилось на положении нашего третьего полка. Полк должен был перебазироваться в Оренбург, чтобы направиться оттуда на Актюбинский фронт. Если бы это удалось сделать, путь на Ташкент был бы открыт. Однако оторваться от железной дороги Самара — Златоуст полк не сумел. В дни работы Государственного Совещания один из его батальонов, состоящий из 900 человек, находился в Уфе и держал город в своих руках. По требованию Самарского правительства первый батальон под командованием полковника Терегулова и его помощника Харуна Курбангалиева мы отправили в Сызрань, где в те дни красные перешли в наступление. Подчиненные Самаре русские части не смогли противостоять большевикам, и единственной опорой были именно башкирские войска.

Неожиданно русские части под командованием генерала Каппеля вместе с чехами оставили Сызрань и по Зульфинскому мосту под Самарой стали уходить на левый берег Волги. Вслед за ними начали переправу на лодках и наши под командованием Харуна Курбангалиева.

7 сентября башкиры и чехи оставили Самару. После этого башкирский полк Тагана в составе войск Каппеля принял участие в ожесточенном сражении с красными в местечке Туркильде, неподалеку от Бугульмы. На стороне красных храбро сражались венгры и чуваши. Ни в Самаре, ни на этом фронте белые русские не проявили должной стойкости. На стороне белых в операции участвовали и два французских отряда, переброшенных сюда из Сибири. Они пытались примирить башкир с красными. До сегодняшнего дня не могу понять, с какой целью это делалось. Читая мемуары главнокомандующего войсками Антанты в Сибири и на Дальнем Востоке французского генерала Жаннена, трудно предположить, чтобы подобный коварный замысел принадлежал лично ему. Я думаю, французы в ту пору придерживались мнения, что вы, мол, все являетесь представителями одной русской нации, только разделены на белых и красных и воюете между собой, вам следует мириться.

В яростном сражении, длившемся семь дней кряду, башкирский полк буквально разгромил венгров и чувашей. Из бойцов третьего полка организовали два отряда скалолазов. Они оказались весьма полезными в ходе преследования красных. В первых числах июля 1920 года, тайно пробираясь из Москвы в Туркестан, я прочитал в официальной газете в городе Пензе («Пензенская правда») воспоминания одного красного офицера. Он писал: «Мы,

красные бойцы, никогда не забудем, как нас били башкирские скалолазы на Бугульминском фронте на горе Катыян».

Галимьян Таган обнаружил среди вещей убитого в том бою красного офицера награбленные у башкирских женщин дорогие украшения и древнюю саблю с эфесом из серебра и золота. Эту саблю, достойную быть выставленной в музее, он прислал мне, и я распорядился хранить ее среди ценностей, собираемых нами для будущего этнографического музея Башкортостана.

А вот впоследствии результаты завершившегося нашей победой сражения оказались печальными. Под напором направленных прямо из Москвы красных батальонов французы и отряды Каппеля отступили. В этой ситуации и наш третий полк вынужден был отойти сначала к Уфе, потом еще дальше на восток. В тех боевых операциях полк ни разу не потерпел поражения. В своем рапорте Таган сообщил нам, что присутствие французов было чисто символическим, объяснил причины вынужденного отступления Каппеля, написал также о намерениях французов примирить нас с красными.

Во время отступления третьего полка приключилось одно прискорбное для меня событие: потерялась моя библиотека. Она была отправлена в Оренбург вместе с имуществом полка в семнадцати сундуках. Вагон, загруженный тем имуществом, угодил на станции Кинель в руки красных, после чего попал к чехам. В Сибири он снова перекочевал в руки красных, которые сдали библиотеку в Иркутский университет. В ней были с огромным тщанием собранные мной тюркские газеты, полный комплект выходившей в Крыму газеты «Тарджиман», начиная с 1883 года. Некоторые из исторических источников на языке фарси, найденные во время пребывания в Средней Азии, мне удалось вернуть лишь после установления мира с Советами. Однако все печатные произведения с архивом исчезли. В 1954 году от русских ученых, приехавших на международный конгресс востоковедов в Кембридж, я узнал, что важная часть архива поныне хранится в библиотеке Иркутского университета.

Ухудшение дел

Резкое ухудшение дел в связи с переходом Самары и Уфы в руки красных вынудило нас предпринять ряд серьезных мер. 17 ноября, по случаю праздника Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), члены Малого шуро (предпарламента) собрались на свое заседание, на котором решили прави-

тельство, издательство и печать переправить из Оренбурга в Темясово. Это было сделано очень быстро. Мы перевезли туда всех членов и работников правительственных органов, типографию, издательство, редакции газет.

Я отстаивал мнение, что борьбу надо вести до конца. Прежде всего следовало разгромить красных на Актюбинском фронте, а потом идти на соединение с поднявшимися против них силами Туркестана. Туда же должны направляться сформированные в Казахстане полки. Но были обстоятельства, сильно подрывавшие наш дух. Во-первых, красные укрепили Актюбинский фронт. К тому же в Уральской губернии, благодаря интригам Джангильдина, все больше становилось казахов, попавших под влияние Советов. Во-вторых, опираясь на своих союзников (Франция, Англия, США), чувствовавших себя хозяевами в Сибири, русские генералы развертывали пропаганду за установление диктаторского режима. И хотя вера в Учредительное собрание, в демократические идеи была еще жива, тем не менее грубое вмешательство союзников являлось большой разрушительной силой. Представители Франции, Англии, Америки и Японии переехали из Владивостока в Омск. Генералы союзников стали в Сибири опорой для русских генералов. Самым коварным среди них был казацкий атаман Семиречья Иванов-Ринов. Бесчестный и жестокий палач, истреблявший поднявшихся в 1916 году против царя казахов и киргизов. Этот самый монархист Иванов-Ринов стоял в первом ряду тех, кто на Государственном Совещании в Уфе ратовал за диктатуру Колчака. Ни один из представителей тюркских народов Востока ему тогда не подавал руки.

Из воспоминаний вышедших во Франции мемуаров генерала Жаннена и книги, выпущенной членами свиты американского генерала Грэвса (Б.М.Антербьер и С.Г.Киндал) под названием «Сибирская экспедиция в 1918 — 1920 годах», следует, что миссия эта вообще не знала, чем должна заниматься, не имела даже более или менее четкого плана действий в России. Потому присутствие американцев в Сибири, как впоследствии их действия и против освободительного движения в Китае в 1948 — 1949 годах, дало обратный результат.

После того, как с помощью этих «миссионеров» 18 ноября адмирал Колчак объявил себя Верховным Правителем Российского государства, все перевернулось вверх дном. В первую очередь он начал наступление на Комуч. 21 ноября издал указ об упразднении правительств Башкортостана и Казахстана, расформировании башкирско-

казахского военного корпуса. Генерал Дутов, являясь правой рукой адмирала Колчака, выполнял его приказы и стал ограничивать нам помощь боеприпасами и оружием.

В связи с началом праздника Курбан-байрам мы по телеграфу обменялись поздравлениями с третьим полком. После этого Колчак прервал наши связи. Часть полка под командованием Тагана находилась в русском селении Лемеза, другая под командованием Харуна Курбангалиева на Саткинском заводе и они, не подчинившись приказу Колчака сдать оружие, в течение двух недель оказывали его войскам вооруженное сопротивление. Тогда Колчак лишил наш полк довольствия и солдатам приказал расходиться по домам. Если бы не стояли зимние месяцы с толстым слоем снега, Таган и Курбангалиев, вопреки этому приказу, сумели бы соединиться с нашими главными силами, о чем они и сообщили нам в своем рапорте.

Враждебное отношение Колчака к Третьему башкирскому полку, отважно сражавшемуся с красными, насторожило другие наши части. Мы объявили об этом в приказе по войскам. Командир корпуса генерал Ишбулатов заявил, что в столь сложный для армии момент командующим должен быть человек решительный, но он не считает себя таковым и потому предлагает назначить командующим фронтом Валидова. 22 ноября правительство вменило мне в обязанность командовать войсками. В такой ситуации следовало, с одной стороны, продолжать борьбу с красными, добиваясь их поражения на Актюбинском фронте, и уповать на победу Учредительного Собрания и демократии в Сибири и на Урале или, с другой стороны, при условии разложения фронта белых армий, искать пути взаимопонимания с Советами.

Для победы демократии необходимо было найти общий язык с теми слоями оренбургских и уральских казаков, которые сохранили верность ее принципам, покончить с генералом Дутовым. Осуществись это, Учредительное собрание (Комуч) могло бы снова войти в силу и оттеснить красных на западный берег Волги. Благодаря хорошей постановке дела по сбору разведданных, мы знали об исключительно критическом положении красных на Восточном фронте. Но из-за свары между белыми генералами и их враждебности в отношении нас ухудшение наших дел было неизбежным. В связи с этим переговоры с Советами надо было начинать незамедлительно.

Мы командировали в Москву члена правительства Муллаяна Халикова и Гарея Карамышева и переправили

их через линию фронта. Я написал рекомендательные письма Максиму Горькому и певцу Федору Шаляпину, представив Муллаяна Халикова и объяснив его миссию. Именно со встречи с ними он должен был начать переговоры с Советами. Однако Муллаян и Гарей в Москву не поехали, передали рекомендательные письма в другие руки и воротились обратно.

Генералы оренбургских казаков приняли решение в случае успеха красных отступать с верными им казачьими частями к Китайской границе через Казахстан. Мы же не пожелали ни отрывать наших людей от родной земли, ни бросать их здесь на произвол судьбы. Решили остаться на родине, что бы нас тут ни ожидало.

Меры, принятые в крайне сложных, запутанных обстоятельствах

В то же время мы не ослабили своих попыток совместно с Алаш-ордой разгромить противника на Актюбинском фронте и соединиться с туркестанскими силами. В Тургае самоотверженно работали наш Габдельхак Габитов и казах Азимбек Биремжанов. В связи с осложнением положения на железной дороге, связь с Алаш-ордой мы осуществляли с помощью конных гонцов. События продолжали развиваться с пугающей быстротой. Мы оказались перед лицом таких четырех вражеских сил, как красные в Самаре и Актюбинске, а также Дутов и Колчак.

В этой сложной обстановке нам следовало остерегаться и лиц, которые вызывали у нас подозрение. Среди таких были Салих Азнагулов и Шариф Манатов. В свое время эти двое участвовали в национальном движении, но потом подались в Москву и, не будучи коммунистами, тем не менее сотрудничали со Сталиным и Мулланууром Вахитовым. Теперь, после освобождения Среднего Поволжья от красных, они вернулись к нам и изъявили желание включиться в наши дела. В сферу политики мы их не пустили, а дали работу в области просвещения. Но в нынешних сложных и чреватых большими бедами условиях от этих людей вообще надо было избавиться. Салиха Азнагулова отправили в Москву установить контакты с Советами. Но, уехав от нас, этот человек уже не занимался нашими делами, а занялся собственными. Шарифа Манатова мы, дав немного денег, отправили по Гурьево-Петровской дороге в Баку для налаживания связей с Азербайджаном, но оттуда он выехал в Турцию, вызвав тем самым немало разных толков. Я уже говорил, что Манатов в 1911 — 1912 годах побывал в этой стране, когда попал туда

добровольцем, чтобы участвовать в Балканской войне, и хорошо знал турецкий язык.

В Башкортостан прибыли представители Комуча, распущенного Колчаком. Позднее приехал Мустафа Чокаев, который позже станет представителем Туркестана в Европе, и руководитель эсеров Туркестана Вадим Чайкин. Однажды, когда я проводил смотр войск, дислоцировавшихся под Стерлитамаком, к нам пожаловали на нескольких санях со стороны Екатеринбурга министр сельского хозяйства в правительстве Керенского, лидер и теоретик эсеров Виктор Чернов, министр иностранных дел Самарского Комуча Веденяпин и еще ряд известных членов эсеровской партии. В Кызыл Мечети я устроил прием в их честь, а потом вместе со мной они выехали в Оренбург. Им предстояло отправиться в Москву, оттуда, если удастся, и в Европу. Через несколько дней мы запрягли для них самых лучших лошадей и проводили их в Уральск в сопровождении надежной охраны. Если бы они угодили в руки Дутова, то непременно были бы расстреляны. Чтобы избежать этой опасности, их повезли по землям букейской орды в Астрахань. Позднее они какое-то время тайно проживали в Советской России. Спустя четыре месяца я видел их в Москве.

Впоследствии мы несколько раз встречались с Черновым в Париже и Праге. Он был главным редактором газеты «Дело народа», и я относился к нему с большим уважением. Ведь в Башкортостане он являлся для меня своего рода шейхом. Но после выхода в Праге его большого труда под названием «Конструктивный социализм», я охладел к нему. В этом сочинении не было внутренней последовательности, встречались и противоречия.

На Чернова и его спутников произвели благоприятное впечатление организованность Башкирского правительства и дисциплина в нашей армии. Когда повсюду происходил развал, у нас царил порядок. Чернов отмечал этот факт и в своих работах, опубликованных впоследствии в Европе. Посещением Оренбурга он и его соратники укрепили наше желание бороться за спасение демократии.

Я дважды, 6 и 25 ноября, выезжал на Актюбинский фронт с проверкой состояния башкирских войск. Дух наших бойцов был крепким. Командовал на этом участке фронта полковник Макхин, который представлял демократическое крыло оренбургского казачества и был противником Дутова. Здесь же находился атаман Каргин и другие руководители Уральского казачества, и мы наметили меры по усилению борьбы против Дутова. Было

решено создать объединенное правительство, в которое от Башкортостана должен был войти я, от Казахстана — Кыдырбаев, от оренбургских казаков — атаман Каргин, главнокомандующим решили назначить полковника Макхина.

Первое свое совещание мы наметили провести в ночь с 1 на 2 декабря в Оренбурге в здании Караван-сарая. Эта часть города находилась под контролем башкирских войск, поэтому совещание прошло спокойно. Мустафа Чокаев и Вадим Чайкин, принимавшие участие в нашем разговоре, были назначены на ответственные должности в объединенном правительстве трех областей (Казахстан, Башкортостан и казаки). Однако засланный в наши ряды осведомитель поручик по имени Ахметгали, выходец из среды челябинских татарских торговцев, передал полную информацию Дутову уже в ходе совещания. Генерал бежал на бронемашине на окраину Оренбурга, где находились верные ему казачьи части, и при их поддержке установил контроль над городом. Макхин не согласился идти на кровопролитие. Таким образом, вырабатывавшийся в течение месяца план рухнул за несколько часов.

Мустафа Чокаев, взявший на себя обязанности главы ведомства иностранных дел создаваемого объединенного правительства был настроен уехать за границу. Чтобы проводить его с женой в Баку, мы отправили их в Гурьев. Сами же всю ночь стягивали находившиеся в Оренбурге войска к железнодорожной станции. Захватив все локомотивы и вагоны, до полудня 2 декабря, оставили Оренбург и расположились на станциях между Сакмаром и Орском. В ту пору башкирские войска держали фронт от Уфы до Оренбурга на протяжении 400 верст. Наше военное командование находилось в селе Ермолаевка, в имении богатого помещика Шотта, немца по происхождению, предводителя Оренбургского дворянства.

Собрания в селе Ермолаевка и принятые решения

Мне хочется вспомнить три события, которые произошли в первой половине декабря во время нашего пребывания в Ермолаевке и послужили причиной смены фронта нашей борьбы.

Первое. Пленный турецкий офицер Кязим-бей сотрудничал в Ташкенте с либеральным демократом из Хиндустана, врагом англичан, Мавляви Баракутуллой. Так как их главными противниками являлись англичане, они склонили мусульман города близлежащих окраин не присоединяться к возглавляемому Осипо-

вым антисоветскому восстанию. Прислали письмо и Башкирскому правительству с призывом идти на соглашение с Советами. Кязим-бей и Баракатулла передали с нашим человеком, отправленным когда-то в Ташкент, еще одно письмо в Ермолаевку. Речь в том письме шла о том, что после овладения городом Баку турецкие войска переправятся на восточное побережье Каспийского моря, а англичане в скором времени оставят Ашхабад; что афганцы находятся с англичанами в состоянии войны и вынуждены получать оружие от Советов и потому борьба против Советов обретает характер общей борьбы против либералов Турции, Афганистана и Хиндустана.

Вместе с посланием Кязим-бея и Баракатуллы прислали письма примерно такого же содержания некоторые известные деятели Туркестана и живущие в Ташкенте представители азербайджанской интеллигенции.

Впоследствии, когда мы установили с Советами мирные отношения, Баракатулла, которому суждено будет умереть в Европе, приезжал из Москвы в Стерлитамак и был нашим гостем. Кязим-бей вернулся в Турцию. В 1926 — 1928 годах мы с ним издавали в Стамбуле журнал «Новая Турция». Он публиковал свои воспоминания в турецких газетах. В Стамбуле он и умер. А в тех письмах, присланных нам из Туркестана, эти люди подробно излагали положение дел в Турции, Хиндустане и Афганистане, а также на Кавказе. Эти подробные сведения явились новостью для нас и убедили некоторых наших сподвижников в необходимости начать переговоры с Советами.

Второе событие — мое знакомство с посланием адмирала Колчака и французского генерала Жаннена атаману Дутову.

Поскольку Уфа тогда находилась в руках красных, связь Оренбурга с Челябинском и Омском осуществлялась по дорогам Башкортостана. Служивший прежде в башкирских войсках генерал Емельянов вместе с несколькими офицерами союзных государств ехал на санях из Челябинска в Оренбург. Под тем предлогом, что из-за бурана доставка сменных подвод запаздывает, наши задержали их на короткое время и, ознакомившись с их бумагами, вернули им портфели. Чтобы прочитать эти бумаги, я ехал всю ночь, преодолев до аула Таулыкай расстояние в восемьдесят верст.

В тех бумагах было категорически приказано расформировать войска Башкортостана и Казахстана, меня и других башкирских лидеров предать военно-полевому

суду. В одном из документов содержались высказывания, направленные против движения за автономию в Башкортостане, Алаш-орде и Туркестане. В то время немцы еще не ушли с Украины. Находившиеся в Сибири союзники понимали, что немцы, занявшие Украину, а также их войска на Кавказе вместе с турецкими военными силами могут стать существенным фактором влияния на тюркские народы на востоке от Каспийского моря. Поэтому к этим народам союзники относились с опаской. Стала им известна пропагандистская деятельность Кязимбея и Мавляви Баракатуллы в Ташкенте. Как бы то ни было, в Сибири ими были приняты самые жесткие меры против национальных войск Башкортостана и Казахстана. Обо всем этом мы и узнали в результате ночного обыска генерала Емельянова в ауле Таулыкай.

Когда я прибыл в Красную Мечеть, мне передали приглашение генерала Дутова из Оренбурга на разговор по военному телеграфу. Генерал говорил со мной в высшей степени доброжелательно и дружески, чтобы склонить на свою сторону. Он пригласил меня вместе с председателем нашего правительства Юнусом Бикбовым в Оренбург или любое другое место «для обмена мнением по некоторым весьма сложным вопросам». Можно было подумать, что он и не знает о наших действиях против него 1 декабря. «Как ты разговариваешь, бессовестный субъект? Кого хочешь схватить, кого обманываешь?» — ответил я и, добавив широко распространенное у русских ругательство, прервал связь.

Третье событие — прибытие представителей Алаш-орды. Вместе с ними приехали от казахов Азимбек Биремжанов и писатель Мухтар Ауэзов. Они тоже, из-за противодействия Колчака и союзников созданию национального войска и правительства, были вынуждены идти на соглашение с Советами. Позднее Азимбек приехал в Германию и получил там образование, а когда вернулся на родину, был репрессирован Советами. Мухтар Ауэзов стал известным советским писателем, чей 60-летний юбилей был широко отмечен, а также членом Академии наук Казахстана. Умер он в 1961 году. До их приезда я провел широкое совещание с офицерами башкирских полков, собрав их в Ермолаевке, в доме Шотта. Это было самое многолюдное войсковое праздничное застолье со дня объявления нашей автономии. Каждый откровенно высказывал свои мысли. Я произнес речь о положении в Оренбурге и Сибири, о планах Колчака. Несмотря на то, что линия фронта красных находилась всего в 40 верстах

от нас, настроение офицеров и солдат было приподнятым. Пели национальные песни, забавлялись национальными играми. Хозяйственный отдел, не жалея скот, который останется здесь после нашего ухода, велел зарезать его во множестве, бойцам был роздан весь запас хранящегося в погребах продовольствия — пиво, вино, шампанское, соленья, сыр и другие продукты. Принимавший участие в том празднике офицер Первого кавалерийского полка Исмагил Шарипов в своем рапорте о Башкирском национальном движении, переданном после его прибытия в Турцию министру безопасности страны Реджебу Пекербею (о нем я выше упоминал), подробно описал и это праздничное событие.

Несмотря на то, что Колчак установил свою диктатуру и дело приняло опасный поворот, в России оставалось немало оптимистов. Офицер по фамилии Кондратьев из числа приближенных Н.В. Авксентьева, председателя распущенного Колчаком Комуча, осуществлял связь этого правительства с нами. Мы назначили его офицером связи при организуемой под руководством капитана Тагана Второй кавалерийской бригады. Сам Кондратьев, возможно, был близок к кругам эсеров. Он говорил нам: «Диктатура Колчака недолговечна, власть вновь перейдет в наши руки, не спешите начать переговоры с Советами». Я очень верил этому человеку. Он способствовал в получении нами оружия у Комуча. И теперь нам удалось с его помощью завладеть хранящимся на Усольском заводе и пока не перешедшем в руки красных оружием Комуча. Я довел его слова до высших руководителей армии и правительства. Но все высказывались в том духе, что ждать низложения Колчака и продолжать воевать на его стороне бессмысленно, что русская нация испытывает упадок духа, а всякие полумеры не дают надежды на успех. Кондратьев с нашими приветами отправился к скрывавшимся от Колчака членам Комуча.

ПЯТНАДЦАТИМЕСЯЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С СОВЕТАМИ (1919 — 1920)

Решение об установлении мира с Советами и продолжение военных действий

На тайных переговорах с представителями Казахстана мы подробно обсудили условия перехода на сторону Советов и пришли к общему согласию. В случае, если Оренбург перейдет в руки красных, члены казахского правительства должны оставаться в городе, а затем поехать вместе с нами в Москву. В Алашорду мы послали председателя Юрматинского кантона Габдуллу Ильяса. Чтобы оповестить о наших планах, туркестанские организации, направили в Ташкент в качестве нашего тайного агента Абдельхамида Арипова. Позднее он станет военным министром Бухарского правительства.

15 декабря мы отправили в органы Советов Уфы члена нашего правительства Муллаяна Халикова и Хайретдина Саитова, снабдив их официальным документом. Командование войсками Советов не спешило начинать переговоры с нашими представителями. 23 января 1919 года пришло известие о том, что союзники признают большевиков и вмешиваться во внутренние дела России не будут, а с 15 февраля готовы начать переговоры с Советами на Принцевых островах Турции, неподалеку от Стамбула.

Это сообщение вызвало у нас большое беспокойство. Чтобы ускорить начало переговоров, мы направили еще одного представителя. В последние годы в советской печати были опубликованы условия Соглашения, предложенные 1 января в Уфе Муллаяном Халиковым (подписано мной). По этим условиям Башкортостан «имеет полную самостоятельность во внутренних и экономических делах, башкирские войска подчиняются советскому командованию, но всю внутреннюю жизнь определяют сами. Строительство коммунизма в республике необязательно».

Председатель Уфимского Совета фанатичный коммунист Эльцин те условия не принял. Страх перед башкирской армией заставил Ленина и Сталина дать по телефону приказ о подписании названных условий Соглашения. По их требованию, башкирские войска должны в обязательном порядке принимать участие в войне против белых.

По случаю признания Советов 23 января союзниками я распространил 11 февраля секретный приказ среди высших чинов войска от имени правительства Башкортостана. Этот приказ был опубликован в новой советской печати («История Башкирии» советского историка Типеева). Там были и такие слова: «Союзники прекратят военные действия против Советов. В этих условиях каждый должен поступать по своему усмотрению. Отныне белые не будут нам давать ни денег, ни оружия. Своих представителей послали на Принцевы острова и Колчак, и Дутов, и Деникин. В связи с этим Башкирское правительство направило заместителя его председателя доктора Кулаева, Габдрашита Бикбавова, Хайретдина Саитова, Карлугасова и Муллаяна Халикова в 5-ую армию Советов для заключения перемирия с его командованием».

Несмотря на то, что переговоры начались еще 22 ноября, благодаря твердой дисциплине в рядах башкирского войска и единству в рядах членов правительства, никакие компрометирующие нас документы в руки белоказаков и чехословаков не попали. И все же они что-то подозревали. 16 января мы послали офицера Чанышева и Хидията Сагадиева к чехам просить оружие и военное снаряжение. Несмотря на противодействие Колчака и Дутова, они удовлетворили нашу просьбу. Первыми на сторону Советов должны были перейти 1, 2, 4 и 6 полки; находившийся под Златоустом 3-й полк был вынужден остаться в рядах колчаковцев.

С 22 ноября по 18 февраля, в течение трех месяцев, шли тяжелые бои, в которых красные полки несли большие потери. В этих боях я участвовал и сам. 15 декабря мы перевели свой штаб из Ермолаевки в район Кананикольского завода и находились там до самого перехода на сторону красных. Во время ночного налета на аул Юлдыбай, что рядом с Красной Мечетью, полностью был разгромлен кавалерийский полк красных. Те из них, кто спасся, бежали по снегу в нижнем белье и босиком. Мне довелось участвовать в боях под Ермолаевкой, Кузенем, Салихом и Макаровом. Когда я прибыл в первый кавалерийский полк Мусы Муртазина, атаковавший

красных под Ишимбаем, меня легко ранило в правую ногу и левую руку у аула Салих, но все же я не покидал седла. Наши быстро обнаруживали красных, ведущих огонь из укрытия, и тут же их уничтожали. Жестокие сражения произошли под Петровском (10 — 12 декабря 1918 года) и Ахмером (15 января 1919 года), и в обоих победа осталась за нами. Но в связи с тем, что ни от чехов, ни из Оренбурга боеприпасы больше не поступали, мы оказались в тяжелом положении, а фронт приходилось держать между Оренбургом и Уфой. На протяжении ста девяноста верст от Стерлитамака до Ермолаевки наших войск было всего лишь семьсот человек. Между тем пятая армия красных сумела к середине января сосредоточить на участке шоссе между Стерлитамаком и Ахмером несколько полков. Мы отступили из Ахмера к селу Макарово.

24 января я был в родном ауле. Пожилые родители, отец и мать, были вынуждены остаться в руках красных. Я вошел в мечеть, где молился с детского возраста, и не удержался от слез. Через несколько часов сюда войдут красные и, конечно, осквернят и эту мечеть. Вполне возможно, никогда после этого я не увижу родной аул.

Село Макарово, что в семи верстах от моего аула,— родина видных деятелей нашего правительства и армии, родина Карамышевых. Мы отбросили оттуда красных за двадцать пять верст, до самого Ахмера, родины друга моих детских лет Шагибека Узбекова. Он командует у нас батальоном. Общественный деятель Ильяс Алкин, выходец из казанских татар,— заместитель начальника штаба. Он тоже в тех сражениях воевал как рядовой солдат, не жалея своей жизни. Таким образом мы держали фронт до 18 февраля на участке между Красной Мечетью на юге, моим аулом и Макаровом на севере, Зилим-Караном на северо-востоке. Я с детства знал здесь каждую тропинку, исходил окрестности Красной Мечети и Макарово, поэтому мы могли использовать любые стратегические возможности этих мест Южного Урала. О наших победах над большевиками, достигнутых при поддержке враждебно настроенных к ним русских сел и деревень, находящийся постоянно рядом со мной поэт Саитгарей Магазов сложил целый дастан. Мулла Адхам из деревни Галиакбар сказал мне: «В детстве ты исходил эти горы, обшаривая бортевые ульи и бегая за лошадьми на пастбищах, теперь гоняешься за красными».

В начале февраля 1919 года, когда мы стояли в ауле Кулгуна, к нам прибыли из Казахстана два представителя, имена которых уже позабылись. Один из них, кажется,

был поэт Магжан, он и раньше приезжал сюда. Помню только, в его произведении «Урал» отражена борьба башкир против русских захватчиков. Эти двое привезли письмо от Ахмеда Байтурсуна из Тургая, вели с нами переговоры о том, как обстоят дела с переходом на сторону Советов. По их мнению, ныне речь может идти о переходе на сторону красных лишь правительства Западного Казахстана, так как Восточный Казахстан вынужден оставаться в подчинении колчаковского генерала Белова. Я написал письмо Ахмеду Байтурсуну и Алихану Букейхану. Эти письма, содержание которых я сам позабыл, оказались позднее в архивах Алаш-орды и были опубликованы красными. Оказывается, я там писал следующее: «Собираемся в ближайшие дни перейти на сторону Советов. Отправили к ним своих представителей, ждем ответа на свои требования. Вы должны знать, что переход на их сторону мера вынужденная. К этому вынуждает нас крайняя враждебность Колчака. Другого выхода у нас нет. Мы останемся верными нашим национальным принципам, соглашениям с правительством Алаш-орды. Сами понимаете, что и при достижении мирного соглашения с Советами доверия к ним нет, верить им на слово нельзя. Может быть поэтому однажды придется от них отделиться и продолжить начатую против них борьбу.*

Через тех представителей мы еще раз выразили пожелание, чтобы для мирных переговоров с Советами прибыл и Ахмед Байтурсун. Чтобы из уст в уста передать руководителям Западного Казахстана срок нашего перехода на сторону Советов, 18 февраля в Тургай вместе с этими представителями был направлен поэт Саитгарей Магазов. 18 февраля мы вернулись в Кананикольск. Таким образом, наш переход на сторону красных был согласован с казахами. Это было очень важно, ибо казахи и сами понимали: если при слабой организации своих войск попытаются самостоятельно перейти на сторону Советов, возникает угроза их уничтожения. Кроме того мы верили, что если приедем в Москву вместе с казахами, позиции наши будут более прочными и переговоры пойдут успешнее.

В стихотворении поэта Магжана есть строки, смысл которых сводится к следующему: «Длинная гора Урал, так

---

* Р. М. Раимов. Образование Башкирской Советской республики. Стр. 2 (прим. З. Валиди).

же, как являешься ты границей между Ночью и Днем, ты лежишь границей между детьми Дня и детьми Ночи. Та от тебя сторона — гнездовье синеглазых бесов, эта — желтая степь тюрков. О Урал, земля наших предков, где покоится их священный прах! Здесь хозяйничают чужаки, чьи рты заросли волосами, и заставляют наших девушек открыть лицо перед пришлыми мужчинами. Великий Урал, ты отец, взрастивший нас. Храбрые сыновья тюрков, поднимайтесь против Ночи! Объединяйтесь и не давайте ее силам топтать наши земли! Отрежьте ей дорогу, крепко сжимая в руках поводья!»

Еще до перехода на сторону Советов в целях объединения политических сил мы занимались созданием Социалистической партии, отличающейся от Коммунистической. По началу разработкой ее теоретических основ занимался Ильяс Алкин. Она должна была стать Свободной социалистической партией. Известив об этом казахских руководителей, мы предложили им вместо несоциалистического по своей общественно-экономической платформе «Алаша» создать Казахскую партию социалистов. Программа нами была подготовлена. Один ее экземпляр мы передали казахам. Впоследствии (1926) эта Программа была опубликована в Праге. У Ильяса Алкина была привычка затягивать дела, поэтому для изучения его теоретических разработок времени у нас не осталось.

Был принят написанный мною краткий проект. Представитель ЦК РКП(б) в Башкортостане в 1919 — 1920 годах Самойлов упоминает об этой партии, однако перевод слова «Ирек» — «Воля» был ошибочно напечатан как «Волна».

Пока мы занимались проблемами партии, события получили ускоренное развитие. 21 января казахи отступили от Оренбурга, Орск также перешел в руки красных. Мы оказались в полном окружении. Поскольку фронт мы держали прочно, на нас не нападали с малыми силами. Самым тяжелым для нас обстоятельством в ту пору было положение Третьего башкирского полка, который остался в подчинении Каппеля на севере железной дороги между Уфой и Златоустом. Лишь время от времени отдельные люди в штатском приносили от него сообщения. Я отправил приказ командиру полка Тагану расформировать полк и распустить солдат по домам.

Переход на советский фронт

Политику и программу красных хорошо знал наш народ, к тому же мы воевали против них. Поэтому убедить войска и членов правительства в одночасье перейти на сторону Советов было делом нелегким. Чтобы сведения о наших планах не просочились в стан врагов, ведение переговоров мы скрыли от войск. Нужно было задуманное воплотить в жизнь очень быстро, более того, в один и тот же день объявить о своем решении войскам и совершить переход. Генерал Акулинин писал позднее в своих воспоминаниях, что оренбургским казакам этот шаг давался чрезвычайно трудно, а вот вера башкирских войск и народа в свое правительство, а главное — в меня, позволила нам совершить переход в организованном порядке.

Однако переговоры в Уфе, которые длились уже больше месяца, вызывали у нас серьезные опасения. 8 февраля в Кананикольске на срочном заседании Башкирского правительства и войсковых командиров было решено направить в Москву председателя Башкирского правительства Кулаева, Муллаяна Халикова и моего адъютанта Габдрашита Бикбавова. Военные столкновения с красными прекратились. Делегаты сновали туда и обратно без всяких результатов, а причины затяжки переговоров в Уфе стали известны нам позже. Исходя из своих политических интересов на Востоке, Ленин и Сталин положительно оценили наше желание перейти на сторону красных и отдали на этот счет приказ Командованию Пятой Красной армии и Уфимскому губернскому комитету. Но из-за настороженного отношения командования Пятой армии к башкирскому войску, фанатизма советских и партийных руководителей Уфимской губернии приказы Ленина и Сталина не выполнялись. Тормозили дело и сторонники татарского коммуниста Шамигулова, выступавшие против любой формы национальной независимости, а теперь выдвинувшие требования разоружить наши войска без каких-либо условий и наказать руководителей Башкирского правительства. Касающиеся этих событий документы опубликованы в советской печати. В собрании сочинений Сталина имеется его ответ на вопрос Шамигулова на съезде Коммунистической партии в 1923 году: «Почему с Валидовым не покончили одним ударом?»

Чтобы поскорее завершить затянувшиеся в Уфе переговоры, Центральный комитет РКП(б) направил из Москвы известного коммуниста Мирсаита Султангалиева.

После совещания в Уфимском губернском комитете он известил о положении дел штаб Восточного фронта в Симбирске и Москву, а к нам вместе с одним из наших делегатов послал верного себе татарского коммуниста Галимьяна Аминова.

Совет Султангалиева, переданный нам через этого человека, кстати, такого же приверженца национальной идеи, как и сам Султангалиев, заключался в следующем: «Пусть не переходят, пока не будут завершены переговоры. Пусть не спешат. Если дальнейшее ожидание станет невозможным, им надо идти не в распоряжение командования Пятой армии, а в распоряжение Первой, штаб которой находится в Оренбурге». Видимо, в Центральном Комитете прознали про этот дружеский совет Султангалиева.

Известно, что в 1937 году перед расстрелом на вопрос: «Был ли ты связан с Заки Валиди?» — он ответил: «Да».

Во время беседы в Кананикольске Галимзян Аминов, в отличие от фанатичных членов Коммунистической партии, советовал: «Не спешите с переходом. Командование Красной армии придает большое значение башкирам как воинственной нации». То же самое он говорил в приватных беседах с башкирскими и татарскими офицерами наших войск.

Позже, во время встречи в Москве, Аминов вспоминал те вьюжные дни в Кананикольске и рассказывал, какое впечатление произвели на него убежденность и вера офицеров, о том, что он говорил по этому поводу советским руководителям по возвращении в Уфу. Словом, национальные деятели татар и башкир независимо от того, на стороне ли красных они были или на стороне белых, придерживались единых взглядов.

11 февраля в Кананикольске состоялось второе экстренное совещание правительства и войсковых командиров. Обсуждалось наше положение в связи с переговорами на Принцевых островах Стамбульского вилайета, где представители воюющих друг против друга красных, белых, большевиков, Деникина, Колчака, Дутова, Украины и Кавказа выступили с историческим воззванием (23 января) начать переговоры о единой России. Речь на совещании шла также о враждебном отношении к нам адмирала Колчака, о приемлемости предложений Советов, заверяющих нас в том, что они не будут покушаться на нашу самостоятельность и национальные войска. Назначили время перехода на 10 часов утра 18 февраля. Через

советского представителя Галимзяна Аминова и сопровождавшего его нашего делегата мы известили об этом командования Первой и Пятой армий.

Благодаря единству и сплоченности в наших рядах, мы сумели скрыть свои секретные планы от противника, хотя подозрения у него, кажется, имелись. Были силы, которые вполне могли воспрепятствовать нашему переходу на сторону красных. О переходе мы сообщили авангарду наших войск за два дня, арьергарду — за один день до намеченного срока. Войска приняли это решение спокойно. Я собрал офицеров. Сказал им, что нежелающих переходить не стану принуждать, они получают месячное жалованье, коня и оружие и могут уйти к тем белым генералам, под началом которым хотели бы служить. Эту возможность испросили для себя некоторые очень близкие мои соратники — Шагибек Узбеков, Гани Карамышев, Исмагил Шарипов. Такие люди сражались против красных с чувством огромной ненависти и потому не хотели вступать с ними ни в какие отношения. Красных агентов, засланных для поднятия мятежа в наших частях, пришлось держать под стражей в отдаленном месте, поскольку они могли принести нам большой вред. Однажды вечером сотник Шагибек Узбеков пробил на Яике прорубь и там их утопил. За совершенный им самосуд он получил строгое наказание.

С Шагибеком мы были друзьями с юных лет. Очень порядочный, очень умный и смелый человек, он одновременно отличался упрямым и своевольным характером. Зная его как образованного офицера, я надеялся, что он займется теорией военного дела. Но он заупрямился, отказался от этих занятий. Вместе с уральскими казаками Шагибек ушел по дагестанской дороге на Украину. Воевал в армии Врангеля и погиб в Крыму. Прибывший впоследствии в Стамбул его друг Исмагил Шарипов рассказывал, что он горько раскаивался и очень переживал расставание с нами.

Не убедив солдат, что переход через линии фронта утром 18 февраля является для нас единственной альтернативой, невозможно было направить туда ни одну воинскую часть, иначе это выглядело бы как приказ идти в огонь, на верную гибель. Я решил первым перейти линию фронта. Вместе с верным своим вестовым Ахметьяном, двумя унтер-офицерами и несколькими бойцами охраны мы приблизились в десять часов утра к линии фронта Первой советской армии и сообщили об этом командиру полка. Навстречу вышли красные офицеры. За

мной двигался Первый батальон Первого кавалерийского полка.

Когда эта операция была завершена, я пришел к командиру полка и поговорил по телеграфу с представителями находившегося в Оренбурге командования Первой армии. Мне было предложено прибыть в Оренбург утром следующего дня.

19 февраля в полдень я уже был в Оренбурге и встретился с командармом Первой красной армии Гаем, который оказался армянским партизаном. Он предложил мне самолично следить за переходом наших полков и вновь отправиться на фронт вместе с его офицерами, что я и сделал. 20 февраля полки на моих глазах перешли на сторону красных.

Я наблюдал за движением войск, сидя в санях, запряженных парой лошадей, а еще два моих верховых коня были привязаны сбоку. Приветствуя солдат, я с трудом сдерживал слезы. Многие солдаты плакали. Когда переход закончился, я припал к плечу вестового Ахметзяна и зарыдал навзрыд. За всю свою жизнь я не плакал так, как тогда. Мы пожертвовали идеалами свободы и демократии, мы отдали их в руки Таболиных, Колесовых, склонили головы перед врагами, с которыми боролись с таким упорством, положили к их стопам наши чаяния и волю, не зная, в каких целях нами воспользуются. Мне представлялись картины мрачного будущего нашего народа. Предположение, что дальнейшая судьба войск будет трагичной, было слишком реальным. Исходя из интересов политики большевиков в отношении к восточным народам, я еще верил, что наша жизнь все же будет сохранена. Однако добровольный отказ от демократических путей перехода нации к свободному существованию был для меня подобен самоубийству.

После перехода 1 и 2 кавалерийских полков я собрался вместе с исполняющим обязанности заместителя главнокомандующего Ильясом Алкиным ехать в Москву. Для этого мы отправились с ним в Оренбург. 4, 5, 6, кавалерийский, 2 пехотный полки и технические части перешли на сторону красных только после нашего отъезда.

Наш национальный поэт Шайхзада Бабич тоже находился в составе технических частей. В своих стихотворениях он пророчески говорил о будущем наших войск, о том, что событие это станет самой большой трагедией в истории башкирского народа. По мнению поэта, если бы во главе эпопеи с переменой фронтов стоял не Заки Валиди, все башкирские воины как один

покончили бы жизнь самоубийством. Эти стихи я прочитал лишь пять месяцев спустя после того, как Шайхзада Бабич и его соратники, перевозившие войсковой архив, были в пути схвачены красными и замучены. Он писал так, словно еще до перехода в мир красных предчувствовал свою гибель от их рук. Шайхзада просил своего товарища, оставшегося в Темясове, передать мне вместе со стихами прощальное письмо, написанное со слезами на глазах. В этих стихах он не столько клянет красных, сколько шлет проклятия Колчаку и Дутову, которые вынудили нас сменить фронт.

Поездка в Москву

Командарм Первой армии Гай устроил нам с Ильясом Алкиным встречу с посланцами Казахстана, прибывшими в Оренбург в тот же вечер, и сообщил, что мы должны поехать в Москву и что в наше распоряжение будет выделен специальный вагон. Руководителями состоящей из нескольких человек казахской делегации были известный казахский писатель Ахмед Байтурсун и Каралды (Каралдин). На вопрос командира Гая: «Вы что, договорились приехать в Оренбург в один и тот же день?» — мы ответили положительно, объяснили, что подписание мира важно не только для башкир, но и для казахов. И красный командарм, и его офицеры не проявили к нам враждебности. Они уже получили указание из Москвы. В ту пору полиция большевиков (ГПУ) и система слежки еще не расцвели пышным цветом. Так что в Оренбурге никто не чинил препятствия, подслушиваний наших разговоров между собой или с казахскими представителями не было. Во всяком случае, отношение красных к нам отличалось от обращения с перешедшими на их сторону русскими казаками.

В Москве нас устроили в гостинице «Метрополь». Сначала я встретился со Сталиным и Троцким. В газете «Правда» за 2 марта 1919 года Сталин опубликовал в связи с нашим переходом на сторону Советов статью «Наши задачи на Востоке». Судя по словам автора в связи с присоединением к Советам татар, башкир, киргизов, узбеков, туркменов, таджиков, других носителей средневековой культуры, составляющих 30-миллионную массу, Сталин имел в виду проблемы, касающиеся всего исламского мира и Востока. Позднее эта статья была опубликована в собрании его сочинений. В Москве мы поняли, что наше положение достаточно прочно. Это довольно подробно объяснил нам и Сталин во время встречи в Наркомате по делам национальностей. Он толковал о глубоком до-

верии ко мне, о том, что считают меня революционером, лишь по ошибке временно оказавшимся в стане белых. Старался уверить меня в том, что, если бы я прибыл в 1918 году, когда он приглашал меня в Москву, все было бы как нельзя лучше. Мы встречались с ним чуть не каждый день. Он пытался выведать у меня сведения о видных деятелях Востока, о моей дружбе с ними. Я делал вид, что не понимаю, с какой целью он добивается этого.

Московские улицы утопают в сугробах. Ездить на автомобиле было невозможно, поэтому Сталин пользовался мотоциклом. Однажды я ехал на одном с ним мотоцикле с коляской. Начиналась весна, горы снега на улицах быстро таяли, и мотоцикл то и дело застревал. Тогда мы сошли с него и дальше пошли пешком. Кивая на тающие сугробы, Сталин, как бы подтрунивая над собой, сказал: «Наши советские горы». Однажды с верхнего этажа многоэтажного дома бросили какую-то вещь, завернутую в бумагу. Сталин по этому поводу пошутил: «Это ночью бы бросили, но учитывая, что скоро проедут один народный комиссар и один почтенный представитель Востока, оказали честь, бросили днем». Из-за того, что зимой системы отопления и канализации вышли из строя, жители выбрасывали накопившуюся грязь прямо на улицу, предварительно завернув в бумагу.

Сталин имел привычку чуть насмешливо разговаривать с работавшими рядом с ним татарами и кавказцами. Мне же говорил комплименты, характерные для грузин и армян. В этом смысле оставляла неприятное впечатление его фраза «Народный комиссар вместе с одним уважаемым представителем Востока». Короче говоря, Сталин старался установить со мною доверительные отношения и использовать это в своих интересах. Объясняя этот факт своему другу Байтурсуну, я сказал: «Это делается не только для разгрома Колчаковского фронта, но и для каких-то иных, далеко идущих целей».

Однажды Сталин познакомил нас с Орджоникидзе и Каменевым (Каменев показался мне человеком искренним), на другой день свел с председателем рабочих профсоюзов Пятаковым. Цель — показать мне имеющиеся между ними разногласия в национальном вопросе. Встреча с Троцким касалась лишь военных вопросов и была очень короткой. Намечалась встреча и с Лениным. Однако, по словам Султангалиева, после совершенного на него покушения к общению с чуждыми партии людьми Ленин относился настороженно.

В тот период (2 — 6 марта) в Москве должен был

состояться Второй съезд Коминтерна. Пора для Ленина чрезвычайно хлопотная. Прибыло много делегаций из зарубежных стран. Тем не менее Сталин сообщил мне по телефону, что меня хочет видеть Ленин, и чтобы я взял с собой одного-двух своих товарищей. Мы отправились к нему вместе с председателем нашего правительства доктором Кулаевым. Как раз накануне он приехал сюда из Симбирска, где принимал участие в мирных переговорах с командованием Восточного фронта. Башкир по происхождению, Кулаев в детстве попал в руки русских миссионеров и подвергся крещению. Мы обращались к нему, называя настоящим его именем — Мухаметгалиагай. Он и сам так хотел, а подписывался официальным своим именем «Мстислав Кулаев». Был хорошим доктором, получившим образование в Казанском университете. Впоследствии отошел от политики, стал профессором университета в Казани. Возможно, и сейчас еще жив. Был Кулаев честным человеком. Хотя не был мусульманином, все же сохранил верность своему тюркскому, башкирскому, происхождению. Знал труды русских ученых о тюркских народах Сибири. А вот жестокость и бесстыдство русских он не любил. С ним-то мы и отправились на встречу с Лениным.

Гадали, будут ли обыскивать, проверять, нет ли при нас оружия. Однако никакого обыска не было. Ленин вышел из-за стола и поздоровался с нами за руку. На столе стояла этажерка для бумаг. Во время беседы эта дощатая этажерка скрывала руки Ленина. Иногда он записывал фамилии упоминаемых в разговоре восточных деятелей. Я подумал, что за этой этажеркой есть и пистолет. При разговоре с Кулаевым он спросил: «Вашего друга зовут Ахметзаки, почему же ваше имя Мстислав?» «Я башкир-христианин»,— ответил Кулаев. «Не испортились ли из-за этого ваши отношения с народом? Не лучше ли быть атеистом без всякой перемены веры?» Кулаев почувствовал неловкость, вразумительного ответа не дал.

Ленин говорил о том, что в ближайшее время начнется VIII съезд Российской Коммунистической партии, на который приглашены делегаты из компартий многих зарубежных стран, что переход башкир на сторону Советов даст основание обсуждать на том съезде национальный вопрос и проблемы Востока, и что он надеется в будущем сотрудничать с нами в этой области. Обращаясь ко мне, Ленин сказал, что у него есть записка по проблеме Туркестана и Хиндустана, и попросил меня ознакомиться

с ней, добавив, что позже пригласит нас поговорить по этому поводу специально.

Мы вышли от Ленина в приподнятом настроении. Однако через пару дней (19 марта) Ленин вступил на съезде в спор с Бухариным по национальному вопросу. Он говорил Бухарину, что из тактических соображений приходится идти на соглашение даже с буржуазными националистами, и что разве большевики, мол, не были вынуждены скрепить своей подписью такое соглашение, улыбаясь друг другу, с буржуазным националистом, врагом финских рабочих по прозвищу «Свинхувуд» «Свиноголовый», а вчера — вступить в сотрудничество с башкирским правительством?

После этого Ленин произнес следующие слова: «Бухарин говорит, что признавать право на самоопределение нельзя. Нация — значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии. Когда т. Бухарин говорил: «Можно кой для кого это право признать», так я даже записал, что у него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом т. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкир? Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению таких народов, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров?» Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно...»*

* В. И. Ленин. ПСС. т. 38, 156—159.

Эти слова Ленина впоследствии были опубликованы в собрании его сочинений на английском, французском, немецком языках. Значит, Ленин и его соратники считают соглашение с нами явлением временным. Из его слов мы поняли, что их товарищеское отношение к нам также ненадолго. В будущем нас, как узбекских мулл и финских капиталистов, они отбросят в сторону, а власть передадут в руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем. Но о том, что мы разгадали их намерения, не стали говорить ни друзьям, ни врагам.

Сталин в Москве устроил мне и Ахмеду Байтурсуну еще одну встречу с Пятаковым и предложил: «Посоветуйтесь, как организовать на Востоке рабочие профсоюзы». Но главной его целью было показать негативное отношение Бухарина и Пятакова к национальным проблемам и правам малых наций, желание представить себя и Ленина защитниками этих народов. Мы рассказали Пятакову о своей деятельности по созданию профсоюзов в 1917 году в Ташкенте среди местных рабочих. Он высказал мысль, что национальность не может стать основой профсоюзов, что они должны быть единой для представителей всех народов. После этого начался разговор о национальных проблемах вообще. Я спросил его, почему он не выступает против еврейского Бунда.

Разговор оставил неприятное впечатление. По сравнению с Бухариным и Пятаковым, Ленин и Сталин показались мне людьми более сговорчивыми. Как и враждебно настроенный к нам Эльцин в Уфе, двое предыдущих были фанатичными коммунистами.

23 марта советские официальные газеты сообщили об объявлении автономии Башкортостана. По достигнутому соглашению, самостоятельное башкирское войско, состоящее из четырех пехотных и трех кавалерийских полков, будет непосредственно подчинено красному главному командованию. Это было оговорено в 16-ти, а управление экономикой — в 4-х пунктах. Под Соглашением поставили свои подписи Ленин, Сталин, Владимирский, Енукидзе, доктор Кулаев, я, Бикбавов и Габдулла Адигамов. В процессе выработки проекта Соглашения я добавил пункт, по которому переселенцы, эвакуированные в ходе мировой войны из западных губерний России в Башкортостан, не должны иметь права голоса в выборах. Ленин и Сталин выступили против этого пункта. Сталин имел со мной конфиденциальный разговор и убеждал меня в нецелесообразности вносить такой пункт в Соглашение, вес которого будет на уровне конституции. «Уберите их,

и дело с концом»,— сказал он. При этих его словах я вздрогнул. Я понял, что Сталин — опасный провокатор.

«Иосиф Виссарионович, этих людей не то чтобы убить, стоит им даже нос окровавить, как уфимские и оренбургские Эльцины поднимут вой: мол, башкиры истребляют христиан,— ответил я.— Нельзя вообще трогать этих эвакуированных. И мы не будем их трогать. Однако в одном пункте Соглашения следует оговорить, что они лишаются права участвовать в выборах, поскольку живут в нашей республике на правах переселенцев, поскольку эти десять тысяч семей при голосовании могут дать отрицательный для нас итог».

Но Сталин и слушать не хотел. Важность этого пункта не поняли даже мои единомышленники. «Что ты споришь по мелочам»,— сказали они, и этот пункт таким образом был исключен. После опубликования Соглашения Сталин заявил, что, дескать, башкиры хотели лишить права голоса переселившихся в Башкортостан русских и поляков, но Советское правительство выступило на защиту. Не ограничившись этими словами, через год он тайно раздал им оружие.

Осложнение обстановки на Восточном фронте

А в это время в Башкортостане произошли весьма прискорбные события. 21 февраля в Темясове собрался Всебашкирский курултай, который избрал соответствующий советским порядкам революционный комитет (ревком). В состав этого комитета вошли Ильяс Алкин и другие башкиры и татары, не состоявшие в партии коммунистов. В то же самое время Колчак прибыл в Троицк на съезд казаков Оренбургской губернии. Казаки заявили Колчаку прямо в глаза, что его нелепый приказ об упразднении правительства Башкортостана и расформировании башкирских войск привели фронт на грань краха. Он признал свою ошибку в башкирском вопросе и обещал ее исправить, издал приказ о восстановлении Башкирского правительства и возрождении башкирского национального войска. Мы узнали об этом из сообщений сибирских газет и от Мусы Муртазина. Но словам Колчака никто, кроме таких, как Габдельхай Курбангалиев, не поверил. Поэтому сторонники Колчака не смогли создать никакого башкирского правительства.

Между тем противоречия, возникшие между Пятой армией и перешедшими на сторону Советов нашими войсками, заставили некоторые башкирские части на Восточном фронте вновь уйти к Колчаку. Командарм

Первой красной армии, армянский партизан, видел в мусульманах своих врагов. Наши части перешли на сторону красных через позиции двадцатой дивизии Пятой армии, которая захватила Красную Мечеть. Начальник дивизии был фанатичным русским шовинистом, а командир ее 3-й бригады Зеленков вообще был отпетым разбойником. То, что башкирские части влились в ряды красных с оружием в руках, не давало этим людям покоя. Они потребовали от командования башкирских войск, находившихся в Красной Мечети, перехода их на сторону красных безоружными, угрожая в противном случае вести против них боевые действия. Я в ту пору находился в Москве, вдалеке от нашего правительства. Во время моего пребывания в Темясове красные приняли в свои ряды часть наших войск без всякого разоружения. Мы отправили их в город Стерлитамак.

Разоружение башкир открыло русским возможность грабить башкирские аулы. Они убили несколько башкирских и татарских представителей. В первую очередь вспоминаются наши национальные поэты Шайхзада Бабич и Абдулхай Иркабаев. Темясовское правительство, опасаясь нападения со стороны Колчака, должно было перебраться в Стерлитамак. Шайхзада вместе со своими соратниками занимался перевозкой архива и хорошо организованного издательского хозяйства. Красные схватили их на территории Зилаирского завода и зверски убили. Шайхзада был обаятельнейшим человеком и выдающимся национальным поэтом. Писал прекрасные стихи и другие произведения на башкирском и татарском языках. В своем творчестве он отразил наше национальное движение в период революции 1917 года. Были у него незаконченные произведения в жанре дастана. Все это пропало. Абдулхай Иркабаев происходил из племени сальютов, создал немало хороших стихотворений. Башкирское национальное движение нашло живое отражение в произведениях этих двух поэтов, а также в литературных сочинениях, вышедших из-под пера Саитгарея Магазова. Однако большинство из этих произведений не увидело свет. Все было уничтожено Советами.

Едва получив известие об этих душераздирающих событиях, Первый кавалерийский полк, воевавший против Колчака, без всяких колебаний перешел на сторону Колчака. Командир полка Муса Муртазин был исключительно храбрым, но чрезвычайно горячим человеком. Он трижды изгонял белых казаков из аула Абзелилово на востоке Башкортостана и трижды поручал охранять его

Смоленскому полку красных. Но солдаты этого полка не только не могли удержать позиции против казаков, но каждый раз бежали со всех ног, грабя по пути отступления башкирские аулы.

Узнав, что Смоленский полк обезоружил в Красной Мечети первый и четвертый пехотные полки и начал чинить насилие в башкирских аулах, Муса Муртазин направил свое оружие против красных; он присоединился к войскам колчаковского генерала Белова и совершил ошеломляющую атаку на позиции смоленцев. Убедившись, что советские войска не смогут удержать в своих руках берег Яика, красное командование отдало приказ Третьей дивизии и Смоленскому полку отступить к западу от Уральских гор. Они бежали в атмосфере паники и хаоса. На нескольких участках их оружие и снаряжения остались в руках Муртазина.

Весть о том, что одна из ударных частей нашего войска вновь ушла к белым, и для меня, и для всех находившихся в Москве моих единомышленников оказалась совершенно неожиданной. «У входа в гостиницу «Метрополь» вас ждет военный автомобиль»,— сообщили мне. Надо было ехать в Кремль, вызывал Ленин. Сталин тоже находился там. Через некоторое время прибыл и Троцкий. Его также ввели в курс дела. Мне до этого момента ничего не было известно. «Ваши командиры — бессовестные разбойники или тупые шовинисты. У дашнакского* разбойника армянина Гая нет ничего на уме, кроме злобной мстительности к мусульманам, иначе мой друг Муртазин не поступил бы так. Это дело поправимое, для беспокойства нет причин. Я сейчас должен быть там»,— сказал я. Они согласились с этим.

Вместе с Габдрашитом Бикбавовым и Габдуллой Адигамовым мы прибыли в Самару. Башкирское правительство еще в середине марта покинуло Темясово и расположилось в селе Мраково Семиродческого кантона, затем переехало в село Мурапталово, что в девяноста верстах севернее Оренбурга. Члены правительства не стали сдавать оружие своей охраны, проявили твердость. Мы узнали об этом, приехав в Бузулукский уезд. Через одного из своих родственников Муртазин прислал нам нижеследующее сообщение: с одной стороны Колчак понял необходимость изменения своей национальной

*Дашнакцутюн («Союз») — созданная в 1899 году в Тифлисе армянская националистическая партия. Пыталась буржуазно-демократическим путем создать самостоятельное государство Армении.

политики и, как было сказано выше, на собрании казаков в Троицке пригласил к себе известных башкирских деятелей и признал, что в отношении башкирской автономии и ее войска им была совершена ошибка, обещал все это «изменить в корне». С другой стороны, красные тоже изменили свою политику на полярно противоположную, стали видеть в башкирах только врагов и начали грабить их, разоружали башкирские войска там, где они были малочисленны. В нескольких местах были убиты известные люди. Мученическая гибель наших поэтов в Зилаире превратилась в незаживающую боль. Все это заставило Муртазина и его товарищей по оружию войти в переговоры с белыми и перейти на их сторону. Прямо из Бузулука я направил офицера, приказав ему составить документ о том, где и какой ущерб нанесен красными войсками башкирскому народу. Правительство сумело быстро и скрупулезно расследовать это дело. Свидетельские акты, скрепленные подписями и печатями старост о том, где и сколько скота награблено, сколько домов сожжено, были подготовлены очень быстро. Это явилось доказательством тому, каким влиянием и уважением пользуется наше правительство в народе. Красные в известной степени остались в крайне неловком положении и были вынуждены признать свою вину.

Мои встречи с Фрунзе

В Самаре я встретился с командующим красными войсками Восточного фронта, действующего в юго-западном направлении (центр находился в городе Симбирске) Фрунзе. Ввиду тяжелой обстановки на фронте он говорил со мной откровенно. Обедали вместе.

Первая красная армия была довольно сильно потрепана. Уральские казаки наступали на Бузулук. Первая красная армия, оставив Оренбург, просила разрешения отступить к Самаре. Фрунзе сильно переживал, мучительно решал: отступать или нет. Я пытался убедить его не отступать, говорил, что у Колчака нет сил еще раз овладеть Поволжьем. Сообщил, что отправил к сражавшемуся на стороне белых Муртазину тайного агента: «Он ушел на сторону Колчака из-за глупости командиров вашей Красной армии. Смените разбойников типа Гая и Зеленкова»,— сказал я Фрунзе. Если борьба против Колчака будет продолжаться успешно и будет создан Туркестанский фронт, предложил направить туда башкир.

Фрунзе с удовлетворением принял мое предложение. Но у него была своя большая забота. Оказывается,

главнокомандующий всей Красной армией латыш Вацетис и Троцкий приказали фронтам юго-восточного направления отступать на западный берег Волги. Мы хотели отвести башкирское правительство и наши войска в Самару или Сызрань, привести их в порядок и принять участие в военных действиях восточного направления, но Вацетис и Троцкий нам не поверили. Они приказали нашему правительству отступать к Москве, точнее сказать, к находящемуся неподалеку от нее городу Саранску. После довольно продолжительных переговоров мы были вынуждены подчиниться этому приказу. Из Москвы Фрунзе получил предписание не выпускать меня к востоку от Самары.

Фрунзе отнесся ко мне с доверием. В конце апреля я еще раз приехал в Бузулук. Наше правительство было переведено в здешний поселок Тоцк (Ток). Посоветовавшись с Фрунзе, я организовал Совет уполномоченных Башкортостана, чтобы, во-первых, защитить интересы и достоинство башкир перед командирами дивизий и бригад Первой и Пятой красных армий, а во-вторых,— вновь собрать наших солдат, отпущенных в распоряжение находящегося в Саранске правительства.

На душе у меня было крайне тревожно. Вместе с отступавшим к западу от Волги нашим правительством я прибыл в Саранск, откуда выехал в Москву. Встретился со Сталиным. За несколько прошедших недель высокомерие этого человека заметно поубавилось. Из рук в руки я вручил Ленину составленные Башкирским правительством списки награбленного Красной армией у башкир имущества, отнятого скота, а также документы, запечатлевшие трагические события и рапорты, о которых речь впереди. Получив необходимые для войск оружие и снаряжения, в начале мая я отправил все это в Саранск.

Наша жизнь в Саранске

В Саранске, являющимся сегодня столицей Мордовской республики, мы поднимали на ноги и приводили в порядок наши войска, прошедшие через жестокие испытания и обесселившие. Продолжали вести нормальную службу 1 и 2 пехотные, 1 и 2 кавалерийские полки. Проводили собрания, устраивались веселые вечера, свадьбы (фото 10). На следующем фото запечатлены участники свадьбы Исмагила Мухлия (23 номер) и Афифы ханым (22 номер). Ныне они вместе с детьми, получившими высшее образование, проживают в Анкаре. Обозначенные на этом снимке под номерами 2, 3, 10, 11, 17, 24, 28, 29, 31, 32, 35, 36 люди и до

этого, и позднее занимали видное положение в башкирском правительстве и войсках.

Время от времени я выезжал в Москву, встречался там с Троцким, в Самаре виделся с Фрунзе, занимался военными делами. Предложил полковнику Хасану Ахмерову поехать со мной в Белебейский уезд и проводить там мобилизацию, но делать это пришлось мне самому. Кулаев сложил с себя обязанности председателя правительства. Вместо него избрали Хариса Юмагулова (фото 11). Я остался руководить военным ведомством. Юмагулов происходил из камалекских башкир, получил сельскохозяйственное образование. Был человеком с очень горячим характером. Вместе со своим братом Джихангиром Юмагуловым они входили в число тех деятелей, которые с самого начала с большим желанием включились к борьбу за автономию Башкортостана. В то время мы были за общий литературный язык для башкир и татар и печать наша выходила на языке, понятном для обоих народов. А Харис Юмагулов придерживался мнения, что башкиры должны иметь свой литературный язык. В Оренбурге в дни Первого башкирского курултая в 1917 году он и его единомышленники вышли на демонстрацию с флагами, лозунги на которых были написаны на башкирском языке. Когда в апреле 1918 года мы начали открытую борьбу с Советами, они остались на стороне красных. Харис тогда записался в партию коммунистов. Сталин направил его к нам в Саранск в качестве представителя Центрального комитета. Прибыв в Саранск, Харис шутил: «Москва прислала меня послом в мой собственный дом», ибо он в своем национальном патриотизме даже среди нас занимал ведущее место. Вместе с Харисом Центральный комитет прислал к нам и русского коммуниста по фамилии Зарецкий, который должен был посвящать нас в теорию коммунизма.

В конце мая во время пребывания в Москве я многократно встречался с Лениным, Сталиным, Стасовой, Троцким и Вацетисом, ходатайствовал, чтобы все башкирские части оставались на Восточном фронте под командованием Фрунзе. Однако было заметно, что моя настойчивость породила у них подозрения. 16 апреля Фрунзе направил телеграмму Ленину с просьбой перебросить башкирские войска на Туркестанский фронт. Ленин дал согласие. Приказ от 23 апреля о передаче наших частей Восточному фронту был позднее опубликован в советской печати. Однако Вацетис сделал все, чтобы отменить этот приказ.

В тот период я близко познакомился с наркомом иностранных дел Чичериным, наркомом просвещения Луначарским и комиссаром по экономике (председателем ВСНХ) Рыковым. Все эти три человека, как и Фрунзе, показались мне людьми, внушающими доверие. Ленин и Сталин были близки нам в связи с тем, что они имели непосредственное отношение к национальным проблемам, но их внимание к нам, степень их доверия к национальным деятелям зависели от конкретных условий и обстоятельств. Троцкого, Вацетиса, Каменева и Бухарина мы знали как коммунистов-интернационалистов. Позднее я убедился, что по сути правильно оценил этих людей в результате своего трехмесячного общения с ними. В своей статье от 2 марта 1919 года Сталин оценил тюркские народы Востока как отсталые, пребывающие на уровне средневековья. Его мнение о мусульманских народах не отличалось от взглядов, широко распространенных среди грузин и армян. Он считал себя знатоком проблем Востока. Ленин же, не зная этих проблем, находился под влиянием других. Его отношения с нами часто менялись, здесь день на день не приходились.

Приказ Ленина по радио Туркестану

Однажды Ленин вызвал меня к телефону. Я приглашался для разговора по поводу упомянутой выше записки по среднеазиатскому вопросу, которую он дал прочитать. Свое мнение по этому документу я изложил в письменном виде. Ленин внимательно прочитал его вслух.

Предложенная мне для ознакомления записка содержала размышления по проблемам Средней Азии. Авторы — тот самый либерал из Хиндустана Мавляви Баракатулла, о котором я говорил чуть раньше, и татарский коммунист из Ташкента Юсупов. Они писали о созвучии Корана с идеями коммунизма, о полезности привлечения мусульман к коммунизму через учение ислама. По их суждениям, присоединение Афганистана, восточного Ирана и Восточного Туркестана к будущему Исламскому государству Средней Азии и установление ими тесных связей с Хиндустаном будут иметь свои положительные последствия, так как создадут возможность для вытеснения англичан из Хиндустана общими усилиями.

Я оценил мнение этих авторов как беспочвенную и пустую мечту. В своей записке я объяснял, что между Кораном и коммунизмом нет ничего общего, что попытка привлечь таким путем на свою сторону мусульманские народы не даст никаких результатов. Даже в случае

создания Исламского государства в Средней Азии стремление под этим предлогом присоединить к себе Афганистан или восточный Иран приведет лишь к негативным последствиям, а благие намерения авторов освободить Хиндустан с помощью воображаемого давления извне плод упрощенного представления проблемы. Я настаивал, что как раз следует отказаться от политики русского империализма, укрепившейся в эпоху царизма, что не столько религия, сколько признание идей национального самоопределения принесет успех в этом регионе. По моему мнению, первым шагом в среднеазиатской политике могли бы стать снесение памятника предводителю войск русских завоевателей генералу Кауфману в городе Ташкенте и мемориалов, возведенных на берегу реки Чу в Семиречье, а также возвращение прежним хозяевам земель, отобранных в пользу русских поселенцев после антирусского восстания 1916 года. Далее я подробно обосновывал необходимость признания равенства избирательных прав русских поселенцев и коренного населения на выборах в государственные органы, создания воинских формирований из местных жителей. В качестве практических мер была подчеркнута важность создания Туркестанской чрезвычайной комиссии в составе трех мусульманских членов и двух русских, возложив на нее решение всех этих проблем, необходимость привлечения местных жителей к службе на железной дороге, почте, телеграфе и к работе в промышленности.

Свои записки я оформил в виде рекомендаций, состоящих из 11 пунктов. Ленину они понравились. Соображения названных выше двух авторов он тоже признал пустыми мечтаниями, а мои предложения — дельными. Мнение Юсупова о том, что в будущем все споры будут решаться демократическим путем, Ленин назвал «учредиловской белибердой», высмеял все прочие его идеи, касающиеся частных вопросов. Было ясно, что он весьма пренебрежительно относился к парламентаризму вообще.

Ленин взял в руки карандаш, и мы выправили одно за другим слова и выражения в моем тексте. Он был диктатором, но не тираном. В своем распоряжении, переданном 12 июля по радио советским руководителям Ташкента, он упомянул и необходимость разрушения названных мной памятников. Это распоряжение напечатала Ташкентская официальная газета. Было в ней и сообщение о том, что в Москве создается специальная «Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР» («Турк-

комиссия»), которая будет заниматься, в частности, установлением хороших отношений с местным населением и учетом его интересов при избрании государственных должностных лиц. Член Ташкентского Советского правительства Тоболин, находившийся как раз в те дни в Москве, представил дело не столько как мнение ЦК партии, сколько как радиоприказ Ленина, принятый под влиянием Заки Валиди и Баракатуллы. Отправленная им по этому поводу телеграмма была напечатана в газете «Известия», выходящей в Ташкенте на русском языке и в тюркской газете «Иштиракиюн».

Часть приказа была выполнена. Например, был ликвидирован памятник Кауфману. Однако в Ташкенте, как в Уфе и Оренбурге, в подборе государственных должностных лиц русские коммунисты не хотели исходить из численности каждой нации, не встали на путь удовлетворения прочих национальных требований и интересов. Несмотря на то, что в названную выше «Туркомиссию» от мусульман были предложены и приняты Лениным кандидатуры киргиза Турара Рыскулова, узбека Низама Ходжаева и татарина Мирсаита Султангалиева, русские коммунисты в Ташкенте сделали все, чтобы свести на нет это решение. При другой нашей встрече Ленин сказал вполне искренне: «Видите, на пути исполнения радиоприказа возникли препятствия. Этот приказ был написан под вашим воздействием, но среди местного населения не оказалось людей, способных претворить его в жизнь. Уничтожить русский империализм ни руками самих русских, ни помимо их воли вооруженными силами мусульман невозможно. Товарищ Тоболин один из тех наших друзей, которые распространяют в Туркестане идеи коммунизма. Наше стремление утвердить советский режим, не опираясь на русские колонизаторские силы государства, не поймут ни Тоболины, ни все прочие. Теперь у нас будет «Туркомиссия». Как бы то ни было, это дело постепенно найдет свое осуществление». Глубинный смысл этих слов был таков: мол, что же, послушав тебя, я должен создать из мусульман вооруженное войско и громить тамошних русских пролетариев? Наша цель состоит не в том, чтобы учредить для вас самостоятельное государство, а в том, чтобы сохранить режим советов. Придет время, когда деятели, верные идеям социализма, революционеры создадут и из местных жителей армию, это тоже найдет свое осуществление и станет потребностью жизни.

Проблема создания социалистической партии «Ирек» («Свобода»)

Во время пребывания в Саранске появилась возможность детально обсудить идею создания сотрудничающей с коммунистами национальной социалистической партии «Ирек» («Свобода»), завершить разработку ее программы и посоветоваться с Центром. В Москве я давно уже вел разговор об этом в Политбюро Коммунистической партии с Ярославским и со Стасовой. Эти двое, являясь связующим звеном между коммунистами и Центральным бюро коммунистов-мусульман, к идее создания социалистической или коммунистической партии типа нашего «Ирека» относились положительно. Направленному к нам в Саранск Зарецкому было также поручено изучить этот вопрос. Мы в своей программе, признав необходимость подчинения экономики государству, вместе с тем в национальном вопросе стремились сохранить полную правовую самостоятельность. Организуемая нами партия показалась Зарецкому более радикальной и левой, чем даже сама коммунистическая. Исходя из этого, он в своем рапорте отмечал, что у нас нет ничего общего с буржуазными теориями, а экономическая программа нашей партии очень близка к коммунистической, что после организационного оформления ее можно будет принять в ряды коммунистической партии. Обо всем этом мы узнали позднее.

В конце июня, находясь день или два в Москве, я вновь виделся с Лениным. Он не захотел говорить о планах создания нашей партии. Стало ясно: несмотря на то, что Сталин, Троцкий, Каменев положительно оценивают нашу программу, организовать отдельную партию не позволят. Чувствовалось, что Ярославский и Стасова испытывают перед нами неловкость.

При этой встрече Ленин подарил мне большой автомобиль марки «Фиат», документ на который написал на простой бумажке синим карандашом. Оказывается, автомобиль некогда принадлежал бывшему Туркестанскому генерал-губернатору Самсонову,[49] во время русско-германской войны побежденному Гинденбургом и погибшему при невыясненных обстоятельствах. В то время было чрезвычайно трудно найти в Москве бензин. Мне дали и горючее, и мы переправили автомобиль в Саранск, а потом и в Башкортостан. Хотя использовать тяжеловесный «Фиат», пожирающий много бензина, практически было невозможно, но одно то, что он был подарен мне самим Лениным, поднимало мой авторитет в глазах

большевиков. Увы, эти внешние признаки внимания и уважения никаких серьезных результатов не дали.

Отправка башкирских войсковых частей не в Туркестан, а на Украину

На наше несчастье, 9 июня Ленин, придав Восточному фронту второстепенное значение, бросил клич «Все на борьбу с Деникиным!» Идя на поводу Вацетиса и Троцкого, Ленин не согласился направить наши вновь созданные полки на Самарский и Туркестанский фронты, а дал мне категорический приказ «в кратчайшее время» послать их на помощь 14-й Армии, содержащейся на Украинском фронте против Деникина. Мы оставили в Саранске лишь два батальона и кое-какие технические подразделения и все остальные части направили на Харьковский фронт. К их прибытию 14-я Армия была разгромлена и командовавший ею «Штаб Совета обороны» вместе с председателем и его приближенными переметнулся на сторону Деникина. В связи с этим пришлось нашим отступить от Харькова.

Когда я прибыл на фронт, они сражались против войск Деникина в районе столь часто упоминаемого в произведениях Гоголя Миргорода. Наших бойцов устроили в комфортабельных вагонах с мебелью, мало того, в каждом из них жили еще и девушки. Я велел тотчас убрать всю мебель, а девушек отправил в родные их города и села. В моем приказе было сказано, что все это мешает поддержанию порядка. Троцкий, оказывается, читал те мои приказы и захотел распространить подобные же распоряжения и в русских частях. Но отказался от своего намерения, когда Вацетис возразил ему, что установление в них порядков, основанных на ограничении по нравственным соображениям, невозможно. Об этом Троцкий рассказал мне сам. Его поражала внутренняя дисциплина в наших войсках. Он знал и о том, что вместо «политкомиссаров», призванных поддерживать порядок в войсковых частях, у нас по-прежнему действуют «полковые муллы». «Может быть, и нам вернуть полковых священников?» — шутил он. В Красной армии, чей главный штаб бежал к белым, дисциплиной и не пахло.

В те дни среди попавших в руки наших полков трофеев обнаружились неизвестные нашему народу, прибывшие сюда из Европы и оставшиеся от немецких войск лекарства и медицинское оборудование, неиспользованные рулоны типографской бумаги. Чтобы доставить все это в Стерлитамак, я отправил все это в двух вагонах на

станцию Шафраново, что неподалеку от Уфы. Туда же было вывезено армейское снаряжение.

В Саранске мы занимались тогда налаживанием государственного управления. Комиссия представителей Башкортостана и другие активные организации находились на передовых рубежах в войсках Фрунзе на Восточном фронте. 5 июня я направил полковника Хасана Ахмерова в Белебеевский уезд и объявил там мобилизацию. Народ воспринял это без колебаний и весьма положительно. Ахмеров без промедления начал формировать третий и четвертый пехотные, третий кавалерийский башкирские полки. Мы передали им часть вывезенных из Украины трофеев. Да и Фрунзе не поскупился с оружием и боеприпасами.

Вновь организованные части непременно надо было оставить на Туркестанском фронте. Мы, как и прежде, хотели вместе с казахами расположиться в Оренбурге. Однако Советское правительство, Ленин и Сталин под влиянием своих имперски настроенных товарищей решили отделить башкир от казахов. С этой целью была создана русская Оренбургская губерния. По решению Центра, казахам дали сформировать самостоятельное Казахское правительство со столицей в Актюбинске, нашей столицей определили Стерлитамак. Таким образом, нас искусственно отдалили друг от друга. При встрече с Лениным я выразил по этому поводу протест, но он не отступил от своего решения, даже пытался успокоить меня: пусть, мол, пока будет так, а в дальнейшем посмотрим.

Вновь деятельность в Башкортостане

В середине июня войска Колчака повсюду стали терпеть неудачи. 9 июня Уфа вновь перешла в руки красных. С согласия Фрунзе, я взял с собой по одному представителю из каждого ведомства нашего правительства в Саранске и в сопровождении конной охраны выехал в Самару. Там (13 июня) у Фрунзе встретил красных командиров Рыкова и Рудзутака. Замысел использовать находящиеся под командованием Фрунзе башкирские войска именно на Туркестанском фронте оба одобряли, также поддерживали идею создания в Туркестане самостоятельного государства, опирающегося на свои национальные военные формирования. Рыков сообщил мне, что Сталин категорически против образования исламского центра в Оренбурге, но что сам он, как и Фрунзе, не видит в этом никакого вреда. Мы говорили

с ними в дружеской атмосфере, несколько раз обедали вместе. Я думал тогда: как было бы прекрасно, если бы Советы находились в руках таких людей. Мы представляли Ленина человеком хорошим, а Сталина — дьяволом. Но если Ленин, имея рядом с собой таких людей, как Фрунзе и Рудзутак, отдал бразды правления в партии именно Сталину, то не была ли в нем самом эта самая дьявольская закваска?..

Из Самары я выехал в Белебей, оттуда в Стерлитамак и, можно сказать, по этим местам продвигался почти что один и без охраны. Но потом приходилось брать с собой конное сопровождение, так как в русских деревнях могли находиться колчаковские и казачьи соглядатаи.

Побывал в родном ауле, повидал отца, мать, братьев и сестер, родственников. Несмотря на то, что наш аул неоднократно переходил из рук в руки, родители не подверглись преследованиям, книги и вещи мои не тронули. После ухода красных солдаты бригады Муртазина держали мою семью под своей защитой.

В Стерлитамаке я образовал военное управление, в местах, освобожденных от колчаковцев,— его представительства. Была открыта даже небольшая школа офицеров. Ее начальником я назначил авторитетного офицера из Катайского рода Казыя Низаметдинова. В будущем эта школа должна была превратиться в высшее учебное заведение. В тот же период (23 августа) и правительство наше с частью его членов переехало из Саранска в Стерлитамак. Прибыли посланец Муртазина и несколько его родственников, которые сообщили нам о его желании вновь перейти на сторону красных, получить амнистию и присоединиться к башкирским войскам.

В Стерлитамаке съехались лучшие люди народа, которые поддержали нас еще в 1917 году, в период становления башкирского национального движения. Сыпались вопросы: «Что произошло? Что должно произойти? Куда теперь собираетесь?» Я созвал на совет видных людей из освобожденных от Колчака башкирских улусов, состоялись откровенные беседы. Я сказал собравшимся: «Нет у нас пути, кроме как найти общий язык с красными. Мы не можем перетащить родину в Сибирь или Китай, сейчас нужно терпение. Нам не разрешили разместиться в Оренбурге вместе с красными и направить наши войска на Туркестанский фронт. Это нас удручает, но не подчиниться режиму, все больше укрепляющемуся в России, мы не имеем возможности. Ибо русский народ встал на путь испытания большевизма на собственном горбу.

Сила, способная свернуть его с этого пути, имелась у эсеров и в идее Учредительного собрания. Эти идеи тоже потерпели поражение. Ни один царский генерал после всего этого не сможет повести за собой русский народ. Мы тоже поняли, что не можем следовать за ними, осознали угрозу новых трагических испытаний и пошли на установление согласия с Советами. В настоящее время мы вынуждены примириться с их условиями. Вступайте в органы власти Советов, в кооперативы, государственные экономические и культурные учреждения, пусть местное управление останется в наших руках. Самый большой наш недостаток — невежество и безграмотность, постараемся же от них освободиться».

Эти слова, как и другие, были сказаны на встречах с участием отца и дяди, широко распространились среди нашего народа и стали повсеместно претворяться в жизнь. Такие откровенные разговоры на собраниях, в которых принимали участие 25 — 30 человек, иногда продолжались с утра до вечера. На первый взгляд, они казались мелкими и касающимися частных вопросов, но значение их было велико. Я написал об этом Фрунзе, попросил его убрать красные гарнизоны, оставленные в восьми местах Западного Башкортостана для «обеспечения безопасности». Он удовлетворил мою просьбу. Вместо тех гарнизонов я направил туда башкирскую милицию.

Небольшой эпизод, достойный упоминания: был известный у нас с 1904 года и уже названный в этих воспоминаниях редактор Габдрахман Хакбирдин, выходец из каргалинских татар. Он был другом отца. Одно время работал контролером на золотых приисках Шакира Рамиева, печатал серии маленьких брошюр под общим названием «Кутубханаи ижтихад». В большинстве случаев в них кратко пересказывались русские и тюркские источники. Понимал Хакбирдин и арабский, фарси. Я знал, что он был приверженцем социализма. Однако оказалось, что он издавна являлся коммунистом. Этот человек (или же его товарищ, имя которого уже забыто мной), поговорив с одним из участников нашего стерлитамакского собрания, отправил в секретный отдел Восточного фронта порочащее меня лживое донесение: мол, Валидов собирает богатых буржуев своего государства и ведет с ними тайные совещания. Помощник Фрунзе Авксентьев снял копию с этого доноса и в «знак дружбы» прислал ее мне, приписав в адрес Хакбирдина слово «мерзавец».

Позднее мне стало известно, что Авксентьев пригласил

к себе то ли Хакбирдина, то ли действовавшего от его имени товарища и крепко отругал: «Переговорив с людьми, Валидов добился спокойствия в подвластном ему крае, избавил нас от необходимости держать там военные гарнизоны, ты же стараешься вновь раздуть смуту в вашем государстве, навлечь новые напасти на наши головы!» — и прогнал доносчика прочь.

Прошло два месяца. Этот Хакбирдин узнал, что я буду проезжать через деревню Каргалы, где он жил, и скрылся, боясь, что я прикажу убить его. Пришлось оставить ему записку: «Ты испугался, что я убью тебя, но в этом нет нужды. Ты сам себя убил. Ведь ты советовал разрушить мечеть Караван-сарая! Можно ли быть более безнравственным, чем такой человек, который вознамерился запретить имя Аллаха в мечети и стал на путь разрушения храмов! Самое лучшее — не тратить на тебя лишних слов. Будь проклят!— вот все, что я хочу тебе сказать».

Верность башкир идеям национального самоопределения

Стало известно, что группа бойцов Третьего полка, не присоединившись к Колчаку и не подчинившись красным, оставалась верной Башкирскому правительству и скрывалась в лесах Катайского улуса. Эти солдаты попросили разрешения явиться ко мне. Я велел принять их с почетом, зарезать в ауле Ишей несколько голов скота.

После того как гости воздали должное нашему угощению, состоялась встреча. Я поздоровался с ними, каждого поочередно прижав к груди. И вот что я узнал от них впервые.

Командир 3-го полка Таган вместе с находившимися около него подразделениями попал в окружение колчаковцев у села Лемеза. Только после двухнедельных боев, (17 марта) наши были вынуждены сдаться. Башкирским солдатам, расквартированным в других деревнях, Таган передал приказ прорываться, несмотря на зиму, к войскам Заки Валиди. Друг Тагана Харун Курбангалиев сколотил конный отряд под названием «Урал — Алтай», предпринял немало смелых вылазок. (Позднее, 7 апреля 1920 года, в бою с красными возле станции Беклемишево, он был убит. Его бойцы скрылись в близлежащих Катайских лесах). Командира полка Тагана и офицера по фамилии Юлдыбаев Колчак отправил в Восточную Сибирь. Десятерых солдат из своей охраны Таган отпустил, предложив им присоединиться к нам. Когда они скрывались в лесах, встретили еще нескольких башкирских солдат, таких же,

как сами, беглецов. Впоследствии, в Европе, я узнал, что Таган вместе с группой офицеров и солдат Третьего полка добрался до Дальнего Востока, оттуда попал в Японию и с помощью Венгерского посла в Токио отправился в Венгрию. Через несколько лет мы встретимся с ним в Венгрии и Германии (1924).

Человек редкого мужества Юлдыбаев с помощью японцев создал из башкир и татар отряд из двухсот человек; находился на службе у японцев, участвовал в изгнании банд хунхузов* из Маньчжурии...

Вернусь к башкирским воинам, которые были моими гостями в Ишее. Их поведение заслуживало самой высокой оценки. Ведь они долгое время не примыкали ни к белым, ни красным русским, не шли даже в полк Муртазина, потому что до конца остались верны идеям национальной независимости, которые внедрило в их сознание Башкирское правительство. Много раз наблюдал я проявления такой исключительной преданности, и это мне дает основание утверждать: сколько бы усилий ни тратили на искоренение национального духа у восточных тюрков, успеха в этом русским не добиться.

Возвращение наших полков, оставшихся в стане белых

12 августа я тронулся в путь, чтобы перейти линию Восточного фронта, в тыл колчаковских войск, и помочь возвращению бригады Муртазина на нашу сторону. Взял с собой своего близкого друга Тагира Имакова, из рода Имак. По дороге гостили у старого приятеля моего отца по имени Биргули Ходжа, который жил в ауле Ташлы Кисеу (Каменный Брод) на берегу Нугуша. Из окрестных селений собрались башкиры. Все радовались нашему прибытию. Зарезали баранов, кумыса тоже было вдоволь. Мы оставались там до самого вечера. Это был единственный день отдыха за последние месяцы. Ведь мне приходилось постоянно быть в пути то в Оренбург и Самару, то в Саранск и Москву или выезжать на Украинский фронт. Часто приходилось жить в вагоне, прицепленном к локомотиву.

Приехав из Бикташа в Темясово, я гостил у друга нашей семьи муллы Абубакира Хусаинова. Представитель Первой Красной армии, который должен был следовать к Муртазину вместе с нами, тоже прибыл из Оренбурга в

*Хунхузы (букв. «Краснобородые») — участники вооруженных банд в Маньчжурии с середины XIX в. до 1949 г.

Темясово. Им оказался Бройдо, в прошлом сионист, член еврейской социалистической партии Бунд, автор политических статей. Мы с ним встречались и раньше, в 1917 году, в Ташкенте. Впоследствии он будет мутить воду в Хиве, состоять советником при Сталине в Комиссариате по делам национальностей. Если бы я заранее знал, что пришлют именно этого интригана, попросил бы Фрунзе направить к нам кого-нибудь другого.

При мне была группа охраны из 120 всадников. Бригаду Муртазина мы нашли в деревне крещеных татар Ногайбек, что на востоке от реки Яик и села Кизильское. Бригада состояла из удалых молодых парней, добровольцев. Но снарядов у них не было, одежда обветшала. Я собрал их всех вместе и ознакомил с объявленной Башкирским правительством амнистией. Она была принята с радостью и одобрением.

Попутно замечу, что жители Ногайбека — татары, которых вынудили принять христианство в годы царизма. В церкви своей они молятся по-татарски, дома читают некоторые мусульманские молитвы и втайне считают себя мусульманами. Я им сказал: «Теперь у нас свобода, нет смысла скрывать свою веру, можете открыто стать или христианами, или мусульманами». Но они не верили этой революции, отрекаться от церкви не желали. Солдаты Муртазина подожгли деревенскую церковь. Во время пожара мы заметили плачущих женщин. Видно, эти люди уже примирились с двухсотлетним вынужденным христианством и, возможно, своеобразное двоеверие тоже стало для них привычным. Так они и не присоединились к нашему освободительному движению, национальное чувство у них стерлось.

25 августа мы перевели бригаду Муртазина на западный берег Яика, а потом, чтобы заново вооружить и обмундировать, отправили на станцию Новосергиевка на железной дороге Самара — Ташкент. Бройдо поехал вместе с бригадой. Он сумел убедить командующего фронтом Фрунзе и его окружение держать эту бригаду подальше от верных Башкирскому правительству войск. К тому, что в свое время Советы не позволили нашему правительству обосноваться в Оренбурге, теперь добавилась настораживающая нас возня вокруг частей Муртазина. Это был второй случай, подтверждающий недоброе к нам отношение со стороны большевиков.

Мы пополнили измученные полки свежими силами, подняв тем самым их боеспособность. Так возникла целая хорошо укомплектованная кавалерийская бригада. После того, как она была нами одета, вооружена и приведена в порядок, Вацетис взял да послал ее на Украинский фронт.

Женитьба

На обратном пути я заехал в аул Абзелилово. Здесь в конце августа состоялась моя женитьба на дочери имама Хаджимухамета.

Семья эта происходит из башкирского рода тунгауров. Ходжа Хаджи Мухамет — близкий друг моего отца. Мать Нафисы — дочь троицкого ишана Зайнуллы. Девушку я знал и любил с юных лет, переписывался с ней, и о нашем браке родители сговорились еще в 1904 году. Но нам помешали охватившие страну грандиозные события, и женитьба запоздала.

И вот свадьба. Погода стояла чудесная. Но случилось так, что именно в первую брачную ночь пятеро верховых гонцов доставили срочную телеграмму от оборонявших Магнитогорск наших войск. Из Москвы меня вызывал Троцкий к телеграфному аппарату. Делать нечего, я тут же отправился в путь.

Нынешний Магнитогорск, советский индустриальный город с полумиллионным населением, в ту пору не имел никакой промышленности, был русским казачьим хутором, состоявшим самое большее из ста домов. Аул Абзелилово верстах в двадцати пяти от Магнитогорска, и я спешно прискакал верхом. Мне тут же сообщили, что дело настолько срочное и важное, что Троцкий там якобы даже не спит.

Троцкий потребовал формирующиеся в Белебее третий и четвертый пехотные, третий кавалерийский полки отправить в Петроград, против наступающего на город генерала Юденича. Я ответил, что обучение и обеспечение этих войск всем необходимым еще не завершены, обещал отдать приказ полковнику Ахмерову подготовить два батальона для отправки в течение одной-двух недель. Приглашенный мной к телеграфу находившийся в Белебее полковник Ахмеров, узнав, в чем дело, доложил, что пока не готовы даже эти два батальона. Утром я передал содержание этого разговора Троцкому. Это было началом борьбы башкирских частей против Юденича.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Выехал обратно в Абзелилово, оттуда повез невесту в башкирский аул неподалеку от Авзяно-Петровска. Там мы и провели первую супружескую ночь. Поскольку поблизости не было никакого телеграфного пункта, ни Троцкий, ни Ленин не могли бы меня разыскать. Через пару дней я назначил нескольких

солдат, чтобы под их охраной моя жена не спеша могла следовать за мной, а сам поскакал вперед. По прибытии в Стерлитамак мне доложили, что на этот раз меня разыскивал по телеграфу Ленин. В разговоре со мной он повторил приказ немедленно отправить в Петроград один пехотный, один кавалерийский полки. Даже предупредил, что этим будет определяться наша верность революции. Я пытался возразить: как можно бросать на фронт необученные войска? Мне хотелось выиграть время. Это был не «саботаж», который приписывают мне советские историки. Я хотел спасти только что сформированные, еще не обученные части от гибели, а Ленину и Троцкому важно было использовать их в своей пропагандистской шумихе: вот, дескать, пришли башкиры. Троцкий откровенно признался мне в этом. Но если бы мы не отправили наши полки в Петроград, они сумели бы навлечь беду на голову наших войск на Украине. Историк Раимов пишет, что я будто бы не хотел отправить свои войска против Юденича. Это неправда. Раз уж мы подписали Соглашение с Советским правительством, то у меня и в мыслях не было отказываться от выполнения взятых на себя обязательств. Всеми силами души мы были против возврата в России царского режима.

Ни один из пунктов телеграммы Ленина от 5 сентября, полной назидания и гневных выражений (опубликована в 35-м томе его Сочинений) с требованием отправки войск, не остался невыполненным. Мы без особой спешки готовили два полка и отправляли их в Петроград батальон за батальоном.

Стихотворение Сахиба ибн Аббада, прочитанное на свадьбе

По прошествии четырех-пяти дней после моего прибытия в Стерлитамак, приехала туда и моя жена. Мы поселились в доме богача по имени Хади Ногаев. Дом этот был взят в распоряжение государства с согласия хозяев. Хади-Магзума в то время уже не было в живых. Его отец ишан Камал был наставником и шейхом моего отца, происходил из ногайцев. Жене Хади и ее детям выделили часть большого дома. Байская супруга прислуживала нам с большой охотой.

В это время из Восточного Башкортостана приехали мои друзья Талха Расулов и Фатхелкадир Инан. Оба большие любители выпить. Талха, приходившийся моей жене дядей, нашел свое счастье в погребе бывшего хозяина, где хранилось изрядное количество вина. Сидя в погребе, он сочинял стихи, записывал их на винных этикетках и присылал мне. Что касается Фатхелкадира (ныне профессор Абделькадир Инан в Анкаре), то он напился так, что не смог отыскать городской дом, где остановился, и спал прямо на улице. В ту пору он писал пьесу о нашем историческом герое Салавате.

Я выехал на автомобиле в Белебей, чтобы проводить наши войска в Петроград, а вернувшись в Стерлитамак, по нашему обычаю, пригласил родителей, братьев и сестер, дядю Хабибназара, многочисленных родственников и их детей на свадьбу. Дядя разыскал среди бумаг мои записи 1911 года о религии и исламе (о приключениях, связанных с ними, я писал выше) и привез мне. «Может быть, твои либеральные мысли о религии и учении ислама пригодятся теперь в каком-нибудь деле»,— сказал он. «В то время грешно было не творить молитву, теперь неудобно творить молитву»,— ответил я. В эту встречу мы много говорили о будущем религии и исламского учения.

Отец, мать, дядя, мои близкие и дальние родственники были очень рады и довольны моим браком, так как жена моя — внучка великого и святого для них шейха. Во время ужина я протянул дяде бокал белого вина. Хозяин дома Хади-Магзум оставил в своем погребе запас лучших вин, даже шампанское. Вино, которое я предложил дяде, было самым благородным. Он взял в руки бокал с видом человека, желающего выпить. Мне уже приходилось слышать о том, что в годы учительства в Казани дядя вместе с друзьями Садри и Габбасом частенько баловались вином, о чем в народе сочинили даже баит. Я уже упоминал про это.

То, что в честь моей свадьбы он не прочь пригубить вина, меня очень обрадовало. «Помните, как били меня за курение?»— спросил я. «Если буду пить дым, ударь меня и ты, но было бы грешно не выпить чистого, как слеза, вина из такого красивого сосуда!»— ответил он и напомнил мне стихотворение на арабском языке, которое я выучил у него еще в детстве: «И стекло, и вино светлы и прозрачны, как слеза, и смешались в одно. Оттого запуталось и в нашей голове: не можем разобраться, то ли есть сосуд, да нет вина, то ли есть вино, да нет сосуда». Мне было по душе, как уместно прочитал дядя это стихотворение.

Автор этих стихов Сахиб ибн Аббад — арабский поэт X века — был визирем у Аббасидов. Личность, известная своим вольнодумием, характером удалым и веселым. Его слова о том, что под воздействием вина путаются в голове мысли, как нельзя лучше подходили к нашему свадебному торжеству. Участие отца и дяди в совершенно непривыч-

ном для них веселье, да еще звучание стихов Сахиба ибн Аббада, было для меня истинной радостью. Я перевел стихи приглашенным на свадьбу башкирским и татарским коммунистам, и мы подняли несколько бокалов и в честь Сахиба ибн Аббада. «Познали мы и эту пользу Советского режима, разорвавшего вековую завесу между шейхом и мюридом, остазом (учителем) и шакирдом (учеником). Сидят вместе и пьют вино»,— сказал я. Посмеялись.

На другой день от отца и коммуниста Рахматуллина я узнал, что дядя свое вино все-таки не выпил, пока я выходил из дому, перелил в другой бокал. В ответ на стихи Сахиба ибн Аббада, прочитанные дядей, я в свою очередь напомнил ему строки о вине арабского поэта Мутанабби. Дядя был весьма доволен тем, что в свое время посвятил меня в арабскую поэзию. «Мои научные изыскания ограничились русской средой, ничем полезным я не смог вам ответить на ваше благодеяние»,— сказал я ему. «Нет,— возразил он.— Ты привез из своего первого путешествия в Туркестан «Диван» аз-Замахшари на арабском языке и «Рисала» о спорах Тефтезани и ас-Сайида аш-Шарифа Джурджани. Могу ли я для себя вообразить более драгоценные подношения? Я счастлив, что воспитал и вырастил тебя».

Упомянутая «Рисала»— произведение на арабском языке о дискуссии двух великих ученых времен Тимура, посвященной одному из начальных аятов к суре «Бакара» в Коране, который гласит: «Они на прямом пути от их Аллаха...». В этом произведении исследуются самые тонкие проблемы арабской риторики и философии.

Так душевно беседовали мы с дядей в последний раз. Наутро я с батальоном солдат отправился в Шафраново. Но эти встречи в Стерлитамаке согревали меня всю жизнь, иногда я рассказывал о них другим. Однажды в 1926 году поделился своими воспоминаниями о тех встречах и беседах на обеде, устроенном в моем доме в Стамбуле в честь В. В. Бартольда. Это привело ученого в сильное волнение. Дело в том, что «Рисала» была переведена в стихотворной форме немецким поэтом и востоковедом Ф. Рюккертом. Распространение такого редчайшего образца арабской поэзии среди башкирских мулл Урала казалось Бартольду явлением невероятным. Он добавил к тому же, что понимание этой поэзии моим дядей близко к толкованию западных ученых.

В 1956 году, по прошествии 37 лет после свадьбы, в прекрасном ресторане на берегу Рейна во время обеда, устроенного в честь приглашенной датским профессором

Гроенбахом группы тюркологов, я взял в руки бокал, наполненный чистым, как роса, мозельским вином, и поведал эту историю. Затем это же стихотворение Сахиба ибн Аббада в замечательном переводе французского арабиста де Саки прочитал принимавший участие в празднестве французский ученый профессор Е. Дени...

И снова я вспоминанию ту последнюю встречу с дядей. Он беседовал тогда со мной очень искренне. Я даже посмел задать ему вопросы, которые не стал бы задавать в другое время. Он отвечал охотно. «Ваша веселая жизнь в Казани вместе с приятелями Габассом и Садрием нашла отражение в баитах,— говорил я.— Как уверял Ахметсани, эти стихи знали даже стамбульские татары. Каким же образом дело дошло до баита? Или впрямь ваше поведение вышло за рамки нравственных норм в представлениях казанцев?»

«Хоть мы позволяли себе иногда повеселиться, но по сравнению с другими никаких рамок не переходили,— отвечал дядя.— Тут вмешались муллы, враждебно настроенные к Марджани, и чтобы отомстить ему, пытались представить нас, его учеников, беспутными. В произведениях Марджани говорится: «Ислам в своей основе не отвергает философию и знания, полезны все виды техники». Каждый из нас написал на арабском языке самостоятельные комментарии к этим, на наш взгляд, наиважнейшим мыслям, являющимся самой высокой истиной и передовым словом, а наши противники истолковали их как «куфр»— отход от ислама. На этой почве с прочими муллами были не только споры, дело доходило до рукопашной».

Уже в Стамбуле я расспрашивал о той истории дяди находившихся там Ахметсани и других татарских интеллигентов. Даже записал мелодию баита от дочери казанского мурзы Гумера Терегулова — Гиффат ханым (16 фото). Дядя умер 25 июня 1925 года. Отец написал на чагатайском языке обстоятельное произведение о его жизненном пути. В письме ко мне он отмечал: «Покойный пользовался у юрматинцев почетом святого. На его похороны со всех сторон собралось огромное множество людей, в последние годы, особенно в советское время, ничье погребение не собирало столько народу». Немало любопытного было в жизни покойного. Возможно, найдется когда-нибудь ее исследователь. Позже я узнал, что его сын и дочь получили высшее образование в русских учебных заведениях и теперь занимают ответственные должности.

Словом, так уместно прочитанные дядей Хабибназа-

ром на моей свадьбе осенью 1919 года арабские стихи я часто вспоминал потом с большим волнением.

Наше с Нафисой бракосочетание приветствовали телеграммой командиры наших войск на Украине и Муса Яруллах из Петрограда.

Подготовка для переезда в Оренбург

В Стерлитамаке наше правительство организовало все государственные учреждения, открыло школы. Больницы обеспечивались соответствующими медикаментами и оборудованием, вывезенными с Украины. Шла интенсивная работа, но мы постоянно вели подготовку для переезда в Оренбург. Благодаря моим хлопотам и содействию Фрунзе, Москва согласилась вернуть башкирские части с Украины и придать их Туркестанскому фронту. Но когда наши войска погрузились в эшелоны и готовы были ехать в Башкортостан, в первых числах сентября Троцкий и Вацетис распорядились отправить их на Петроградский фронт. На Украине была оставлена только бригада Муртазина. Немало усилий приложили эти люди и к тому, чтобы отдалить Муртазина от нас, испортить наши взаимоотношения и держать его бригаду отдельно от других башкирских соединений. Он и сам понимал это и горько переживал. Делались также попытки рассорить единых до сей поры башкирских лидеров, приняв иных из них в ряды Коммунистической партии.

После того как город Актюбинск вновь перешел в руки красных, председатель ВЦИК Михаил Калинин провел 19—21 сентября в Оренбурге совещание о положении на Восточном фронте. В нем приняли участие Фрунзе, известный Сафаров,[50] коммунистические руководители из Уфимской и Оренбургской губерний. Пригласили и меня.

На автомобиле, подаренном мне Лениным, я выехал из Стерлитамака в Оренбург. Бензин был плохого качества, камеры колес латанные-перелатанные и потому, опасаясь, что можем застрять в дороге, ехали в сопровождении оседланных коней. Автомобиль по дороге несколько раз выходил из строя. И горючее, и сам автомобиль были хуже некуда, выхлопная труба то и дело выстреливала, напоминая пушечную пальбу. Дополняла картину и худая камера, лопавшаяся с неменьшим шумом, и мы останавливались, чтобы залатать ее. Башкиры, встречающиеся в пути, спрашивают: «Почему так плохо ходит твоя автономия?» Путали два понятия — автомобиль и автономия. Как бы то ни было, добрались до Оренбурга.

Сафаров и компания организовали в городе «Пропагандистский поезд востока», на котором был даже печатный станок с арабским шрифтом. Прибыли представители Хиндустана. На совещании они тоже взяли слово. Один из них, фамилия которого забылась, рассказывал: «Оказывается, состоялся обмен мнениями между Лениным и Валиди по поводу проекта Мавляви Баракатуллы, об этом сказал сам Ленин во время беседы с нами». Другой переводил его с английского на русский. Они еще не знали, что Валидов, обсуждавший с Лениным проблемы Азии, и Валидов, присутствующий на этом заседании, одно и то же лицо.

Тот гость был из числа близких соратников индийского либерала Неру, тогда я тоже этого не знал. Только во время встречи в Дели в 1964 году с Неру услышал из его уст рассказ о том, что один из его единомышленников, ныне покойный, побывал в России и после возвращения упоминал и мое имя, что меня, естественно, сильно удивило.

В беседе с Калининым эти индийские представители одобрили создание башкирского войска и воинских частей других восточных народов (узбеков, казахов, туркменов). Однако председатель Коммунистической партии Оренбурга Акулов и упомянутый мной выше Бройдо выступили против этого мнения индийских представителей и моего предложения. Всей своей сутью это были русские империалисты.

26 октября Фрунзе еще раз пригласил меня и других башкирских и казахских представителей в Оренбург, чтобы посоветоваться по проблемам Туркестана. Высказал мнение о необходимости размещения обоих правительств именно в Оренбурге. В те же дни напечатал свои замечательные статьи, посвященные вопросам Туркестана. Позднее они были опубликованы в его воспоминаниях. Но все эти глубокие идеи разрушались в Москве, а коммунисты Оренбурга и Уфы прилагали все усилия, чтобы помешать претворению их в жизнь.

Ученый Риза Фахретдинов, поэт Закир Рамиев

В этот свой приезд я встречался со знаменитым ученым восточных тюрков Ризаитдином Фахретдином и великим поэтом Закиром Рамиевым, который жил раньше в Орске.

Уважаемый ученый Ризаитдин (Риза) говорил, что он непрестанно молится за успех нашего дела и что очень доволен тем, что его собственные сыновья тоже сотрудничают с нами. Перед моим уходом почтенный ученый при-

жал мою голову к груди, глаза его наполнились слезами. Во взгляде у него застыл безмолвный вопрос: «Какие же еще испытания ждут нас?»

Я сказал ему: «В этой жизни, объятой пламенем, мы будем искать пути правды, пробиваясь сквозь пекло. Может быть, плодами нашей борьбы воспользуются уже будущие поколения. А пока нам надо убедиться, что в нашем народе не умерли отвага, вера в свои силы. Если эти чувства не угаснут, когда-нибудь и наш народ станет жить как свободная нация».

С просветленной душой я ушел от хазрета Ризаитдина. Хоть на глазах у него и стояли слезы, он сохранял спокойствие и степенность мудреца. Даже в такое грозное время он продолжал работать в тиши своей богатейшей библиотеки, проникая в глубь веков, и это придавало мне силы. Долго не выходили его проникновенные слова из моей памяти.

В 1926 году по пути в Мекку на конгресс он останавливался в Стамбуле. На обеде хазрет вспоминал при гостях о нашей встрече в Оренбурге и те слова, которые были тогда сказаны мной, чем всех нас очень порадовал.

Посетил я в ту поездку в Оренбург (а, может быть, в другой раз, летом?) и бывшего миллионера поэта Закира Рамиева, который жил теперь одиноко. Он был влюблен в чагатайского поэта Алишера Навои и при встрече вспомнил, как двенадцать лет назад я читал на память стихи Навои, а сам Закир-бей, подражая ему, написал несколько своих стихотворений.

Закир-бей был болен, лежал на диване, и подушка под его головой оказалась плохонькой. Он сказал, что по утраченному богатству не горюет, но тревожится за судьбу своего народа.

Перед уходом, у самого порога, я вспомнил одно стихотворение Алишера Навои, смысл которого заключается в следующем: «Забираешь жизнь мою, что тяжелее самой смерти? Забираешь слезы мои, которые льются от горя и тяжелых дум? Или заберешь саму горестную голову, что лежит на камне? Может, достаточно тебе этого камня, что под моей головой, полной горестных мыслей?»

И действительно, подушка под головой поэта была подобна камню. Я сказал ему, что дал хазрету Ризаитдину некоторую сумму золотых и бумажных денег, и если поэт позволит, хотел бы оказать посильную помощь и ему.

Пленные турки

Когда я вернулся в Стерлитамак, возникла проблема турецких пленных. Эти пленные, вернувшиеся из Сибири и застрявшие на отрезке железной дороги между Уфой и Самарой, просили нас помочь им уехать на родину. Я выпросил у Троцкого вагоны, якобы для наших военных нужд. Вагоны имели сто двадцать мест каждый. Одну часть пленных я отправил в Ташкент, другую — в Астрахань. С огромным трудом мне удалось вырвать локомотивы, необходимые для перевозки товаров и войск. Я был вынужден по этому случаю даже вступить по телеграфу в спор с Лениным и Троцким. Они сочли этот мой шаг как еще одну «авантюру».

А Фрунзе признал мою правоту. Если бы не дружба и доверие, которые проявлял ко мне этот человек, если бы я не был связан словом, данным мной таким представителям красных, как Фрунзе, Рыков, и не сохранял верность подписанным соглашениям, то я ушел бы от Советов и вновь стал на путь борьбы с ними.

В разговоре с редактором газеты «Правда» я подчеркивал, насколько важно, чтобы во взаимоотношениях с нами, народами Востока, Советы сохраняли верность достигнутым соглашениям. Однако, судя по рапортам Бройдо, попавшим тогда в наши руки (недавно некоторые из них были опубликованы самими Советами), мнение коммунистических организаций соседних с Башкортостаном русских губерний Сталин ставил выше мнения Фрунзе и его товарищей. В одном рапорте Бройдо писал: «Оренбург превратился в точку объединения мусульман на Востоке России. Валидова нельзя сюда допускать. Следует натравить на него Муртазина. Надо поставить себе обязательной целью испортить отношения между башкирами и казахами. Именно так поступал Неплюев, он действительно был великим политиком. Валидова необходимо изолировать от других тюркских народов».

Неплюев, упоминаемый Бройдо, в XVIII веке при Петре Великом и дочери его Елизавете управлял из Оренбурга всей восточной Россией, а до этого был дипломатом в Стамбуле, сослужил великую службу своему государству.

«Башкирпомощь»

Все эти интриги в особо отвратительной форме проявились в «Башкирпомощи». 6 октября комиссия Совета народных комиссаров рассматривала врученные Ленину еще в мае документы о награбленном красными у башкир имуществе и скоте и по-

становила выделить нам авансом сто пятьдесят миллионов рублей. Ленин и Сталин считали это решение как исключительное благодеяние в отношении башкир и прислали приветственную телеграмму. Чтобы завоевать их доверие, Ленин направил в Стерлитамак нескольких своих близких соратников для распределения этой помощи. Как потом выяснилось, она предназначалась для «внутреннего расслоения башкир» путем создания тут «комитетов бедноты» и «Коммунистических ячеек».

В то же время Сталин заслал в Башкортостан своих тайных агентов, которые настраивали против нас семьи, эвакуированные в годы мировой войны из западных губерний России и Прибалтики. Мы их называли «временными переселенцами Запада». Агитаторы подчинялись человеку по фамилии Самойлов, который был направлен в Башкортостан Центральным комитетом для организации ячеек Коммунистической партии. Позднее (1933) этот давний друг Ленина и Сталина напечатал свои воспоминания под названием «Малая Башкирия в 1917—1920 годах», в которых собственноручно разоблачил всю фальшь политики Центра по отношению к нам. Зная, что проводимая Советами коварная и лицемерная политика ведет к трагедии, я выехал в Петроград для проверки положения наших войск. Вся ответственность за дела на месте легла на председателя Ревкома Хариса Юмагулова. О том, что глава Оренбургского Совета Акулов написал донос в Центральный комитет, охарактеризовав отправку мной пленных турков в Ташкент «признаком пантюркизма», я узнал только в день своего отъезда из Стерлитамака. Это меня глубоко расстроило. И то, что помощь Башкортостану принимает такой оборот, вызвало большое беспокойство. Выходит, за всем, что делают Советы под видом добра, таится огромное зло.

Наша деятельность в Петрограде

Для помощи нашим войскам я привез несколько вагонов продовольствия. Петроград голодал. Все с жадностью взирают на вагоны, заполненные мясом и маслом. Жену и сына моего старого друга профессора Самойловича арестовали, когда они везли из соседней губернии мешок картошки, и заперли в подвал Николаевского вокзала. Я помог им освободиться, дал мяса и масла. Выделил масла, мяса и сахар семьям других известных востоковедов — Бартольда, арабиста Крачковского, монголоведа Владимирцова[51], ираниста Розенберга[52] и некоторых других, за что они до конца жизни благодарили меня. В 1926

году, будучи в Стамбуле, академик Бартольд говорил об этом сам.

Вечером в день моего приезда пригласил меня в гости старый друг Ленина председатель Коминтерна Зиновьев. Он жил в гостинице «Астория», где остановились и мы. Собрались у него и командиры советских войск. Прибытие башкирских полков было использовано здесь в преувеличенно-пропагандистских целях. Я рассказал о проблемах и нуждах Башкортостана, попросил выделить нам научные пособия и оборудование, которого было много в научных учреждениях Петрограда. Попросил помочь нам, как было на Украинском фронте, и медикаментами, клиниками, а также печатными станками и пишущими машинками, гостиничным оборудованием, железообрабатывающими станками. «Что делать, получишь»,— ответил Зиновьев.

Загрузив всем этим имуществом прибывшие из Башкортостана продовольственные вагоны, отправили их обратно. Удалось вывезти и несколько специальных библиотек. Все это предназначалось для привлечения кадров и открытия в Стерлитамаке одного высшего учебного заведения, медицинской школы и создания статистического управления. В связи с тем, что в Петрограде царит голод, желающих поехать к нам ученых специалистов было много. Потому, что мы произвели на жителей Петрограда самое благоприятное впечатление, больше всех, наверное, радовался имам Петроградской мечети Муса Яруллах-эфенди. Он сказал: «Петроград — город рабочих и коммунистов. Они легко отбросили бы отсюда Юденича и без ваших войск. Однако нынешние добрые отношения предоставляют вам большие возможности. Воспользуйтесь же этим». Имам помог нам в подборе известных русских врачей и учителей, которых знал лично, в приобретении нескольких лабораторий.

Я часто встречался с Зиновьевым. Были заметны его разногласия со Сталиным, к ним примешивалось еще и чувство ревности. Распространяясь о Сталине, он, как я понял, был не прочь сделать меня своим союзником.

В гостинице «Астория» жили и красноармейцы. Они вспарывали матрацы и перины, чтобы сделать из них портянки, и птичий пух разлетался по улицам, колотили ванны и унитазы, дорогие люстры и зеркала. Не в пример красным, наши солдаты были куда более дисциплинированными и воспитанными. Тем не менее, квартировавшие во дворце графа Румянцева башкирские воины с моего разрешения взяли часть хранившегося там имущества.

Оказывается, в царские времена в одном крыле дворца располагалось японское посольство. Его сотрудники, покидая Россию, оставили тут часть своего имущества. Среди вещей были подарочные изделия, достойные стать музейными экспонатами, письменные приборы из серебра, тонкой и изящной работы, тетради для заметок, художественные альбомы. Я раздал все это нашим офицерам. Солдаты приносили и предлагали приехавшей со мной в Петроград жене Нафисе оставшиеся в гардеробе графини Румянцевой сшитое из ценных мехов манто, прочую дорогую одежду. Мы, разумеется, не тронули даже иголки. Позднее Зиновьев похвалил меня за это. Через несколько месяцев японцы потребовали от правительства Советов возвращения своего имущества, но так как мы его не отдали, Ленин, якобы, ответил им: «Эти вещи уже в волчьей пасти».

По приказу Троцкого, 16—17 сентября два наших пехотных и два кавалерийских полка с Украинского фронта были переброшены на Псковский фронт и в Петроград. Войска, направленные 15 сентября из Белебея под командованием полковника Хасана Ахмерова, состояли из трех пехотных полков. Всего одиннадцать тысяч человек. Способных участвовать в боевых действиях — шесть тысяч двести тридцать. Остальные — тыловые подразделения. Эти силы в основном заставляли маршировать по улицам в целях все той же пропаганды. В то же время, зная, что башкиры отличались среди красных своей воинственностью, к ним относились с симпатией и завистью. О том, что в войсках Юденича их называли «дикими башкирами», я узнал значительно позже, работая в Стамфорде в архивах Военной библиотеки Гувера.

Башкирам под Петроградом был определен отдельный боевой участок, они представляли собой самостоятельную группировку. Военный штаб находился в пятнадцати верстах от Петрограда в Пулковской обсерватории. В дни нашего пребывания (20. X) третий конный и третий пехотный полки участвовали в жестоком сражении с войсками Юденича под Царским Селом. В этом бою, продолжавшемся целый день, было ранено и пропало без вести семьдесят человек. Несколько солдат погибло, один офицер получил рану. Через два дня в таком же ожесточенном сражении возле деревни Кулма ранено до сотни наших солдат, погибших не было. Бои продолжались 24—31 октября, но наши обошлись без потерь.

Башкирские войска проявили себя в тех боях с наилучшей стороны, за это их перевели в Петроградские

казармы. Выяснилось, что в результате двухдневных боев в плен к Юденичу угодили около семидесяти человек. Позднее им удалось бежать, и они благополучно вернулись в Петроград в свои части. Я посетил лазарет, каждому из раненых преподнес привезенные с родины продукты и подарки.

16 ноября после перехода Ямбурга в руки красных с Юденичем было покончено. Хотя Туркестанский фронт нуждался в поддержке и пополнении, башкирским войскам не было разрешено туда перебраться. Одну часть отправили в Новгородскую губернию и разместили в Муравьевских казармах.

История боев под Петроградом описана политическим комиссаром группы башкирских войск Хидиятом Сагадиевым и командиром группы Алишевым в книге «История башкирской революции». Однако эта работа, рукопись которой находится в моих руках, по сей день не издана. Авторы писали о том, что 11-тысячное башкирское войско сумело внушить Юденичу страх, а у антисоветских кругов вызвало симпатию и надежду, что в один прекрасный день оно повернет оружие против красных и поможет вернуть царя: с другой стороны, решительность и мужество башкирских бойцов на Петроградском фронте вызвали у VII Красной армии чувство ревности. Сам факт перевода наших в Новгородскую губернию был продиктован именно чувством зависти и неприязни.

В той поездке в Петроград рядом со мной был и мой соратник Фатхелькадир Сулейман (Абделькадир Инан). Мы выпросили из Салтыковской библиотеки и Библиотеки Академии наук несколько редких исторических книг для временного пользования. С некоторых из них нам удалось сделать фотокопии. Сопровождал меня мой адъютант Ибрагим Исхаков, который потом был со мной и в Турции.

Снова Стерлитамак и снова Москва

Выехав 15 ноября из Петрограда, 17 ноября мы добрались до Стерлитамака. Вернулись в больших трофейных вагонах. 17 ноября — день провозглашения независимости Башкортостана. Отметили праздник. Надо сказать, было немало выпито. Приехавший в Стерлитамак мой отец, увидев такое шумное веселье, ретировался со словами «Астагафирулла!» и пришел лишь утром следующего дня. Истолковал мне один рассказ, помещенный в книге «Тазкират ал-аулийа» Аттара: халиф Омар и Абдар-Рахман оказались на пиршестве мусульман, где пили вино. Эти двое, хоть видели греховное веселье, сделали

вид, что ничего не замечали, и ушли. Преследовать грешников и разоблачать их грехи халиф Омар считал для себя делом недостойным.

Не желая вводить нас в краску, вечером отец не стал заходить к нам. Я сказал ему: «Отец, боюсь, что от чувства стыда времен хазрета Омара у нас осталось лишь пустое место, вот я чего стыжусь».

Долго пробыть в Стерлитамаке не пришлось, отправились на VII съезд Советов, который должен был состояться 5—6 декабря в Москве. За несколько дней до моего возвращения из Петрограда (8—11 ноября) прошла первая конференция Коммунистической партии в Башкортостане. Там возглавляемые Юмагуловым башкирские коммунисты столкнулись с русскими. В Башкортостане насчитывалось около семисот коммунистов и большинство из них русские, и они чувствовали себя здесь полноправными хозяевами, а нас, беспартийных деятелей национального движения, считали временными функционерами.

Среди участников Московского съезда Советов как член нашего правительства и одновременно в качестве делегата предстоящей конференции Коммунистической партии значился и мой друг и единомышленник писатель Абделькадир Инан. Из Казахстана на VII съезд прибыл мой старый друг Ахмед Байтурсун, из Букейской Орды — Тунгачин. Так как и на партийной конференции, и на съезде Советов принималось специальное постановление «Об угнетенных нациях», нам предложили выступить. Казахская делегация заявила Сталину, что я произнесу речь и от их имени. Он сказал, что от казанских татар выступит Саитгалиев. Мы (казахи, узбеки, башкиры) собрались вместе и обсудили содержание моего выступления, которое должно было выражать наше общее мнение.

Сказанное мной на том съезде я заново прочитал в «Стенографическом отчете Седьмого Всероссийского съезда Советов» (стр. 17—18) на русском языке в 1957 году при посещении военного музея Стамфордского университета Америки. Смысл выступления таков: «Мы верны идее мировой революции. Мы, башкиры, казахи, киргизы, туркестанцы, являемся мусульманами, но далеки от фанатизма. Мекка и Медина сегодня оккупированы англичанами. Хотя культура тюркских народов Востока едина с культурой ислама и Ирана, события, происходящие в Мекке и Медине, нас не особенно беспокоят. Вместе с русским пролетариатом мы будем заниматься своими внутренними делами».

Человеком, предложившим коснуться проблем захвата Хаджаза англичанами, был друг Сталина грузинский коммунист Элиава[53]. Но мы не стали, говоря о внешней политике Советов, приспосабливаться к ней и присоединять свой голос к заявлениям типа: «Мы, мусульмане Восточной России, вместе с мусульманами всего мира шлем проклятье англичанам». Почему-то недовольный нашим выступлением, Саитгалиев (стр. 15—17), говоривший от имени казанских коммунистов, вспомнил о том, с каким волнением Габдрашит Ибрагим рассказывал народу на «Сенном базаре» в Казани о захвате Мекки, Медины англичанами и начал вовсю поносить их. После окончания съезда Элиава пригласил к себе нас с Ахмедом Байтурсуном и выразил удовлетворение тем, что мы не пускали мыльные пузыри слов и не занимались пустой демагогией. Это была дипломатическая речь, сказал он. Однако Сталин выразился о нас иначе: «Похоже, у них есть своя особая политика». Моя речь ему явно пришлась не по душе. Об этом нам сообщил позднее Султангалиев. В отличие от Саитгалиева, он вполне разделял нашу позицию.

Участников съезда было множество. В ту пору меньшевики еще не порвали отношений с большевиками. Были на съезде и такие деятели из евреев, как Мартов, Либер и Дан. Ленин усадил их в царской ложе, поставив в двусмысленное и смешное положение. В то время у меньшевиков и группы эсеров было сильное желание объединиться с большевиками. Я встретился с одним из таких людей, министром иностранных дел бывшего Самарского правительства Комуча Веденяпиным. Настроение у него было подавленное, ибо коммунисты рассматривали свои отношения со всеми политическими деятелями с точки зрения собственной выгоды. Скажем, Ленин, исходя из перспектив своей восточной политики, считал нас полезными в будущем людьми, с этих позиций и определял нашу значимость и роль. К Веденяпину же, каким бы уважаемым и значительным человеком он не был, относился как к личности, «чья песенка спета». Веденяпин понимал всю унизительность своего положения, и в том была причина его подавленного состояния. «В Самаре, Уфе и Оренбурге я представлял вас человеком с твердой волей,— сказал я ему.— Но вы устали от событий последних лет. Старайтесь держаться...» Позднее я узнал, что этот благородный человек наложил на себя руки.

Видел я и председателя партии эсеров Чернова, который одно время побывал у нас в гостях, а также других известных людей.

Встреча с Шаляпиным

По окончании съезда мы присутствовали на большом концерте. Шаляпин пел русскую «Дубинушку». Среди примерно двух тысяч шумных зрителей голос Шаляпина звучал во всю мощь, было отчетливо слышно каждое его слово. После концерта я зашел за кулисы к Шаляпину. Издавна все побаивались его крайнего высокомерия. В его отношении ко мне ничего подобного не было, напротив, он разговаривал со мной исключительно доброжелательно. В конце 1918 года, в пору попыток установления мира с Советами, я обращался за поддержкой к Горькому и Шаляпину. Едва увидев меня, Шаляпин шутливо воскликнул: «Письмо-то вы написали, да пользы от меня не было никакой. Если опять затеете подобное движение, ради бога, не пишите мне писем!» — и громко рассмеялся. То есть, считал меня человеком, способным вновь устроить бунт. Однако эти слова он изрек только потому, что рядом не было ни единого лишнего уха. «Шучу, верю, что в дальнейшем будете умнее. Тем не менее, верить им (то есть, большевикам) очень трудно»,— добавил он. Действительно, позднее он уехал из России и ни разу потом не приезжал. В 1935 году я встретился с ним уже в Австрии, в Кицбюэле. А первое наше знакомство состоялось еще в 1915 году в Мустамяки, когда он был у Горького. Но как оперного певца я слушал его с 1910 года и очень любил. Особенно глубокое впечатление производила в его исполнении партия Бориса Годунова, мы неистово ему аплодировали.

Встречи с Лениным

После съезда Советов меня пригласил к себе Ленин. Ему надо было обменяться мнениями по запискам индийского либерала по имени Мухандер Партол. Этот человек исследовал положение Южной и Средней Азии, исходя из интересов индийцев-немусульман, постарался определить, что должны в этой связи предпринять Советы. О его записке мне говорил также Троцкий. Мухандер Партол и его единомышленники приложили немало усилий, чтобы объединить движение индийцев и мусульман в борьбе за освобождение от английского гнета. Еще за два месяца до встречи с Лениным Партол отыскал меня в представительстве Башкортостана в Москве, и мы переговорили с ним о многих проблемах. Я дал тогда ему понять, что подобно тому, как для освобождения Хиндустана от англичан необходимо объединение мусульман и индийцев, так и индийцам следует внушить Советам мысль о том, что они должны признать политические права мусульман Средней

Азии. Надо помнить, говорил я, что это тесно связано с интересами освободительного движения Хиндустана.

В пространной записке Мухандера Партола имелся и такой пункт: он предлагал создать в Туркестане индийский центр. Было упомянуто и мое имя. Я понимал, с какой целью Ленин дал мне прочитать эти записки о проблемах Средней и Южной Азии; он хотел определить, какую пользу можно извлечь из всего этого в будущем. В ходе беседы я сказал Ленину: «Афганцы хотят отдать англичанам концессию на строительство железной дороги от Кветты через Кандагар к Российской границе до Кушки. Не грозит ли это интересам России? Как бы то ни было, в тех областях Афганистана, по которым пройдет железная дорога, усилится культурное и политическое влияние англичан и индийцев». Ничуть не колеблясь, Ленин на это реагировал так: «Ну и что, если усилится? Они принесут туда капитализм, следовательно, возникнет афганский железнодорожный пролетариат. А пролетариат, в конечном счете, станет нашим, ведь не будут же капиталисты сами таскать уголь в локомотивы?» Мне очень понравилось, что Ленин является таким реалистом и оптимистом.

На той же встрече Ленин задал мне ряд вопросов, как бы экзаменуя степень моего знакомства с марксистской литературой. Я в свою очередь показал ему сочинение человека по фамилии Ульянов, который еще в середине XIX века писал об этнографии нерусских народностей, в частности чувашей, проживавших в Казанской губернии. Содержание книги совершенно ясно свидетельствовало, что автор владеет татарским и чувашским языками. «Этот Ульянов не ваш родственник? В вашем происхождении нет ничего татарского или чувашского?» — спросил я Ленина. Он ответил, что никогда не интересовался своим происхождением, а вот автором книги поинтересуется, ибо до сих пор не слышал, чтобы кто-нибудь из его родственников напечатал когда-либо подобное научное сочинение.

В этой непринужденной и открытой беседе Ленин поинтересовался, какими научными, этнографическими проблемами я занимаюсь. О себе он сказал: «Я, к сожалению, такими вопросами не занимался, меня больше привлекали экономические проблемы». Я коснулся судьбы нашей республики. «По этому вопросу будете вести разговор на заседаниях руководимой Калининым и Рыковым «Киргизско-Башкирской комиссии»,— ответил он. Выражать свое мнение воздержался, ушел от разговора.

Если бы они были положительными, он бы их высказал, подумалось мне. Раньше он так именно и делал. Значит, не на нашей стороне, сделал я про себя вывод.

После довольно продолжительной беседы я с беспокойством поднялся с места. Перед самым моим уходом Ленин сказал: «Было бы хорошо, если бы вы вступили в партию, я желал бы сотрудничать с вами и в рядах партии». Я же подумал про себя: насколько он искренен в своих словах «желал бы»? Как бы то ни было, в этот раз он говорил со мной о многих вещах и говорил вполне открыто.

Я попросил его разъяснить некоторые места в его известных трудах «Против течения» и «Материализм и эмпириокритицизм», который появился в 1909 году под псевдонимом «Ильин». «Когда вы его читали?» — спросил Ленин. Я ответил, что в 1915 году в Уфе. «Значит, вы читали еще в царское время, когда подобные произведения были под запретом и распространялись тайно. А знали, что Ильин — это я?» Я сказал, что мне сказал об этом Цюрупа.

То, что я с 1915 года был знаком с одним из ближайших его друзей — Цюрупой, привлекло внимание Ленина. «А вы не вступали в партию?» «Нет, я только знал Цюрупу, он мне верил, давал разную запрещенную литературу»,— ответил я. «Эта книга теперь порядком устарела, но думаю, она не изменила ваше отношение к религии?» — спросил Ленин. «Нет, по-моему, человек, борющийся за победу социальной революции во всем мире, не должен верить в случайность зарождения мира. Мне ближе мысль о создании Вселенной неким Мировым духом»,— ответил я. «Многие наши старые товарищи придерживаются таких же взглядов, это не мешает быть членом партии. Мне нравится, что вы так искренни в разговоре»,— сказал он.

Последнюю часть беседы мы вели стоя на ногах, когда Ленин вышел из-за стола, чтобы проводить меня. Стало ясно, что они решили принять меня в члены партии.

Попытка объединения Башкортостана и Казахстана

Спустя несколько дней после разговора с Лениным те же слова мне и моему казахскому другу Ахмеду Байтурсуну повторил Сталин: «Хотя вы и защищаете свои национальные интересы, мы знаем вас как общественных деятелей, признающих идею мировой революции. Конечно, ваше понимание идеи несколько отличается от нашего. На родине у вас обоих нынче рождается партия. Мы желаем видеть вас в ее рядах. Дальнейшие события будут отталкивать в сторону тех, кто останется вне партии. Вы и сами знаете, что среди русских и представителей других народов немало подобных вам защитников национальных интересов, и эти люди являются членами партии». Мы ему ответили, что посоветуемся с единомышленниками и после этого дадим ответ.

Суть предложения была понятна: лишить нас свободы действия, подчинив партийной дисциплине. Ранее мы попытались создать партию «Ирек» («Воля») и войти в Коминтерн в качестве самостоятельной организации. А сейчас, посоветовавшись, решили объединить партию «Ирек», казахскую партию «Три жуза», узбекскую «Туде» в «Союз коммунистических партий юго-восточных мусульман» и просить принять его в Коминтерн в качестве самостоятельного члена. Несмотря на то, что Сталин вначале выразился обнадеживающе, сказав «это возможно», впоследствии нам было отказано в регистрации. В итоге мы напрямую стали членами Коммунистической партии. В связи с тем, что «Центр коммунистов Востока», руководимый Султангалиевым, вел открытую пропаганду против ислама, Сталин распорядился «казахским, башкирским и туркестанским коммунистам подобную работу не поручать».

В последних числах декабря «Киргизо (казахско)-башкирская Комиссия» под руководством Калинина и Рыкова провела два заседания. На них должны были обсуждаться общие проблемы Туркестана, Казахстана и Башкортостана и вопросы их совместной работы, в том числе превращение Оренбурга в единый для них центр, создание национального войска. Заседанию Комиссии в Кремле предстояло решить наше будущее и наши отношения с Советами. В разговоре приняли участие Калинин, Рыков, руководители коммунистов Оренбургской и Уфимской губерний, в том числе Эльцин, от Башкортостана — я и Фатхелькадир Сулейман (проф. Абделькадир Инан), мой адъютант Габдрашит Бикбавов, от Казахстана Ахмед Байтурсун, Туркестана — русский коммунист Коростылев, Мухамеджан, Хусаин Кинзин, Абдельхаким Букейханов, Тунгачин, из Узбекистана Аралбай сын Утарбая, Ибрагим Хусаин.

На первом заседании преимущество было на нашей стороне. На второе заседание русские решили пригласить татарских коммунистов Москвы Саитгалиева, Бурундукова и Шамиля Усманова и с этим предложением обратились в Центральный Комитет партии. Казахские и узбекские делегаты выступили против их приглашения и напомнили, что данная Комиссия, образованная из представителей Туркестана, Казахстана и Башкортостана,

призвана изучить спорные вопросы, связанные с русскими переселенцами в этих регионах, а татары к этому не имеют отношения. Однако очень скоро татары присоединились к нашему заседанию. Это было делом рук Сталина.

Часть вопросов, намеченных для обсуждения в Комиссии, уже были рассмотрены отдельным пунктом повестки дня на I конференции Коммунистической партии Башкортостана, проходившей 8—11 ноября 1919 года в Стерлитамаке. Ставились они и на Втором съезде Коммунистических организаций мусульманских (восточных) народов, состоявшемся 22—24 ноября в Москве и на VII съезде Советов. Вот примеры.

С одной стороны, сам Ленин на том партийном съезде мусульманских организаций выступил с большим докладом о праве народов Востока на самоопределение. Далее. В обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 20 ноября (3 декабря) 1917 г. и в резолюции «Об угнетенных нациях», принятой на Седьмом съезде Советов (5—9 декабря 1919 г.), это самое право на самоопределение было провозглашено в громогласных выражениях и утверждалось, что оно гарантируется Советской властью.

Но, с другой стороны, правительство Казахстана (Ревком) было отправлено в начале октября в захваченный в те дни красными город Актюбинск, а правительство Башкортостана — в Стерлитамак. Ускоренными темпами стала осуществляться идея создания между ними русской губернии с центром в Оренбурге. Также в спешном порядке началось вооружение русских переселенцев в Башкортостане и Казахстане; делалось это за спиной наших национальных войск. Советский историк Раимов (361 стр.) назвал это «политикой изоляции Валидова и отделения народа от буржуазных националистов».

В процессе противоборства на заседаниях Комиссии Калинин уговорил татарского коммуниста Саитгалиева выдвинуть идею создания «Татаро-башкирской автономии», русские коммунисты заставили его высказать мнение, что, мол, «Объединение Башкортостана и Казахстана оказалось бы неестественным совокуплением». Люди, типа выше названных Бройдо и Пестковского*, сделали все, чтобы возродить коварные методы Неплюева времен Петра Великого и императрицы Елизаветы по разобщению ка-

*Пестковский С. С (1882—1937)— заместитель наркома национальностей РСФСР в 1918—1920 гг., председатель Киргизского ревкома, затем на дипломатической и научной работе.

захов и башкир. Когда вышеупомянутые записки мы показали Сталину, он произнес с якобы пренебрежительным к Бройдо тоном: «Чепуха, какое это имеет значение». Отвергнув возможность объединения правительств Казахстана и Башкортостана в Оренбурге, свели на нет «татаро-башкирскую» идею: заставили все того же татарского коммуниста Саитгалиева высказать на этот раз мысль, что татары и башкиры должны жить отдельно, самостоятельно. Несмотря на то, что входивший в состав Комиссии Рыков относился к нам доброжелательно, в разговор он не вмешивался. Было принято решение, что столица Казахстана будет находиться в Актюбинске, а Башкортостана — в Стерлитамаке. Таким образом, проблему единения восточных тюрков Комиссия решила в пользу русских.

Однако не все татарские коммунисты руководствовались в этом вопросе единым мнением. В своей записке Калинину Мирсаит Султангалиев дал понять, что он придерживается иных, чем три его товарища, взглядов.

Причина этого заслуживает внимания: перед сбором Комиссии в Москве председатели Коммунистической партии Оренбургской и Уфимской губерний Акулов и Эльцин встретились с Султангалиевым и пытались его склонить голосовать против единения казахов и башкир в Оренбурге как общей столице. Тогда же они открыли ему, что намечается создание «Оренбургской русской губернии» и «Уральской русской губернии», чтобы тем самым разъединить Башкортостан и Букейскую Орду от основного Казахстана. Для достижения этой цели обещали защищать идею Татаро-Башкирской автономии. Там и понял Султангалиев, что главная задача Комиссии, созданной под руководством Калинина, заключается в том, чтобы мусульман Идели и Урала навсегда разделить от мусульман Средней Азии путем организации двух русских губерний. Однако он не посмел объяснить своим товарищам (Саитгалиеву, Шамилю Усманову, Бурундукову) коварный замысел русских и ЦК. Обо всем этом Султангалиев рассказал мне сам спустя пять месяцев после заседаний Комиссии Калинина.

Еще в ноябре 1919 года Султангалиев на Втором съезде коммунистов Востока предложил объединить оставшихся в стороне от Малой Башкирии татар и башкир в единую Татаро-Башкирскую автономную республику, то есть, принял и поддержал идею переезда правительства Малой Башкирии в Оренбург в общее Башкиро-Казахское правительство.

В последние годы благодаря усилиям французов госпо-

дина А. Бенигсена и госпожи Келькеже, которые провели скрупулезную исследовательскую работу, появилось немало новых фактов. После расстрела лидера широко признанного западными учеными движения под названием «Султангалиевщина» Мирсаита Султангалиева в 1929-ом, а его близких товарищей в 1937 году, газеты «Правда» и «Известия» утверждали: «Вина Султангалиева, связанного с агентом империалистических государств Заки Валидовым, доказана». По сути же, после отъезда из России у меня не было никаких связей с Султангалиевым. Однако в обвинении нас советскими газетами, будто Султангалиев и Валидов создали «национальную идеологию и программу» доля истины есть. Наша идеологическая общность родилась после того, как Комиссия Калинина создала две русские губернии, растянувшиеся вдоль Яика до Хазарского (Каспийского) моря, раз и навсегда отделив татар и башкир от казахов, что означало победу политики разобщения тюркских народов. До этого Султангалиев поднимал татаро-башкирскую проблему, но после названных событий склонился к идее союза Малой Башкирии и Казахстана. Что же касается разницы в наших взглядах, то я занимался проблемой тюрков, проживающих восточнее Волги, Султангалиев же был занят проблемами Казани, Крыма и Кавказа, старался установить между ними связь. Правда, он не мог внятно объяснить, на какой основе должна быть установлена эта взаимосвязь. Над ним все еще довлели идеи времен Бюро мусульманской фракции при Государственной Думе, Съездов российских мусульман, идеология газеты «Тарджиман» об «экстерриториальном единстве мусульман».

После заседаний Комиссии я встречался в дружеском кругу и с другими татарскими коммунистами и пытался понять их взгляды на экономические и жизненные основы Татаро-Башкирского единства, но убедился, что в этом вопросе у них нет серьезной позиции. Они хотели присоединить к предполагаемой «республике» даже касимовских татар, живущих недалеко от Москвы. Словом, и тут ни у Султангалиева, ни у его сторонников не было четких ориентиров. Еще одно его отличие от меня: он сотрудничал с коммунистами убежденно, а не от безвыходности, как мы, глубоко верил в коммунизм, всей душой отвергал религию.

Русские члены Комиссии отказались от обсуждения проблемы русских переселенцев в Башкортостане и Казахстане. В итоге Комиссия Калинина, открыто продолжая шовинистическую колониальную политику эпохи царизма, заранее обрекла эти республики на уничтожение. Раимов (стр. 301) так резюмировал ход этих дискуссий: «Валидов, потерпев поражение в партийной организации, после конференции перенес борьбу в советские учреждения. Накануне выезда в Москву на Второй съезд коммунистов мусульманских организаций он телеграфировал представителям Башкирии: необходимо поднять перед правительством РСФСР вопрос «о создании киргизо-башкирского общего правительства в Оренбурге». Иначе говоря, он предлагал произвести слияние башкирской республики с Киргизской (ныне Казахской) республикой, что означало бы осуществление блока башкирских буржуазных националистов-валидовцев с казахскими алашордынцами. Валидов, уже в то время связанный с агентами английского империализма на Востоке, вынашивал еще со времен февральской революции 1917 года идею создания федерации среднеазиатских буржуазных республик. Теперь, в 1919 году, готовя в Башкирии контрреволюционное восстание, он добивался союза с казахскими буржуазными националистами, стремясь оторвать Башкирию от революционной России при поддержке английского империализма в виде «братской» помощи Турции».

Если верить Раимову, мое сотрудничество в Туркестане с Энвер-пашой было заранее мной предусмотрено, словно он уже тогда прибыл в Россию. В нынешней России вся история интерпретируется в подобном искаженном виде. Между тем, самому советскому историку хорошо известно, что в тот момент Энвер-паши в России не было, что не могло быть у меня никаких связей с «английским империализмом».

О решении «Киргизско-Башкирской Комиссии» Раимов пишет: «Комиссия с наибольшей полнотой выявила основное стремление валидовцев — отрыв Башкирии от революционной Советской России. Большинство совещания согласно указанию ЦК РКП(б) отвергло всякие проекты слияния и высказывалось за обеспечение башкирскому народу самостоятельного государственного существования...»

Бухарская проблема

Во время моего пребывания в Москве Троцкий и секретарь ЦК партии Стасова спрашивали меня о возможности участия башкирских войск в уничтожении Бухарского эмирата и условиях этого участия. Я ответил им, что свержение эмира неизбежно, но Бухара должна обрести статус автономного, полусамостоятельного демократического государства

и опираться на собственное национальное войско. Я несколько раз встречался по этому вопросу с находившимися в ту пору в Москве бухарским либералом мирзой Абдель-кадиром и его отцом мирзой Мухиддином. Я пытался им внушить, что на помощь Советов следует согласиться лишь на вышеназванных условиях. Но в то время эти люди действовали, обуреваемые ненавистью к эмиру, и ставить какие-либо условия русским им не приходило в голову.

О том, какое пламя бушевало в моей душе в дни пребывания в Москве, ведомо лишь Богу и мне одному. Но ни перед кем я не обмолвился о том ни единым словом. Если, с одной стороны, я старался обсуждать со Стасовой бухарскую проблему с видом предельно откровенного человека, с другой, думал о том, как помочь вспыхнувшей в Туркестане борьбе против Советов. После заседания Комиссии Калинина Ленин, который вел со мной сладкоречивые беседы всего месяц назад, казался теперь двуличным бесом. Стасова сказала мне, что по бухарской проблеме следует посоветоваться с Лениным. Я ответил: «Очень хорошо». Встретились. Разговор был коротким. По поводу бухарских дел я повторил лишь то, что говорил на Политбюро. О Калининской комиссии сказал: «Благодаря стараниям русских товарищей Оренбургской и Уфимской губерний это дело обернулось трагикомедией, чему способствовали вы сами». Получалось, будто основную вину за это я взваливал на губернских коммунистических руководителей. Впервые в нашем разговоре с Лениным не было искренности. От прежнего уважения к нему у меня не осталось и следа. О записках, которые он сам же просил меня прочитать, Ленин сказал: «Как-нибудь поговорим», и простился, пожав мне руку.

Иногда по вечерам мы устраивали совместно с русскими товарищами застолья с вином. Итоги работы Калининской комиссии жгли мою душу, но гнев свой я скрывал от знакомых коммунистов. Сжимал зубы, старался не пить, чтобы не обронить лишнего слова. Делал вид, что ничего особенного не произошло, мол, не можем найти общий язык лишь с такими людьми, как Эльцин и Акулов.

Мысли о возобновлении борьбы

Между тем в Москву приехал министр иностранных дел Афганистана Мухаммед Вали Хан и его помощник, впоследствии министр просвещения, полномочный посол в Турции и Хиджазе Фаиз Мухаммед Хан. Я несколько раз встречался с ними, бывал на приемах, устро-

енных в их честь. Однако министр иностранных дел Чичерин посоветовал мне не увлекаться чрезмерно афганскими делами, и я, сославшись на войсквые заботы, отдалился от них. Дело в том, что решения Комиссии Калинина ввергли меня в столь подавленное состояние, что лишили желания интересоваться внешней и общей политикой русских. Ленин поручал мне изучить рапорты индийца Мухандера Пратола и записки по проблемам англичан в Афганистане. Мы должны были встретиться по этому поводу. Однако после постановления Комиссии смысла в повторной встрече с Лениным не было. Я отослал ему письменное изложение своего мнения о записках, а сам отправился из Москвы в Петроград. Там я занимался делами наших войск, а в середине февраля вместе с бойцами и товарищами, размещенными в трех вагонах, отбыл на родину. Отныне Москва превратилась для меня в средоточие лжи, двуличия и лицемерия. На Московском вокзале, провожая афганских друзей, встретился с Фаизом Мухаммедханом в их вагоне. О том, что обещаниям большевиков нельзя верить, я объяснил ему с глазу на глаз на фарси.

Однако обратная дорога на родину оказалась долгой. В России царила инфляция. Бумажными деньгами, выданными нам в Москве для государственных и военных нужд, вагон был набит почти до отказа. При этом, пока доберемся до Стерлитамака, цена этих денег упадет еще больше. Путешествие наше длинное. Причина — зимние холода, нескончаемые бураны. Из-за непреодолимого снежного завала на станции Рузаевка, что между Москвой и Самарой, поезд застрял на целую неделю. Из-за того, что солдаты выливали у колес остатки пищи и оправлялись, вагоны буквально вмерзли в лед. Попытки сдвинуть их с места с помощью принесенных из деревень лопат и железных ломов не дали результата.

Среди выдумок советского историка Раимова о нашей деятельности того периода, изложенных в виде книги на 500 страницах, встречаются и кусочки правды. Например, он пишет: «Через некоторое время Валидов начинает руководить басмаческим движением в Туркестане. Он пришел к этому решению во время работы Киргизско-Башкирской (то есть, Калининской) Комиссии». Уехав из Москвы, я открыл трем верным офицерам свой план присоединения к туркестанскому движению. Когда одному из них, моему адъютанту Ибрагиму Исхакову, я дал книгу Массальского о Туркестанском крае и попросил как следует проштудировать, он спросил меня: «Зачем?» Я

ответил: «Может быть, очень скоро отправимся туда». «Изучу»,— сказал он. Решение, принятое в 1920 году в Рузаевке, заключалось только в этом.

Беседы с Троцким

В это самое время в Рузаевку прибыл и простоял там три дня личный поезд Троцкого, направлявшегося в Самару. С ним был и ставший позднее маршалом Буденный, встретились мы и с ним. Моя вынужденная остановка в Рузаевке дала хорошую возможность лучше узнать личность и образ мыслей Троцкого.

Троцкий разъезжал в царских вагонах, в которых работало радио, и он непрерывно рассылал по нему во все концы России свои приказы. Мы встречались с ним много раз. Троцкий занимался тут и военными делами, работал над одним из своих сочинений. Бросались в глаза неуемная энергия, организаторские способности этого человека. Он говорил, что с решениями «Киргизско-Башкирской Комиссии» не согласен и в этом смысле солидарен с Рыковым, что советовал Ленину использовать меня в делах восточных губерний и быть со мной искренним во всем. Сказал и о том, что Сталин стремится отделить башкир от казахов и Туркестана, не стал скрывать своего недовольства Сталиным и имеющихся между ними серьезных разногласий. Впрочем, об этом мне в Петрограде говорил и Зиновьев. В свою очередь, я сказал Троцкому, что он сделал большую ошибку, не направив хорошо подготовленные за лето в Саранске башкирские части на Туркестанский фронт под командованием Фрунзе, а бросил их на Украину. На что он ответил, тогда это было необходимо, и он целиком поддерживал лозунг Ленина «Все против Деникина!», однако позже согласился с переводом башкирских войск с Украины в Туркестан, о чем тогда же говорил мне сам. «Я был готов отдать приказ, но Сталин выступил против пересылки ваших войск на Туркестанский фронт. Я дал вам обещание после успешного завершения дел на Петроградском фронте передать их в распоряжение Фрунзе. Однако Ленин находится под влиянием Сталина. Ну а тот самый непримиримый противник появления в Туркестане таких дисциплинированных и динамичных мусульманских воинских частей, как башкирские»,— сказал Троцкий. Он отметил также желание Сталина приспособить идею всемирной социалистической революции к традициям российского империализма и национальным интересам русских. «Именно из этих соображений ваши войска были отправлены в Муравьевские казармы»,— добавил

Троцкий. Не оставалось сомнений: он является открытым врагом Сталина. Было заметно и его стремление сделать меня своим союзником.

Из этих бесед я получил много сведений о жизни Троцкого в Европе, о его сотрудничестве с Плехановым и другими революционерами. В 1927 году Троцкий был выдворен из России в Стамбул и сидел в полном одиночестве на Принцевых островах в Мраморном море. Я тогда послал ему телеграмму с выражением сочувствия. По его ответному письму было видно, что он хорошо запомнил наши встречи в Рузаевке. Пользуясь той встречей в пути, я предложил тогда Троцкому свой проект увеличения численности башкирского войска, который был принят им. 5 апреля центральные официальные газеты опубликовали приказ военного комиссара, по которому наши войска должны будут состоять из одной пехотной бригады, включающей три полка, и одной кавалерийской дивизии с четырьмя полками, всего из 40 тысяч бойцов. В составе пехотной бригады предусматривалась артиллерийская часть из двенадцати орудий, двух гаубичных батарей, взвода связи и саперного взвода. В кавалерийской дивизии будет четыре артиллерийские батареи. Выполнение приказа возлагалось на военного комиссара автономного Башкортостана, то есть на меня. Выделялись техника и вооружение для создания авиации и милиции. В апреле число войск достигло 27 тысяч человек. Было отгружено для нас и достаточное количество автомобилей. «Я вам верю, буду помогать в меру своих сил и возможностей. Мне доставляет удовольствие содействовать людям, которые хотят работать»,— сказал Троцкий. Сталин всячески препятствовал выделению нам снарядов, но Троцкий снабдил нас и ими в достаточном количестве.

Вилочный мятеж

На границе с Польшей дела Советов резко ухудшились и в апреле поляки захватили Западную Украину и Киев. Узнав об этом, на Урале начал восставать изнемогший от грабежей большевиков сельский люд. То, что Башкортостан в качестве самостоятельной республики стал хозяином своей экономики и, опираясь на собственные вооруженные силы и национальное правительство, способен защитить народ от посягательств красных грабителей, отчетливо продемонстрировало перед народом положительные стороны автономии, против которой велась (особенно среди татар) усиленная пропаганда. Безоружные крестьяне татарских деревень Уфимского, Белебеевского и Мензелинского

уездов, взяв в руки деревянные и железные вилы, в январе 1920 года подняли стихийный разрозненный бунт, который получил название «вилочного мятежа». Распространялись листовки такого содержания: «Войска Заки Валиди начали борьбу по уничтожению коммунистов, идут к нам на помощь».

Во время моего пребывания в Москве и Петрограде Ревком Башкортостана укрепил нашу самостоятельность, создал комиссариат иностранных дел, назначил его комиссаром человека по имени Ракай, который хорошо знал иностранные языки. Ведомство это должно стать общим для Казахстана и Туркестана управлением по иностранным делам. Ракаї являлся коммунистом, направленным из Москвы в Башкортостан для налаживания почтовой и телеграфной связи, хорошо относился к восточным народам, особенно к башкирам и казахам, владел казахским и некоторыми европейскими языками, был одним из правнуков известного ученого Рычкова[54].

Родившихся и выросших в Туркестане русских людей мы воспринимали как своих. Например, мы желали видеть во главе Туркестанского фронта уроженца города Пишпека* румына Фрунзе; некоторые наши товарищи хотели, чтобы комиссариат иностранных дел Туркестана возглавлял Ракай. Во всяком случае, они не видели ничего предосудительного в том, чтобы эту должность исполнял русский человек. Во главе людей, увлекающихся этой мыслью, стоял председатель Башкирского правительства Харис Юмагулов. Ракай, к примеру, верил, что и в будущем самостоятельный Туркестан сохранит добрые отношения с Россией, поскольку был врагом империалистической политики русских коммунистов.

Во время моего пребывания в Москве здесь произошло немало столкновений между башкирским ревкомом и шовинистами. В конце концов Юмагулов был вынужден арестовать нескольких членов Башкирского губкома партии. К тому же по приказу Сталина в русских деревнях тайно распространяли оружие. В поддержку Туркестанскому фронту он дал распоряжение в разных местах Башкортостана создать «укрепленные районы». Правительство Башкортостана воспрепятствовало этому, ликвидировало укрепленные районы, а присланные для их защиты командованием фронта из Оренбурга воинские формирования отправило обратно. Велась серьезная борьба против

*Пишпек — до 1926 г., потом Фрунзе. Ныне г. Бишкек — столица Кыргызстана.

интриг вокруг упомянутой выше «Башкирпомощи». В соседних с Башкортостаном уездах Урала все эти события создали впечатление, что началась борьба против Москвы.

Чрезвычайные меры, принятые убежденным коммунистом Юмагуловым в отношении своих же русских товарищей по партии, сами по себе были явлением из ряда вон выходящим. Я отнесся к его действиям одобрительно. Русские же не сомневались в том, что за спиной Юмагулова стоит Валидов. Действительно, мое влияние в ту пору возросло не только в самом Башкортостане, но и в соседних губерниях. Чтобы начать широкое движение в нескольких губерниях Урала, достаточно было одного намека. Но я понимал, что успех мог сопутствовать нам лишь в том случае, если центр движения будет находиться в Туркестане и распространится оно на всю восточную Россию. Если же нет возможности создать армию, то нет смысла ввязываться в мелкие стычки с Советами и ввергать себя в бесплодные приключения, думал я тогда. По дороге из Москвы всюду предупреждали меня, что на станциях народ собирается, чтобы встретиться со мной. И действительно, в каждом селе по пути следования сельские жители ждали меня, накрыв праздничные столы. В татарских деревнях проклинали красных, происходило столпотворение, будто наступил Судный день. «Присоедини нас к Башкортостану, освободи, защити, мобилизуй сыновей в войско!» — взывали ко мне и приглашали в гости в свои дома. А ведь эти татарские деревни, относящиеся к Белебеевскому уезду, на первую мобилизацию в июне 1919 года не откликнулись. Уже после того, как 24 февраля 1920 года мы обосновались в Стерлитамаке, к нам явились представители всех волостей Уфимского и Белебеевского уездов и попросили присоединить их к Башкортостану. Мы старались успокоить их, говорили, что от мятежей и бунтов проку нет. Пришли к нам и посланцы многих русских сел и деревень, также выражая желание быть в составе Башкортостана. Мы с трудом выпроваживали таких просителей из здания нашего правительства и моего дома.

Иногда происходили удивительные разговоры с русскими людьми. Одного стерлитамакского попа я знавал еще до революции. Знакомство наше состоялось из-за моего интереса к древней и новой истории, а вот в советское время встречаться с ним не приходилось. Однажды этот человек прислал мне, отпечатав на машинке, четвертый стих 27-го псалма Давида из «Псалтыри», где сказано: «Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им...» (Библия, том II). Словом, свя-

щенник напрямую призывал меня к восстанию. Пытались установить связь и другие русские люди, настроенные против Советов. Однако сам я избегал таких контактов. Социал-демократ, теперь коммунист Тимофей Седельников[55] приходил ко мне домой, говорил, что если поднять восстание в данный момент, оно будет иметь успех, Советы будут вынуждены согласиться с некоторыми нашими условиями.

Воспоминания Троцкого

Когда Троцкий вместе с нами был на совещании в Уфе, он, как выяснилось, интересовался и «вилочным мятежом». После трагедии в Мехико часть касающихся этого события материалов попала в Русский университет голландского города Утрехт. Судя по тому, как сообщал мне в своем письме профессор И. Мейер, в архиве Троцкого имелись записки о «вилочном мятеже», а среди них — мои телеграммы на его имя.

2 марта 1920 года Троцкий писал: «После того, как урегулировал дела в Стерлитамаке и отправил Юмагулова в Москву, обстановка несколько разрядилась. Но когда Валидов вернулся из Москвы в Стерлитамак, дело вновь осложнилось. Валидов потребовал отложить губернскую конференцию Коммунистической партии, намеченную на март месяц». В письме, направленном секретарю партии Крестинскому, он сообщает: «Вчера говорил с Валидовым по прямому проводу, пытаясь выяснить, какую роль будут играть башкирские войска в мятеже мусульманских деревень, Валидов заверил, что в бунтах не примет участия ни один башкир».

Профессор Мейер готовился опубликовать ту часть архива Троцкого, которая попала ему в руки. «Бумаги Троцкого» оказались в «Международном общественном историческом институте» Амстердама и теперь выходят отдельными томами. Когда я председательствовал в Стамбуле в 1951 году на Международном конгрессе востоковедов, ко мне обратился бывший директор этого института профессор Постомус и сказал: «Среди бумаг Троцкого есть относящиеся к вам документы, мы их опубликуем. Но ведь и вы, наверное, напишете свои воспоминания. Если напишете, «Брилловское общество» с удовольствием бы их напечатало». На деле то, что в архивах Троцкого нашлись связанные со мной документы, способствовало выходу и моих воспоминаний под эгидой «Брилловского общества».

Письменные свидетельства Иркабаева и Кондратьева об этих событиях

Ко мне пришли офицер Кондратьев, обеспечивавший во время нашего пребывания на стороне белых связь между нами и правительством Учредительного собрания России и скрывавшийся вместе с ним в Сибири унтер-офицер Иркабаев. Кондратьев был моим русским другом, полностью солидарный с нашими национальными требованиями. Член партии эсеров. В свое время вместе с командиром полка Таганом и Иркабаевым помог в организации второй пехотной бригады.

Но я об этом уже говорил. В те дни Кондратьев заверял меня, что если я решусь возглавить готовое во всех концах вспыхнуть повстанческое движение, то могут к нам присоединиться и несогласные с политикой Советов эсеровские круги. Я возразил ему, что у жителей Урала, особенно у башкир, не осталось ни сил, ни желания заново начинать борьбу, заведомо обреченную на неудачу и потому бессмысленную. Иркабаеву сказал, что Советы меня не оставят на Урале, заберут в Москву, что оттуда я подамся в Туркестан. Дав им обоим денег на дорогу, мы проводили их на Дальний Восток и посоветовали присоединиться к Галимьяну Тагану. Они попрощались со мной и направились в Сибирь, потом попали в Маньчжурию и оттуда написали в Японию Галимьяну Тагану длинные письма, подробно изложив детали встречи со мной. Самое примечательное — это письма, которые Иркабаев написал Тагану из Харбина по-башкирски. Часть из них командир полка Таган включил в свои воспоминания «Башкиры на Дальнем Востоке», написанные на русском языке. К сожалению, они до сих пор не опубликованы. Когда в мае 1925 года я приехал из Германии в Будапешт, Таган вручил мне эти в высшей степени интересные письма Иркабаева.

Иркабаев описывает встречи со мной в Стерлитамаке в марте 1920 года, подробно излагает свои впечатления от этих встреч и следующим образом передает сказанное тогда мною: «Мир еще не осознал большевизм как силу, представляющую опасность для всего человечества. Союзники подавили мощные антибольшевистские движения в Сибири, на Урале и Украине. Никто из здравомыслящих людей не будет сегодня сотрудничать с белыми генералами. Силу, способную в борьбе против большевизма возродить демократию внутри России, представляли собой приверженцы Учредительного собрания и партия эсеров, но и они распались. Мусульманские народы Восточной России можно было бы объединить вокруг идей националь-

ного возрождения, но нет ни одного государства, которое могло бы их поддержать. К тому же в отличие от наших башкир, у этих народов мало людей, обладающих военным опытом. В русском народе нынче нет единства, он лишен идеи, вокруг которой мог бы сплотиться. В таких условиях любое движение, если даже на первых порах оно добьется успеха, в конечном счете обречено на гибель. Мы в дальнейшем не сможем сотрудничать с большевиками, это совершенно ясно. Я предпочитаю уйти вместе с единомышленниками в Туркестан и включиться там в давно уже начавшееся освободительное движение. Однако рассчитывать на помощь за пределами России не приходится. Союзники желают видеть в Средней Азии не самостоятельное мусульманское государство, а отдают предпочтение господству большевиков. Поэтому, чем оставаться в Москве и служить Советам или наложить на себя руки, я решил посвятить всю свою энергию Туркестанскому движению и приложу все силы для создания идеологии этой освободительной борьбы. Ты отыщи командира полка Тагана и его сторонников. Пусть они найдут возможность пробраться в Туркестан и присоединиться к нам или, если останутся там, постараются склонить Японию на сторону нашего национального движения. Если борьба в Туркестане не даст положительных результатов, уйдем за границу. Продолжим борьбу, находясь в эмиграции».

Иркабаев в челябинский период нашей жизни был самым надежным моим офицером, а одно время даже адъютантом, потому я и поведал ему о своих планах совершенно откровенно. Таган не потерял ни одного из тех писем, привез их из Японии в Будапешт. В письмах Кондратьева, которые он посылал ему из Харбина в Токио, также много ценных подробностей и деталей о движении 1920 года, они достойны того, чтобы их опубликовать отдельным изданием. Несмотря на то, что я вел вполне откровенные и доверительные разговоры с активными антибольшевистскими кругами, оставшимися на Урале и Сибири, я старался подчеркивать свою верность Советскому правительству в Москве и не принимал участия ни в каком совещании или движении, внушающих подозрение. После отзыва председателя нашего правительства Хариса Юмагулова в Москву, ревком избрал председателем меня (25 февраля 1920 года). Разумеется, в действительности обязанность и ответственность лидера всегда лежали на мне. Однако официально я никогда не брал на себя председательство, оставаясь всегда ответственным

за военное дело, и все свои силы сосредоточивал на организации и укреплении вооруженных сил.

Первая коммунистическая конференция в Башкортостане

Во время моего пребывания на Петроградском фронте представители Центрального Комитета Российской Коммунистической партии провели 8—11 ноября 1919 года в Стерлитамаке первую коммунистическую конференцию Башкортостана. Даже если бы я находился в тот момент в Стерлитамаке, не будучи членом коммунистической партии, не смог бы участвовать в работе конференции, и сведения о ней получал бы от друзей коммунистов. Как мне стало известно по приезде из Петрограда, большинство из 700 делегатов, избранных на местах, составляли русские, «временно проживающие переселенцы военных лет». Узнали мы и о том, что уполномоченные Москвы Артем Сергеев и Самойлов помимо заседаний, на которых участвовали малочисленные башкирские коммунисты, проводили и другие, приглашая исключительно русских делегатов. Однако не было в ту пору возможности до конца выяснить истинный смысл этих совещаний.

В своей 520-страничной книге «Образование Башкирской Советской автономии» (1952 г., стр. 297-302), советский историк Р. Раимов приводит часть хранящихся в Государственном центральном архиве Октябрьской революции протоколов этой конференции (фонд 1920.) По ним можно судить, что конференция, помимо рассмотрения организационных дел, детально обсудила «восточные» и «Татаро-Башкирские» проблемы, вопрос о «Втором съезде коммунистов Востока». Несомненно, на тех совещаниях разрабатывались далеко идущие планы: противодействовать замыслу башкирских руководителей, возглавляемых Валидовым, основать центр Башкирской и Казахской советских республик в Оренбурге; учитывая тяготение татар к Европе и русским, а не к Туркестану, выдвинуть идею присоединения Башкортостана к казанским татарам и тем самым пресечь в корне его стремление объединиться с Казахстаном и Туркестаном.

Опираясь на архивы Октябрьской революции, все тот же Раимов приводит такие слова: «Валидов хотел объединить буржуазные республики Средней Азии в одну федерацию, а затем отделить их от революционной России. Этим он и занимается. Мы же на «Киргизо-Башкирской Комиссии» под руководством Калинина, которая должна была собраться в декабре 1919 года, выступим против этого».

Итак, решения, которые были приняты в Москве Калининской комиссией, были намечены за месяц вперед на проходившей в Стерлитамаке Коммунистической конференции. Харис Юмагулов, назначенный председателем нашего правительства как давний коммунист, даже не знал об этих решениях. Кое-что о них сказал нам польский коммунист, участник той конференции. В Петрограде я узнал и о том, что некоторые татарские деятели, введенные в заблуждение московскими устроителями Первой конференции Коммунистической партии Башкортостана, поддержали татаро-башкирскую идею. Кроме того, и на Калининской комиссии, и на Втором съезде коммунистов Востока они продолжали ту же линию и направили делегацию в Москву. Все это очень расстроило меня. Вскоре опасения мои начали оправдываться.

Мусульманские коммунисты в роли русских прислужников

В ту пору моего пребывания в Москве и Петрограде в нашей столице возник конфликт между Ревкомом и русскими. Во главе «мусульманских коммунистов», верных большевикам из Центра, стояли некие Шамигулов и Исмаилов, которых Харис Юмагулов приказал арестовать, в связи с чем и был вызван в Москву. Русские (то есть Губернский комитет Коммунистической партии во главе с Самойловым) назначили Шамигулова «политическим комиссаром башкирских уездов Башкортостана», именно в этом качестве и арестовал его Юмагулов. Едва приехав в Стерлитамак, я велел их выпустить из тюрьмы. В советской печати этих людей называли еще «личными врагами Валидова», между тем, у меня не было с ними никаких личных отношений. Каждый из этих двоих пытался казаться «более русским, чем сами русские» и потому являлись врагами какой бы то ни было национальной автономии, прилагали все силы для подавления любого подобного движения, настойчиво добивались, чтобы мы были расстреляны или уничтожены тайно. Выпустив из тюрьмы, я пригласил их обоих к себе домой и имел с ними разговор.

Вопрос: Вы считаете себя «левыми» коммунистами? Скажите, пожалуйста, исходя из каких-то социальных или экономических программ вы находите нас более правыми, чем вы, и потому считаете, что вам следует нас опасаться? В чем заключаются эти различия?

Ответ: Мы не считаем, что в социальных и экономических вопросах вы отличаетесь от нас и что вас надо

опасаться. Мы расходимся с вами по национальному вопросу.

Вопрос: В чем заключаются эти расхождения? Какое отношение имеют они к «левизне» и «правизне»?

Ответ: Мы против любой автономии. Исходя из интересов пролетариата, мы считаем ее вредной.

Вопрос: Вы имеете в виду интересы русского и татарского пролетариата? Полагаете, что в условиях автономии они будут разобщены на основе национальной принадлежности?

Ответ: Да

Вопрос: Поскольку члены партии являются атеистами, религиозные различия не имеют значения. Ко всему, пытаетесь объединить татарский пролетариат с русским. Зачем же тогда называете себя «мусульманами»?

Ответ: Мы будем служить там, куда пошлет нас партия.

Совет: В таком случае, вы представляете среди нас посланцев русского империализма. Самое лучшее для вас — уехать в Москву, там и служить. Ваше неприятие национальной автономии не имеет отношения к «левизне» или «правизне». Наше с вами отличие состоит в том, что вы преданы русским товарищам больше, чем мы. Сказать точнее, вы стали их прислужниками.

Пребывание в гостях в Стерлитамаке четырех панисламистов

В начале марта в один из вьюжных дней приехал к нам из Москвы незнакомый человек. Им оказался известный в Турции и во всем исламском мире Рашид-кази (полное имя Абдрашид Ибрагим). Вместе с ним были и два его спутника, которые сидели в санях, закутавшись в кошму. Это Мавляви Баракатулла и Мавляви Габдельбер из Хиндустана. Мы пригласили их в дом. Индийцы были чуть живы от непривычного для них холода.

Эти индийские либералы и панисламисты гостили у нас несколько дней. Они не интересовались социализмом, но, озабоченные тем, как защитить исламский мир от империалистов Европы, были готовы сотрудничать с коммунистами. Радуясь тому, что среди Уральских гор создается исламское государство, они думали, что Башкортостан может стать центром всей великой мусульманской державы на территории Туркестана. Баракатулла посещал Ленина, и тот посоветовал встретиться ему со мной.

Разумеется, они не знали, в каком состоянии находится «Центр великой исламской державы», а я не мог откровенно рассказать о наших делах. Тем не менее я им посоветовал: «Все, что вы говорите,— плод ваших мечтаний. Соединение ислама и Корана с коммунизмом само по себе грешно, и на переговорах с Советами вам не следует впутывать религию. Выразите свое согласие сотрудничать с ними как представители гражданских сил в революционном движении».

На беседы с ними я пригласил моего отца и дядю Хабибназара, которые были близкими друзьями казия Рашида. В те дни, или чуть позже, приехал к нам выдающийся религиозный ученый казанских татар Муса Яруллах. (С этим человеком мы встречались потом и в Стамбуле в 1926 и 1948 годах). Мы назначили его советником по ведомству юстиции Башкирской республики. Пользуясь тем, что членам и советникам нашего правительства было представлено право бесплатного проезда, он занимался также продажей соли. Дело в том, что при большевиках не было никакого порядка в дорожном движении и провозе грузов, поэтому во многих местах не хватало соли. Ученый, живший до этого за счет пожертвований мусульманских купцов и денег от продажи его книг, теперь лишился всяких средств к существованию, так как купцы исчезли, книги его не издавались.

Я дал совет Рашиду-эфенди, Баракатулле и Мусе Яруллаху при первой же возможности уехать в какую-нибудь исламскую страну, остерегаться путать ислам с коммунизмом и ни в каком случае на этой основе не просить материальной помощи у Советов. Об уместности этого совета все трое с благодарностью вспоминали после выезда из России. Габдрашид-кази и Мавляви Габдельбер были в моем доме и в Стамбуле, впоследствии Рашид-кази состоял имамом Токийской мечети в Японии и умер 31 августа 1944 года в возрасте девяноста четырех лет. Габдельбер же скончался в Измире. Муса Яруллах добрался по Кашгарской дороге в Хиндустан, оттуда попал в Японию и, приехав в Стамбул, шесть месяцев гостил в моем доме, затем уехал в Каир, где умер 25 октября 1949 года в возрасте семидесяти четырех лет. Прах Баракатуллы покоится во Франции.

Эти уважаемые люди были гостями Башкирского национального правительства, где мы им оказали почести, и впоследствии они всюду вспоминали про это добрым словом. Стало известно, что о своем пребывании в Стерлитамаке, о наших беседах Баракатулла сообщал в письмах

членам партии «Индийский национальный конгресс», в том числе мавляне Габделькеламу Азаду. Все это рассказал сам Габделькелам Азад, посетивший в 1950 году Стамбул в качестве министра просвещения Хиндустана, на встрече с ректором Стамбульского университета Кязимом Исмаил-беем. Рашид-кази написал на турецком языке статью, в которой отобразил историю освободительной борьбы российских мусульман, особенно башкир, а также с удовлетворением описал свою поездку в Стерлитамак. Он передал мне эту статью в 1930 году в своем доме в Стамбуле.

Целую неделю гостили у нас эти три человека, после чего я велел проводить их на самую близкую от нас станцию Шафраново.

Между тем, в Восточном Казахстане распалось правительство Алаш-Орды. Двое из его членов Миргазим Кадырбаев и Мухтар Ауэзов в марте прибыли в Башкортостан. Мухтар Ауэзов, который станет впоследствии профессором и членом академии наук Казахстана (умер 27 июля 1961 года), приезжал в Башкортостан и в 1918 году. В нынешний свой приезд он был в подавленном настроении. Я посвятил его в некоторые мои замыслы, открытые мной Иркабаеву перед его отъездом на Дальний Восток. Несмотря на свою спокойную и пассивную натуру, Ауэзов горячо поддержал идею продолжения борьбы в Туркестане, лишь выразил беспокойство: «Здесь у вас есть условия, вы хорошо обеспечены. Как все это оставите?» Будучи в 1959 году в составе советской делегации в Нью-Йорке, он якобы сказал одному из казахских эмигрантов: «В той поре кромешной тьмы Башкортостан казался нам северным сиянием».

Представители Москвы в столице Башкортостана

Когда я приехал в Стерлитамак, противоречия между Башкирской коммунистической партией, во главе которой стояли самые близкие друзья Ленина Артем Сергеев, Преображенский и Самойлов, и Башкирским правительством достигли крайней остроты. Формально я был принят Центральным комитетом в эту партию, но никакой официальной бумаги, подтверждающей мое членство в ней, не выдали, поэтому участвовать на партийных собраниях мне не приходилось. Членом партии считали меня только представители центра, направленные в Стерлитамак из Москвы.

Старого члена партии Юмагулова, обвинив в совершенных им ошибках, Центральный комитет отозвал в Москву.

Вспоминая о том периоде, Самойлов писал: «Мы знали, что среди башкирских лидеров самым умным и опытным был Валидов. Полагали, что при любом отношении к Юмагулову он не станет на путь открытой его поддержки, но ошиблись. Как только вернулся, Валидов одобрил действия Юмагулова. Не дал разрешения для созыва второй конференции Коммунистической партии Башкортостана и не сразу выпустил из тюрьмы арестованных коммунистов». Тут он пишет правду.

Преображенский был метким стрелком и охотником. Узнав, что я тоже любитель этого дела, однажды он позвал меня поохотиться вместе, но что-то нам помешало. В другой раз я сам пригласил его к себе домой в гости. Мой близкий соратник Тагир Имаков удивился: «К чему это?» «Он член Политбюро и секретарь ЦК. Нужно кое-что разузнать»,— ответил я ему. «Тогда не пей много»,— посоветовал Имак. Как и Бухарин, Преображенский был одним из самых умных и интеллигентных людей среди большевиков. Не из числа чекистов, в каждом слове собеседника ищущих врага Советской власти. Совместно со своими единомышленниками Бухариным и Крестинским написал книгу под названием «Азбука коммунизма». На обед он пришел с товарищем, фамилия которого забылась.

Я спросил Преображенского: объясняется ли полемика между Марксом и Бакуниным лишь идеологическими разногласиями или сюда примешана борьба за лидерство, и не сыграла ли свою роль личная неприязнь и вражда между ними? Его ответ был основательным и подробным. Историю учения, в которое он свято верил, Преображенский знал всесторонне и глубоко. По ходу беседы я покритиковал некоторые положения книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». «Вы это вычитали в книге Чернова?»— спросил он. «Нет, это мои собственные соображения»,— ответил я. На это он сказал: «Тогда эта критика важна. Вы об этом напишите самому Ленину или выскажите при личной встрече. В этой книге, написанной им в пору молодости, он наговорил немало несуразицы, но поговорить об этом любит».

Разговор шел о многих других вопросах. Товарищ, которого привел Преображенский, с момента своего прихода начал пить рюмку за рюмкой и побуждал меня следовать его примеру. Через некоторое время вытащил карты. Я сказал ему, что с двадцати лет не играю в карты, не нахожу удовольствия и в пьянстве, что в этом отношении остаюсь верным завету своего учителя,

который жил тысячу лет назад. Это — выходец из нынешней Хивы математик аль-Бируни. «Что же он завещал?»— спросили гости. Я привел слова Бируни на арабском языке и перевел их на русский: «Мудрый человек получает удовольствие от дела, рассчитанного на века и радующего его дух, а легкомысленные будут ублажать себя, путаясь между пьянством и азартными играми». «Что он создал как математик?»— спросил Преображенский. «Это гений, который вычислил окружность земного шара по экватору, о нем можно узнать из книги Эдварда Захау»,— ответил я. Потом он спросил про Омара Хайяма, и я сказал, что он тоже был великим математиком.

Преображенский был убежденным атеистом. В своей «Азбуке коммунизма» пытался доказать, что атеизм является началом всех наук. Однажды во время разговора на подобные темы я сказал ему: «Можно ли столь категорично судить обо всех подобных философских проблемах, товарищ Преображенский? По-моему, ваше призвание быть священником, а на коммунистический путь вы ступили по ошибке». Оказывается, кто-то из его товарищей, присутствовавший на этой беседе, передал потом эти слова Ленину и тот, якобы, сказал, что Валидов вполне верно это подметил. Преображенский действительно был очень интеллигентным человеком. Во время встречи в Москве в мае спросил: «Какие вести от Бируни?»— Видимо, запомнил наш разговор о нем. «Было бы время, я бы стал его изучать, люблю таких»,— признался он. Может быть, за это время успел заглянуть в книгу Захау.

Однажды я пригласил на обед и Артема. Этот был в полном смысле слова чекистом. Артем Сергеев, чье имя присвоено целому ряду промышленных центров теперешней Украины, Урала и Сибири, являлся крайне односторонним толкователем и проводником идеи мирового коммунизма. Он был сторонником устранения всего старшего поколения, которое, на его взгляд, мешало ускоренному внедрению коммунизма в жизнь. Говорил так: «Что за вред от того, если мы истребим за несколько дней тысяч десять интеллигентов, зато новое поколение воспитаем в духе коммунизма. Людей с коммунистическим сознанием мы будем выводить, как наседка высиживает цыплят». Сам он был украинцем, но к украинским националистам относился с ненавистью. Распространение русского языка на всю Азию, по нему, было делом решенным. Он не сомневался, что новое поколение будет

читать и писать только на русском и английском языках, а существование всех остальных языков — дело временное.

Я много раз беседовал с Артемом о сочинениях Чернышевского и Плеханова. Ему нравились эти беседы. Побывал он и в ауле, познакомился с простым житьем-бытьем моей семьи. С особым удовольствием любил рассказывать Артем о своей полной приключений жизни. Не окончив высшую техническую школу, он стал социалистом, близко сошелся с Лениным; бежал в Париж и Швейцарию, за подпольную работу среди рабочих Украины и Урала несколько раз подвергался аресту и сослан в Сибирь. Оттуда он бежал в Корею и через Китай попал в Австралию, где в течение восьми лет занимался пропагандой и организаторской деятельностью, выпускал для рабочих революционные газеты. Что удивительно, несмотря на многолетние скитания, Артем ничего не знал о духовной жизни Востока и особенно исламского мира. Он верил, что в Юго-Восточной Азии коммунизм приспособится к буддизму и станет владыкой мира. Был противником ислама. Впрочем, я уже писал об этом в связи с событиями во Вьетнаме в статье, опубликованной 2 января 1966 года в газете «Новый Стамбул». Как мне стало известно, в том же году в Вене один русский ученый из числа участников Международного конгресса историков говорил, что он прочитал перевод моей статьи в Москве.

Артем утверждал, что коммунизм можно построить применением самых жестоких мер, сломав волю человека, превратив его в робота. По нему, чтобы утвердить социализм, целесообразно отмахнуться от разрозненных устремлений малых народов и использовать империалистические притязания великих наций, так как для достижения конечной цели хороши все методы, считал он. Словом, этот пылкий миссионер коммунизма во многом представлял собой как бы зеркальное отражение самого Ленина. Разговаривать с ним, слушать его разглагольствования было важно для более глубокого постижения планов и философии Ленина. Я понимал, что Ленина можно лучше понять не только по его сочинениям, но через таких его учеников и последователей, как Артем. У остававшегося у нас дольше всех Самойлова, кроме того, он был коммунистическим доктринером, собственных мыслей тоже не было. Период своей жизни в Башкортостане он изложил в виде воспоминаний.

Эти русские помогли мне близко познакомиться с ленинизмом и с прогнозами Ленина на будущее. Наиболее порядочными из них я считал поляка по происхождению Войцеховича и Сыромятникова. Это были нормальные люди, резко отличавшиеся от Артема. Позднее узнал, что и Сыромятников опубликовал интересные воспоминания о своей деятельности в Башкортостане.

Были среди русских коммунистов и сторонники проведения в Башкортостане более или менее прогрессивной политики. Один из них — Мостовенко. Этот человек тоже напечатал статьи о своей работе в Башкортостане в журнале «Пролетарская революция». По его мнению, Самойлов вел излишне одностороннюю политику. Шамигулов действовал заодно с шовинистами из числа татар, вступившими в партию ради повышения «авторитета Казани», и с теми русскими, которые относились к башкирам враждебно. Секретарь ЦК партии Крестинский и Мостовенко резко осуждали политику противопоставления в Башкортостане одной нации другой. По свидетельству Мостовенко, подхваченную в 1918 году Сталиным идею «Татаро-Башкирской республики» Самойлов продолжал использовать исключительно в провокационных целях. «Не было никакого сомнения в том, что Валидов стремится создать большое государство, объединив на федеративной основе народы Средней Азии и их правительства. В сравнении со всеми товарищами он обладал значительно более широким кругозором. Его взор был устремлен за пределы России. В частности, он представлял будущую свою деятельность в установлении взаимопонимания с далекой Турцией. Проводимая нами (то есть Советами) в Башкортостане политика, опирающаяся на «укрепленные районы», на соседние русские губернии и враждебно настроенные к башкирам татарские круги, была ошибочной. Лобов, как и Крестинский, был того же мнения»,— писал Мостовенко.

Уже после нашего ухода из Башкортостана Мостовенко направил 8 ноября 1920 года довольно полный рапорт в Центральный комитет партии.

Не могу припомнить, встречался ли я с Мостовенко. А вот Войцехович запомнился. Он приехал в Стерлитамак в самые напряженные дни нашей борьбы и, как мне передали, проводимую у нас русскими коммунистами провокационную политику назвал бесчестной. У этого человека в горле было отверстие, разговаривая, он вставлял в него резинку. Как и Мостовенко, это был типичный коммунист. Несмотря на то, что Артем, Преображенский, Мостовенко и Войцехович поклонялись одним идеалам и пре-

следовали одну цель, в их характере и политических взглядах имелись существенные различия. Свойственные им чистота устремлений и энергия сошли на нет под давлением бесовства их товарищей, чье сознание было проникнуто духом империализма. Слепая приверженность идее построения коммунизма помешала им понять, какую страшную ответственность берут они на себя, истребляя во имя революции сотни тысяч людей.

«Башкирпомощь» и «Укрепленные районы»

Акция под известным названием «Башкирпомощь» явилась одним из самых отвратительных проявлений хитрой и коварной политики, которую проводили в отношении нас Советы. В первые четыре месяца 1919 года особенно в центральных и южных волостях Башкортостана Красная армия по-разбойному безжалостно грабила народ. Правительство республики составило список этих потерь: уничтожено 5377 домов, 50000 человек (из-за того, что у них были отняты все продукты питания) обречены на голод, угнаны 13354 голов лошадей, 6242 коров, 20000 овец, разграблено 100000 пудов зерна, 20000 пудов мяса и масла, 400000 пудов фуража и семена. Сверх того у населения отнято большое количество одежды, ковров, паласов, одеял, обуви, дорогих женских украшений. Я собственными руками вручил тот список Ленину.

6 октября 1919 года Советское правительство приняло декрет «Об оказании помощи башкирам, пострадавшим от красногвардейцев» и выделило Башкортостану в виде аванса 150 миллионов рублей. Однако было решено распределять эту помощь не от имени Башкирского правительства, а руками специально созданного по этому случаю «Комитета помощи башкирам». Комитет получил твердую установку создавать среди башкир, «радующихся помощи», «комитеты бедноты» и коммунистические ячейки. С этой целью вначале был прислан некто Дудник[56], а затем, 14 декабря, и Артем. Они в спешном порядке стали создавать наряду с русскими коммунистическими комитетами башкирские «комитеты бедноты». В этом помогал им также только что созданный «Областной комитет Коммунистической партии Башкортостана».

Как уже было сказано, по настоянию Сталина Туркестанский фронт начал создавать в Башкортостане так называемые «укрепленные районы», чтобы обеспечить «всеобщую безопасность». Для осуществления этого замысла тут же прибыли из Оренбурга русские солдаты под командованием человека по фамилии Спирин. Но я, едва

вернувшись из Москвы, отправил их обратно. Тем не менее, Москва продолжала свои попытки передать территорию Башкортостана под контроль этих самых «укрепленных районов». По указанию Сталина, коммунистическая организация Оренбурга стремилась подчинить им даже башкирские войска, входящие в состав Туркестанского фронта. Мы же старались закрепить их не за «укрепленными районами», а непосредственно за командованием Туркестанского фронта, принимали различные меры для предотвращения вмешательства в наши внутренние дела.

7—9 марта в Башкортостане проходила вторая областная конференция Коммунистической партии. Несмотря на то, что у меня не было документа о членстве в партии, я тоже принимал в ней участие. Здешние русские делегаты и московские представители обеими руками уцепились за «Башкирпомощь» и «Укрепленные районы». Эвакуированные во время первой мировой войны русские «временные поселенцы» в своем большинстве обосновались на юго-востоке Башкортостана в русских селах Усергенского кантона. Сталин и Губернский Совет Оренбурга превратились в защитников русских поселенцев, которые стали самым бессовестным образом отнимать у башкир и присваивать их земли и скот. Верной опорой грабителям служили «комитеты бедноты» и «Укрепленные районы». Башкирское правительство хорошо понимало всю злонамеренность этих шагов и было вынуждено действовать против их осуществления.

Одна научная беседа во время большого противостояния

Некоторое время спустя после отъезда упоминавшихся выше четырех панисламистов, в Стерлитамак прибыл индийский либерал и панисламист шейх Сайид Араби Пенджаби. Как раз в дни острых споров и столкновений с представителями Москвы я принял его в своем доме. Он привез с собой письмо из Москвы от комиссара по иностранным делам Чичерина. Родом представитель был из Пенджаба, но проживал в Бирме; во время первой мировой войны издавал в Стамбуле газету. Я уже встречался с ним до этого в Москве. Он был преданным поклонником Джалалиддина Руми и Шамса Тебризи. Я еще в Москве рассказывал ему о том, что на берегах Сырдарьи Шамс Тебризи до сих пор живет в памяти людей как тюркский шейх по имени Кави, что ему приписываются стихи и поучительные притчи на тюркском языке и что в Башкортостане был покойный ныне дервиш Муллагул, который хорошо знал эти произ-

ведения. Мой рассказ поразил его, ибо он считал Шамса Тебризи персом. Во всех своих путешествиях он возил с собой книги Руми и Тебризи и читал их как Коран.

Судьба Джалалиддина Руми и Шамса Тебризи такова. Руми по своему происхождению из Балха, со стороны матери связан с кипчакскими ханами (его дед женился на одной из дочерей хана). Эти кипчакские ханы жили на берегах Мургаба в нынешнем Афганистане и долине Вахша в Таджикистане. Пользуясь обострением отношений хорезмшаха с матерью, главари верного шаху войска написали письмо его врагу Чингисхану и вошли с ним в тайную связь. Хан кипчаков, его приближенные, родственник по матери Багауддин, его сын Джалалиддин (сейиды* из Балха) открыто взяли сторону Чингисхана и покинули страну хорезмшаха. Жили сначала в Багдаде и Хиджазе, после чего обосновались у сельджуков города Конья. Там Джалалиддин на почве общности нравственных и религиозных взглядов, близости мировоззрения подружился с одним тебризским дервишем-странником из тюркского рода Язер, по имени Шамсиддин. Джалалиддин получил известность благодаря стихам, которые и писал под вдохновляющим влиянием Шамса Тебризи и посвящал их ему. Он называл его кипчаком, даже кипчакским «шахом юродивых», говорил также, что этот дервиш сочиняет стихи и на кипчакском языке. Сын Джалалиддина Султан Валид в одном из своих стихотворений, написанных на смешанном кипчако-огузском языке, упоминает признание Шамса,что он — язер. Давлетшах, живший в Самарканде во времена правления наследников Тимура, считает Шамса Тебризи представителем тюрков.

Во время встречи в Москве я уже рассказывал шейху-сейиду об этих исторических событиях. Говорил и о том, что тюркские стихи Шамса знал живший в Башкортостане дервиш по имени Муллагул, что мой отец тоже помнит их с его слов. «Где же стихи?— спросил шейх,— я бы не прочь поехать за ними». Хорошо знавший тюркский язык шейх Сайид выразил желание ехать в Башкортостан, чтобы найти записи Муллагула. И действительно приехал, и главной целью его было узнать что-нибудь о Муллагуле. Я пригласил отца и познакомил его с шейхом. Отец во многом помог ему. Он переписал для шейха слышанные от Муллагула стихи, которые тот относил к творчеству

*Сеид — почетное звание потомков Пророка Мухаммада, ведущих свое происхождение от его внука Хусейна.

Шамса Тебризи. Из-за тревожной обстановки сам я не мог заниматься этим делом.

Перед тем как уехать в Москву, шейх Сайид некоторое время гостил у отца в ауле, встретился с родственниками Муллагула.

Позднее Сайид вместе с Зафером Хасан-беем, поныне живущим в Стамбуле индусом, приезжал к нам в Турцию. И здесь я встречался с ним несколько раз. Потом стало известно, что он уехал в Египет, где и умер в 50-х годах. До сих пор сожалею, что не переписал собранные Сайидом в наших краях свидетельства о Муллагуле, который говорил о себе: «Я по происхождению Сырдарьинский казах».

В связи с тем, что шейх Сайид был гостем Советского правительства, его встречали с почетом и представители Москвы. Артем, который слушал наши с шейхом Сайидом беседы об арабской и персидской литературах, об истории, сказал кому-то: «Валидов для Уральского края действительно крупная фигура». Московские уполномоченные, особенно Артем, стараясь оторвать меня от Башкортостана и отправить в Москву, посылали рапорты, в которых представляли меня личностью полезной для решения восточных проблем, способной общаться с такими людьми, как индус Мухандер Протал, мавляви Баракатулла, шейх Сайид. И это тоже не осталось без последствий.

Коварство московских представителей

Опираясь на деревенских русских и «временных поселенцев», Артем и его товарищи продолжали свою скрытую деятельность в нашей республике. Мы тоже вели против них серьезную борьбу. Этих представителей было девять человек, и мы назвали их «Девяткой». Считая необязательным просить у Башкирского правительства разрешения, они от имени «комитетов бедноты» 9 марта созвали в Стерлитамаке конференцию коммунистических организаций. Мы, в свою очередь, потребовали не впутывать в дела «Башкирпомощи» политику, изменить повестку дня, немедленно раздать деньги, выделенные разграбленным Красной армией башкирам. Поскольку наши требования не были приняты, мы запретили проведение конференции. Эти события преподносятся советскими историками как «провокация». В своем труде «К истории национального движения в Советской Башкирии», вышедшем в 1929 году, Шамсон Типеев пишет следующее: «Исчезла всякая надежда на возможность наладить с Башревкомом какую бы то ни было совместную работу. В Усергенском

нтопе (у границы Оренбургской губернии), вопреки желанию Башревкома (сначала Башнаркомвнудел разрешил, но потом запретил), был созван кантонный съезд советов, на котором выступавшие делегаты и партийные работники кантонного центра «крыли» Башревком на все лады. Валидовцы рассвирепели. Находя созыв без разрешения Башревкома незаконным и неправильным, Областной комитет партии, по соглашению с Башревкомом, образовал специальную комиссию для обследования всей этой истории, в которую вошли два представителя от Башревкома (один по фамилии Амиров) и один представитель от областного комитета (Иванов). Представитель Областного комитета тов. Иванов по каким-то делам задержался в Стерлитамаке и в Усерген приехал на два дня позднее. Воспользовавшись этим, приехавшие раньше два валидовца произвели полнейший разгром всей усерганской парторганизации. Вопреки инструкции Областного комитета партии, они разогнали кантонный комитет партии, исключили всех неугодных им членов партии, отобрав у них партбилеты и, кроме того, особенно неугодных им арестовали: спаслись от ареста только те, которым удалось так или иначе бежать «за границу» (в Оренбургскую губ.). Все это было сделано так быстро, что опоздавший на два дня третий член комиссии тов. Иванов, представитель Областного комитета, помешать своевольству валидовцев уже не смог».

Несмотря на принимаемые нами серьезные меры, Артем, удовлетворяя желание Оренбургского Совета и «временных поселенцев», создает их же руками в этих местах тайные коммунистические организации. То есть Артем и его товарищи, наряду с официально существующей Коммунистической партией, разрешенной Башкирским правительством, начали создавать подпольные коммунистические ячейки, которые должны были действовать против законного правительства. Это привело к столкновению с тайно вооруженными русскими переселенцами, и мы были вынуждены их разоружить. Спирин открыто вмешаться не посмел, но оказывал скрытое сопротивление, вел подстрекательскую агитацию против нас. В ночь на 10 марта в городе Стерлитамаке за домом, где я жил, началась перестрелка, вдребезги разлетелись оконные стекла. Охрана открыла ответный огонь и отогнала налетчиков. Утром было проведено расследование, но выявить, кто устроил это нападение, так и не удалось. Дело в том, что оно было совершено из ближайших домов, где устроились некоторые члены Коммунистический партии, которым было поручено следить за нами. Ночные налетчики бесследно исчезли.

Случившееся стало известно самому Ленину. Советское правительство направило для расследования инцидента Фрунзе и Троцкого. Фрунзе отозвал Спирина из Башкортостана и назначил вместо него командира нашего первого башкирского кавалерийского полка храброго полковника Ахлова, выходца из северокавказских ногайцев. Наряду с назначением нашего человека в командование «укрепленных районов», Фрунзе прислал мне телеграмму, где отмечал, что эти меры не означают вмешательство во внутренние дела Башкортостана. Напечатал он и обращение к башкирскому народу. (Все эти документы, а также телеграмма вошли в книгу воспоминаний Фрунзе).

Троцкий в срочном порядке прибыл из Москвы в Уфу в специальном поезде. В Уфу были вызваны по четыре человека от Башкирского правительства и партийных представителей Москвы в Стерлитамаке, в их числе Артем и Преображенский. Был вызван также председатель Уфимского губревкома Эльцин. Троцкий подробно расспросил обе стороны. Артем проявил себя в этом разговоре в высшей степени фанатично, по отношению к нам враждебно, тогда как Преображенский беседовал в сдержанной и вежливой манере. Он не обронил ни единого слова, которое могло бы задеть наше самолюбие. В итоге было принято решение из двадцати пунктов. Если брать в целом, оно было в нашу пользу. Вместе с тем в шестнадцатом пункте значилось, что «будет вестись борьба за превращение Башкортостана в коммунистическую республику, входящую в великую коммунистическую федерацию». Но в четырнадцатом пункте отмечалось, что территория республики и ее вооруженные силы остаются в подчинении Туркестанского фронта». В одиннадцатом пункте говорится: «Обратить внимание ЦИК на статьи татарских органов по отношению к Башреспублике, написанных в абсолютно недопустимом, нетоварищеском тоне, и на статьи советской печати соседних губерний, которые пишутся без учета того, какое впечатление они должны произвести на башкир. Указать редакциям соответствующих изданий на полную недопустимость в своей критике оценивать Башревком как контрреволюционное учреждение». Также сказано, что эта травля должна быть непременно остановлена. Действительно, выходящие в соседних губерниях татарские газеты, как и русские, были настроены резко враждебно в отношении нас. Я уже упоминал, что русские прислали в Башкирский обком коммунистической партии

двух татар — Шамигулова и Исмаилова — в качестве собственных представителей. Они усерднее любого русского старались развалить и разрушить все дела в нашей республике. Башкирское правительство было вынуждено арестовать этих людей и потребовать их отзыва в Москву. Вместе с тем также названные выше два человека из татар, давние коммунисты Каспранский и Рахматуллин, верно понимали национальные проблемы и сотрудничали в пользу автономной республики.

Встреча с муфтием Галимьяном Баруди

Во время моего пребывания в Уфе выразил желание встретиться со мной Галимьян Баруди, сохранивший звание «Муфтий Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири». Встретились. Он сказал: «Башкирская автономия по праву заняла почетное место в истории. Большинство татар теперь на вашей стороне. Однако часть из них до сих пор настроена к вам враждебно. Приложу все силы, чтобы с этим покончить». Я ему ответил: «Постарайтесь, но это дело надо было начать два года назад. Сами видите, татары всей Уфимской губернии ныне желают присоединиться к нашим войскам, нашей автономии. Однако татарские руководители, некогда выступавшие против нас и отстаивавшие единство всего мусульманского мира, вступили в Коммунистическую партию и сегодня сотрудничают с русскими, вряд ли они прислушаются к вашим словам». «Да, вы правы и предотвратить это невозможно,— ответил он.— Боюсь, не навредить бы вам, встретившись с вами». «Может случиться и такое»,— сказал я. Муфтий хотел знать, какие меры следует принять, чтобы большевики окончательно не упразднили Духовное управление. «Не будет ли какая польза от встречи с приехавшим в Уфу Троцким?»— спросил он. «Если не примет, будете переживать,— ответил я.— Самое лучшее для вас пока вообще не подавать голоса». Муфтий был озабочен и тем, что здание Духовного управления нуждалось в ремонте.

Чтобы в шутливой форме объяснить положение дел Муфтию, учившемуся в Бухаре и хорошо знавшему фарси, припомнил одну из стихотворных строк шейха Саади, смысл которой примерно таков: «Дом снаружи разваливается в основании, но хозяин старается наперед заплатить деньги для его внутреннего украшения». И для успокоения добавил: «Однако не теряйте надежды, когда-нибудь ислам понадобится Советам. Они не станут на путь полного уничтожения вашего управления».

Преображенский отправился в Москву вместе с Троцким.

На обратном пути домой я был занят делами наших войск, расположенных по железной дороге. Когда мы стояли на станции Давлеканово, мои спутники, татарские коммунисты Каспранский и Рахматуллин, сообщили новость, которая казалась им чрезвычайно важной: «Оказывается, на этой станции находился контрреволюционер Габдулла Баттал. Его арестовали». Я приказал привести его ко мне. Теперь этот достигший восьмидесятилетнего возраста писатель (его нынешнее имя — Таймас) живет в Стамбуле, написал немало прекрасных книг о культурной жизни казанских тюрков. В описываемый мной период он оказался за линией фронта на стороне белых. Когда большинство татарских деятелей в 1917—1918 годах выступило против самоопределения наций, Габдулла Баттал и исследователь литературы Джалалетдин Валиди и еще несколько человек этого круга боролись за «территориальное самоопределение», выпускали газеты. После захвата Уфы красными эти писатели переехали в Петропавловск, находившийся под властью Колчака. По этой причине коммунисты включили их в число «контрреволюционеров». Теперь, когда Сибирь оказалась в руках красных, Габдулла Баттал возвращался в Казань, домой к семье. Мы довольно долго с ним беседовали. Вызволив его из рук татарских коммунистов, я дал ему возможность продолжать дорогу домой.

Стараясь угодить своим русским наставникам, татарские коммунисты взяли за правило сажать в тюрьму каждого, кто мыслит иначе, чем они. Я сказал Каспранскому и Рахматуллину, которые были свидетелями многих столкновений во время работы «Калининской комиссии» и после нее: «Вы сами убедились в бесполезности травли своего же сородича в угоду русским друзьям. Если однажды подвергнемся преследованию и мы, и вы, старайтесь не делать того, за что потом придется мучиться угрызениями совести». Тот случай стал для них серьезным уроком. Действительно, борьба внутри «Калининской комиссии» в Москве оказала на этих двух татар сильнейшее воздействие.

После Уфимской конференции с участием Троцкого Артем и Самойлов вновь вернулись в Стерлитамак, чтобы продолжить ту злобную политику, проведение которой вменили себе в обязанность. 15—20 марта в одном русском селе Усергенского кантона Артем провел «волостной съезд», а 19 марта вынес провокационное постановле-

ние: «Заки Валнди в государственных делах не пользуется башкирским языком, мы же дадим вам возможность пользоваться башкирским языком». Это было результатом директивы, поступившей из Москвы от Сталина.

До моего отъезда из Башкортостана мы печатали свои официальные газеты на языке, равно понятном и татарам, и башкирам. Артем выпустил обращение к народу на башкирском языке, написанное башкирским коммунистом по фамилии Губайдуллин. Я же распустил организованный Артемом в Усергенском кантоне «революционный комитет» и приказал арестовать его членов. Деятельность русских коммунистических организаций на фабриках Ташлы и Архангельска, направленная против нас, перешла все границы. Самойлов писал об этих событиях: «Валидов приказал их арестовать, заковав в цепи, вел их в тюрьму бегом между двумя всадниками».

В те дни я обычно ходил в одежде военного или полувоенного покроя. Один знакомый портной сшил мне в Москве штатский костюм, но он не понравился Самойлову: «Позвольте покритиковать ваше обличье»,— как бы шутя сказал он мне. Я ответил ему так же шутливо: «Можно. Не вижу в этой критике ничего страшного, только портной тоже коммунист».

Апрельская конференция «Башкирпомощи»

В первой половине апреля Артем и другие московские представители, на этот раз с нашего разрешения, решили провести конференцию организации «Башкирпомощь». Мы хорошо знали истинные цели и дела этой организации, именуемой «помощью» нашему народу, но не стали ей препятствовать. Однако когда принимавшие участие в работе конференции башкиры с возмущением рассказали нам о выступлениях руководящих русских товарищей против самостоятельности нашего государства, Башкирское правительство решило прервать ее заседания. Об этом Самойлов в своих воспоминаниях (стр. 73—76) пишет так: «Валидовцы вследствие целого ряда благоприятных для них решений, принятых в результате совещаний с Троцким, воспрянули духом и почувствовали себя еще более свободными в проведении своей националистической политики; нам, работникам центра, работать стало еще труднее. Особенно убедил меня в этом следующий факт, имевший место в апреле на созванном т. Артемом съезде представителей местных органов «Башкирпомощи». Для валидовцев особенно ненавистной была именно «Башкирпомощь», так как она шла навстречу пострадавшей от гражданской войны башкирской бедноте и тем привлекла ее на сторону Советской власти в ущерб валидовцам, терявшим влияние в массах. Поэтому валидовцы все время вели самую враждебную политику против «Башкирпомощи». Здесь собрались представители бедноты из всех концов Башкирии, на съезде присутствовали т. т. Артем (Сергеев), Захаров[57], Дауге[58] и я. После доклада Артема о деятельности «Башкирпомощи» все выступавшие представители с мест одобряли ее работу, благодарили советскую власть за оказываемую помощь, и в заключение была единогласно принята одобрительная резолюция. Но неожиданно на собрание явились члены Башревкома (Валидов, Тухватуллин, Алкин и кто-то еще) и один за другим без разрешения председателя, которым был т. Артем, начали выступать с речами на башкирском языке. На замечание т. Артема о необходимости просить у председателя слово Валидов ответил ему очень оскорбительными словами, назвав его «сволочью». Артем сильно взволновался, но сдержался и в перебранку с Валидовым не вступил. Эти волнения отразились на здоровье Артема: вечером этого же дня с Артемом на квартире был очень сильный нервный припадок. После этой истории у меня исчезла всякая надежда на возможность наладить с Башревкомом какую бы то ни было совместную работу, и я подал в Центр просьбу срочно вызвать меня для доклада».

События, связанные с конгрессом «Башкирпомощи», подробно отразил и советский историк Ш. Типеев (стр. 72). Он пишет о том, что я назвал Артема «сволочью», обвинил представителей Москвы в попытке возродить колониальную политику царизма и старую систему рабства, а Артем ничем не мог мне возразить, и что после этого атмосфера на конференции резко изменилась.

Несмотря на все эти столкновения и вопреки тому, что партийная организация у нас была создана по настоянию Москвы, в главном наша борьба была высоко оценена народом. Благосклонно воспринял он в особенности то, что мы вынудили покинуть пределы Усергенского кантона русский отряд Спирина и вместо него был назначен мусульманин Ахлов. Росту авторитета нашего правительства способствовал и тот факт, что благодаря его стараниям хоть небольшая толика из полутора миллионов рублей, выделенных Москвой, досталась башкирам. В соседних русских губерниях, особенно там, где проживали татары, началось движение за присоединение к Башкортостану, повсеместно звучали слова одобрения нашей деятельности, муллы произносили проповеди, поддержи-

вая нас. Все это убедительно говорило о преимуществах нашей самостоятельности во внутригосударственных делах. Эту истину признали и в тех кругах, которые еще два года назад выступали против нашей независимости.

В 1948 году, когда я был в Анкаре, Кязим Кара-Бекир-паша пригласил меня к себе домой словами: «Буду рад, если вы примете мое приглашение на чашку кофе». Я согласился, и мы долго беседовали. Оказывается, у него хранились воспоминания турка по имени Сами, который был в плену и зиму 1919-1920 годов провел в Оренбурге. Этот человек запечатлел на бумаге, какие надежды рождало среди мусульман Тургайской и Оренбургской губерний существование нашей республики в качестве самостоятельного тюркского государства, опирающегося на свои собственные вооруженные силы.

Однажды я пригласил к себе башкирского народного певца из рода бурзянских ногайцев Галиахмета, чтобы записать на фонограмму его песни, а также мелодии, которые он играл на курае (флейте). Этот человек в 1895 году те же песни и мелодии исполнял и перед музыкальным этнографом Рыбаковым. Русский ученый в 1897 году опубликовал записанные им песни в сборниках Российской Академии наук отдельной книгой под названием «Музыка и песни уральских мусульман». Юношей мне довелось несколько раз бывать в родном ауле этого певца и слушать его песни. В эту встречу я велел вставить ему зубы и в награду за написанные на фонограмму песни вручить военный мундир и саблю. Он очень обрадовался. Возвращаясь домой, певец собственными глазами видел, как Спирин покидал вместе со своим отрядом Башкортостан и сложил об этом баит. К сожалению, из этого баита, записей которого у меня не было, у учителя Ахмета Зыя Узкайнака сохранились лишь следующие строки:

Если собьет с пути тебя мрак,
Выход отыщет только этот джигит.
Если родину милую твою захватит враг,
Вызволит из беды только этот джигит.

Наш поэт той поры Фатхелькадир Сулейман (Абделькадир Инан) тоже сочинил обо мне стихи, и они положены на музыку. Доктор Таган и проф. Янски опубликовали их в Вене. Происходившую в этот период борьбу отражала в своих стихах и девушка, выросшая в татарском ауле Баик на юго-востоке Башкортостана. Сатирический памфлет этой поэтессы «Отряд Спирина» отличался и глубоким ее проникновением в смысл событий, и высокими эстетическими достоинствами. Прискорбно, что ее стихи не просочились за границу. Предки жителей этого аула Баик происходили из тех древних татар, которых историк Утемыш Ходжа описал в своей книге «Мангытские аулы». В отличие от переехавших в Башкортостан казанских татар, в прошлые века здешние татары единодушно присоединялись к башкирским восстаниям. Из их среды вышло немало известных ученых. Один из моих друзей и сторонников, постоянно находившийся на самой передней линии борьбы за независимость Башкортостана,— Габдулла Адигамов — из баикских татар.

Случай с ключом и Ленин

Советское правительство, задержав Башкирское правительство в Стерлитамаке, стремилось оставить этот город в подчинении РСФСР и тем самым превратить нас в «гостей» Советской России. Несмотря на то, что в целом город управлялся Башкирским правительством, тем не менее его отдельные здания продолжали относиться к России, в них разместились русские сотрудники органов безопасности. В одном из таких строений в прежние времена русский богач Кузнецов хранил зерно. Советские органы Уфимской губернии послали Советскому правительству телеграмму такого содержания: «Башкирское правительство выгнало сотрудников русских органов безопасности, отняло ключи и заняло здание». В середине апреля вечером мне сообщили: «Вас приглашает к телеграфу товарищ Ленин». После разговоров об отправке башкирских войск в Петроград меня приглашали к телеграфу и Сталин, и Троцкий, Ленин же ни разу. Я решил, что возникло нечто серьезное, а все дело оказалось в ключе. Ленин сказал: «Товарищ Валидов, вы отобрали ключ от здания, относящегося к ведомству Уфимской губернии и захватили это здание. Немедленно верните ключ!» «Уважаемый Владимир Ильич, этого ключа нет ни у меня, ни у нашего правительства, он существует лишь в вашем воображении. Наши соседи русские шовинисты Вам что-то нашептывают. И Вы им верите. Все сплетни, которые рождаются в Башкирии и потом доходят до Вас, на этом уровне. Мы наблюдаем усиление империализма, оставшегося от царских времен. Существование маленького Башкортостана не только лишает сна наших соседей, но они теряют даже разум. Я очень сожалею, что Вы верите каждому их слову». «Вы говорите правду?— спросил Ленин.— Вы действительно не отнимали эти помещения?» «Нет»,— ответил я. «Тогда я

потребую изучить этот вопрос и сообщу вам»,— сказал Ленин.

Когда дней пятнадцать-двадцать спустя я приехал в Москву, Ленин признался, что его крайне расстроило это событие. Тем не менее он, прекрасно сознавая, что среди шовинистически настроенных красных русских множество провокаторов, не имел в голове иной мысли, чем отдать судьбу Башкортостана, как и всего Уральского региона, в их руки. «Как бы вы ни расстраивались, им Вы верите больше, чем нам,— сказал я ему.— И мы никак не сможем изменить это положение. Ибо русские товарищи в строительстве величественного здания социализма в России основным цементирующим материалом считают русскую нацию, это господствующая мысль. Они думают, что доверие к таким восточным людям, как мы, приведет к разложению великого русского общества. Товарищи Артем и Эльцин сотни раз твердили нам об этом, они даже не считают нужным скрывать свое мнение. Вы знаете меня всего около тринадцати месяцев, а с ними вместе прошла вся ваша жизнь».

Расставание с Башкортостаном

28 апреля Сталин вызвал меня к телеграфу и сказал: «Товарищ Валидов, надо посоветоваться по нескольким важным вопросам, касающимся башкирских войск, приезжайте в Москву. Вместе с вами прибудет и Самойлов». Сразу стало понятно, что ищут повод для отрыва меня от Башкортостана. Я собрал членов правительства, чтобы посоветоваться. Некоторые предложили не подчиняться приказу Сталина и обратиться с этим вопросом к Фрунзе. «В таких вопросах у Фрунзе не может быть отдельной от партии политики,— сказал я. —Это бесполезно. Придется подчиниться. Потом сами сумеете разобраться, что к чему. Уеду с семьей».

Сталин пригласил меня в качестве члена Коммунистической партии, то есть, от имени ЦК. Однако мне до сих пор не был вручен документ о моем партийном членстве. В изданной в 1929 году истории революции в Башкортостане Ш. Типеев (стр. 74), упоминая секретаря губкома партии Башкортостана Каспранского, писал: «Он отдавал все документы партийной организации Заки Валидову, не состоявшему членом партии». Выходит, они, хоть и приглашали меня на свои заседания, все же членом партии не считали. Впрочем, я и сам это отлично понимал.

«Если задержат в Москве, объясните людям, что уедем в Туркестан и присоединимся там к освободительной борьбе»,— сказал я самым близким своим единомышленникам. Мы предприняли для этого самые необходимые меры. После нашего ухода подготовительная работа ложилась на плечи Аллабирде Ягафарова, который будет исполнять обязанности председателя Башкирского правительства.

Справившись за два дня со всеми делами, 30 апреля я отправился в Москву и, едва доехав, встретился со Сталиным. Вместе с ним был и Каменев. Он сообщил мне, что для изучения обстановки в Башкортостане и его войск создана специальная комиссия из трех человек — Сталина, Троцкого и Каменева. «Какое-то время надо будет оставаться здесь, в центре»,— сказал мне Сталин. «Я ехал сюда, зная об этом»,— ответил я. Когда, отправив автомобиль в представительство, я шел по улице пешком, встретился упомянутый выше польский коммунист с дырявым горлом (я говорил, что его фамилия Войцехович) и сказал мне незабываемые слова: «То, что Вас приняли в партию, означает подчинение партийной дисциплине, это делается для того, чтобы лишить Вас свободы. Сейчас партия для вас — настоящие путы. Судьбу подобных нам коммунистов определяет партийная дисциплина. Лишение человека таким образом воли стало для многих свободолюбивых людей источником настоящих несчастий. Мне кажется, вы являетесь человеком, который должен действовать не в Москве, а на Востоке. Во время своего пребывания у вас в республике я с большой симпатией следил за вашим движением. Вместе с несколькими товарищами мы советовали Центральному Комитету, что Валидову нужно дать возможность работать на том уровне, на каком он способен. Но нашим словам там не вняли».

Участвовавшие в провозглашении Башкирской автономии в ноябре 1917 года, от души помогавшие в организации первого башкирского полка и из-за этого подвергавшиеся травле со стороны русских, капитан Бритц и еще шесть его сторонников тоже были поляками. То, что поляки с симпатией относились к борьбе нерусских народов за независимость, подтвердил своими действиями в середине XIX века и командующий башкирскими войсками оренбургский губернатор Циолковский. Строительство для башкир национального комплекса Караван-сарая с мечетью в среднеазиатском стиле стало возможным только благодаря его доброму отношению к нашему народу.

После двухдневного пребывания в Москве я встретился с Лениным. Он повторил то, что было сказано Сталиным. Вспомнил насчет злополучного ключа и добавил: «Я знаю Вас как человека, способного работать не только в рамках одной маленькой области, а способного сотрудничать с

нами в масштабе России. Делами в вашей республике могут заниматься и другие Ваши товарищи, да и сами время от времени будете их навещать. Соглашайтесь работать пока здесь, в центре». Я, конечно, понимал: говорится это, чтобы польстить мне, но сделал вид, что принимаю его слова за чистую монету.

Мне поручалось помочь в формировании на Украине мусульманских войсковых частей, а в Москве — в подготовке конституций Советских мусульманских республик. Далее Ленин сказал, что назначение меня членом Комиссариата по делам национальностей, закрепление за мной, как прежде, личной охраны есть проявление особого уважения к моей персоне. Дали мне и автомобиль. То есть внешне мое положение осталось без каких-либо перемен. «Съезд Советов Башкортостана проведут и без вас, мы предлагаем вам подготовить план работы среди восточных народов и как раз в этом направлении принять серьезное участие в деятельности Коминтерна»,— сказал Ленин.

После этого я еще раз встретился со Сталиным. Состоялся конфиденциальный, якобы, разговор, который должен остаться строго между нами. Сталин выразил недовольство Троцким. Попытался убедить меня, что мой отзыв из Башкортостана — дело Троцкого, что будто бы Троцкий и Дзержинский опасаются усиления моего влияния в восточных губерниях.

Нравственные понятия Ленина

На заседания комиссии, рассматривавшей вопросы Башкортостана, приглашали и меня. В мае эта комиссия вынесла решение, состоящее из пяти пунктов. За подписями Калинина и Ленина оно было официально провозглашено как постановление Советского правительства. Наша республика объявлялась самостоятельной в делах юстиции, просвещения и сельского хозяйства, тогда как в сфере внешних сношений, экономики, финансов, почты и телеграфа, дорог и транспорта передавалась в подчинение РСФСР, уравниваясь в правах с обычными губерниями. Управление башкирскими войсками отныне будет осуществлять не командование Туркестанского военного округа, а Заволжского. Из членов комиссии Каменев выступил против такого решения, отражающегося на нашей независимости. Он же сказал мне о существовании замысла слить Башкортостан с Уфой и еще несколькими русскими уездами, но проведение его в жизнь временно откладывается.

На другой день после провозглашения этого постановления я снова встретился с Лениным. Я сказал ему: «В марте 1919 года мы приняли соглашение. Оба поставили под ним свои подписи. Права одной угнетенной нации востока, хотя и не в полной мере, были признаны. Через четырнадцать месяцев и они превратились в прах». «На каком основании Вы поднимаете такие нравственные проблемы? Какой вы революционер? Чего ради цепляетесь за эти соглашения? Наше с вами соглашение — лишь клочок бумаги, который никого ни к чему не обязывает»,— ответил он. «Мы верили, что люди в своих отношениях должны опираться на уважение к такого рода бумажным клочкам»,— ответил я. На что Ленин сказал: «Ошиблись. В нашей среде Вы заметите и другие особенности. Я серьезно и искренне желаю вашего сотрудничества с нами в общероссийском и мировом масштабе. Вам не к лицу поднимать спор из-за подписи, которая в другое время при иных обстоятельствх вынужденно была поставлена на клочке бумаги. Сами увидите, предстоят очень важные дела». Судя по этим словам, он желал бы видеть меня среди своих товарищей, принимающих участие в делах всероссийского масштаба. Желание, кажется, вполне серьезное. Перед моим уходом он дал мне какие-то бумаги: «Прочитайте, потом поговорим. Только набросайте ваши мысли на бумаге».

В ту пору в гостинице «Метрополь» видные советские руководители вели между собой довольно откровенные беседы. Тогда еще не была так сильно развита слежка за членами партии. Случались интересные беседы. Рассказав председателю Советской Украины Петровскому о проектах конституций национальных республик и о встречах с Лениным, я спросил его шутливо: «Для достижения своей цели Ленин готов прибегнуть к любым средствам. А раз так, если сказать ему, что завтра произойдет мировая революция, но для этого нужно сегодня вечером обвенчаться с собственной матерью, пошел бы он на это?». Петровский ответил, ничуть не сомневаясь: «Разумеется. Ленин на все смотрит с точки зрения тактики. Например, он бы прикинул: если об этом венчании распространится слух в народе, не падет ли наш авторитет в обществе? Равно как взгляды Ленина не основаны на религии, так они и не ограничены моралью и обычаями. Он подчиняет нравственность интересам классовой борьбы пролетариата. Многие союзники большевиков — лишь временные попутчики. Часть из них отошла от нас, считая, что Ленин раздает фальшивые векселя. Соглашения, о которых вы

мне рассказывали, в свое время были необходимы, и потому имели некоторое значение. Однако в таких щекотливых ситуациях я не смог быть таким же решительным, как Ленин». «Ленин действительно убежденный интернационалист?— спросил я его. — Или на него влияют иные русские национальные идеи?» Петровский ответил: «Ленин как деятель, желающий осуществить коммунизм в мировом масштабе, вненационален, но когда он ведет речь об интернационализме применительно к инородцам России с точки зрения истории, географии, экономики, то делает это лишь для отвода глаз. В этом смысле он великоросс. По его мнению, кратчайший путь к коммунизму обеспечит не столько поддержка малых наций, сколько опора на такие великие народы, как русский, английский, китайский, и на их империалистические традиции».

Другой раз при беседе с Петровским с глазу на глаз я задал еще такой вопрос: «Григорий Иванович, вы двадцать пять лет в рядах партии, дружите с Лениным. Защищает ли он национальные интересы великороссов? Или то, что в восточных регионах держит шовинистов,— всего лишь вопрос тактики? Почему по отношению к составляющим меньшинство восточным коммунистам он применяет понятие «мелкая буржуазия»? Петровский ответил следующим образом: «Интересы великороссов Ленин защищает даже в большем объеме, чем Петр Великий. Освободив великорусскую нацию от пут капитализма, преобразовав ее в великое социалистическое общество, он надеется превратить ее в образец для других народов. Интересы русского народа Ленин ставит выше интересов других подвластных России народов, то есть он, не будучи великорусским шовинистом, всю политику, однако, ведет в пользу великороссов. На деле мы, украинцы, по проблемам Украины расходимся с нашими националистами, но тем не менее, даже нам приходится с Лениным вступать в постоянные споры. Он не может мыслить иначе о народах, находящихся под пятой русских. Создалась такая ситуация, что мы частенько некоторые вещи остерегаемся говорить ему в лицо. В своем сочинении «Против течения» Ленин показал себя последовательным защитником малых народов. Теперь же, как и многие другие его товарищи, он таких, как вы, революционеров и членов партии из числа малых народов представляет как выразителей интересов мелкой буржуазии. Пока вы безоговорочно не примете точку зрения великороссов, вам обоснованно и без оснований будут приклеивать ярлык мелкой буржуазии. Поскольку нашим общим врагом будет оставаться

капитализм и капиталистический империализм, между коммунистами-великороссами и коммунистами из числа мелких наций сохранятся эти двусмысленные, фальшивые отношения. Это следует воспринимать как неизбежность и примириться.»

Эти слова, услышанные из уст одного из самых близких, самых искренних друзей Ленина, я передал кому-то из своих надежных сторонников — представителей тюркского Востока. Если не ошибаюсь, это был Турар Рыскулов. Он, в свою очередь, написал об этом в письме одному из своих сторонников-коммунистов в Букейской Орде. При разговоре я упомянул, что Петровского очевидно побудил к такой откровенности имевший место какой-то спор между ним и Лениным.

В те дни из Турции приехал некий доктор Фуад Сабит. Несмотря на то, что он был давним турецким патриотом, к коммунизму относился весьма положительно. Мне даже показалось, что его коммунистические убеждения были очень глубокими. Один из татарских деятелей, вернувшихся после учебы в Турции (кажется, это был астраханец Наджиб Асри) встретился с доктором Фуадом и передал ему то самое письмо Рыскулова, предварительно переведенное с казахского на турецкий. Вернувшись в Анкару, доктор Фуад показал это письмо Мустафе Кемаль-паше. В тот период связи между Россией и Турцией были очень оживленными. Так я позднее узнал, что содержание моих бесед в московском «Метрополе» через друзей и в виде письма дошло до Турции и вызвало там интерес. Я был очень удивлен этим.

Григорий Петровский был тем человеком, который глубже, чем кто-либо другой, раскрыл мне моральные принципы Ленина и его отношение к русской нации. Естественно, он полагал, что я, как и он сам, исхожу из мысли пусть, мол, мой народ терпит от великороссов что угодно но мы останемся верными Ленину, и потому говорил со мной так откровенно. Однако позже я узнал, что его доброе отношение ко мне не изменилось и после того, как я уехал из Москвы и присоединился к движению борьбы против Советов. Об этом сказал Турару Рыскулову Рудзутак, с которым у меня сложились такие же доверительные отношения, как и с Петровским.

О нравственных принципах Ленина и его отношении ко всякого рода соглашениям я говорил на состоявшемся в декабре 1924 года в Берлине «Конгрессе левых социалистов» (в нем принимал участие и председатель левых социалистов Италии Пьетро Ненни). Это мое выступление бы-

опубликовано в Германии и в русской левосоциалистической печати («Знамя борьбы», №№ 9—10. «Klassenkampf», 14.1.1925). В речи на том конгрессе и опубликованых статьях говорил следующие слова: «Мы, азиаты, обманулись, сохранив верность клочкам бумаги, которые, по мнению Ленина, не имеют никакой ценности. Раньше мы представляли Ленина личностью, отличающейся от ташкентского Колесова, оренбургского Цвиллинга, Артема из Центра. Теперь выяснилось, что между этими людьми и Лениным нет никаких различий». После публикации постановления ЦИК от 19 мая 1920 года некоторые деятели Башкортостана, записавшиеся в Коммунистическую партию, вышли из нее. На вопрос Самойлова, зачем они это сделали, те ответили: «Мы не можем состоять в партии, которая нарушила Соглашение и приняла постановление от 19 мая». В своих воспоминаниях Самойлов говорит об этом сам.

Принятие секретных мер

Еще в 1919 году, когда в Москве формировался Третий Интернационал (Коминтерн), в Темясове, где находилось тогда башкирское правительство, мы пытались создать Социалистическую партию и войти в Интернационал в качестве самостоятельного члена. В те же дни и среди казахских деятелей, и в Ташкенте велась работа в том направлении. В марте 1919 года, едва образовался Областной комитет Коммунистической партии Башкортостана, мы снова повели работу, чтобы вывести социалистическое движение в Туркестане из подчинения Российской коммунистической партии и, объединившись в Социалистической партии Востока, самостоятельно войти в III Интернационал. Ильяс Алкин, один из татарских интеллигентов, работавших в Башкортостане, с несколькими своими товарищами составил программу из двенадцати пунктов. Однако Центральный комитет РКП(б) отверг эти планы в довольно грубой форме.

В то время авторитетные казахские и узбекские деятели Низамходжаев, Турар Рыскулов, Ахмед Байтурсун находились в Москве. Бюро коммунистов мусульманских народов при Центральном Комитете в тот момент дышало на ладан. До официального разрешения Социалистической партии Востока мы решили скрытно использовать этот умирающий орган для того, чтобы удержать под контролем областные коммунистические организации Туркестана, Казахстана, Башкортостана, Бухары и Хивы. Еще находясь в Башкортостане, мы решили отправить из Башкирской национальной организации 14 человек для работы в Туркестане. В Москве эта работа приняла еще более масштабный характер.

Надо было иметь в виду, что в некоторых политических группах, сотрудничающих с Советами, преобладали туркестанские джадиды, которые не имели никакого отношения к социализму; а другая группа, напротив, всей душой воспринимала идеи социализма. Мы решили для каждой из этих групп создать самостоятельные партии, наметить программы, выработать их единую платформу. Были определены узловые моменты этих документов. Советское правительство выделило в центре города для представителей Башкортостана особняк, который раньше принадлежал какому-то богачу. Представительство стало центром всех переговоров и совещаний.

Установление связей с турками

В конце мая приехали государственные деятели Турции Джемаль-паша, Халил-паша и Хаджи Сами, несколько руководителей партии «Единство и Прогресс». В результате оживился откровенный обмен мнениями между нами и турками. Толчком этому послужила телеграмма Мустафы Кемаль-паши из Эрзерума. Посланная на имя «председателя Оренбургского исламского правительства», она вначале поступила в Оренбург, затем в Стерлитамак и уж потом в Москву. В той телеграмме вместе с выражением родственных чувств предлагалось установить между нами прямую связь. Это была первая весть, поступившая из Турции нам, борющимся за новую жизнь. Несмотря на то, что название «Оренбургского исламского государства» (то есть, Башкортостана) повсюду стало известно, оно как самостоятельное государство переживало свои последние дни. Та же участь постигла и Азербайджан на Южном Кавказе. Халил-паша сказал нам, что установление прямых дипломатических отношений между Турцией и Россией повлекло к утере Азербайджаном своей самостоятельности. Джемаль поведал о планах, по которым предусматривалось, с одной стороны, наше присоединение и помощь освободительному движению в Анатолии, с другой ,— возможность при содействии Советов развернуть борьбу против англичан в Хиндустане, используя для этого афганские дороги.

Мысли турецких государственных деятелей показались нам чрезвычайно противоречивыми и напоминали беспочвенную фантазию людей, не имеющих ясного представления о Советах. Мы были удивлены, когда узнали,

что суждение Джемаль-паши и Бадри-бея навеяны появившимся в те дни в Париже легковесным и заумным сочинением французского ученого доктора А. Лежандра «Quo vadis Europe?» Крайне пренебрежительно относясь к Советам, этот француз считает, однако, что с началом их господства в России Европа вздохнет с облегчением, потому, мол, необходимо тесно сотрудничать с ними. Далее А. Лежандр пытается доказать, что главную опасность для мира представляет движение подвластных Советам тюркских народов Средней Азии.

Отталкиваясь от этих утверждений, Джемаль-паша высказал и свои соображения: «Европа видит в нас большую силу. При поддержке Советов это следует использовать против союзников.» Джемаль-паша дал себя обмануть лукавому Чичерину, поверил его измышлениям, что Советы якобы дадут возможность народам Средней Азии создать национальные войска и направят их против союзников; разрешат для этого широко использовать оказавшихся во время мировой войны в русском плену солдат из Турции и европейских стран. В действительности, Советы боялись отнюдь не того, о чем писал доктор Лежандр. Если народы Средней Азии на какой-то основе будут объединены Турцией, то они окажутся для Советов опаснее союзников. Когда я сказал, что собираюсь в Среднюю Азию, чтобы организовать тамошние силы для борьбы против Советов, Джемаль-паша взмолился: «Ради бога, не делайте этого, нам всем следует быть заодно с Советами. При содействии Советов можно было бы перетянуть в формируемые там войска даже те туркестанские силы, которые воюют против красных». Я пытался ему объяснить, что все эти мечты не более, чем самообман, и ни к чему, кроме разочарования, они не приведут; если освободительное движение против большевиков и не даст сейчас желаемых результатов, то хотя бы научит народы Туркестана противостоять политике русской экспансии; без этого ослабнет их воля, они утратят боевой дух и привыкнут жить под гнетом русских.

Мы организовали в Башкирском представительстве банкет для турецких деятелей и нам стало известно еще одно обстоятельство: гости оказались охочими до возлияний, а вин разных марок было у нас в обилии. Подвалы нашего правительства, разместившегося, как я уже говорил, в гостинице бывшего московского бочага, были заполнены винами высокого качества и водкой. Когда не устраивались приемы и банкеты, эти напитки никого из нас не интересовали. Среди наших сподвижников, приглашенных

на этот банкет, не было никого, кто бы в будние дни употреблял вино. Нам вообще была чужда такая привычка. Джемаль и Халил пили до полного опьянения, а один их адъютант, Мухиддин-бей, и еще кое-кто из окружения высоких гостей напились вдрызг. Но все они хотели продлить пиршество. Халил-бей и на другой день был не прочь продолжать банкет. И все же то, что деятели «Единства и Прогресса», в отличие от других тюркских интеллигентов России, общались с нами как представителями самостоятельного государства и руководителями его вооруженных сил, вызывало у нас чувство гордости.

На этом банкете я выдвинул идею провести в городе Баку съезд восточных народов, вошедших в состав Советского государства. Объяснил, что такой съезд позволит обменяться мнениями с представителями различных кругов мусульман, находящихся в подчинении России. Позже я довел эту идею до Сталина и секретарей ЦК партии, вел переговоры с приехавшими в Москву азербайджанцами и «коммунистами-мусульманами». Вскоре начали разрабатывать план проведения этого съезда, в работе которого должен был принимать участие и прибывший через некоторое время (в сентябре) в Россию Энвер-паша.

Во время этих бесед Джемаль-паша обратил внимание на мой тюркский язык. Дело в том, что его турецкую речь, кроме нескольких интеллигентов, никто не понимал, мою же понимали все — казахи, киргизы, узбеки, татары, азербайджанцы. «Этот язык, который всем понятен, представляет собой особое наречие?» — спросил он. «Нет, мой паша, мне знакомы все наши диалекты,— ответил я ему. — Я говорю с каждым, приспосабливаясь к его наречию».

Поездка на Украинский фронт

Ввиду того, что руководство Красной Армией Центральный Комитет отдал в руки Сталина, председательство Троцкого в революционном военном совете республики стало почти формальным. Троцкий сообщил по телефону, что я назначен в Штаб по организации мусульманских частей фронта, которым руководил Сталин, и что мне предписано срочно выехать на место. Ссылаясь на разные причины, я постарался оттянуть время отъезда. Почти тотчас же позвонил Ленин и повторил приказ. Следом прислал бумагу, написанную карандашом, подкрепив свое устное распоряжение.

Я велел прицепить к локомотиву имеющиеся в моем распоряжении вагоны и выехал вместе с охраной из башкирских солдат на юг Украины. Встретились со Сталиным

в Кременчуге. Он решил показать мне казармы и повез в своем автомобиле на окраину города. Там же объяснил мои обязанности. Кроме башкир и татар шло формирование воинских частей также из мусульман Северного Кавказа. Я был направлен в распоряжение командования фронта, чтобы участвовать в организации этого дела.

В тот же день мы должны были выехать в Харьков. Наши вагоны прицепили к локомотиву Сталина. Он пригласил меня в свой вагон. В том сплошь обитом шкурами диких зверей роскошном вагоне в прежние времена ездил сам царь. Пьем грузинские вина, едим жареную курицу. Сталин старается говорить со мной в высшей степени радушно и откровенно. Дескать, он тоже восточный человек, и оба мы живем ради своих угнетенных малых народов. Назвал Троцкого «еврейским интернационалистом», не любящим малые народы и всю вину за их беды валил на него. Себя как «сына грузинского писателя» представил человеком, который относится к одной с нами среде и поэтому хорошо понимает нас. О русских Сталин отзывался худо, обвинял их в шовинизме. Как и Ленин, он старался убедить меня в том, что мне следует развернуть деятельность в масштабе России и не заниматься более делами одного немногочисленного народа, который, по его словам, и сам постепенно завоюет свои права. Разумеется, я не показал и виду, что вижу насквозь его неискренность, что его рассказы о своем детстве и родителях не соответствуют известным мне сведениям о нем, а все услышанное мной от него — ложь и выдумка.

На другой день по приезде в Харьков я заболел. Встретив в штабе фронта Сталина, попросил его отложить формирование мусульманских частей на месяц, а мне пока разрешить уехать в Астраханскую губернию на отдых. Он ответил отказом. От имени партии приказал исполнять порученные мне обязанности. «Разве в партию вы приняли меня лишь для того, чтобы подчинять подобным приказам?» — спросил я и бросил ему в лицо всю его ложь. В связи с тяжелым положением на фронте Сталин говорил со мной неуверенно, сдерживал себя. «У каждого из нас бывает дурное настроение»,— пробормотал он. Не разрешив уехать в Астрахань, все же не возразил против получения локомотива для моих вагонов. Вместе с охраной я обратно отправился в Москву; там сообщил о своей болезни Ленину и Троцкому. Оказывается, вызванные нами

сторонники из Ташкента и Казахстана уже прибыли. Я подробно рассказал им о своих беседах с Лениным и Сталиным. Стало ясно, что положение везде одинаковое и напряжение нарастает.

Спор о тезисах Ленина по национальному и прочим вопросам

Спустя несколько дней после возвращения с Южного фронта мне позвонила секретарь Ленина и предупредила: «Владимир Ильич хотел встретиться с вами».

В назначенное время я был в кабинете Ленина. Там же находилась и госпожа Стасова. Ленин сообщил, что для IIсъезда Коминтерна, который откроется на днях, он подготовил «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», и попросил меня как можно скорее набросать по ним свои соображения. «Когда я прочитаю ваши ответы, мы с Вами снова встретимся»,— добавил он.

Тезисы эти, включенные в Собрание сочинений Ленина, состояли из двенадцати пунктов. Мы читали их вместе с моими туркестанскими единомышленниками. Мне пришлось внести в тезисы некоторые исправления, особенно в 5, 11 и 12-й пункты и добавить еще пару пунктов от себя. Я предложил более четко определить понятие «мелкая буржуазия», а также снять положение о том, что и после уничтожения колониализма и капитализма руководство пролетариата ранее господствовавшей нации будет продолжаться в виде «помощи» угнетенным народам. Через два дня свои соображения, изложенные в виде самостоятельных тезисов, я вручил Ленину.

В предшествующих встречах Ленин давал мне другие записки. Наряду с тезисами, посвященными проблемам колониализма и капитализма, я изучил и эти. Свой проект, состоявший из двенадцати пунктов, как бы проявляя ко мне уважение, Ленин пометил словом «наброски» и начал пункт за пунктом читать мои записи. Он делился со мной своими соображениями, но его взгляды ни на йоту не сблизились с моими, ни одно из наших предложений не было принято. Таким образом, я из собственных уст Ленина услышал: центр будет и впредь опираться в прежних колониях на представителей русского пролетариата, мы же будем пользоваться доверием в той мере, в какой проявим лояльность и верность их «руководству»; недоверие к нам сохранится и после победы социализма в пределах России, даже после утверждения социализма во всем мире народы бывших восточных колоний не обойдутся

без «руководства» со стороны рабочих европейских метрополий — англичан, французов, бельгийцев и др. Все это родилось в голове самого Ленина, и мне было ясно, что рабочий класс угнетенных наций Востока, ставших на путь строительства социализма, никогда не будет пользоваться доверием русских коммунистов.

Это открытие тоже поставило нас перед необходимостью начать против Советов серьезную и открытую борьбу. Именно в эти дни в Ташкенте Рыскулов, Низам Ходжаев и некоторые их единомышленники были выведены из Туркестанской комиссии и исполнительного комитета Туркестана (ТурЦИК). На их место были назначены другие лица, снискавшие доверие как «интернационалисты». Мы решили с Ахмедом Байтурсуном выехать из Москвы 29 июня. Разрешения на это, которое не дал нам Сталин, я добился с помощью секретарей Центрального Комитета Крестинского и Преображенского: под тем предлогом, что мне надо отдохнуть в Астраханской губернии. Вспоминая совместно проведенные в Башкортостане дни, охоту, Преображенский проявил ко мне дружеское расположение, пригласил в гости к себе домой. Он признался, что после расстрела царя взял себе две его вещи — золотой бокал, который он отдал сыну, и охотничье ружье, позолоченное и богато украшенное. Его он подарил мне. Я с благодарностью принял необычный подарок.

В те дни приехал от партии «Единство и Прогресс» то ли Назим-бей, то ли Бадри-бей и предупредил о необходимости поговорить со мной наедине. Выяснилось, что этот человек в отношении моего желания уехать в Туркестан и начать борьбу против Советов был иного, чем Джемаль-паша, мнения. «Может быть, ваше решение правильно. Действуйте по своему усмотрению и согласно воле ваших единомышленников. Сказать по правде, мы не питаем к России серьезного доверия. То, что нам говорят в их комиссариате по иностранным делам сегодня, часто не соответствует тому, что говорилось вчера»,— заявил он. Я тоже сказал в ответ: «Я не терплю лжи и неискренности. Если бы имелась хоть малая надежда, что будущее сулит благие результаты, можно было бы снести и это их лицемерие. Но нет даже самой ничтожной надежды на то, что наше терпение приведет к положительным результатам. Такие дела совершаются по доброй воле. Я не хотел уводить туда наши войска, боюсь ответственности за их гибель из-за моего чрезмерного упорства. И вот в распоряжении у меня лишь моя собственная голова. Однако мои соратники — люди преданные, если даже скажу, чтобы остались — не останутся, последуют за мной».

Поехал на автомобиле осматривать дачу, которую нам предоставили на лето. По пути размышлял о том, какая мне польза от этой прекрасной дачи под Москвой, и повторил сохранившиеся в памяти строки суфия Аллаяра, смысл которых сводился к следующему: каждый, кто отвернул свой лик от клада кротости и послушания, идет против воли Тенгри...

Конец 1-й книги

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Герберштейн Сигизмунд (1486—1566)— немецкий дипломат и путешественник; во главе дипломатической миссии императора Максимилиана I посетил Россию в 1517 и 1526 гг., автор «Записок о Московитских делах», содержащих географическое описание России и характеристику ее экономики, быта и религии, а также историю России с древнейших времен.

[2] Мехмет II (1784—1839)— Турецкий султан, провел реформы по «европеизации» страны.

[3] Накшбанде Бахааддин (ум. 1388/89)— основатель дервишского ордена «накшбандийя», шейх, резчик (накшбанд) по металлу, а затем палач при дворе чингизида Казан-хана. В Средней Азии влияние ордена упрочилось в середине XV в., в Индии орден играл значительную роль в XVI веке в период Монгольской империи. К этому ордену возводили себя также сектанты-ваисовцы, получившие распространение среди татар Поволжья во второй половине XIX века. В Турции, где шейхи накшбандийя активно участвовали в антиреспубликанских выступлениях, орден был распущен и его храмы закрыты в 1925 году.

[4] Аттар (ок. 1119— г. смерти неизв.)— персидско-таджикский поэт-мистик, собрал в своих произведениях множество интересных рассказов, почерпнутых из восточного фольклора. Основное произведение — поэма «Беседа птиц» является одним из крупнейших литературных памятников суфизма. Ему принадлежат также «Мухтар-наме», «Книга назидания», «Книга восхождения», антология «Жизнеописание шейхов» и др.

[5] Ясави Ахмед (ок. 1105—1166)— среднеазиатский суфийский поэт и проповедник. Широким распространением пользовался сборник его мистических духовных стихов «Хикмат» («Сокровенное»). В стихотворных произведениях призывал помогать нуждающимся, обличал жадность и лицемерие официальных представителей ислама. Стихи поэта многократно издавались в Казани и Ташкенте.

[6] Шамс Тебризи — суфийский поэт XIII века, учитель Джалаладдина Руми.

[7] Руми Джалаладдин (1207—1273)— персоязычный поэт-суфий, в Конье (Турция) создал суфийскую общину мевлеви, сыгравшую большую роль в общественной и политической жизни того времени и последующих веков. Здесь же были написаны лирические диваны и ряд суфийских трактатов. Наибольшую славу принесла Руми созданная им в последние годы жизни поэма «Месневи-и-маневи», содержащая толкование основных положений суфизма.

[8] Фламмарион Камиль (1842—1925)— французский астроном. Широко известен как автор научно-популярных книг по астрономии, из которых наибольший успех имела «Популярная астрономия» (1880), переведенная на многие языки мира.

[9] Газали (1059—1111)— мусульманский богослов и философ. Наибольшее распространение получил его труд «Возрождение наук о Вере», в котором изложены основы мусульманского богословия и этики. Известно также его «Опровержение философов».

[10] Навои Алишер (1441—1501)— великий узбекский поэт, ученый, художник, музыкант и государственный деятель, родоначальник литературы на узбекском языке. Писал и на таджикском. Навои создал философские трактаты, лингвистические исследования («Тяжба двух языков»), лирические стихотворения («Четыре дивана»). Его поэмы, написанные на староузбекском языке и составляющие «Пятерицу» или «Хамсэ» («Смятение праведных», «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Искандарова стена») по глубине мысли, богатству образов стоят среди лучших произведений мировой литературы. А. З. Валиди Тоган также занимался исследованием его творчества (Энциклопедия ислама, т. I, 1941, «Алишер Навои» статья Тоган).

[11] Фрейд Зигмунд (1856—1939)— австрийский врач-психиатр и психолог, основатель теории психоанализа. Основные труды: «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «О сне», «Три очерка к введению в теорию сексуальности», «О психоанализе». В работах более позднего периода «По ту сторону удовольствия», «Психология масс и анализ человеческого «я», «Я и оно», «Страх» и др. он больше занимается объяснением психологических, общественно-исторических процессов и явлений.

[12] Ядринцев Н. М. (1842—1894)— русский публицист, исследователь Сибири, археолог и этнограф. В начале 60-х годов входил в кружок сибирских областников, был арестован, провел в тюрьме и ссылке 9 лет. Совершил комплексные экспедиции на Алтай, в Минусинский край и к верховьям Орхона, где открыл развалины Хара-Балгаса и Каракорума, а также памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские надписи). Этнографическое изучение Сибири ученый связывал с практической борьбой за улучшение быта коренных народов Сибири. Важнейшие этнографические труды: «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891).

[13] Младотурки — участники турецкого революционного движения в конце XIX— начале XX вв., ставившие своей задачей замену султанского самодержавного правления конституционным строем, в более узком смысле — члены организации «Единство и прогресс».

[14] Ибн-Халликан (1211—1282)— перс по происхождению, автор обширного биографического словаря «Некрологи выдающихся людей», где содержится много достоверных сведений о современных ему государственных деятелях и писателях Ближнего Востока.

[15] Ибн-Хальдун (1332—1406)— видный средневековый арабский историк. Свой важнейший труд — «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле» — он написал в 1370-х гг. Западноевропейские ученые считают Ибн Хальдуна «первым социологом» за его попытку установить зависимость расцвета и упадка государства от географических и других факторов. Ученый выдвинул теорию исторических циклов, согласно которой в странах с умеренным климатом наиболее активной силой истории являются кочевники, якобы обладающие физическими и моральными преимуществами над оседлым населением. Поэтому, по Ибн Хальдуну, кочевники периодически завоевывают страны с оседлым населением и образуют обширные империи. Но через 3—4 поколения потомки кочевников-завое-

вателей в условиях городской цивилизации утрачивают свои положительные качества. Тогда из степей и пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей и история повторяется.

[16] Саблуков Г. С. (1804—1880)— русский востоковед-арабист, родился на Архангельском заводе близ Уфы в семье священника. Написал ряд нумизматических, историко-археологических и этнографических работ, связанных с изучением истории Поволжья, кипчаков и Золотой Орды, автор первого печатного русского перевода Корана с арабского языка.

[17] Ибн Кутайба (828—889)— писатель и ученый, писавший на арабском языке, оставивший своды-руководства. Наиболее важны: «Источники сведений»— антология в 10 книгах историко-литературного и дидактического содержания, антология «Книга поэзии и поэтов», руководство по языку «Образованность секретаря».

[18] Овсянико-Куликовский Д. Н. (1853—1920)— русский литературовед и лингвист, профессор Казанского, Харьковского, Петербургского и Новороссийского университетов. Ему принадлежат работы о многих классиках русской литературы, а также труд «История русской интеллигенции».

[19] Милюков П. Н. (1859—1943)— лидер Конституционно-демократической партии, публицист. Автор «Очерков по истории русской культуры», «Главные течения русской исторической мысли». Милюков считал наиболее характерными чертами русской истории, в отличие от западной, «крайнюю элементарность», «примитивность». Экономическую отсталость Руси, по концепции Милюкова, предопределила крайняя наразвитость сословных отношений, что обусловило доминирующее значение в истории страны государственной власти. Эволюция же самой власти, имевшей надклассовый характер, была вызвана главным образом интересами обороны. В первом составе Временного правительства занимал пост министра иностранных дел, эмигрировал в 1920 году, написал несколько книг по истории Октябрьской революции: «История второй русской революции», т. 1—3, «Россия на переломе», т. 1—2.

[20] Кареев Н. И. (1850—1931)— видный историк, профессор Варшавского, затем Петербургского университетов, член-корреспондент Российской Академии наук; первым изучал крестьянский вопрос во Французской буржуазной революции, написал труды «Основные вопросы философии истории», «История Западной Европы в новое время», «История французской революции» в трех томах.

[21] Бабур Захреддин (1483—1530)— основатель династии Великих Моголов в Индии, где правил с 1526 г., происходил из рода Тимуридов. Провел много лет в борьбе с другими князьями, стремясь объединить всю Среднюю Азию под своей властью. В 1504 году был изгнан из Средней Азии узбеками-кочевниками, вторгшимися во главе с Шейбани-ханом из Сибири. В том же году завоевал Кабул, Индию, был не только выдающимся полководцем, но и хорошим поэтом. Сохранились прекрасные стихи Бабура на чагатайском языке и фарси, его прозаическое произведение «Бабур-намэ».

[22] Позднеев А. М. (1851—1920)— русский филолог, монголовед, профессор Петербургского университета, директор Восточного института во Владивостоке. Путешествовал по Северо-Западной Монголии, собрал для Петербургского университета коллекцию монгольских книг и рукописей, являющуюся одной из крупнейших в мире. Его работа «Монголия и монголы»— один из фундаментальнейших трудов по монголоведению.

[23] Крымский А. Е. (1871—1941)— видный востоковед, историк, филолог, переводчик, поэт и писатель, академик Украинской Академии наук, автор фундаментальных трудов по истории и литературе араб-

ских стран, Ирана, Турции. Капитальная «История новой литературы» осталась в рукописи.

[24] Мюллер Август (1848—1892)— немецкий семитолог и историк-арабист, профессор восточных языков Кенигсбергского, Галльского университетов, автор популярного в конце XIX века труда о политической истории мусульманского Востока («История ислама с основания до новейших времен», т. 1—4.).

[25] Розен В. Р. (1849—1908)— русский востоковед-арабист, академик, профессор Петербургского университета. Ему принадлежит издание текста и перевод сообщений арабского географа XI века аль-Бекра о славянах, хазарах, печенегах, булгарах и источниковедческое исследование записки Ибн Фадлана. Важным для последующего развития русского востоковедения были выступления Розена против европоцентризма в изучении мирового исторического процесса; воспитал таких выдающихся востоковедов, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, В. Л. Жуковский, А. Э. Шмидт и др.

[26] Аристов Н. Я. (1834—1882)— русский историк, преподавал в Казанском, Варшавском, Харьковском университетах, сделал первую попытку дать характеристику экономического быта Киевской Руси, обратился к истории народного движения («Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны»), к изучению фольклора («Об историческом значении русских разбойничьих песен»).

[27] Мамун (813—833)— аббасидский халиф с 813 года, сын халифа Харуна-ар-Рашида. Известен как покровитель наук, сторонник мусульманского рационалистического учения мутазилитов.

[28] Фатих (1432—1481)— турецкий султан в 1444—1481 гг. Вел активную завоевательскую политику, взял Константинополь (май 1453) и сделал его столицей Османской империи, положив тем самым конец существованию Византии, завоевал Сербию, Боснию, Албанию, подчинил Крымское ханство, при нем был составлен первый законодательный свод Османской империи.

[29] Фирузабади (1329—1414)— составитель известного арабского толкового словаря. Его двухтомный словарь «Камус» («Океан») является кратким извлечением из его же шестидесятитомного (по другим преданиям — стотомного) словаря, не дошедшего до нас.

[30] Бируни (973—1048)— один из величайших среднеазиатских ученых-энциклопедистов; писал на арабском, персидском языках, знал санскрит, возможно — греческий, сирийский и древнееврейский языки. Труды Бируни по математике, географии и астрономии в некоторых частях не потеряли значения до настоящего времени. Он занимался также физикой, минералогией, этнографией, историей. Из дошедших до нас исторических сочинений наиболее значительными являются: «Хронология древних», «Индия». А. З. Валиди является одним из авторитетных исследователей наследия Бируни, широко известен его труд «Мировоззрение Бируни».

[31] Акъегетзаде М. (1804—1923)— видный представитель татарской прозы второй половины XIX века. Роман «Хисаметдин мулла» был опубликован в 1886 году в типографии Казанского университета, сотрудничал в газете «Тарджиман», издаваемой И. Гаспринским в Крыму; уезжает в Турцию, издает газету, с 1914 года занимается приведением в порядок библиотеки востоковеда Н. Катанова, купленной и перевезенной в то время из Казани в Стамбул и до конца жизни работает в Стамбульской библиотеке.

[32] Богородицкий В. А. (1857—1941)— русский языковед, профессор Казанского университета, член-корреспондент Академии наук, работал в области общего языкознания, экспериментальной фонетики, сравнительной грамматики. Раньше других понял важность экспе-

риментального изучения звуков человеческой речи и основал первую в мире экспериментально-фонетическую лабораторию. В советское время главное внимание уделял практическим задачам, вопросам методики преподавания русского языка в нерусской школе, ему принадлежит ряд исследований по татарскому языку.

[33] Хвостов М. М. (1872—1920)— русский историк античности, профессор Казанского университета. Основные труды: «История восточной торговли греко-римского Египта», Казань, 1907; «История Греции», М., 1908; «История Древнего Востока», Казань, 1909; «История рабочего движения в Западной Европе в новое время», Казань, 1917.

[34] Харламповичк К. В. (1870—1932)— русский историк, преподавал церковную историю в Казанском университете, автор работ по истории русской православной церкви, народного образования на Украине и Белоруссии в XVI—XVII вв. Последние годы изучал греческие колонии на территории Украины, памятники украинской культуры XVII в.

[35] Потанин Г. Н. (1835—1920)— русский путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь Сибири и Центральной Азии. В 1865—74 годах за участие в «Обществе независимости Сибири» находился в заключении в тюрьме, а затем на каторге и в ссылке. В последующие годы совершил ряд путешествий по малоизученным областям Сибири и Центральной Азии, где собрал обширный материал по географии, ботанике, экономике и этнографии, в том числе, важные сведения о ряде тюрко- и монголоязычных народов Сибири, издал исследование эпоса народов Центральной Азии и пришел к убеждению, что этот эпос оказал большое влияние на фольклор и литературу средневековой Европы («Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». М., 1899).

[36] Броккельман К. (1868—1956)— немецкий востоковед; наибольшее значение из его работ имеет библиографический справочник «История арабской литературы». Работа «История мусульманских народов и государств» также содержит большой фактический материал.

[37] Гольдциер И. (1850—1921)— венгерский арабист и исламовед, профессор Будапештского университета, автор работ по истории ислама, арабской филологии, древнееврейской мифологии, а также по фольклору арабов и древних евреев, основоположник критической школы в исламоведении. Его главная научная заслуга заключалась в критическом пересмотре мусульманского предания — сунны и создания теории о происхождении хадисов — изречений, приписываемых пророку Мухаммеду.

[38] Банзаров Д. (1822—1855)— востоковед, первый бурятский ученый, окончил Казанский университет. Основной труд — «Черная вера, или шаманство у монголов» (1846).

[39] Мелиоранский П. И. (1868—1908)— русский языковед-тюрколог, профессор Петербургского университета. Основные труды: «Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках с надписями», «Памятник в честь Кюль-Тегина» и др.

[40] Хартман Мартин (1851—1918)— немецкий арабист и исламовед, профессор арабского языка Берлинского восточного семинара, первым из европейских специалистов по Ближнему и Среднему Востоку осветил проблемы ислама и историю мусульманских стран в новое время.

[41] Вамбери Арминий (1832—1913)— венгерский языковед-тюрколог и этнограф, путешественник. Изучив более двадцати европейских и восточных языков, в 1863 году под видом паломника-мусульманина совершил опасное путешествие из Ирана в Среднюю Азию, где наблюдал многие стороны жизни, недоступные для европейцев. Записки Вамбери о путешествии ценны фактическими сведениями о географии,

экономике, истории общественных отношений, быте и культуре народов Средней Азии в 60-х гг. XIX в.

[42] Мирхонд (1433—1498)— иранский историк, представитель придворной школы персидской историографии, сложившейся при Тимуридах в Герате, где примкнул к литературному кружку Алишера Навои. Известен 7-томным трудом по всеобщей истории под названием «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов». Труд Мирхонда долгое время (до выявления его первоисточников) служил для европейских исследователей почти единственным источником по истории Ирана и Средней Азии. Хондемир (1475—1535)— персидский историк, внук и ученик Мирхонда, главный труд — «Всеобщая история» («Друг жизнеописаний») в трех томах. Он также автор сочинений «Сборник биографий знаменитых везиров», «Сборник узаконений Хумаюна» и др. Завершил 7-й том «Сада чистоты» Мирхонда.

[43] Залеман К. Г. (1849—1916)— русский иранист, академик, профессор Петербургского университета, директор Азиатского музея Академии наук, признанный в мировой науке знаток иранской филологии.

[44] Вяткин В. Л. (1869—1932)— археолог, основатель и директор Самаркандского музея, вел раскопки на Афрасиабе, установил местонахождение и производил раскопки знаменитой обсерватории Улугбека, известен также как собиратель, издатель и комментатор восточных средневековых рукописей.

[45] Смирнов В. Д. (1841—1922)— русский востоковед, специалист по истории и литературе Турции, профессор Петербургского университета, его труды положили начало самостоятельному турковедческому направлению в русской тюркологии.

[46] Ковалевский М. М. (1851—1916)— русский историк общественного и государственного строя и социально-политических учений, этнограф, социолог, профессор Московского университета, был вынужден уехать за границу, где выступал с лекциями в Париже, Брюсселе, Оксфорде, Чикаго. Вернувшись в 1905 году, занял первую в России кафедру социологии, член I Государственной Думы, а затем — Государственного совета, где выступал против столыпинского аграрного законодательства, считая, что оно ведет к массовой пролетаризации крестьянства и увеличит тем самым угрозу социальной революции.

[47] Бюхнер Людвиг (1824—1899)— немецкий физиолог; его основное произведение — «Сила и материя» (рус. пер. 1860), в котором популяризовал достижения естествознания.

[48] Махмуд Кашгари — выдающийся филолог-тюрколог XI века. Из его сочинений о тюркских языках и диалектах до нас дошел «Словарь тюркских наречий», написанный в 1072—1074 гг. Он создал также грамматику тюркских языков, до нас не дошедшую. «Словарь тюркских наречий» сохранил образцы древнейшего народного поэтического творчества различных тюркоязычных племен. Сочинения ученого содержат много сведений о народах Поволжья и Юго-Восточной Европы.

[49] Самсонов А. В. (1859—1914)— русский военный деятель, генерал от кавалерии. С 1909 года — туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале 1-й мировой войны командовал 2-й армией Северо-Западного фронта, оказался в окружении и покончил жизнь самоубийством.

[50] Сафаров Г. И. (1891—1942)— в РСДРП состоял с 1908 года. Партийную работу вел в Петербурге и за границей. С 1921 года — член Туркбюро ЦК РКП(б). В 1921—1922 годах — член ИККИ, заведующий Восточным отделом Коминтерна. В 1927 году исключен, в 1928 году восстановлен и в 1934 году вновь исключен из партии большевиков.

[51] Владимирцов Б. Я. (1884—1931)— русский монголовед, академик, профессор Ленинградского университета, языковед, литерату-

ровед, этнограф и историк. Наиболее важные работы — «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия», «Введение и фонетика». В области филологии и литературоведения — «Монгольско-ойротский героический эпос», написал исторические работы «Буддизм в Тибете и Монголии», «Чингис-хан», «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм».

[52] Розенберг Ф. А. (1867—1934)— русский востоковед-иранист, член-корреспондент Академии наук; основные труды посвящены иранскому героическому эпосу «Шахнаме» Фирдоуси; изучал изобразительное искусство Ирана. Большое значение имела его деятельность по хранению, каталогизации рукописных, архивных и книжных фондов бывшего Азиатского музея.

[53] Элиава Ш. З. (1883—1937)— член партии с 1904 года. В 1919 году — член РВС Восточного и Туркестанского фронтов, председатель Особой комиссии по делам Туркестана, позже наркомвоенмор Грузии, наркомвоенмор Закавказья, председатель Совнаркома ЗСФСР.

[54] Рычков П. И. (1712—1777)— русский географ, экономист, историк, естествоиспытатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук. С 30-х годов служил в Оренбургском крае: в Оренбугской экспедиции, губернской канцелярии, был директором Оренбургской соляной конторы. Основные труды: «Топография Оренбургская...» СПБ, 1762; История Оренбургская.., 1759; «Опыт Казанской истории древних и средних времен», СПБ, 1767 и др.

[55] Седельников Т. И. (1876—1930)— депутат I Государственной думы от Оренбургской губернии, где вошел в Трудовую группу; в декабре 1918 года вступил в партию большевиков, был уполномоченным ВЦИК-а по созыву съезда Советов в Башкирии. Позже работал в Наркомземе и Наркомате РКИ.

[56] Дудник А. М. (1881—1934)— член большевистской партии с 1917 года, губпродкомиссар в Уфе, нарком продовольствия БАССР в 1917—1920 гг., затем заместитель наркома продовольствия, наркома земледелия, председатель Госплана Украины, председатель ЦКК КП(б)У, заместитель председателя Совнаркома УССР.

[57] Захаров М. В. (род. 1881—?)— рабочий, большевик, депутат III Государственной думы, в 1921 году — член коллегии Главного комитета государственных сооружений.

[58] Даугель-Дауге А. Г. (1887—1942)— член большевистской партии с 1905 года. В 1919—1920 гг.— заведующий отделом по делам национальностей Уфимского губревкома, руководитель Центрального правления «Башкирпомощи». Затем работал в Москве заведующим отделом Наркомнаца.

ПОЯСНЕНИЕ К ФОТОГРАФИЯМ

В своих «Воспоминаниях» А. З. Валиди Тоган по техническим причинам смог включить не все фотографии, на которые есть ссылки в его тексте. Некоторые фотографии добавлял позже и нумеровал 10а, 10б и т. д. Мы полностью сохраняем нумерацию автора. Кроме того, автор привел и несколько фотокопий текстов и важных документов. Не имея на руках оригиналов этих текстов, мы не смогли изготовить их клише и они в нашем издании отсутствуют, что также нарушает последовательность нумерации.

В государственных и частных архивах удалось обнаружить ряд фотографий, иллюстрирующих текст автора. Некоторые из них мы также включили в книгу под нумерацией А, Б, В и т. д.

(Переводчик **А. М. Юлдашбаев**).

* Слева направо в первом ряду: 1) Кречинский А. С.— член Башправительства (1918), член коллегии Башнаркомюста (1919). 2) Биркган А. С.— секретарь Башревкома. 3) Карамышев Г. Г.— член Башправительства, член Башревкома и председатель Башсовнархоза (до июня 1920 г.). 4) Ишмурзин А. Г.— командующий I дивизией башкирских войск (1919 г.), член Башревкома и заместитель военного комиссара Башкирской республики (до июня 1920 г.). 5) Юмагулов Х. Ю.— член Башправительства, член РКП(б) с 1918 г., представитель ВЦИК и Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при Башревкоме и председатель Башревкома (май 1919—янв. 1920 г.). 6) Ягафарова А. Н.— член Башправительства, член Башревкома, комиссар госконтроля Башкирской республики (до июня 1920 г.). 7). Биишев А. А.— член коллегии Башнаркомвнутдела (1919), председатель СНК Башпрофсовета (1922 г.) 8) Тухватуллин Ф. Н.— член Башревкома, председатель Баш. ЧК и заместитель наркома внутренних дел (до июня 1920 г.), заместитель наркома земледелия Башкирской республики (1921 г.)

Пятый слева направо в третьем ряду Алкин И. С.— член Всероссийского военного шуро и председатель КУВШ (1918), начальник штаба башкирских войск (1918—1919), член Башревкома (до июня 1920 г.).

Фото № 2. Мои родители: отец Ахметшах-мулла, мать Уммульхаят и брат Абдурауф (1924).

Фото № 3. Мой дядя Хабибназар Сатлык

Фото № 9а Организатор и командующий третьего башкирского стрелкового полка Галимьян Таган.

Фото № 10. Свадьба Исмаила и Марьям Мухлии в г. Саранске. 2. Военный коммисар Аухади Ишмурзин (казнен в 1923 году в Москве). 3. Гарей Карамышев. II. Гульсум Музафферова (женщина-солдатка, умерла в Америке). 23. Исмаил Мухлия (старший адъютант). Марьям Ханым Мухлия. 29. Гумер Терегул (военный врач). 30. Халил Терегул, офицер. 31. Усман Терегул, офицер. 33. Али Терегул, офицер. 34. Ягафар Байиш. Представители военных кругов. Фотографии членов правительства и штатских работников не были подготовлены.

Фото № 10с. Адъютант Председателя правительства Габдерашит Бикбавов.

Фото № 10в. З. В. Туган, Председатель правительства Башкортостана. 25 февраля 1920 года, Стерлитамак.

Фото № 14. З. В. Туган, в 1919—1920 годах, в военной форме.

Фото № 15. З. В. Туган, зимой 1920 года в штатском костюме.

Фото А. Ибрагим Акчурин. Личность, неоднократно упоминаемая в «Воспоминаниях» А. З. Валиди. Фотография сохранилась в семейном архиве внуков И. Акчурина. Данные и последующие фотографии в книге автора не приводятся, они обнаружены в Уфе.

Фото Б. Группа бойцов и командиров башкирской стрелковой бригады, участвовавшей в защите Петрограда от войск генерала Юденича.

Фото В. Группа членов правительства и руководящих работников правительства Малой Башкирии. (Список лиц, изображенных на фотографии, см. на стр. 383)*.

Фото Г. Офицеры башкирских войск Гали и Усман Терегуловы.

Фото.Д. Офицер башкирских войск Усман Терегулов, позже вместе с А. З. Валиди принимал участие в Туркестане в басмаческом движении. Репрессирован в 1936 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Отрочество 7
Культурные связи моей семьи 15
Мысли об отъезде на учебу в дальние края 57
1908—1916 годы. Начало научной деятельности 65
Научная поездка в Туркестан 136
1916—1917 годы. Политическая жизнь 157
Пятнадцатимесячное сотрудничество с Советами (1919—1920) 278
Примечания 376

Заки Валиди Тоган

В 20 Воспоминания: Книга I.— Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1994 — 400 с.

ISBN 5-295-01269-7

Воспоминания крупнейшего востоковеда, профессора Стамбульского университета, почетного члена многих европейских и других Академий Ахмет Заки Валиди Тогана охватывают его научную и политическую деятельность, составившую целую эпоху в ориенталистике. Особый интерес представляют материалы о его встречах и сотрудничестве с Керенским, Горьким, Лениным, Троцким и многими другими известными политическими деятелями.

В $\frac{4702110100 - 165}{М\ 121\ (03)—94}$ —224-94

ББК 84 Баш

Литературно-художественное издание

ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ

Борьба народов Туркестана и других
восточных мусульман-тюрков за национальное бытие
и сохранение культуры

Книга I

Перевод с турецкого
Г. Г. Шафиков, А. М. Юлдашбаев

Редактор *Н. Грахов*
Художник *И. Файрушин*
Художественный редактор *Ф. Ислахов*
Технический редактор *Н. Зарипова*
Корректоры *И. Пастушкова, О. Каюмова*

ИБ 4884

Сдано в набор 25.06.93. Подписано к печати 17.11.93. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,11 Учетн.-изд. л. 22,52. Тираж 13 000 экз. Заказ № 603. Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

В 1994 ГОДУ
БАШКИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «КИТАП»
ПЛАНИРУЕТ ВЫПУСТИТЬ В СВЕТ:

Валиди А. З. ВОСПОМИНАНИЯ.

КНИГА 2

Воспоминания крупнейшего востоковеда, профессора Стамбульского университета, почетного члена многих европейских и других Академий Ахмет Заки Валиди-Тогана охватывает его научную и политическую деятельность, составившую целую эпоху в ориенталистике.